Ченцов А. С.

ОРГАНЫ И ВОЙСКА НКВД/МВД СССР В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1944–1949 гг.)

2025

А. С. Ченцов

ОРГАНЫ И ВОЙСКА НКВД/МВД СССР В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1944–1949 гг.)

Монография

Электронное текстовое издание

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2025

© Ченцов А. С., 2025
ISBN 978-5-907946-66-8

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,9
Ч-43

Рецензенты:

Наталья Алексеевна Шабельникова, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;

Алексей Сергеевич Степанов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Ч-43 Ченцов А. С. Органы и войска НКВД/МВД СССР в Восточной Пруссии и Калининградской области (1944–1949 гг.) [Электронный ресурс]: монография. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2025. – 366 с. – URL: https://publishing.intelgr.com/archive/Organi-i-voiska-NKVD-MVD-SSSR.pdf.

ISBN 978-5-907946-66-8

Монография представляет собой обобщающее исследование вопросов деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. На основе архивных источников, значительная часть которых впервые введена в научный оборот, автором выявлены особенности оперативной обстановки, складывавшейся в регионе на различных этапах интеграции северной части германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза, ее влияние на состав сил НКВД/МВД СССР, привлекаемых к решению оперативно-служебных задач. Особое внимание в монографии уделено анализу основных направлений деятельности органов НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период – борьбе с бандитизмом, уголовной преступностью, охране общественного порядка, документированию и прописке населения, фильтрации репатриантов, борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, организации пожарной охраны, а также осуществлению мероприятий по выселению немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг.

Монография публикуется в авторской редакции.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,9

ISBN 978-5-907946-66-8 © Ченцов А. С., 2025

Научное издание

Ченцов Алексей Станиславович

Органы и войска НКВД/МВД СССР в Восточной Пруссии и Калининградской области (1944–1949 гг.)

Монография

Электронное текстовое издание

Монография разработана с помощью программного обеспечения Microsoft Office Word, Adobe Acrobat Pro

Подписано к использованию 15.04.2025.
Объем издания – 5,3 Мб.

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
https://publishing.intelgr.com
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63
Интернет-магазин издательства
https://shop.intelgr.com/

ISBN 978-5-907946-66-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ 8
Историографический обзор 8
Источниковая база исследования 26
Глава 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД/МВД СССР НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ОКТЯБРЕ 1944 г. – МАРТЕ 1946 г. 40
Особенности оперативной обстановки на территории Восточной Пруссии 40
Группировка сил НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии 63
Основные направления деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии в октябре 1944 г. – марте 1946 г. 78
Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И ВОЙСК МВД СССР НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В АПРЕЛЕ 1946 г. – МАЕ 1947 г. 112
Оперативная обстановка на территории Калининградской области в период функционирования чрезвычайных органов управления 112
Совершенствование структуры органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в апреле 1946 г. – мае 1947 г. 132
Основные направления деятельности органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в апреле 1946 г. – мае 1947 г. 147
Функционирование пенитенциарной системы на территории Калининградской области 173
Глава 4. ОРГАНЫ И ВОЙСКА МВД СССР НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 1947 г. – ДЕКАБРЕ 1949 г. 199
Оперативная обстановка на территории Калининградской области в период создания и функционирования советских органов государственного управления 199
Реорганизация структуры органов и войск МВД СССР 219
Основные направления деятельности органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в июне 1947 г. – декабре 1949 г. 235
Изменения в структуре и функционировании пенитенциарной системы 267
Выселение немецкого населения и репатриация военнопленных из лагерей МВД СССР в советскую зону оккупации Германии 287
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 308
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ .. 317
ПРИЛОЖЕНИЯ 345

ВВЕДЕНИЕ

Интеграционные процессы, связанные с включением в состав государства новых территорий с их последующим политическим, экономическим и культурным освоением, сопровождают весь ход российской истории, начиная с момента объединения русских земель вокруг Московского княжества. Вместе с тем, каждый интеграционный процесс на этом длительном историческом пути обладал рядом уникальных, свойственных только ему особенностей. Так, интеграция отдельных территорий в состав Российского государства могла продолжаться в течение нескольких десятилетий, а в ряде случаев – носить достаточно краткосрочный характер. Нередко интеграционные процессы могли быть прерваны в силу определенных обстоятельств, а затем, после некоторого перерыва, вновь возобновиться.

Одним из уникальных интеграционных процессов в российской истории является включение в состав Советского Союза северной части германской провинции Восточная Пруссия, осуществленный на основании решений Потсдамской конференции. В течение нескольких лет территория, на которой с XIII в. проживало немецкое население, и являвшаяся крупным политическим, экономическим и культурным центром Германии, стала Калининградской областью в составе РСФСР.

Интеграционные мероприятия проходили в сложной обстановке, связанной с необходимостью формирования советских государственных органов управления, восстановления промышленности и сельского хозяйства, а также изменения национального состава новой административно-территориальной единицы. Интеграция сопровождалась значительными миграционными процессами, связанными с привлечением на новое место жительства граждан СССР и с выселением в советскую зону оккупации Германии немецкого населения, которое проживало на территории Калининградской области.

Активную роль в процессе интеграции северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза сыграли органы и войска НКВД/МВД СССР, на которые возлагались задачи по борьбе с преступностью, охране общественного порядка, документации и прописке населения, обеспечению паспортного режима на территории ставшей пограничной зоной Калининградской области, борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, проведению фильтрационных мероприятий в отношении репатриантов, а также организации пожарной охраны. Кроме того, начиная с 1947 г. именно на органы МВД СССР по Калининградской области была возложена задача по выселению немецкого населения в советскую зону оккупации Германии.

Актуальность исследования обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, отсутствием в отечественной исторической науке комплексного исследования интеграционной политики Советского государства в отношении территорий, вошедших в состав СССР после окончания Великой Отечественной войны, в целом и в отношении Восточной Пруссии в частности. Рассмотрение интеграционных процессов, связанных с включением в состав Советского Союза северной части германской провинции Восточная Пруссия

и созданием на этой территории Кенигсбергской (Калининградской) области, в основном носит фрагментарный характер, раскрывая лишь отдельные аспекты политических, экономических, демографических и культурных мероприятий, которые осуществлялись в рамках интеграции.

Во-вторых, противоречивостью отображения деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период, характерной для отечественной историографии и заключающейся в односторонней (либо положительной, либо негативной) ее оценке. В этой связи большое значение имеет введение в научный оборот ранее неизвестных, до недавнего времени носивших закрытый характер, источников, с целью воссоздания объективной картины прошлого и обеспечения приращения исторических знаний о событиях заключительного этапа Великой Отечественной войны и послевоенного периода.

В-третьих, исследование деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии в 1944–1949 гг. носит прикладной характер. Одним из промежуточных результатов специальной военной операции явилось вхождение в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей. Анализ опыта организационного строительства и деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на различных этапах интеграционного процесса и его использование может позволить разрешить некоторые проблемные вопросы в процессе становления и функционирования территориальных органов МВД России и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации на территории новых субъектов Российской Федерации.

В-четвертых, необходимостью выработки эффективной модели противодействия преступности, которая принимает в современных условиях новые формы. Анализ опыта деятельности правоохранительных структур после окончания Великой Отечественной войны может быть полезен для понимания факторов, определяющих ее специфику и количественный рост в условиях окончания боевых действий, и совершенствования форм и методов борьбы с преступностью, выработки мер превентивного и профилактического воздействия.

Таким образом, раскрытие данной темы на основе введения в научный оборот новых архивных документов, а также теоретическое обобщение полученных результатов исследования представляют собой решение научной проблемы, имеющей важное значение для отечественной исторической науки и для совершенствования деятельности правоохранительных структур Российской Федерации в современных условиях.

Хронологические рамки исследования охватывают период с октября 1944 г. по декабрь 1949 г. Нижняя граница обусловлена вступлением советских войск на территорию Восточной Пруссии в ходе Мемельской и Гумбиннен-Гольдапской наступательных операций 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Верхняя граница связана с завершением выселения основной массы немецкого населения из Калининградской области и репатриации военнопленных их лагерей МВД СССР в советскую зону оккупации Германии, а также окончанием процесса передачи основных

структурных подразделений, выполняющих задачи борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, из состава МВД СССР в МГБ СССР.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию германской провинции Восточная Пруссия в границах по состоянию на 1 сентября 1939 г., а также ее северную часть, вошедшую в состав Советского Союза по итогам Потсдамской конференции и советско-польского договора от 16 августа 1945 г. о государственной границе между СССР и Польшей. В апреле 1946 г. эта территория получила название Кенигсбергская область (с июля 1946 г. – Калининградская область).

Целью исследования является осуществление комплексного исследования деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР в Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг., ее влияния на процесс интеграции региона в состав СССР и эффективности проводимых на его территории мероприятий в исследуемый период.

Для реализации указанной цели автором поставлены следующие исследовательские задачи:

1. Рассмотреть историографию проблемы и охарактеризовать ее источниковую базу.
2. Выявить особенности оперативной обстановки, определяющие изменения организационной структуры и объема выполняемых задач органами и войсками НКВД/МВД СССР, на каждом этапе интеграции северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза.
3. Раскрыть процесс трансформации организационной структуры и объема задач, выполняемых органами и войсками НКВД/МВД СССР на различных этапах интеграции провинции в состав СССР.
4. Проанализировать основные направления деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Восточной Пруссии и Калининградской области.
5. Определить особенности функционирования пенитенциарной системы на территории Восточной Пруссии и Калининградской области.
6. Рассмотреть процесс выселения немецкого населения из Калининградской области и репатриации военнопленных из лагерей МВД СССР в советскую зону оккупации Германии как один из элементов интеграции региона в состав СССР.

Попытка рассмотреть деятельность органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. предпринимается впервые. Существенную помощь автору в подборе материалов для настоящего исследования оказали сотрудники федеральных и ведомственных архивов, особенно – отделения специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий отдела оперативно-розыскной и архивной информации информационного центра Управления МВД России по Калининградской области.

Автор выражает благодарность доктору исторических наук, профессору Д. Н. Филипповых, доктору исторических наук, профессору Ю. В. Рубцову и доктору исторических наук. профессору Ю. Н. Арзамаскину за ценные советы при подготовке монографии.

Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Историографический обзор

Поскольку тема исследования находится на пересечении двух направлений исторической науки – истории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. и истории правоохранительных структур в региональном аспекте, рассмотрение проблемы деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории региона **в отечественной историографии** целесообразно осуществить, подразделив имеющиеся научные публикации на три категории:

– работы, касающиеся общих вопросов истории Восточной Пруссии в 1944–1946 гг. и ранней истории Калининградской области, которые раскрывают особенности интеграции региона в состав Советского Союза;

– работы, посвященные вопросам трансформации организационной структуры и деятельности органов НКВД/МВД СССР в исследуемый период;

– работы, рассматривающие деятельность войск НКВД/МВД СССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Проведенный анализ отечественной историографии позволил выделить два периода в ее развитии, имеющие свою специфику и особенности:

1) советский период – 1946–1991 гг.;

2) постсоветский (современный) период – с 1991 г. по настоящее время.

Советский период отечественной историографии характеризуется фактически полным отсутствием работ, посвященных истории Восточной Пруссии в 1944–1946 гг. Единственным исключением являлась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция, подготовка и ход которой рассматривались как в фундаментальных трудах, посвященных истории Великой Отечественной войны, так и в ряде немногочисленных исследований и статей[1]. Вместе с тем, большая часть исследований касалась только анализа боевых

[1] Восточно-Прусская операция Красной Армии 1945 года / Е. А. Шиловский, Н. А. Таленский, А. В. Васильев. М.: Военное издательство, 1946. 51 с.; Тельпуховский Б. С. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткий очерк. М.: Политиздат, 1959. С. 446–450; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: в 4 т. Т. 4. М.: Военное издательство, 1959. С. 29–95; История Великой Отечественной войны 1941–1945: в 6 т. Т. 4. М.: Военное издательство, 1962. С. 354–358; История Великой Отечественной войны 1941–1945: в 6 т. Т. 5. М.: Военное издательство, 1963. С. 92–123, 163–180; Алексеев М. Начало боев в Восточной Пруссии // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 119–122; Рыжаков А. Ф. Восточно-Прусская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 80–90; Алексеев М. А. Первые в логове врага. М.: Военное издательство, 1969. 96 с.; Великая Отечественная война (1941–1945 гг.): Краткий исторический очерк / П. А. Жилин, В. Е. Быстров, Г. А. Колтунов и др. М.: Политиздат, 1973. С. 359–364; История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 9. М.: Военное издательство, 1978. С. 143–144; История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 10. М.: Военное издательство, 1979. С. 88–126 и др.

действий в полосе 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов, не раскрывая вопросов положения на территории, находившейся под контролем советских войск, а также мероприятий органов военной администрации по восстановлению мирной жизни в провинции.

В свою очередь рассмотрение вопросов ранней истории Калининградской области в отечественной историографии началось только в конце 1950-х гг. Причиной подобной ситуации, по мнению калининградских историков В. И. Гальцова и В. В. Сергеева, явилось то, что «с учетом сложного и весьма своеобразного прошлого края и в условиях, когда долгое время область была запретной зоной как крупная военная база, власти не были заинтересованы в развитии в регионе не только исторической науки вообще, но и в широкой популяризации истории края»[1].

Основная задача исследований калининградских историков, посвященных ранней истории региона, заключалась в показе руководящей роли партийных и советских организаций в процессе административно-территориального устройства, экономического и культурного развития Калининградской области[2]. Наиболее точную характеристику этих научных работ дал доктор исторических наук, профессор Г. В. Кретинин, который отметил, что их основной недостаток заключался в качественном уровне исследований: «Книги и альбомы, выпущенные «по случаю», не в полной мере соответствовали исторической действительности, описание тех или иных событий нередко носило конъюнктурный оттенок»[3]. Вместе с тем, указанные работы, несмотря на использование ограниченной источниковой базы и ярко выраженный идеологический подход, создали определенную основу для исследования ранней истории Калининградской области в последующее время.

---

[1] Цит. по: Гальцов В., Сергеев В. Проблема трансформации Восточной Пруссии в Калининградскую область в документальных публикациях и научных исследованиях // Antrojo pasaulinio karo Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės ižvalgos (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, XVIII). Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidzkla, 2009. P. 71.

[2] Колганова Э. М, Колганов И. П. Самая западная: Краткий очерк о Калининградской области. Калининград: Книжное издательство, 1959. 62 с.; Колганова Э. М. Заселение Калининградской области // Ученые записки Калининградского государственного педагогического института. Вып. 8. Калининград: изд. Калининградского государственного педагогического института, 1962. С. 154–175; Колганова Э. М. Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 1974. С. 36–64; Становление и развитие Калининградской областной партийной организации и области: сб. статей / под ред. И. А. Фарутина. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 1977. 168 с.; Калининградская область / К. Ф. Щекин и др. Калининград: Книжное издательство, 1978. 183 с.; Исупов В. На этапе становления: история Калининградской областной партийной организации в период создания и укрепления, 1946–1953. Калининград: Книжное издательство, 1986. 219 с.; Калининградская область. Очерки становления и развития / К. Ф. Щекин и др. Калининград: Книжное издательство, 1988. 280 с. и др.

[3] Цит. по: Кретинин Г. В. История Восточной Пруссии и Калининградской области – состояние и перспективы научных исследований // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 1. Калининград: ГП «КГТ», 1998. С. 19.

Фактически до середины 1950-х гг. отсутствовали и исследования, посвященные деятельности органов МВД СССР, что объяснялось закрытостью этой темы для исторического сообщества. Единственными работами, раскрывающими историю правоохранительных структур, являлись многочисленные учебные пособия, подготовленные авторскими коллективами учебных заведений МВД СССР.

Значительные изменения в отечественной историографии деятельности органов НКВД/МВД СССР произошли после XX съезда КПСС и начавшейся политики разоблачения культа личности И. В. Сталина. Следует отметить, что основное внимание исследователей было обращено на историю советской милиции, которая оказалась фактически единственной структурой МВД СССР, исторический путь которой был достаточно полно отражен в исследованиях советского периода. Главными отличительными особенностями изданных монографий и статей стали внимание авторов к руководящей роди партийных организаций, а также акцент на фактах мужества и героизма сотрудников милиции при выполнении задач, что объяснялось необходимостью воспитания сотрудников правоохранительных органов на боевых традициях[1]. Аналогичный подход был характерен и для немногочисленных изданий, раскрывающих особенности деятельности милиции в отдельных регионах страны[2].

Отличительной чертой советской историографии, посвященной истории органов МВД, стала подготовка так называемых «юбилейных работ», в которых деятельность правоохранительных органов освещалась на достаточно длинном хронологическом отрезке. Так, вышедшая в 1977 г. двухтомная монография «История советской милиции» явилась первым фундаментальным трудом, раскрывающим исторический путь советской милиции с момента ее создания в 1917 г.[3] Аналогичная монография была издана и к 70-летнему юбилею милиции[4]. Вместе с тем, ограниченное и выборочное использование имеющейся в распоряжении исследователей источниковой базы приводило к тому, что подобные работы носили в основном «парадный» характер, не раскрывая

---

[1] Биленко С. В. На бессменном посту (из истории советской милиции). М.: Знание, 1969. 48 с.; Действительно народная… / Л. Н. Александров, С. В. Асаулова, С. В. Биленко и др. М.: Юридическая литература, 1977. 397 с.; Еропкин М. И. Развитие органов милиции Советского государства. М.: изд. Высшей школы МООП СССР, 1967. 87 с.; Скилягин А. Т. Советская милиция в период строительства развитого социализма: 1945–1958. Л.: Нева, 1976. 142 с. и др.

[2] Бычков В. Ф. Закона и порядка верный щит: Очерки истории советской милиции Мордовии. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1982. 151 с.; Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории / А. Скилягин, В. Лесов, Ю. Пименов и др. Л.: Лениздат, 1967. 367 с.; Калинин Е. В. Эта нелегкая служба: очерки из истории сахалинской милиции. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство (Сахалинское отделение), 1984. 80 с. и др.

[3] История советской милиции: в 2 т. Т. 2. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.) / С. М. Крылов, А. П. Косицын, С. В. Биленко и др. М.: изд. Московской академии МВД России, 1977. 338 с.

[4] Советская милиция: история и современность. 1917–1987 / А. П. Косицын, Р. С. Мулукаев, С. В. Биленко и др. М.: Юридическая литература, 1987. 335 с.

особенностей функционирования милиции в определенные периоды истории СССР и не акцентируя внимания на имевшихся недостатках в ее деятельности.

Схожая ситуация, обусловленная ограниченностью источниковой базы, а также выборочным подходом к используемым источникам, наблюдалась и с исследованиями, посвященными вопросам деятельности войск НКВД/МВД СССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Так, первая работа по истории внутренних войск МВД СССР вышла в свет только в 1968 г. и представляла собой сборник научно-популярных статей, посвященными деятельности внутренних войск МВД СССР[1]. Аналогичное научно-популярное издание было подготовлено и издано в 1982 г.[2] Главной особенностью этих исследований стал их обзорный характер, продиктованный стремлением авторов вместить информацию, обобщенную за длительный хронологический отрезок времени, в ограниченные объемом рамки.

Вместе с тем, для узкого круга пользователей сотрудниками Центрального архива внутренних войск МВД СССР в 1978 г. на основе архивных документов была подготовлена монография, посвященная вопросам организационного строительства и развития войск ВЧК – ОГПУ – НКВД СССР, которая охватывала период с 1917 г. по 1945 г., сразу же получившая ограничительный гриф[3]. Аналогичное издание, рассматривающее деятельность пограничных войск в годы Великой Отечественной войны, которое также имело ограничительный гриф, вышло в 1976 г.[4] Первой работой, посвященной вопросам организационного строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД/МВД СССР, основанной на большом количестве ранее не введенных в научный оборот исторических документов и доступной для широкого круга читателей, стала монография доктора исторических наук, профессора В. Ф. Некрасова, вышедшая в 1983 г.[5]

Таким образом, несмотря на ограниченность источниковой базы и выборочный подход к используемым источникам, исследованиями, вышедшими в советский период, была в определенной степени подготовлена основа для последующего изучения как ранней истории Калининградской области, так и деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

---

[1] Служим Отчизне / А. П. Поздняков, В. В. Адоринский, Е. И. Белов и др. М.: Военное издательство, 1968. 414 с.

[2] Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк / А. П. Поздняков, А. И. Алексенцев, В. Ш. Амерханов и др. М.: изд. ДОСААФ СССР, 1982. 496 с.

[3] История строительства внутренних войск (1917–1945 гг.): краткий очерк / В. Д. Кривец, В. Ф. Холоден, С. М. Штутман. М.: Главное управление внутренних войск МВД СССР, 1978. 334 с.;

[4] Сечкин Г. П. Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях. М.: Военное издательство, 1976. 584 с.

[5] Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. М.: Военное издательство, 1983. 368 с.

Постсоветский (современный) период отечественной историографии характеризуется значительным увеличением количества изданных работ как посвященных истории Восточной Пруссии в период 1945–1946 гг. и ранней истории Калининградской области, так и различным аспектам деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР в исследуемый период, что было связано со значительным увеличением количества введенных в научный оборот исторических источников, ранее не доступных исследователям.

Следует отметить, что уже в начале 1990-х гг. была сделана попытка переосмысления отдельных событий Великой Отечественной войны и раскрытия вопросов, ранее не получивших освещения в отечественной историографии. Так, основная задача военно-исторических очерков «Великая Отечественная война. 1941–1945» была определена следующим образом: «В предлагаемых очерках, опирающихся на новые документы и свидетельства, с учетом новых методологических подходов рассматриваются в основном проблемы, ранее недостаточно исследованные или дискуссионные, излагаются новые взгляды по спорным проблемам, а также освещаются те события, без знания которых трудно представить предысторию, ход, итоги и уроки Великой Отечественной войны»[1]. Вместе с тем, несмотря на заявленные цели, вопросам подготовки и проведения Восточно-Прусской стратегической наступательной операции в очерках было уделено незначительное внимание, а ее описание фактически не изменилось по сравнению с работами советского периода[2].

Всестороннее исследование истории Великой Отечественной войны было продолжено в рамках подготовки 12-томного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», которое вышло в свет в 2011–2015 гг. Отличительной особенностью данного издания явилось раскрытие широкого круга вопросов, посвященных рассмотрению как подготовки и ведения боевых действий на фронтах, так и различных аспектов внутренней и внешней политики Советского Союза на основе большого количества источников, ранее не введенных в научный оборот.

Так, например, в пятом томе раскрыты особенности подготовки и проведения Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, в шестом томе – осуществлен анализ деятельности органов государственной безопасности по борьбе с диверсионными формированиями противника на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Кроме того, в нескольких томах показана деятельность органов и войск НКВД СССР при выполнении оперативно-служебных задач как на фронте, так и в тыловых районах страны[3].

---

[1] Цит. по: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1998. С. 6.

[2] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 3. М.: Наука, 1999. С. 234–235, 244–250.

[3] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5 / В. П. Зимонин, Н. Ф. Азясский, В. А. Афанасьев и др. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6 / А. В. Опалев, В. С. Антонов, В. С. Ашарин и др. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 11 / А. В. Усиков, Н. Ф. Азясский, С. Н. Аптрейкин и др. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.

Вместе с тем, в связи с ограниченным объемом издания, желанием авторов включить как можно больше новых, ранее не исследованных проблем в его содержание, раскрытие отдельных вопросов носило поверхностный характер и фактически не отличалось от ранее изданных работ.

Более подробно тема подготовки и проведения Восточно-Прусской стратегической наступательной операции получила отражение в работах калининградских историков. Используя документы, находящиеся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, они в своих работах создали фактически полную картину боевых действий на территории Восточной Пруссии в период с октября 1944 г. по май 1945 г.[1] Вместе с тем, следует отметить, что в этих работах, как и в более ранних исследованиях по этому вопросу, основной акцент был сделан на показе боевых действий. Вопросы, раскрывающие особенности обстановки в тылу советских войск, действовавших на территории Восточной Пруссии, фактически так и не получили отражения в исторической литературе.

В постсоветский период развития отечественной историографии в значительной степени произошло усиление интереса к процессу интеграции германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза и различным вопросам общественно-политического, социально-экономического и культурного развития Калининградской области в исследуемый период.

Знаковым явлением, положившим начало качественным изменениям в региональной историографии Калининградской области, стало создание 28 декабря 1990 г. при архивном отделе Калининградского областного исполнительного комитета научно-творческой лаборатории как центра по изучению и популяризации истории региона[2].

Первым результатом работы лаборатории стал выход в 1996 г. монографии «Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны», в котором впервые в отечественной историографии были рассмотрены основные исторические этапы развития региона[3]. Особый интерес для настоящего исследования представляют главы, подготовленные кандидатом исторических наук, доцентом М. А. Клемешевой, посвященные деятельности военной администрации на территории Восточной Пруссии, процессу образования

[1] Кретинин Г. В. Битва за Кенигсберг. Восточно-Прусская кампания 1944–1945 гг. М.: Яуза-каталог, 2022. 224 с.; Якимов С. А. Битва за Восточную Пруссию. 1944–1945 гг. Калининград: Аксиос, 2019. 664 с.; Якимов С. А. Хроника штурма Пиллау. Калининград: ИП Мишуткина И. В., 2007. 304 с.

[2] В состав научно-творческой лаборатории вошли калининградские исследователи – кандидат исторических наук В. С. Исупов (руководитель), доктор исторических наук, профессор В. И. Кулаков, доктор физико-математических наук, профессор К. К. Лавринович, доктор исторических наук, профессор В. В. Сергеев, кандидат исторических наук, доцент В. И. Гальцов, кандидат исторических наук, доцент М. А. Клемешева и кандидат военных наук, доцент Г. В. Кретинин. – Прим. автора.

[3] Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков и др. Калининград: Книжное издательство, 1996. 538 с.

Калининградской области, а также касающиеся вопросов жизни немецкого населения в регионе после окончания Великой Отечественной войны, а также его выселения в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг.

В 2004 г. вышла в свет монография «Очерки истории Восточной Пруссии»[1]. В главе «После войны», подготовленной кандидатом исторических наук, доцентом М. А. Клемешевой, О. Г. Федоровой и доктором исторических наук Ю. В. Костяшовым, на основе новых архивных документов, а также свидетельств очевидцев были рассмотрены особенности создания Калининградской области, проведен анализ заселения Калининградской области в период с 1946 г. по 1950 г., положение немецкого населения.

На сегодняшний день калининградскими историками подготовлено большое количество работ, посвященных ранней истории Калининградской области, которые условно можно подразделить на несколько групп.

К первой из них относятся исследования, раскрывающие различные аспекты деятельности органов военного управления в 1945–1946 гг. и чрезвычайных органов управления в 1946–1947 гг. Так, в работах доктора исторических наук, профессора Г. И. Кретинина на основе ранее не введенных в оборот документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, рассмотрена деятельность военных комендатур 3-го Белорусского фронта и Особого военного округа на территории Восточной Пруссии, а также взаимоотношения с формируемыми с апреля 1946 г. чрезвычайными органами управления[2]. В свою очередь, в работах кандидата исторических наук В. Н. Маслова проанализированы различные аспекты деятельности управлений по гражданским делам Калининградской области[3].

---

[1] Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004. 536 с.

[2] Кретинин Г. В. Военные комендатуры Кенигсбергского особого военного округа в 1945–1946 годах // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 12. С. 55–62; Федорова О. Г., Кретинин Г. В. О послевоенном восстановлении Калининградской области: к вопросу о конфликте властей // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 64–70; Кретинин Г. В. Военные комендатуры 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии (октябрь 1944 – май 1945 года) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 12. С. 67–75; Кретинин Г. В. Продовольственная проблема нового советского региона в 1945–1946 гг. // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 116–121; Кретинин Г. В. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население (октябрь 1944 – 9 мая 1945 года) // Кретинин Г. В. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории. Калининград: Аксиос, 2018. С. 323–335; Кретинин Г. В. К вопросу о создании системы советского государственного управления на территории Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 82–87.

[3] Маслов В. Н. Подготовка в 1946 году постановления Совета министров СССР о заселении сельских районов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 134–140; Маслов В. Н. Из истории становления Калининградской области: Первое совещание при Кенигсбергском областном управлении по гражданским делам 26–27 июня 1946 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 83–96; Маслов В. Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета

Вторую группу исследований составляют научные работы, посвященные вопросам заселения Калининградской области и ее демографической истории. Ведущим специалистом в изучении этой проблемы является доктор исторических наук, профессор Ю. В. Костяшов, в публикациях которого на богатом документальном материале рассмотрен процесс заселения бывшей германской провинции Восточная Пруссия гражданами СССР, исследованы аспекты переселенческой политики в послевоенные годы, а также проведен анализ жизни и быта первых переселенцев[1]. Исследования Ю. В. Костяшова, раскрывающие процесс заселения Калининградской области и демографическую ситуацию в регионе, получили продолжение получили продолжение в работах Е. В. Барановой и В. Н. Маслова, М. М. Лопатина и А. В. Стальмаковой, Д. В. Манкевича[2], а также ряда других авторов.

им. И. Канта. 2014. № 12. С. 58–69; Маслов В. Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 11. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2014. С. 99–109; Маслов В. Н. Переименование городов районного подчинения Калининградской области в 1946–1947 годах // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Вып. 12. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2015. С. 139–151; Маслов В. Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь – ноябрь 1946 года) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 16. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2019. С. 84–123.

[1] Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с.; Костяшов Ю. В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без. изд., 2001. С. 227–236; Костяшов Ю. В. «Желающих переселиться мало…». Об организации переселения колхозников из Воронежской в Калининградскую область в послевоенные годы // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 6. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 2004. С. 61–68; Костяшов Ю. В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы / под ред. В. И. Гальцова. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2005. С. 211–219; Костяшов Ю. Глазами советских переселенцев // Карта. Российский независимый исторический и правозащитный журнал. 2005. № 41–42. С. 65–93; Костяшов Ю. В. Личные подсобные хозяйства: Из истории повседневности калининградских переселенческих колхозов (1946–1953 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 70–77; Костяшов Ю. В. Миграционные процессы в Калининградской области, Клайпедском крае, Вармии и Мазурах в 1945–1950 годах: сравнительный анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2022. № 1. С. 19–30 и др.

[2] Баранова Е. В., Маслов В. Н. Штрихи к демографическому портрету сельских переселенцев в Калининградскую область в 1946 году // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений. Материалы IV международной научно-практической конференции. Калининград, 21–23 октября 2020 г. Т. 4, ч. 1. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2020. С. 311–320; Баранова Е. В., Маслов В. Н. Проблемы послевоенной крестьянской миграции в актах о прибытии переселенческих эшелонов в Калининградскую область // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 190. С. 200–211; Лопатин М. М., Стальмакова

К третьей группе относятся научные работы, посвященные рассмотрению экономических, социальных и культурных аспектов ранней истории Калининградской области. Среди них выделяются исследования, рассматривающие вопросы развития промышленности и сельского хозяйства региона[1], функционирования отдельных предприятий и учреждений[2], истории народного образования[3], а также различным аспектам политической и общественной жизни[4].

(Саенко) А. В. Заселение Калининградской области: к вопросу о половозрастном составе семей первых переселенцев // Историческая информатика. 2022. № 3 (41). С. 81–92; Манкевич Д. В. Миграции населения СССР в первые послевоенные годы и заселение Калининградской области (1945–1950 гг.) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сб. научных статей. Вып. 3. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2008. С. 54–68; Манкевич Д. В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 9. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2011. С. 149–157; Манкевич Д. В. О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 233–246; Манкевич Д. В. Смертность населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 153–158; Маслов В. Н. «Нам дали кирпичный дом»: жилищные условия поселенцев в Калининградских селах в послевоенные годы (по материалам интервью) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 18. Калининград: Смартбукс, 2021. С. 54–78 и др.

[1] Костяшова З. В. Из истории становления янтарной промышленности в Калининградской области (1945–1953 гг.) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: без изд., 2003. С. 185–193; Полх П. П. Колхозы и МТС Калининградской области в послевоенные годы: поиск оптимальной модели взаимоотношений // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 8. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2008. С. 139–149; Филев М. В. О мотивации труда колхозников Калининградской области в последние годы сталинизма (1946–1956) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 72–82 и др.

[2] Клемешева М. А. Возникновение и становление таможни Калининградской области в первые послевоенные годы. (По материалам архива Калининградской таможни) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 289–297; Реут Е. В. Социальное явление «несуны» на заводе № 820 в первые послевоенные годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 77–83 и др.

[3] Кретинин Г. В. Создание школьной сети в Калининградской (Кенигсбергской) области в 1945–1947 годах // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 1 (30); Фуксон Л. М. Создание сети школьных учреждений в Калининградской области в 1946–1947 гг. // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 145–149 и др.

[4] Баранова Е. В. Потребление продуктов питания в Калининградской области в 1940–1980-х годах // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 19. Калининград: Смартбукс, 2022. С. 159–169; Гордеев И. А. Калининградская область в 1945–1946 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 171–174; Долотова А. Ю. Периодическая печать Калининградской области на этапе становления (1946–1950 годы) // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 7. Советизация Калининградской области. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 36–49; Жданович Л. Н. Санитарно-эпидемиологическая ситуация в Калининградской области в первые послевоенные годы // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 9. Калининград: изд. Балтийского

Определенным итогом работы калининградских исследователей по изучению региональной истории является вышедшая в 2022 г. в Балтийском федеральном университете имени И. Канта монография «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области», в которой на основе большого количества источников раскрыты особенности процессов экономического, демографического, общественного и культурного развития Калининградской области после окончания Великой Отечественной войны, а также повседневная жизнь населения региона[1].

Отдельным направлением исследований калининградских историков является изучение жизни немецкого населения, проживавшего на территории Калининградской области в 1946–1948 гг., а также процесса его выселения в советскую зону оккупации Германии. С опорой на источники, ранее не введенные в научный оборот, авторами исследованы вопросы быта немцев, дана характеристика положения немецких детей-сирот, осуществлен анализ прессы, издаваемой для немецкого населения, проживающего на территории Калининградской области[2]. Ряд публикаций посвящен вопросам подготовки и проведения выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии[3].

федерального университета им. Иммануила Канта, 2011. С. 171–181; Макогонова В. В. Газета «Калининградский комсомолец» о проблемах развития региональной культуры (конец 1940-х – начало 1950-х годов) // Время музея: сб. статей. Вып. 2. Калининград: Страж Балтики, 2018. С. 389–405; Макогонова В. В. О развертывании сети культурно-просветительных учреждений в Калининградской области (1946–1947 годы) // Время музея: сб. статей. Вып. 4. Калининград: Страж Балтики, 2021. С. 115–127; Полх П. П. Отмена карточной системы снабжения населения в Калининградской области в 1947–1948 годах // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 17. Калининград: Смартбукс, 2020. С. 98–110 и др.

[1] Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области / под ред. И. О. Дементьева. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2022. 235 с.

[2] Манкевич Д. В. «Немецкий контингент» Кенигсбергской области в 1945 – первой половине 1946 года: штрихи к портрету // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 5. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2009. С. 43–55; Маркин Д. Г. Немцы Калининграда: опыт взаимоотношения с местными властями (1945–1948 гг.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2009. № 4. С. 68–71; Пархоменко И. С. Бытовые условия жизни немецкого населения на территории Калининградской области в первые послевоенные годы // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 6. С. 103–110; Строганова Н. А. Немецкие дети-сироты на территории Калининградской области (1945–1948 гг.) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 278–288; Строганова Н. А. Neue Zeit – газета для немецкого населения Калининградской области // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 6. С. 52–56; Сюбарева И. Ф. Обучение немецких детей на территории Калининградской области в 1946–1947 учебном году // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 169–170 и др.

[3] Костяшов Ю. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 186–188; Маркин Д. Г. Подготовка в 1947–1948 годах

Таким образом, современная региональная историография, посвященная вопросам ранней истории Калининградской области, в постсоветский период пополнилась большим количеством работ, которые раскрывают различные аспекты интеграции Восточной Пруссии в состав Советского Союза. Для большинства работ калининградских историков характерно повышенное внимание к истории повседневности, что позволяет достаточно подробно рассмотреть как условия жизни населения региона в интеграционный период, так и определить факторы, оказавшие влияние на формирование сознания и поведение населения области.

В связи с открытием доступа исследователей к ранее закрытым архивным фондам в конце 1980-х – начале 1990-х гг. значительно расширилась и отечественная историография, посвященная рассмотрению вопросов совершенствования организационной структуры и основных направлений деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Характерным является появление исследований, в которых на основе ранее не введенных в научный оборот архивных документов сделана попытка анализа причин, формы, а также динамика преступности в исследуемый период. Так, в монографии В. В. Лунеева на обширном статистическом материале проанализированы тенденции развития преступности в Советском Союзе и дана их криминологическая оценка[1]. А. М. Беда[2] выявил причины роста преступлений в послевоенный период, а взаимосвязь социально-экономической ситуации и уровня преступности прослежена в работах Е. Ю. Зубковой[3] и В. Ф. Зимы[4].

Помимо крупных обобщающих научных работ, посвященных истории правоохранительных органов в целом[5], продолжилось исследование

постановлений Совета Министров СССР о переселении немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 13. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2016. С. 87–97; Маркин Д. Г. Проблема выезда немецкого населения из Калининградской области накануне переселения 1947–1948 годов // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 7. Советизация Калининградской области. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 7–20; Филатов А. В., Пацерина В. Н. Население Северо-восточной Пруссии после Второй мировой войны. Правовой анализ. Ч. 1. Переселение или изгнание? Правовые предпосылки и последствия. Калининград: без изд., 2001. 224 с. и др.

[1] Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

[2] Беда А. М. Советская политическая культура через призму МВД: от «московского патриотизма» к идее «Большого Отечества» (1946–1958 гг.). М.: изд. объединения «Мосгорархив», 2002. 268 с.

[3] Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 229 с.

[4] Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: изд. Института российской истории РАН, 1996. 265 с.

[5] См.: Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России. СПб. : «Юридический центр Пресс», 2003. 499 с.; Гонюхов С. О., Горобцов В. И МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка. М. : Рейтаръ, 2002.

деятельности отдельных структур, входящих в состав НКВД/МВД СССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Причем, как и ранее, подавляющее количество работ (включая диссертационные исследования) было посвящено истории милиции, деятельность которой рассматривалась в том числе на региональном уровне[1].

Особенностью постсоветского периода отечественной историографии стало повышенное внимание к вопросам советской пенитенциарной практики. Особенностью постсоветского периода отечественной историографии стало повышенное внимание к вопросам советской пенитенциарной практики. Советская пенитенциарная политика, а также деятельность пенитенциарной системы была рассмотрена в обобщающих трудах М. Г. Деткова,

---

236 с.; История органов внутренних дел России : сб. научных трудов / под ред. Н. И. Ципуренко. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 166 с.; Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк / Е. И. Белов, А. В. Борисов, В. К. Виноградов и др. М. : Объединенная редакция МВД России, 2004. 648 с.; Министерство внутренних дел России : страницы истории (1802–2002 гг.) / под ред. В. П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России; фонд «Университет», 2002. 607 с.; Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М. : Объединенная редакция МВД России, 1996. 464 с.; Отечественные органы внутренних дел : история и современность / под ред. Р. С. Мулукаева. М. : Академия управления МВД России, 2000. 210 с. и др.

[1] Бескоровайный А. П. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в послевоенном СССР (1945–1953 гг.): дисс. … к. и. н. Краснодар, 2008. 207 с.; Бодерко Л. Н. Милиция Западной Сибири в 1930–1956 годах (на материалах Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей): дисс. … к. и. н. Тюмень, 1999. 247 с.; Васильев А. М. Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.): дисс. … д. и. н. М., 2009. 361 с.; Вафин М. О. Становление и развитие органов по охране социалистической собственности (ОБХСС) на Дальнем Востоке СССР (1930-е – 1950-е гг.): дисс. … к. и. н. Хабаровск, 2023. 258 с.; Герман Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.): дисс. … к. ю. н. Ростов н/Д., 1999. 217 с.; Говоров И. В. Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг. (по материалам Ленинграда и Ленинградской области): дисс. … д. и. н. СПб., 2004. 712 с.; Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.) (историко-правовой аспект): дисс. … к. ю. н. М., 2002. 157 с.; Иванов Н. В. Милиция Чувашии: институционализация и основные формы правоохранительной деятельности (1917–1991 гг.): дисс. … д. и. н. Казань, 2022. 475 с.; История ГАИ / М. Б. Афанасьев, Л. А. Кочетов, Б. В. Росинский и др. М.: Гуманитарий, 1996. 301 с.; Калмыков В. В. Милиция Южного Урала в период послевоенного восстановления народного хозяйства: дисс. … к. и. н. Челябинск, 2009. 207 с.; Полиция и милиция России: страницы истории / А. В. Борисов, А. Н. Дугин, А. Я. Мальгин и др. М.: Наука, 1995. 316 с.; Таймасов Р. Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве. 1917–1958 гг. (историко-правовое исследование): дисс. … к. ю. н. Чебоксары, 2011. 200 с.; Федин С. А. Деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 годах (на материалах Нижнего Поволжья): дисс. … к. и. н. Астрахань, 2007. 263 с.; Чибурова Е. А. Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: дисс. … к. и. н. Барнаул, 2010. 198 с. и др.

Г. М. Ивановой, В. М. Исакова, А. С. Смыкалина и И. В. Упорова[1]. Открывшиеся новые возможности использования архивных документов позволили начать рассмотрение деятельности структур пенитенциарной системы в региональном аспекте[2].

Большое внимание историки уделяют также изучению проблемы военного плена, разработка которой началась в постсоветский период. В многочисленных исследованиях, основой которых стали ранее не введенные в научный оборот документы, рассмотрены вопросы функционирования лагерей военнопленных и интернированных, организации труда контингента, его бытовые условия. При этом, наряду с научными работами общего характера, вышел ряд исследований, посвященных региональным структурам, входившим в систему Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР[3].

---

[1] Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: «Вердикт-1М», 1999. 448 с.; Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.; Исаков В. М. Труд осужденных в исправительно-трудовых учреждениях Советского государства (1917–1990 гг.). М.: изд. Юридического института МВД, 2000. 217 с.; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: изд. Уральской государственной юридической академии, 1997. 364 с.; Упоров И. В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар: изд. Краснодарского юридического института, 1998. 166 с.; Упоров И. В. Пенитенциарная политика в России в XVIII–XX вв. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 608 с.; Упоров И. В. Социально-правовые аспекты уголовно-исполнительной политики советского государства в 1930–1960 гг. Краснодар: изд. Краснодарского юридического института, 2003. 142 с. и др.

[2] Белова Н. А. Уголовно-исполнительная система и ее роль в реализации репрессивной политики Советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Вологда: изд. Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2014. 220 с.; Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 463 с.; Бубличенко В. Н. Создание и развитие детских закрытых учреждений НКВД – МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.). Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2010. 165 с.; Будашевский Г. В. Деятельность исправительно-трудовых учреждений Ленинградской области в послевоенный период (середина 1940-х – середина 1950-х гг.): дисс. … к. и. н. СПб., 2016. 263 с.; Гвоздкова Л. И. Принудительный труд: Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.). Т. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 287 с.; Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг.: в 2 ч. Нижний Тагил: изд. Нижнетагильского государственного педагогического университета, 1996. 248 с., 231 с.; Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997. 189 с. и др.

[3] Безбородова И. В. Военнопленные Второй мировой войны: генералы вермахта в плену. М.: изд. Российского государственного гуманитарного университета, 1998. 206 с.; Долголюк А. А., Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950-е гг.). М.: Кучково поле, 2016. 541 с.; Конасов В. Б. Политика советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): дисс. … д. и. н. М., 1998. 506 с.; Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда: изд. Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. 318 с.; Кузьминых А. Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 590 с.; Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.; Медведев С.А. Немецкие военнопленные в СССР в 1941–1956 гг. и формирование образа Советского Союза: дисс. … к. и. н. Воронеж, 2009. 199 с.; Сидоров С. Г.

Следует отметить, что, несмотря на значительный комплекс документов, с которых был снят гриф секретности, постсоветская историография, рассматривающая деятельность войск НКВД/МВД СССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период, не столь значительна. По мнению автора, это обусловлено тем обстоятельством, что в основном этой проблематикой занимаются исследователи соответствующих ведомственных структур. Так, первое фундаментальное исследование, посвященное истории воинских формирований, выполняющих правоохранительные функции, – военно-исторический труд «История внутренних войск» в пяти томах – вышло в свет только в 2011 г. (накануне 200-летнего юбилея внутренних войск МВД России)[1]. В последующем историками внутренних войск МВД России (с 2016 г. – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации) был выпущен ряд монографий, касающихся вопросов организационного строительства и деятельности войск НКВД/МВД СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период[2].

Главным недостатком указанных работ является, прежде всего, их обзорный характер. Фактически все исследования по истории войск НКВД/ МВД СССР в исследуемый период касаются лишь общих вопросов, не раскрывая региональных особенностей деятельности воинских структур. Аналогичная

Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.: дисс. … д. и. н. Волгоград, 2001. 428 с.; Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург: изд. Екатеринбургского гуманитарного университета, 2006. 500 с. и др.

[1] История внутренних войск: в 5 т. Т. 3 (1941–1945 гг.) / В. Ю. Новожилов, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. 496 с.; История внутренних войск: в 5 т. Т. 4, ч. 1 (1945–1966 гг.) / В. Ю. Новожилов, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. 272 с.

[2] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов, А. А. Климов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2011. 496 с.; Войска НКВД в Великой Отечественной войне: в 3 т. Т. 3. Войска НКВД в третий период Великой Отечественной войны и в советско-японской войне (1944–1945) / С. В. Бунин, Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 416 с.; История войск правопорядка. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации / Ю. П. Кислый, А. А. Климов, И. Т. Козлов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 272 с.; История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: в 5 т. Т. 3. Войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945) / Ю. А. Марценюк, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2021. 480 с.; История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: в 5 т. Т. 4. Войска НКВД – МГБ – МООП – МВД СССР (1945–1991) / Ю. А. Марценюк, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2021. 440 с.; Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: в 2 т. Т. 2. Органы и войска НКВД СССР во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны и советско-японской войне (1942–1945) / Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов, В. И. Ивашкин и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2020. 456 с.

ситуация складывается и с исследованиями, посвященными деятельности пограничных войск НКВД/МВД СССР[1].

Проведенный анализ отечественной историографии постсоветского периода, посвященной рассмотрению вопросов деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период показал, что в ней четко проявляются две тенденции:

1) сохраняется определенное противоречие между работами ведомственных исследователей и гражданских историков в отображении деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР в рассматриваемый период, что не позволяет в полной мере составить объективную картину: так, в трудах ведомственных историков основной акцент делается на положительные стороны деятельности, а в трудах гражданских исследователей в отдельных случаях в ее освещении продолжает сохраняться негативный и обличительный уклон;

2) внимание практически всех исследователей сосредоточено на изучении деятельности либо одной структуры НКВД/МВД СССР (милиции, пенитенциарной системы, структур по делам военнопленных и интернированных, войсковых структур), либо одного направления деятельности (борьба с уголовной преступностью, с экономической преступностью, с бандитизмом, с детской беспризорностью и безнадзорностью и т. д.), что также не позволяет в полной мере представить целостную картину деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР в исследуемый период.

Следует отметить фактически полное невнимание со стороны как историков силовых структур, так и гражданских историков к вопросам деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в период 1944–1949 гг. В прямой постановке данной теме посвящено всего лишь две работы: изданная в 2001 г. коллективная монография «Калининградская милиция»[2], а также монография А. М. Щеглова «Щит и меч Янтарного края», вышедшая в 2021 г.[3] Кроме того, отдельная информация по деятельности аппарата уполномоченного НКВД/МВД СССР по Восточной Пруссии содержится в подготовленном Управлением Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Калининградской области в 2011 г. сборнике статей и документальных материалов «На рубежах Янтарного края»[4]. Вместе с тем, все эти издания носят научно-популярный характер, не имеют научно-справочного аппарата и в них, в отдельных случаях, присутствуют фактологические ошибки.

Аналогичная ситуация складывается и с освещением действий войск НКВД при штурме Кенигсберга. Впервые этот вопрос был поднят в статье

---

[1] Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.) / К. Н. Маслов, Ю. Ф. Кашлев, В. М. Селезнев и др. М.: Граница, 2008. 712 с.

[2] Калининградская милиция: Очерки, воспоминания, документы. 1946–2001 гг. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2001. 348 с.;

[3] Щеглов А. М. Щит и меч Янтарного края. Калининград: без изд., 2021. 300 с.

[4] На рубежах янтарного края: сб. статей и докум. материалов по истории органов государственной безопасности Калининградской области 1945–2011 гг. М.: Граница, 2011. 228 с.

калининградского журналиста Ю. П. Ржевцева «Воинские формирования НКВД СССР в боях за столицу Восточной Пруссии», размещенной на сайте «Книга памяти Калининградской области» и форуме «Анграпа.ру»[1]. Все последующие статьи[2] в основном являются компиляцией этой работы, повторяя ее фактологические ошибки, касающиеся состава группировки НКВД СССР, привлекаемой к выполнению задач в Кенигсберге, характера задач и специфики действий. Не избежала подобных неточностей и публикация на сайте Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации[3], в которой крайне фрагментарно раскрываются действия войск НКВД СССР в ходе штурма города, а в большей степени рассказывается о создании и боевом пути тех воинских частей, которые в последующем вошли в состав внутренних войск.

Таким образом, несмотря на значительное увеличение количества вышедших в постсоветский период исследований, посвященных деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период, следует констатировать, что заявленная тема в отечественной историографии фактически не раскрыта, а имеющиеся работы носят общий характер и имеют большое количество фактологических ошибок.

Зарубежная историография практически не касается проблемы деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. Вместе с тем, имеющиеся

---

[1] Ржевцев Ю. Воинские формирования НКВД СССР в боях за столицу Восточной Пруссии // Анграпа.ru. Книга памяти: [сайт]. URL: https://forum.angrapa.ru/viewtopic.php?f=85&t=219&sid=c2650ec5255fd68b0959e4cf7d21b5ae (дата обращения: 13.06.2024).

[2] Лаврик В. Ф., Масляный Н. В. Роль пограничных войск в охране тыла действующей армии в ходе Восточно-Прусской операции 1945 года // Роль ОВД и войск НКВД СССР в Восточно-Прусской операции. Обеспечение законности в послевоенной жизни в Калининградской области: Материалы международной научно-практической конференции 9 апреля 2010 г. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2010. С. 56–58; Лебедев А. Малоизвестная страница войны – Войска НКВД в боях за Кенигсберг // Военное обозрение: [сайт]. URL: https://topwar.ru/18537-maloizvestnaya-stranica-voyny-voyska-nkvd-v-boyah-za-kenigsberg.html?ysclid=lxcrhtrodi 217693530 (дата обращения: 13.06.2024); Новик Ю. Е. Малоизвестная страница войны – войска НКВД в боях за Кенигсберг // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 18–19 февраля 2015 года. Ч. 2. СПб.: изд. Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, 2015. С. 50–53; Шитько В. В., Дорошенко Е. В. Участие войск НКВД СССР в штурме Кенигсберга // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 18–19 февраля 2015 года. Ч. 2. СПб.: изд. Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, 2015. С. 133–140; Щеглов А. Дважды взятый Кенигсберг // Полиция России. 2021. № 2. С. 50–52.

[3] См.: В апреле 1945 года солдаты и офицеры войск НКВД приняли участие в штурме города и крепости Кенигсберг // Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации: [сайт]. URL: https://rosguard.gov.ru/news/article/v-aprele-1945-goda-soldaty-i-oficery-vojsk-nkvd-prinyali-uchastie-v-shturme-kreposti-i-goroda-kenigsberg (дата обращения 13.06.2024).

научные работы зарубежных авторов, которые косвенным образом связаны с данной проблемой, целесообразно подразделить на две группы:

1) исследования, посвященные боевым действиям в ходе Восточно-Прусской стратегической наступательной операции;

2) научные работы, раскрывающие вопросы интеграции северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза после окончания Великой Отечественной войны.

Первая группа исследований достаточно многочисленна и представляет собой как фундаментальные исследования, так и отдельные научные работы, посвященные в основном действиям противоборствующих сторон в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции[1]. Вместе с тем следует отметить, что зарубежные авторы при описании боевых действий на территории Восточной Пруссии не только рассматривают действия регулярных войск, но и освещают деятельность фольксштурма, нацистских молодежных организаций по противодействию наступавшим частям Красной армии[2]. Анализу диверсионно-террористической деятельности формирований из состава вермахта и СС, а также созданных из числа членов различных нацистских организаций на территории Германии на заключительном этапе Великой Отечественной войны посвящена монография канадского исследователя П. Биддискомба[3].

Следует отметить, что характерной чертой зарубежной (особенно немецкой) историографии является показ боевых действий на территории Восточной Пруссии как трагедии, в которой в равной степени виновны и функционеры нацистской партии (в первую очередь в лице гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха), и Красная армия. В отдельных работах, подчеркивая жертвы немецкого гражданского населения в ходе боевых действий, особый акцент сделан на показе имевших место преступлений, совершенных военнослужащими Красной армии в отношении немецких граждан[4].

В свою очередь, до начала 1990-х гг. западная историография практически не обращалась к теме интеграции северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза, что было обусловлено несколькими причинами, основная из

---

[1] Buttar P. Battleground Prussia. The Assault on Germany's Eastern Front 1944–1945. Osprey Publishing, 2010. 482 p.; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 10. Der Zusammenbruch des Deutschen Reiches 1945. Hbd. 1: Die militärische Niederwerfung der Wehrmacht / mit Beitr. von H. Boog [et al.]. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2008. 947 S.; Dieckert K., Grossman H. Der Kampf um Ostpreussen. Ein authentischer Dokumentarbericht. München: Gräfe und Unzer Verlag, 1965. 227 S. и др.

[2] Just B. Hitler's Last Levy in East Prussia: Volkssturm Einsatz Bataillon Goldap (25/235). 1944–45. Soilhull: Helion & Company, 2015. 72 p.; Mammach K. Der Volkssturm: Das letzte Aufgebot 1944/45. Köln: Pahl-Rugenstein, 1981. 215 S.; Кнопп Г. «Дети» Гитлера. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 285 с. и др.

[3] Biddiscombe P. Werwolf! The History of the National Socialist Guerilla Movement, 1944–1946. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 1998. 456 p.

[4] Schön H. Im Heimatland in Feindeshand: Schicksale ostpreußischer Frauen unter Russen und Polen 1945–1948. Eine ostdeutsche Tragödie. Kiel: Arndt, 1998. 288 S.

которых была сформулирована немецким историком Ф. Гаузе в монографии «Кенигсберг в Пруссии. История одного немецкого города»: «Когда последние немцы покинули свою родину, закончилась и немецкая история Кенигсберга»[1].

Вместе с тем, уже в конце 1970-х гг. сотрудник Института Гердера в Марбурге П. Верстер в двух выпусках журнала «Документация Восточной Европы» опубликовал работу «Северо-Восточная Пруссия после 1945 г.», в которой раскрыл вопросы управления, политического, экономического и культурного развития Калининградской области[2].

Определенные изменения в немецкой историографии были связаны с выходом научных работ Э. Маттеса, который с начала 1990-х гг. работал в калининградских архивах. Он выделил три аспекта ранней истории Калининградской области, которые фактически оставались неизученными: история интеграции Восточной Пруссии в состав Советского Союза, процесс освоения региона переселенцами из различных районов СССР, а также влияние восточно-прусского культурного наследия на прибывших переселенцев[3], Однако в своих работах наибольшее внимание автор сосредоточил на изучении регионального самосознания советских людей, проживавших на территории региона[4].

С начала 2000-х гг. значительно увеличилось количество работ зарубежных авторов, посвященных интеграции Восточной Пруссии в состав Советского Союза, что позволяет выделить в зарубежной историографии этого вопроса две группы работ.

Первая из них касается вопросов изучения социальной и культурной истории региона после 1945 г. Так, в работе Б. Хоппе[5] рассматриваются изменения архитектурного облика Калининграда в советский период, а в монографии П. Бродерзена[6] проанализированы основные механизмы

---

[1] Цит. по: Гаузе Ф. Кенигсберг в Пруссии. История одного немецкого города. Реклингхаузен: издательство Биттер, 1994. С. 261.

[2] Wörster P. Das nördliche Ostpreussen nach 1945: Verwaltung, Bevölkerung, Wirtschaft // Dokumentation Ostmitteleuropa. Wissenschaftlicher Dienst für Ostmitteleuropa. Vol. 4. Heft 1. Marburg an der Lahn: Johann-Gottfried-Herder-Institut, 1978. 72 S.; Wörster P. Das nördliche Ostpreussen nach 1945: politisches und kulturelles Leben // Dokumentation Ostmitteleuropa. Wissenschaftlicher Dienst für Ostmitteleuropa. Vol. 5. Heft 1–2. Marburg an der Lahn: Johann-Gottfried-Herder-Institut, 1979. 96 S.

[3] Костяшов Ю., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград : изд. Калининградского государственного университета, 2003. С. 142.

[4] Маттес Э. Судьбы людей и краеведение: биографические источники в изучении новейшей истории // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 2004. С. 103–118; Маттес Э. «Останутся ли они россиянами?» Мысли историка на актуальную тему // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2005. С. 227–245; Маттес Э. Запрещенное воспоминание // Костяшов Ю., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. С. 83–150.

[5] Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946–1970. München: Oldenbourg, 2000. 166 S.

[6] Brodersen P. Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 2008. 367 S.

политики формирования коллективной идентичности жителей Калининградской области в период с 1945 г. по 1971 г.

Вторую группу работ составляют исследования, посвященные политической истории региона после окончания Великой Отечественной войны, особое внимание акцентируя при этом на процессе выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии[1]. При этом потеря Германией Восточной Пруссии и ее дальнейшая история в составе Советского Союза, по мнению некоторых авторов, представляет собой упадок, переходящий в стагнацию и постепенное обезличивание[2]. Вместе с тем, следует отметить, что большая часть исследователей, рассматривая вопрос выселения немецкого населения в советскую зону оккупации Германии, использует в своих работах в основном мемуарную литературу, что дает основание авторам рассматривать этот процесс лишь с негативной стороны.

Таким образом, проведенный анализ отечественной и зарубежной историографии показал, что проблема деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. фактически не рассмотрена в исторических исследованиях, за исключением фрагментарного обращения ряда авторов к вопросу выселения немецкого населения в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг. Рассматривая процесс интеграции северной части германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза, наибольший акцент авторы делают на изучении политических, экономических и культурных преобразований в регионе, а также на изучении истории повседневности. Однако, несмотря на тематическое разнообразие публикаций, отсутствие работ о специфике обстановки в исследуемый период, реагировании правоохранительных структур на ее изменения не позволяет в полной мере воссоздать полную картину ранней истории Калининградской области.

Источниковая база исследования

Решение задач исследования деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. предполагает введение в научный оборот как массива новых источников, так и дополнительного анализа уже известных историкам документов.

---

[1] Clark P. B. The Death of East Prussia: War and Revenge in Germany's Easternmost Province. Andover Press, 2013. 610 p.; Freeman J. From German Königsberg to Soviet Kaliningrad. London – New York: Routledge, 2021. 158 p.; Frobarth V. Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion, 1945–1990: Mit einer analytischen Betrachtung des Kaliningrader Gebiet in der Politik Russlands, 1991–2000. Berlin: Berlin Verlag (Spitz), 2001. 297 S.; Kibelka R. Ostpreußens Schicksalsjahre. Berlin: Aufbau-Verlag, 2001. 358 S.; Schön H. Tragödie Ostpreußen 1944–1948: Als die Rote Armee das Land besetzte. Kiel: Arndt, 1999. 384 S.

[2] Clark C. Preußen: Aufstieg und Niedergang. 1600–1947. München: Deutsche Verlag-Anstalt, 2007. 896 S.

Комплекс опубликованных документов, посвященных рассмотрению процесса интеграции территории Восточной Пруссии в состав Советского Союза в целом, а также деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в частности является крайне незначительным.

Так, первый сборник документов, посвященный ранней истории Калининградской области, вышел в 1980 г. и включал 130 документов периода 1946–1952 гг. (нормативные правовые акты, газетные статьи и заметки)[1]. Второй сборник документов, посвященный деятельности военных и чрезвычайных органов управления в 1945–1947 гг., вышел только в 2004 г. и включал в себя уже 272 документа, раскрывающих основные направления деятельности органов военной администрации на территории Восточной Пруссии и чрезвычайных органов управления Кенигсбергской (Калининградской) области[2].

Некоторое количество документов, посвященных различным вопросам интеграции Восточной Пруссии в состав Советского Союза, опубликовано в сборниках документов и материалов «Калининградские архивы». Первый выпуск издания вышел в 1998 г. и к настоящему времени читателю доступен уже 21 выпуск. Среди документов, опубликованных в сборниках, особый интерес вызывают материалы о деятельности органов военного управления на территории Восточной Пруссии, о хозяйственном освоении города Калининграда, а также ряд других публикаций, дополняющих картину освоения Калининградской области в послевоенные годы[3].

Вместе с тем, основной массив опубликованных источников по ранней истории Калининградской области в значительной степени ограничен периодом 1945–1947 гг. Документы, касающиеся вопросов развития региона в период формирования и функционирования советских органов государственного управления, фактически не были введены в научный оборот.

---

[1] Самая западная: Сб. документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области. Вып. 1. 1946–1952 гг. Калининград: Книжное издательство, 1980. 197 с.

[2] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). Калининград: ИП Мишуткиной И. В., 2004. 400 с.

[3] Административно-хозяйственная деятельность советских военных властей в Кенигсберге в апреле – мае 1945 г. // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 149–184; Приказы военного коменданта города и крепости Кенигсберг за 1945 г. (Из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: без изд., 2003. С. 58–124; Кенигсберг – Калининград. Из фондов ЦХИДНИКО // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 204–226; Отчет политотдела управления по гражданским делам Калининградской области // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 158–200; Переселенческие колхозы в 1946–1953 годах: повестки дня // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 248–256.

Аналогичной является ситуация с опубликованными документами, касающимися вопросов деятельности органов НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период. В большей степени в имеющихся публикациях получил отражение период Восточно-Прусской стратегической наступательной операции. Так, в сборниках документов «Аппарат НКВД – МВД в Германии. 1945–1953» и «Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950» опубликованы приказы народного комиссара внутренних дел СССР, посвященные созданию и организации деятельности аппаратов уполномоченных НКВД СССР по фронтам[1], а в шестом томе сборника документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» помещены несколько докладных записок уполномоченного НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту генерал-лейтенанта В. С. Абакумова о деятельности оперативных групп НКВД СССР в тылу фронта[2]. Кроме того, отдельные документы о деятельности уполномоченных НКВД СССР по фронтам, органов контрразведки «Смерш», а также частей пограничных и внутренних войск на территории Восточной Пруссии опубликованы в ряде тематических сборников[3].

В свою очередь, документы, посвященные вопросам деятельности органов НКВД/МВД СССР в период интеграции Восточной Пруссии в состав Советского Союза, фактически не введены в научный оборот. Единственными опубликованными материалами являются справка об административном делении и экономике Восточной Пруссии, подготовленная уполномоченным НКВД СССР в Восточной Пруссии генерал-майором Б. П. Трофимовым в декабре 1945 г., спецсообщение министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова И. В. Сталину и В. М. Молотову от 16 мая 1946 г. о росте уголовной преступности среди немецкого населения, а также два приказа НКВД/МВД СССР (приказ НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. № 001538 «О работе с задержанными в Восточной Пруссии и их трудовом использовании» и приказ МВД СССР от 14 октября 1947 г. № 001067 «О переселении немцев из

[1] Аппарат НКВД – МВД в Германии. 1945–1953: сб. документов / науч. ред. и сост. Н. В. Петров и Я. Фойтцик. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. 544 с.; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950: Сб. документов и статей / под ред. С. В. Мироненко. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 376 с.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. VI: Победа (1 января – 9 мая 1945 г.) / рук. группы авторов-составителей В. П. Ямпольский. М.: Кучково поле, 2014. 896 с.

[3] Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Душенькин, В. В. Боброва, Т. Ф. Каряева и др. М.: Юридическая литература, 1975. 728 с.; Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», изд. «Материк», 2006. 640 с.; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.) / рук. группы авторов-составителей В. П. Ямпольский. М.: Кучково поле, 2007. 896 с.; Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. документов / сост. А. И. Чугунов, Т. Ф. Каряева, Е. В. Сахарова и др. М.: Наука, 1968. 708 с.

Калининградской области РСФСР в советскую зону оккупации Германии»)[1]. Кроме того, в сборнике «Сталинские депортации» опубликованы четыре документа, касающиеся вопросов выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг.[2]

Еще одной категорией опубликованных источников по ранней истории Калининградской области, в той или иной мере раскрывающих деятельность органов НКВД/МВД СССР в исследуемый период, является мемуарная литература и сборники воспоминаний. Мемуарная литература немецких авторов в основном содержит сведения о содержании в лагерях НКВД СССР на территории Кенигсберга, раскрывает вопросы быта немцев, которые проживали в Калининградской области в период 1946–1948 гг., а также касается их выселения в советскую зону оккупации Германии[3]. Большая часть мемуарной литературы, особенно касающаяся проверочных мероприятий, проводимых органами НКВД/МВД СССР, в основном содержит материалы негативного характера, что в некоторых случаях подтверждается имеющимися историческими документами.

Одним из ценных источников, касающихся ранней истории Калининградской области, являются свидетельства переселенцев из различных регионов СССР, прибывших в регион в исследуемый период. В 1988–1991 гг. сотрудниками ассоциации устной истории Калининградского государственного университета под руководством доктора исторических наук, профессора Ю. В. Костяшова было проведено интервьюирование этой категории лиц по различным вопросам общественно-политического, социально-экономического и культурного развития региона, жизни и быта, взаимодействия с немецким населением, результаты которого были опубликованы сначала в Германии и Польше, а затем и в Российской Федерации. В настоящее время книга воспоминаний «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» выдержала уже три издания на русском языке. Особый интерес для данного исследования представляют воспоминания переселенцев, касающиеся вопросов состояния преступности в области, а также выселения немецкого населения[4].

---

[1] Два приказа НКВД/МВД по бывшей Восточной Пруссии (1945–1947 гг.) / публ. Ю. В. Костяшова // Балтийский альманах. Вып. 2. Калининград: без изд., 2002. С. 6–9; Из документов архива УВД Калининградской области / публ. Е. Б. Тихоновой // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Вып. 1. Калининград: ГП «КГТ», 1998. С. 79–89; Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / сост. В. Н, Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», изд. «Материк», 2007. С. 18–19.

[2] Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: Международный фонд «Демократия», изд. «Материк», 2007. С. 635–640.

[3] Вик М. Закат Кенигсберга. Свидетельство немецкого еврея. Калининград: «Пикторика Паблишинг», 2017. 304 с.; Lehndorff H. v. Ostpreußisches Tagebuch. Aufzeichnungen eines Arztes aus den Jahren 1945–1947. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1967. 288 S.; Linck H. Königsberg, 1945–1948. Im Feuer geprüft. Leer: Rautenberg & Möckel, 1952. 194 S.

[4] Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград: Калининградская книга, 2018. 364 с.

Вместе с тем, источники личного происхождения в основном представляют собой субъективный взгляд на те или иные мероприятия, проводимые органами и войсками НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области. Авторы мемуаров и воспоминаний имеют собственное оценочное суждение относительно характера проводимых материалов, не понимая (а в ряде случаев – и не зная) их цели и значимости. В силу этого источники личного происхождения могут служить лишь дополнением к имеющимся официальным документам.

Значительное количество документов по исследуемой проблематике отложилось **в государственных и ведомственных архивах**.

Так, крупнейшим местом хранения документов органов НКВД/МВД СССР является ***Государственный архив Российской Федерации***, в фондах которого находятся документы центрального аппарата НКВД/МВД СССР. Среди документов архива особое внимание обращают на себя материалы фонда Р-9401 «Министерство внутренних дел СССР». Большая часть документов описей № 1 и № 1сч представляет подлинники и копии приказов НКВД/МВД СССР по различным вопросам деятельности ведомства. Опись № 2 содержит материалы «особых папок» И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берия, в которых находятся доклады, справки и информационные сообщения народного комиссара (министра) внутренних дел СССР. В описи № 8 отложились документы отдела кадров НКВД/МВД СССР, в которых заслуживают особого внимания статистические отчеты территориальных управлений НКВД/МВД, отражающие качественные и количественные характеристики личного состава. Опись № 12 представляет собой сборники приказов, директив и распоряжений народного комиссара (министра) внутренних дел СССР, объединенных по тематическому признаку.

Фонд Р-9415 «Главное управление милиции Министерства внутренних дел СССР» содержит документы, включающие в себя информацию о количественном и качественном составе на территории Советского Союза, а также информацию о результативности деятельности органов милиции по противодействию уголовной и экономической преступности, а также охране общественного порядка. Среди документов фонда отложилось дело, которое в полном объеме посвящено вопросам подготовки и организации выезда немецких граждан с территории Калининградской области в советскую зону оккупации Германии в феврале – мае 1947 г.

В фонде Р-9479 «4-й спецотдел Министерства внутренних дел СССР» на хранении находятся четыре дела, которые содержат материалы, связанные с переселением населения из центральных районов Советского Союза в Калининградскую область, и включают докладные записки начальников управлений МВД о настроениях лиц, выезжающих на новое место жительства, а также о проведении оперативных мероприятий в отношении переселенцев.

Вместе с тем, материалы фондов Государственного архива Российской Федерации, в недостаточной степени раскрывают особенности деятельности органов НКВД/МВД СССР на территории Калининградской области. Это

объясняется тем, что находящиеся на хранении в архиве материалы касаются в основном деятельности центрального аппарата и его структурных подразделений и содержат в себе лишь материалы общего характера, либо сводные цифровые сведения по всем административно-территориальным единицам Советского Союза. Второй особенностью материалов архива является возможность их ограниченного использования. Так, в настоящее время существует возможность ознакомления только с документами, находящимися в делах, которые рассекречены в полном объеме. Работа с документами, которые находятся в делах, с которых частично снят гриф секретности, до сих пор невозможна.

Отдельные документы, находящиеся на хранении в фонде 17 («Центральный комитет КПСС») ***Российского государственного архива социально-политической истории***, в основном касаются вопросов общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни Калининградской области в исследуемый период. Документы фонда содержат сведения о рассмотрении и решении структурными подразделениями ЦК ВКП(б) и Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР вопросов об образовании и работе партийных органов области, проведении партийно-политической и агитационно-массовой работы с населением, об административном устройстве, работе промышленных предприятий, развитии сельского хозяйства, объектов торговли и учреждений народного образования и культуры. Среди находящихся на хранении материалов имеется несколько документов аппарата уполномоченного МВД СССР по Кенигсбергской области, в которых отражено состояние оперативной обстановки в регионе в первой половине 1946 г.

Материалы по ранней истории Калининградской области, находящиеся на хранении в ***Российском государственном архиве новейшей истории*** (фонд 3 «Политбюро ЦК КПСС»), представляют собой копии постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), Совета министров СССР и Совета министров РСФСР по различным вопросам интеграции бывшей территории Восточной Пруссии в состав Советского Союза: об утверждении и освобождении от обязанностей руководящих партийных и советских работников, об образовании области, ее административно-территориальном устройстве и переименовании населенных пунктов, о мероприятиях хозяйственного и культурного строительства, о восстановлении промышленных предприятий, о развитии сельского хозяйства, о выселении немецкого населения в советскую зону оккупации Германии.

Крупнейшим местом хранения документов по истории войск НКВД/ МВД СССР в исследуемый период является ***Российский государственный военный архив***. Делопроизводственная документация управлений и частей войск НКВД СССР по охране тыла фронтов, принимавших участие в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, сосредоточена в фондах 32901 («Управление войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского фронта»), 32904 («Управление войск НКВД СССР по охране тыла 2-го Белорусского фронта»), 32924 («Управление войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта»), 32922 («322-й пограничный полк»), 32935

(«132-й Минский пограничный полк»), 32936 («86-й Кенигсбергский пограничный полк»), 32947 («13-й Виленский пограничный полк»), 38816 («331-й пограничный полк»), 38752 («33-й пограничный полк»). Комплекс документов войск НКВД СССР по охране тыла фронтов представлен боевыми приказами, директивами, распоряжениями, оперативными сводками, статистическими сведениями о результатах оперативно-служебной деятельности, описаниями боевых действий, отчетными документами, позволяющими фактически в полном объеме рассмотреть деятельность частей войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии как в период подготовки и проведения Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, так и в ходе операции по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента в мае – июне 1945 г.

Материалы, раскрывающие оперативно-служебную деятельность соединений и частей внутренних войск НКВД СССР, находившихся в оперативном подчинении управлений войск НКВД СССР по охране тыла 2-го и 3-го Белорусских фронтов, а с июля 1945 г. самостоятельно выполнявших задачи на территории Восточной Пруссии, сосредоточены в фондах 38680 («57-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР») и 38686 («63-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД/МВД СССР»). Как и в фондах войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, основным видом документов в фондах соединений и частей внутренних войск НКВД СССР является делопроизводственная документация в виде боевых приказов, оперативных сводок, распоряжений командиров соединений и статистических отчетных материалов.

Документы соединений и частей конвойных войск, выполнявших задачи на территории Восточной Пруссии в 1944–1945 гг., в основном сосредоточены в фонде 38056 («46-я дивизия конвойных войск НКВД СССР»). Фонд включает материалы не только касающиеся деятельности управления дивизии, но и отчетные документы о результатах оперативно-служебной деятельности воинских частей, входивших в ее состав. Существенным дополнением к материалам, касающимся выполнения задач по охране и конвоированию военнопленных, являются документы, находящиеся на хранении в фонде 396п («Отдел по делам военнопленных и интернированных при начальнике тыла 1-го Прибалтийского фронта»), в которых отражено состояние сборных пунктов военнопленных и фронтовых приемно-пересыльных пунктов, находившихся на территории Восточной Пруссии и охраняемых частями конвойных войск НКВД СССР.

Фонды 32890 («108-й стрелковый полк внутренних войск НКВД/МВД СССР»), 38052 («37-я дивизия конвойных войск НКВД/МВД СССР»), 38088 («135-й отдельный батальон – 349-й полк конвойных войск МВД СССР»), 38286 («Управление 14-й дивизии войск НКВД/МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог»), 38377 («82-й полк войск НКВД/МВД СССР по охране железных дорог»), 38348 («211-й полк войск НКВД/МВД СССР по охране железных дорог») и 38549 («536-й отдельный

батальон войск МВД СССР по охране железных дорог») содержат делопроизводственную документацию воинских частей, которые дислоцировались на территории Восточной Пруссии и Калининградской области после окончания Великой Отечественной войны. Следует отметить, что документы, раскрывающие вопросы оперативно-служебного применения 108-го стрелкового полка внутренних войск, до сих пор остаются на закрытом хранении.

Существенным дополнением к документам войск НКВД СССР в период Восточно-Прусской стратегической наступательной операции служат материалы, находящиеся на хранении в ***Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации***. Документы полевых управлений 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов (фонды 235 и 241) содержат постановления военных советов об организации мероприятий по охране тыла, планы совместных операций частей войск НКВД СССР и подразделений Красной армии по очистке тыла фронта от враждебного элемента, донесения военных комендатур об оперативной обстановке в зоне их ответственности. В фонде 358 («Полевое управление 11-й гвардейской армии») содержится ценная информация об обстановке на территории Восточной Пруссии после окончания боевых действий. Вместе с тем, следует отметить, что к большей части документов органов военной администрации, а также к материалам Прибалтийского военного округа доступ исследователей затруднен, так как с них до сих пор не снят гриф секретности.

Документы, позволяющие практически в полном объеме рассмотреть деятельность органов НКВД/МВД СССР в период интеграции территории Восточной Пруссии в состав Советского Союза, находятся на хранении ***в отделении специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий отдела оперативно-розыскной и архивной информации информационного центра Управления МВД России по Калининградской области***.

Наибольший интерес для исследователей ранней истории Калининградской области представляют документальные материалы фонда 48 «Отдел делопроизводства и режима Управления МВД по Калининградской области». Так, в описи № 1 указанного фонда к исследуемому периоду относится 55 дел, в которых отложились материалы переписки уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии с народным комиссаром внутренних дел СССР, а также начальника Управления МВД по Калининградской области с министром внутренних дел СССР по вопросам организационного строительства структур МВД на территории региона, а также документации населения, проведенной в 1946 г., специальные сообщения в адрес военного совета 11-й гвардейской армии о наиболее резонансных преступлениях в области, специальные сообщения руководству Калининградского областного комитета ВКП(б) и Калининградского областного исполнительного комитета об оперативной обстановке в области в 1947 г. Кроме того, отдельное дело включает в себя донесения начальников районных отделов (отделений) МВД,

касающиеся встречи колхозников, переселяемых в 1946 г. из различных регионов СССР в Калининградскую область, организации их быта, возникавших при переселении проблем и путей их решения. Отдельные дела описи содержат квартальные отчеты о деятельности Управления МВД по Калининградской области за 1947–1948 гг., а также протоколы оперативных совещаний при начальнике Управления МВД по Калининградской области за 1948–1949 гг., в которых отражены материалы, раскрывающие особенности оперативной обстановки в области, результаты деятельности органов МВД по борьбе с уголовной и экономической преступностью, проблемные вопросы и пути их решения.

Большая часть документов описи № 1 фонда 48 касается вопросов выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии. Наиболее полное отражение в документах получил первый этап выселения, проведенный в октябре – ноябре 1947 г. Так, на хранении находится 13 дел со списками немецкого населения, подготовленными оперативными группами МВД после принятия решения о выселении, изучение которых позволяет уточнить численность немецкого населения, проживавшего в каждом районе Калининградской области, а также определить его половозрастную структуру. Отдельное дело включает в себя нормативные акты по переселению немцев, подготовленные Управлением МВД по Калининградской области («Инструкция по переселению немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии» от 16 октября 1947 г.), а также отчетные материалы по отправке эшелонов (телеграммы на имя заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника И. А. Серова о результатах выселения за октябрь 1947 г., переписка с управлением Прибалтийского военного округа о выделении автотранспорта для перевозки немцев от мест проживания к местам формирования эшелонов, докладная записка начальника контрольно-пропускного пункта «Калининград» начальнику Управления МВД по Калининградской области об общем количестве эшелонов, отправленных в советскую зону оккупации Германии в октябре – ноябре 1947 г., и численности выселенных немцев). Особого внимания заслуживает докладная записка начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина начальнику Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту Н. П. Стаханову от 8 января 1948 г., содержащая перечень вопросов, которые необходимо было учесть в рамках последующего переселения немецкого населения в советскую зону оккупации Германии.

Одним из важнейших документов, касающихся выселения немецкого населения из Калининградской области, являются эшелонные списки, в которых указывались фамилия, имя, год рождения переселяемого лица, количество членов семьи (при наличии), а также место жительства. Исследователям доступны два экземпляра эшелонных списков переселенных немцев, сопровождаемых в своем большинстве актами начальников эшелонов о количестве принятого и сданного контингента, его физическом состоянии и случаях смертности. Эшелонные списки первого этапа выселения сосредоточены в десяти делах, второго этапа –

в пяти делах, третьего этапа – в девяти делах. Кроме того, четыре дела содержат эшелонные списки немцев, переселенных в Германскую Демократическую Республику в период с 1949 г. по 1951 г.

Опись № 3 фонда 48 «Отдел делопроизводства и режима Управления МВД по Калининградской области» содержит подлинные нормативные правовые акты (совершенно секретные, секретные, несекретные приказы, приказания, директивы и распоряжения) уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии, уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии, уполномоченного МВД СССР по Кенигсбергской области и начальника Управления МВД по Калининградской области. Документы, изданные в период с 1945 г. по 1949 г., содержатся в 28 делах. Особый интерес для исследователей представляют приказы, касающиеся изменений организационно-штатной структуры, а также вопросов, раскрывающих основные направления деятельности органов МВД в условиях интеграции региона в состав Советского Союза (приказы и директивы по охране общественного порядка, по приему переселенцев из различных регионов СССР, по выселению немецкого населения из Калининградской области, обеспечению охраны заключенных и военнопленных).

Своеобразным дополнением к материалам, характеризующим результаты деятельности органов МВД в рассматриваемый период, являются документы фонда 45 «Информационный центр УВД Калининградской области». В пятнадцати делах содержатся формализованные документы, представляемые Управлением МВД по Калининградской области в МВД СССР в 1946–1949 гг. (форма № 2 «Цифровые сведения о движении лиц, разрабатываемых по агентурным делам, делам-формулярам и учетным делам», форма № 4 «Сведения о численности и движении агентурно-осведомительной сети органов милиции», форма № 6 «Цифровые сведения о результатах оперативно-следственной работы органов милиции»). Наибольший интерес для исследователей представляют данные, представленные в форме № 6, в которой отражались:

1) итоги оперативно-следственной работы за месяц (с разбивкой видов преступлений по отделу уголовного розыска, по отделу по борьбе с хищениями социалистической собственности, по другим отделам);

2) решения судебных органов;

3) анализ законченных и направленных по подследственности в органы прокуратуры дел по объектам работы ОБХСС;

4) количество изъятых у преступников денег, золота, иностранной валюты, хлебопродуктов, масла и жиров, мяса и мясопродуктов, продовольственных и промышленных товаров (по линии ОБХСС);

5) данные о прекращенных делах в процессе следствия (с указанием причин);

6) социальный состав, партийность, национальность, подданство и возраст привлеченных к уголовной ответственности и арестованных лиц.

Анализ этих статистических данных позволяет определить наиболее характерные виды преступлений, совершаемые в Калининградской области,

оценить динамику криминогенной обстановки, эффективность следственной работы органов МВД, а также рассмотреть социальную характеристику лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений.

Важные материалы по кадровой политике органов МВД в рассматриваемый период содержатся в документах фонда 33 «Управление по работе с личным составом Управления МВД России по Калининградской области». В четырнадцати делах, относящихся к периоду с 1945 г. по 1949 г., сосредоточены докладные записки руководства Управления МВД по Калининградской области, обосновывающие изменения организационно-штатной структуры, отчеты по работе отдела кадров, именные списки личного состава.

Документы по отдельным направлениям деятельности органов МВД на территории области в рассматриваемый период отложились также и в ряде других архивных фондов. Так, материалы фонда 47 «Отдел по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области» включают в себя ежемесячные и квартальные отчеты по деятельности отдела и его периферийных органов, документы по фильтрации репатриантов, число которых достигало в первые годы существования области до 10 тыс. человек.

Достаточно полно в архивных материалах отражена деятельность отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В документах двух фондов (фонд 34 «Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей Управления МВД России по Калининградской области» и фонд 40 «Калининградская детская трудовая колония УВД Калининградского облисполкома») фактически в полном объеме представлена документальная квартальная отчетность отдела, Калининградского и Черняховского детских приемников-распределителей, делопроизводственные документы (приказы, отчеты, справки) по Тапиауской детской трудовой колонии для несовершеннолетних немцев, а также по Багратионовской детской трудовой колонии.

Большое количество документов, находящихся на хранении, посвящено деятельности структур пенитенциарной системы на территории Калининградской области. Фонд 56 включает несколько описей и содержит материалы, касающиеся деятельности отдела исправительно-трудовых колоний (опись № 1) и самих пенитенциарных учреждений (описи № 2, 3, 8, 9). Документы фонда включают в себя приказы начальника отдела и исправительно-трудовых колоний, производственную документацию, статистические материалы, касающиеся социального состава и трудового использования контингента.

Материалы фонда 26 «Тюремный отдел Управления МВД по Калининградской области» касаются деятельности тюрем, находившихся в Калининграде, Черняховске и Гвардейске.

В документах двух фондов (фонд 5 «Лагеря военнопленных и интернированных № 445 и № 533» и фонд 6 «Отдел по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области (оперативное отделение)») содержатся сведения по контингенту лагерей

военнопленных и интернированных, функционировавших до 1949 г. Особую ценность имеют статистические данные, а также специальные сообщения о розыске военных преступников, докладные записки о характере переписки военнопленных с родственниками, находившимися не только в советской, но и в союзных зонах оккупации Германии, сведения о моральном состоянии военнопленных и интернированных.

Следует отметить, что большая часть документов указанных фондов находится на открытом хранении. Вместе с тем, ряд документов, особенно касающихся методов агентурно-оперативной работы и особенностей оперативно-розыскной деятельности, до сих пор находятся на закрытом хранении. Так, большая часть дел фонда 47 «Отдел по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области», начиная с 1947 г., полностью находится на закрытом хранении. В полном объеме рассекречены только материалы, касающиеся деятельности отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, а также подведомственных ему учреждений.

Второй особенностью архивной коллекции является то, что документов, касающихся деятельности Калининградского областного и городского управлений милиции, а также отдельных районных отделов (отделений) МВД за рассматриваемый период, в ней нет. Вместе с тем, имеющиеся материалы из указанных выше фондов практически в полном объеме позволяют рассмотреть деятельность органов МВД на территории Калининградской области в период с 1946 г. по 1949 г.

Следует отметить, что документальные материалы, находящиеся на хранении в отделении специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области, являются ценнейшим источником информации по ранней истории региона, а также по деятельности органов НКВД/МВД СССР в исследуемый период. Вместе с тем, большинство документов, за исключением некоторых дел описи № 1 фонда 48 «Отдел делопроизводства и режима Управления МВД по Калининградской области», исследователями не изучены и в научный оборот не введены.

Массив привлеченных опубликованных и архивных источников по своему происхождению, предназначению и информативным свойствам подразделяется на несколько **видов**:

1) Нормативные правовые акты, касающиеся вопросов интеграции территории Восточной Пруссии в состав Советского Союза, а также документы органов военной администрации и чрезвычайных органов управления, раскрывающие особенности оперативной обстановки в регионе, а также основные направления интеграционного процесса и его отдельные результаты.

Данный вид источников включает в себя Конституцию СССР 1936 г., постановления Политбюро ЦК ВКП(б), Совета министров СССР и Совета министров РСФСР, вышедшие в 1946–1949 гг. и раскрывающие основные направления интеграционной политики на территории Калининградской

области, а также нормативные правовые акты и делопроизводственную документацию органов военной администрации и чрезвычайных органов (приказы, справки, отчеты).

2) Нормативно-правовые акты, регулирующие основные направления деятельности НКВД/МВД СССР в исследуемый период.

Этот вид источников представлен прежде всего законодательством республиканского уровня (Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.), а также подзаконными нормативными актами, касающимися различных аспектов борьбы с преступностью, которые составляли нормативную основу регулирования уголовно-правовых отношений и противодействия негативным социальным явлениям (детская беспризорность и безнадзорность, спекуляция, самогоноварение и т. д.). К данному виду источников относятся и нормативные правовые акты Народного комиссариата (Министерства) внутренних дел СССР (приказы, директивы, распоряжения).

3) Делопроизводственная документация органов и войск НКВД/МВД СССР, выполняющих задачи на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг.

Данный вид источников является самым многочисленным и подразделяется на несколько групп.

К первой из них относятся нормативные правовые акты (приказы, директивы, распоряжения) командования войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии, выполняющих задачи на территории Восточной Пруссии, уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии, уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии, уполномоченного МВД СССР по Кенигсбергской области и начальника Управления МВД по Калининградской области. Данная группа источников дает представление об организационной структуре органов и войск НКВД/МВД СССР, действующих на территории региона, ее изменениях, основных направлениях и порядке деятельности отдельных как воинских подразделений, так и территориальных органов МВД СССР. Мотивировочная часть нормативных правовых актов достаточно часто содержит сведения, послужившие основой для принятия решения.

Вторую группу составляет информационно-аналитическая документация (докладные записки, справки, отчеты, материалы служебных и оперативных совещаний и т. п.). Эти источники представляют собой структурированную информацию по различным вопросам оперативно-служебной деятельности, сведения об отдельных фактах и событиях, которые позволяют оценить состояние работы органов и войск НКВД/МВД СССР на отдельных временных отрезках. Большая часть источников этой группы изначально предназначалась для внутреннего пользования, что придает им определенную объективность.

В третью группу входит статистическая информация, предоставляемая органами и войсками НКВД/МВД СССР в вышестоящие органы управления, в которой отражены результаты оперативно-служебной деятельности. В основном эта группа источников представлена формализованными статистическими отчетами (ежемесячными, квартальными, полугодовыми).

Вместе с тем, вследствие объективных недостатков системы обобщения сбора и информации, особенно характерных для управленческой деятельности войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии, в отдельных статистических отчетах существуют некоторые расхождения между сведениями, представляемыми пограничными полками в управление войск и соответственно направляемыми управлением войск в Главное управление войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии.

Четвертую группу составляют материалы служебной переписки (служебные письма, донесения, рапорты). Документы этой группы позволяют рассмотреть взаимодействие как руководства Управления МВД по Калининградской области, так и его структурных подразделений с органами управления, партийными структурами, органами МГБ и командованием воинских частей, соединений и объединений, дислоцирующихся на территории региона, а также с периферийными органами МВД по различным вопросам оперативно-служебной деятельности. Наибольший интерес среди документов этой группы представляют специальные сообщения руководства Управления МВД по Калининградской области руководителям партийных и советских органов, а также командованию 11-й гвардейской армии о состоянии оперативной обстановки в городах и районах области, а также наиболее резонансных преступлениях.

4) Источники личного происхождения (мемуары и воспоминания). При работе с данным видом источников необходимо учитывать высокую степень их субъективности, что предполагает при работе с ними критический источниковедческий анализ. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся хронологические неточности, необъективность оценок происходящих событий, источники личного происхождения служат существенным дополнением к другим видам источников, так как детализируют события и способствуют новому восприятию широко известных фактов.

Таким образом, источниковая база, раскрывающая деятельность органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. содержит большой массив разнообразных по происхождению, предназначению и информационным характеристикам источников, объем и качество которых позволяют реализовать поставленную цель, решить научные задачи исследования, обеспечив его фактологическую основу.

Глава 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД/МВД СССР НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ОКТЯБРЕ 1944 г. – МАРТЕ 1946 г.

Процесс интеграции германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза официально начался после принятия решения Потсдамской конференции о разделе ее территории между СССР и Польшей. Вместе с тем, уже с момента вступления советских войск в Восточную Пруссию военным командованием начали формироваться органы военной администрации, которые выполняли функции органов государственного управления, что фактически позволяет отнести начало процесса интеграции к октябрю 1944 г.

В связи с тем, что в рассматриваемый период органы военной администрации осуществляли свою деятельность в различных условиях оперативной обстановки, полагается целесообразным выделить в нем три этапа, различающихся как по особенностям оперативной обстановки, так и по характеру мероприятий органов военной администрации, проводимых на территории Восточной Пруссии:

1) этап активных боевых действий на территории провинции (октябрь 1944 г. – апрель 1945 г.);

2) этап подготовки и проведения комплекса мероприятий по разделу провинции между Советским Союзом и Польшей (май – август 1945 г.);

3) этап проведения начальных мероприятий по непосредственной интеграции северной части провинции в состав Советского Союза (сентябрь 1945 г. – март 1946 г.).

Особенности оперативной обстановки на территории Восточной Пруссии

Советские войска вступили на территорию Восточной Пруссии в октябре 1944 г. в ходе Мемельской и Гумбиннен-Гольдапской операций, проведенных войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Несмотря на то, что операции не достигли поставленных целей, к концу октября 1944 г. под контроль советских войск перешла практически вся территория округов Мемель и Хайдекруг, северная часть округа Тильзит-Рагнит (в полосе 1-го Прибалтийского фронта), а также отдельные районы в округах Пилькаллен, Шталлупенен, Гумбиннен и Гольдап (в полосе 3-го Белорусского фронта). В приказе Верховного Главнокомандующего от 23 октября 1944 г. отмечалось, что советскими войсками была прорвана оборона противника «на 30 километров в глубину и 140 километров по фронту. В ходе наступления войска… с боями заняли… более 400 населенных пунктов на территории Восточной Пруссии»[1].

[1] Цит. по: Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: с 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г. М.: Военное издательство, 1975. С. 258.

13 января 1945 г. после проведения необходимых подготовительных мероприятий началась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция, в которой приняли участие войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов. В результате прорыва немецкой обороны и стремительного наступления Красной армии уже к концу января 1945 г. была блокирована группировка противника на Земландском полуострове, фактически окружен Кенигсберг, а потеря города Эльбинг 10 февраля 1945 г. привела к тому, что немецкие войска, которые находились в Восточной Пруссии, оказались отрезанными от объединений, действовавших в Восточной Померании[1].

Проведенная в марте 1945 г. операция по ликвидации блокированной группировки противника в районе города Хайлигенбайль позволила советскому командованию перебросить силы и средства на кенигсбергское направление[2] и в период с 6 по 9 апреля 1945 г. осуществить штурм столицы провинции. Оценивая причины падения города в столь короткий срок, комендант Кенигсберга генерал пехоты О. Ляш на допросе отметил: «Солдаты и офицеры крепости в первые два дня держались стойко, но русские превосходили нас силами и брали верх. Они сумели скрытно сосредоточить такое количество артиллерии и самолетов, массированное применение которых разрушило укрепления крепости и деморализовало солдат и офицеров. Когда же сломлен боевой дух солдат, воевать сначала трудно, а потом невозможно. Никак нельзя было раньше предполагать о том, что такая крепость как Кенигсберг, так быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию»[3].

После взятия столицы провинции советские войска 13 апреля 1945 г. приступили к разгрому группировки противника, продолжавшей обороняться на Земландском полуострове, и уже 25 апреля 1945 г. овладели городом и портом Пиллау. В последующем войска 11-й гвардейской армии к 9 мая 1945 г. смогли полностью очистить от немецких войск косу Фрише-Нерунг, тем самым завершив разгром противника в Восточной Пруссии[4].

С момента вступления на территорию Восточной Пруссии в октябре 1944 г. советское командование осуществляло на подконтрольной территории мероприятия по формированию органов военной администрации. Этим процессом руководили военные советы фронтов[5], на основании решений

---

[1] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5. С. 239.

[2] Кретинин Г. В. Битва за Кенигсберг. Восточно-Прусская кампания 1944–1945 гг. С. 101.

[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 987. Л. 244–245.

[4] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 987. Л. 286.

[5] В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» все полномочия в сфере государственного управления вопросами обороны, безопасности и обеспечения общественного порядка на территориях, в которых объявлено военное положение, передавались военным советам фронтов, армий и военных округов (Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июнь 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 213). Порядок формирования военных комендатур на территории европейских государств определялся постановлением Государственного комитета обороны от 29 июля 1944 г. № 6269сс (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 364. Л. 187–190).

которых формировались районные и городские военные комендатуры. В мелких населенных пунктах в полосах действий армий решением соответствующих военных советов создавались нештатные армейские военные комендатуры.

На военных комендантов возлагались следующие обязанности:

«а) установление строгого порядка, местной дисциплины и осуществление особых мероприятий по специальным инструкциям на подчиненной ему административной территории;

б) изъятие у населения в течение 24 часов всего холодного и огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, радиоаппаратуры, всего имущества связи и других видов военного имущества, всего автотранспорта, множительных аппаратов, типографского имущества и фотоаппаратов;

в) учет всего населения;

г) организация охраны, учета и сбора всего оставленного противником военного снаряжения, обмундирования, продовольствия и фуража, брошенного частными лицами скота, имущества, сельскохозяйственного инвентаря, обеспечение охраны, а также учета промышленных предприятий и всего имущества, оставленного на складах…

д) не разрешать одиночкам и колоннам военнослужащих без дела останавливаться в населенных пунктах»[1].

Процесс создания военных комендатур был продолжен и в ходе Восточно-Прусской стратегической наступательной операции. Общее руководство их деятельностью с февраля 1945 г. осуществляли специально сформированные отделы по руководству военными комендатурами при военных советах 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов[2]. Уже к концу марта 1945 г. только в полосе 3-го Белорусского фронта функционировало 38 районных и городских военных комендатур, а также 92 нештатные армейские комендатуры, отдельные из которых в последующем были подчинены районным военным комендатурам, а остальные – упразднены[3].

На основании постановления военного совета 3-го Белорусского фронта 7 апреля 1945 г. была сформирована комендатура города и крепости Кенигсберг, которой подчинялись восемь районных комендатур, выполнявших задачи контроля за соблюдением дисциплины военнослужащими Красной армии, пресечения случаев мародерства, организации охраны военных и важных гражданских объектов, а также осуществления учета местного населения и его привлечения на работы[4].

Таким образом, к моменту завершения Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, на территории, находившейся под контролем

---

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 115. Л. 216–217.

[2] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 700. Л. 39.

[3] Кретинин Г. В. Военные комендатуры 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии (октябрь 1944 – май 1945 года). С. 71, 72.

[4] Административно-хозяйственная деятельность советских военных властей в Кенигсберге в апреле – мае 1945 г. С. 149.

советских войск, была сформирована система органов военного управления, осуществлявшая руководство мероприятиями, направленными на переход провинции к мирной жизни. Вместе с тем, следует отметить, что в Восточной Пруссии, в отличие от других провинций Германии, не создавались органы местного самоуправления из состава лояльного немецкого населения. Эту ситуацию можно объяснить тем, что провинция уже рассматривалась советским командованием в качестве территории, которая в ближайшем будущем будет исключена из состава Германии и перейдет под контроль Советского Союза и Польши.

Оперативная обстановка на территории Восточной Пруссии, в которой осуществляли свою деятельность военная администрация, а также органы и войска НКВД СССР, в течение всего периода боевых действий оставалась напряженной. Проведенный анализ архивных материалов позволяет определить, что ее **особенностями в период Восточно-Прусской стратегической наступательной операции** являлись:

– активная деятельность диверсионно-террористических групп, как созданных немецким командованием из числа военнослужащих немецкой армии, так и организованных нацистскими разведывательными, контрразведывательными органами и партийными организациями из гражданского населения провинции;

– массовое перемещение по территории провинции значительного количества гражданских лиц (как местного немецкого населения, так и граждан СССР и иностранных государств, угнанных на принудительные работы в Германию), а также военнослужащих Красной армии и армий союзных государств, находившихся в лагерях военнопленных на территории Восточной Пруссии;

– значительное количество дезертиров – бывших военнослужащих Красной армии, которые в ряде случаев объединялись в бандитские группы и совершали преступления как в отношении гражданского населения, так и отдельных советских военнослужащих.

Рассматривая ***деятельность диверсионно-террористических групп в Восточной Пруссии***, следует отметить, что их формирование проходило заблаговременно – начиная с осени 1944 г., когда германское командование было поставлено перед необходимостью защиты провинции от вступления на ее территорию советских войск. При этом формированием диверсионно-террористических отрядов занимались как вермахт и СС, так и местные партийные организации НСДАП, не имевшие должного уровня взаимодействия и постоянно конфликтовавшие между собой в вопросах руководства сопротивлением.

Идея создания вооруженных формирований, которые в случае необходимости могли бы оказывать помощь вермахту по сдерживанию наступающих советских войск путем осуществления диверсионных акций в приграничных районах Германии, получила свое практическое воплощение в создании 19 сентября 1944 г. в структуре СС так называемого «Бюро

Прютцмана», руководитель которого обергруппенфюрер СС Г. Прютцман получил особые полномочия по созданию диверсионных отрядов, известных под названием «Вервольф»[1].

Низовой структурой «Вервольфа» должны были стать отряды (группы), численностью от 4 до 7 человек, которые в целях конспирации проводили свою работу изолированно друг от друга. Предполагалось снабжение членов отрядов стрелковым оружием и взрывчатыми веществами, необходимыми для проведения диверсионных актов. Координация действий отрядов и связь с руководством должна была осуществляться при помощи коротковолновых передатчиков[2].

Однако создать полноценные структуры «Вервольфа», находившиеся под контролем СС, на территории провинции не удалось. Как показал на допросе арестованный 15 мая 1946 г. начальник штаба «Вервольфа» в Восточной Пруссии Г. Кречман-унд-Таннен, к началу наступления Красной армии в январе 1945 г. было сформировано всего три группы, в которые входили 36 человек. В последующем предполагалось увеличение количества групп путем привлечения местного населения и военнослужащих вермахта. Для этого к началу 1945 г. на территории провинции были организованы склады и убежища, которые могли обеспечить деятельность отрядов, численностью до 600 человек, в течение четырех месяцев. Вместе с тем, в связи с быстрым наступлением и переходом под контроль советских войск значительной части Восточной Пруссии, деятельность по созданию отрядов «Вервольфа» была свернута[3].

Значительную активность в тылу соединений и частей Красной армии в Восточной Пруссии проявляли диверсионно-террористические группы, сформированные различными разведывательными и контрразведывательными органами противника. При этом подобные группы либо оставались в тылу наступавших советских частей и осуществляли сбор информации об их составе и перемещении, либо забрасывались в глубокий тыл с самолетов для совершения диверсионных актов на коммуникациях. Активной деятельности диверсионно-террористических групп способствовали географические условия Восточной Пруссии – наличие на ее территории больших лесных массивов и болотистых участков, а также значительного количества мелких населенных пунктов, находившихся вдали от коммуникаций, в которых диверсанты могли скрываться в течение длительного времени.

Следует отметить, что немецким командованием на территории Восточной Пруссии были заблаговременно созданы условия для деятельности диверсантов, оставляемых в тылу наступавших советских войск. Так, ликвидированная 14 ноября 1944 г. диверсионная группа, сформированная из военнослужащих батальона охраны охотничьего дома Г. Геринга в Ромынтенском лесу, проживала в специально подготовленных землянках, в которых находились продовольствие

[1] Biddiscombe P. Werwolf! The History of the National Socialist Guerilla Movement, 1944–1946. P. 16.

[2] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2086. Д. 407. Л. 379.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 65–66.

и взрывчатые вещества, а также зимняя гражданская одежда и советское обмундирование[1].

В ряде случаев диверсанты в течение длительного времени могли скрываться в специальных бункерах, подготовленных для проживания и действий в автономном режиме. Задержанный 23 марта 1945 г. в районе имения Ляубенхоф (округ Земланд) член фольксштурма Э. Лидерт на допросе показал, что с января 1945 г. вместе с диверсионной группой находился в бункере, расположенном в лесу Штаатсфорст Грайбен, и вышел из него только когда началось его подтопление вследствие таяния снега. В специальном донесении начальнику войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск командир 31-го пограничного полка подполковник С. Н. Котов следующим образом описывал место укрытия диверсантов: «Бункер расположен в 50–80 м от дороги, тщательно замаскирован и на поверхности земли ничем не выделяется. Для входа в бункер имеется автоматический люк, на поверхности которого установлено растущее дерево. Глубина бункера 1,5–2 м, ширина 2 м, длина 6–8 м. Бункер внутри обшит тесом, имеется уборная, комната для отдыха, где устроены нары на 8–10 чел., а также хранилище боеприпасов. Бункер оборудован вентиляцией, на расстоянии 7–8 м от люка имеется запасной выход. Огневых точек и амбразур не имеет»[2].

Помимо мест, в которых могли укрыться диверсионные группы, в районах их действий заблаговременно готовились тайники с вооружением и боеприпасами. В районе лесничества Паннауген (округ Лабиау) истребительным отрядом Управления войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск была обнаружена землянка, в которой проживала диверсионная группа, численностью более 20 человек. В результате обыска в ней изъято 560 кг взрывчатых веществ, 7 ящиков взрывателей, 200 ручных и 80 противотанковых гранат, ручной пулемет, автомат, 8 винтовок, 36 противотанковых мин, 7700 патронов, радиоприемник и двухнедельный запас продовольствия для 22 человек. В 2 км от землянки находились два замаскированных склада с боеприпасами, в которых были обнаружены 54 ящика с минами, 14 ящиков мин к шестиствольному миномету и 34 ящика патронов[3].

Вместе с тем следует отметить, что несмотря на активную деятельность диверсионно-террористических групп, сформированных немецкими разведывательными и контрразведывательными органами, значительно большее влияние на обстановку в тылу советских войск оказывали действия групп, созданных нацистскими партийными органами из местного населения. Еще 26 июля 1944 г. рейхсфюрер СС Г. Гиммлер заявил: «Если враг прорвется куда-нибудь, он столкнется с таким фанатичным народом, который будет безумно сражаться до последнего так, что он точно не пройдет»[4]. Используя лозунг

[1] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. С. 620.

[2] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 113. Л. 53.

[3] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 111. Л. 119–120, 123.

[4] Цит. по: Mammach K. Der Volkssturm: Das letzte Aufgebot 1944/45. S. 33.

необходимости защиты Германии от наступающей Красной армии, партийные руководители с осени 1944 г. осуществляли вербовку членов НСДАП из местного населения в группы, которые должны были остаться на подконтрольной советским войскам территории и совершать диверсии. Так, задержанный 15 февраля 1945 г. житель города Пройсиш-Эйлау Г. Юон на допросе показал, что получил от партийного руководства города задание остаться в нем после занятия советскими войсками и совершать убийства военнослужащих Красной армии. Для выполнения поставленной задачи он получил пистолет и был снабжен взрывчатыми веществами[1].

Достаточно часто для формирования диверсионных групп использовался актив нацистской партии. По данным разоблаченного диверсанта «И» в районе города Бартенштайн в начале марта 1945 г. действовало пять диверсионных групп по 5–6 человек, сформированных из числа членов НСДАП. Общее руководство ими осуществлял руководитель партийной организации поселка Альбрехтсдорф (округ Пройсиш-Эйлау) Ф. Блок[2].

Следует отметить, что в ряде случаев лица, привлекаемые партийными органами к диверсионной деятельности, даже не получали оружия и боеприпасов. Так, житель города Ризенбург (округ Розенберг) К. Митц в октябре 1944 г. на партийном собрании был включен в состав диверсионно-террористической группы, сформированной для действий в тылу Красной армии, однако «оружие и взрывчатые вещества предлагалось приобретать лично»[3].

Нередко в качестве диверсантов использовались лица, негласно сотрудничавшие с разведывательными и контрразведывательными органами. Житель деревни Швентайнен (округ Тройбург) Ф. Буровский в ноябре 1936 г. был завербован сотрудником гестапо города Ликк и занимался выявлением лиц, недовольных политикой НСДАП. В ноябре 1944 г. он получил задание от руководителя деревенской партийной организации Г. Насса остаться в тылу Красной армии и совершать нападения на одиночных советских военнослужащих. В январе 1945 г. Ф. Буровский ушел в лес, подобрал брошенную винтовку и, собрав запас патронов, намеревался выполнить поставленную задачу, однако 7 апреля 1945 г. был задержан служебным нарядом 3-го стрелкового батальона 132-го Минского пограничного полка при проверке лесного массива Штаатсфорст Ликк[4].

Широкое распространение на территории Восточной Пруссии получило формирование диверсионных групп из числа подростков – членов нацистских молодежных организаций «Юнгфольк», «Гитлерюгенд» и «Союз немецких девушек». В своей работе руководители молодежи делали особый акцент на необходимости защиты родины от наступающего противника, умело играя на чувствах самопожертвования у подростков (например, руководитель «Гитлерюгенда» А. Аксман в своем обращении к членам организации заявил:

[1] РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 57. Л. 215.
[2] РГВА. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 77.
[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 486.
[4] РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 58. Л. 175.

«Враг топчет нашу землю и грозит нам смертью. Прежде чем мы позволим себя убить или поработить, мы будем бесстрашно сражаться до победы»[1]), а также распространяя сведения о зверствах советских войск на территории Германии, формируя у немецкой молодежи ненависть к военнослужащим Красной армии. Немаловажное значение в ходе вербовки придавалось и чувству коллективизма. Так, в ходе опроса, проводимого офицерами политотдела 39-й армии, 16-летняя Г. Обернест, которая проживала в районе города Лабиау, дала следующие ответы:

«ВОПРОС: Каково настроение немецких солдат?

ОТВЕТ: Они не хотят воевать и их очень мало. Когда русские начали стрелять, они побежали. Если бы я была солдатом, я дралась бы иначе.

ВОПРОС: Если бы у вас было оружие, сражались бы вы против русских?

ОТВЕТ: Одна – нет. Немецкая девушка не солдат.

ВОПРОС: А если бы другие девушки имели оружие и дрались бы против русских?

ОТВЕТ: Тогда бы и я боролась»[2].

В ряде случаев подростки направлялись для кратковременного обучения в диверсионные школы. Так, с ноября 1944 г. в городе Бишофсбург (округ Рессель) была создана специальная диверсионная школа для членов «Гитлерюгенда», которой руководили три инструктора из состава СС[3]. Аналогичная школа действовала в городе Ландсберг (округ Пройсиш-Эйлау) перед его занятием частями Красной армии[4]. В ряде случаев подготовка диверсантов из числа молодежи проходила совместно с обучением членов фольксштурма. В тыловых районах руководители молодежных организаций нередко сами проводили с подростками занятия по обучению диверсионно-террористической деятельности. Например, 14-летний житель города Тройбург В. Папротка, эвакуированный в ноябре 1944 г. в деревню Грунау (округ Зенсбург), посещал специальные занятия, проводимые окружным руководством организации «Юнгфольк». Перед вступлением в населенный пункт частей Красной армии подросток получил пакет с отравляющими веществами, который высыпал в деревенский колодец[5].

Отдельные группы подростков, оставленных для диверсионной деятельности в тылу Красной армии, имели значительное количество оружия и боеприпасов. В период с 1 по 10 апреля 1945 г. оперативной группой 3-го стрелкового батальона 13-го Виленского пограничного полка в районе деревни Штернберг (округ Хайльсберг) были задержаны 38 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, действовавшие мелкими группами по 5–6 человек. У задержанных изъяты 8 советских и 28 немецких винтовок, противотанковое ружье, 3 ручных пулемета, станковый пулемет с запасным стволом к нему, 3 охотничьих ружья, 16 гранат, 6 кг тола и 2312 винтовочных патронов. В ходе

[1] Цит. по: Кнопп Г. «Дети» Гитлера. С. 241.
[2] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 182. Л. 20.
[3] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 97.
[4] РГВА. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 96.
[5] РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 58. Л. 154.

обыска у диверсантов обнаружены три медали «За отвагу» и медаль «За боевые заслуги», снятые с убитых советских военнослужащих[1].

Значительное количество диверсантов было подготовлено и оставлено противником в Кенигсберге. Большая часть из них должна была действовать под видом гражданских лиц. Так, задержанный служебным нарядом 1-й заставы 132-го Минского пограничного полка в южной части города член НСДАП с 1933 г. К. Саагер получил задание от руководителя низовой партийной организации «войти в доверие к русским, поступить на работу в какое-нибудь учреждение и заниматься подрывной диверсионно-террористической деятельностью»[2].

В целях обеспечения действий диверсионно-террористических групп немецким командованием как в городе, так и в его окрестностях были подготовлены склады с вооружением, боеприпасами и взрывчатыми веществами. Служебным нарядом 3-го стрелкового батальона 86-го пограничного полка при проверке данных, полученных в результате допроса задержанного члена нацистской организации, в подвале одного из домов на северо-восточной окраине Кенигсберга в специально оборудованной комнате были обнаружены и изъяты 10 ручных пулеметов, 110 винтовок, 150 гранат, 10 200 патронов и 30 противотанковых мин[3]. 24 апреля 1945 г. служебным нарядом 2-й резервной заставы 86-го пограничного полка при проверке показаний задержанного агента немецкой разведки «К» в кирхе Лютера в районе Хаберберг был обнаружен склад с вооружением и боеприпасами, в котором находились 2 ручных пулемета, 50 винтовок и 5000 патронов[4].

Для ведения диверсионно-террористической деятельности в Кенигсберге активно использовались подростки. По данным разоблаченного агента немецкой разведки «Г» в Кенигсберге было оставлено 9 диверсионно-террористических групп общей численностью 360 человек, большая часть которых являлась членами «Гитлерюгенда». Все диверсанты прошли восьмидневное обучение, после окончания которого получили оружие и боеприпасы[5].

Таким образом, для осуществления диверсий на территории Восточной Пруссии немецким командованием были мобилизованы практически все ресурсы. Понимая, что переломить ход боевых действий в свою пользу и остановить наступление Красной армии невозможно, оно сделало ставку на дестабилизацию обстановки в тылу советских войск, привлекая к диверсионной деятельности не только лиц, прошедших специальную подготовку, но и местное население.

Первые факты диверсий были зафиксированы уже сразу после вступления советских войск на территорию Восточной Пруссии. Уже в конце октября 1944 г. в оперативных сводках штабов войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта появляются сведения об убийствах или пропаже

[1] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 169–169 об.
[2] РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 58. Л. 236.
[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 245–245 об.
[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 176. Л. 355 об.
[5] РГВА. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 155.

одиночных советских военнослужащих[1]. Аналогичные случаи были зафиксированы и в полосе 1-го Прибалтийского фронта[2].

Широкая подрывная деятельность в тылу советских войск получила свое распространение с февраля 1945 г. Диверсионные группы, скрываясь в лесных массивах, совершали обстрелы военнослужащих Красной армии, а также производили поджоги зданий в населенных пунктах, осуществляли порчу линий связи. Так, 4 февраля 1945 г. разведывательно-поисковой группой 3-го стрелкового батальона 331-го пограничного полка в деревне Удерванген (округ Пройсиш-Эйлау) были задержаны скрывавшиеся в подвалах домов четверо мужчин, оставленных немецким командованием для поджога домов[3].

С марта 1945 г. противник стал проводить диверсии на железнодорожных коммуникациях. Так, диверсионная группа, выброшенная с самолета в тылу 3-го Белорусского фронта 7 марта 1945 г., скрывалась в лесных массивах, находившихся вдоль железнодорожного участка Инстербург – Велау. Ранним утром 13 марта 1945 г. группа совершила подрыв железнодорожного полотна в 4 км восточнее города Инстербург, а в ночь на 15 марта 1945 г. – подрыв полотна под воинским эшелоном в 1 км восточнее станции Пушдорф[4]. После выхода из строя радиостанции диверсионная группа ушла по направлению к линии фронта[5].

Наиболее крупные акции, направленные на выведение из строя коммуникаций в тылу советских войск, были проведены диверсионными группами в конце марта 1945 г. в южных районах провинции. Вечером 22 марта 1945 г. на железнодорожном перегоне Вилленберг – Найденбург между станциями Мушакен и Грюнфлисс (округ Найденбург) в результате подрыва полотна неустановленной диверсионной группой сошли с рельсов паровоз и три вагона[6]. 26 марта 1945 г. в этом же месте под эшелоном с гражданами Германии, направленными на работы в СССР, был произведен подрыв трех мин, в результате чего одна женщина погибла и четверо получили ранения[7].

Вместе с тем, несмотря на отдельные резонансные диверсионные акции, деятельность диверсионно-террористических групп противника, оставленных в тылу советских войск, не имела существенных результатов. Причиной этого стало отсутствие единого руководства подрывной деятельностью, и, как следствие, координации между структурами, осуществлявшими формирование и подготовку диверсионных групп. Несмотря на большое количество лиц, оставленных в тылу Красной армии с диверсионными задачами, их акции носили хоть и массовый, но крайне малоэффективный характер.

Второй особенностью оперативной обстановки, которая оказывала значительное влияние на оперативно-служебную деятельность органов и войск

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 116. Л. 103.
[2] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 68. Л. 320.
[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 88 об.
[4] РГВА. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 40. Л. 178, 180.
[5] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 117. Л. 162.
[6] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 181.
[7] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 176. Л. 252–252 об., 257 об.

НКВД СССР на территории провинции в период Восточно-Прусской наступательной операции, являлось ***перемещение в тылу советских войск большого количества гражданских лиц (как немецкого населения, так и граждан СССР и союзных государств, угнанных на работы в Германию) а также бывших военнопленных***.

Эвакуационные мероприятия, проведенные осенью 1944 г. гауляйтером Восточной Пруссии Э. Кохом, коснулись только восточных районов провинции и проходили достаточно организованно: население было заранее предупреждено об эвакуации, выезд людей осуществлялся по железной дороге и на автомашинах, вывозилось ценное имущество. В результате проведенных мероприятий на территории, занятой советскими войсками в октябре 1944 г., гражданского населения практически не оставалось.

В свою очередь в январе 1945 г., особенно в районах западнее города Инстербург, эвакуация местного населения проходила неорганизованно и поспешно. Немецкие исследователи в своем большинстве возлагают вину в запрете эвакуации гражданского населения провинции на Э. Коха и отмечают, что «в большинстве случаев приказ об эвакуации следовало ожидать через несколько часов после команды на сборы. Он приходил, если вообще это случалось, слишком поздно. И вместо планомерного оставления местности и крестьянских дворов, вместо перевозки по железной дороге, начиналось паническое бегство»[1]. Характерной для населенных пунктов Восточной Пруссии являлась ситуация в городе Гердауен, в который приказ об эвакуации поступил 25 января 1945 г. – в день вступления частей Красной армии в город. В связи с тем, что последний поезд в западном направлении ушел днем ранее, гражданское население было вынужденно массово бежать из города[2].

Вместе с тем, уже с конца января 1945 г. начался постепенный процесс возвращения немецкого населения в районы своего проживания. Начальник политотдела 5-й армии полковник Н. А. Хватов в донесении начальнику Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майору С. Б. Казбинцеву от 2 февраля 1945 г. № 0034 дал следующую характеристику немецкого населения, находившегося в полосе действий армии: «Немцы держатся замкнуто, очень запуганы и лишь немногие подробно отвечают на вопросы. Большинство держатся молчаливо и убеждены в том, что будут казнены или сосланы в Сибирь»[3].

Массовое передвижение немецкого населения по территории, находившейся под контролем советских войск, связанное с возвращением в районы своего проживания, началось в феврале 1945 г. и продолжалось до окончания Восточно-Прусской стратегической наступательной операции. Однако, несмотря на ряд мер, предпринимаемых как органами военной администрации, так и войсками НКВД СССР, упорядочить перемещение

---

[1] Цит. по: Dieckert K., Grossman H. Der Kampf um Ostpreussen. Ein authentischer Dokumentarbericht. S. 120.

[2] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 182. Л. 28.

[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 182. Л. 36.

гражданских лиц в тылу советских войск, практически не удавалось, что приводило к бесконтрольному расселению немцев в тыловых районах.

Кроме того, местное гражданское население нередко использовалось в качестве прикрытия для немецких военнослужащих, которые переодевались в гражданскую одежду с целью избежать плена. Только за 19 февраля 1945 г. на участке 217-го пограничного полка были задержаны семь немецких солдат, пытавшихся скрыться среди гражданских лиц[1]. В последующем, после взятия Кенигсберга и занятия территории Земландского полуострова, это явление приобрело массовый характер. Так, на северной окраине населенного пункта Гранц (округ Земланд) оперативной группой НКВД СССР 16 апреля 1945 г. были задержаны восемь военнослужащих немецкой армии, которые под видом местных жителей пытались пройти в тыл советских войск[2].

Достаточно часто колонны гражданских лиц, которые двигались в тыл советских войск, активно использовались членами диверсионно-террористических групп для скрытого перемещения вооружения и боеприпасов. 15 апреля 1945 г. служебным нарядом 3-й заставы 13-го Виленского пограничного полка в районе поселка Раушен (округ Земланд) при осмотре повозок местных жителей изъяты ручной пулемет, 9 винтовок и ящик винтовочных патронов[3], а через несколько дней – 18 апреля 1945 г. – служебный наряд 11-й заставы того же полка на дороге Шугстен – Кведнау (округ Земланд) на 20 подводах обнаружил и изъял спрятанные в них 7 винтовок, 2 автомата, 17 магазинов к автомату, 3000 патронов и 2 радиоприемника[4].

Наступление Красной армии в Восточной Пруссии сопровождалось массовым освобождением граждан СССР и иностранных государств, угнанных на работы в Германию. Этот процесс начался уже во второй половине января 1945 г.[5] и продолжался до конца апреля 1945 г.[6]

Следует отметить, что в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР от 6 января 1945 г. № 30-12с «Об организации приема и устройства репатриируемых граждан СССР из Германии и оккупируемых ею стран» все советские граждане, освобожденные из немецкого плена, направлялись

---

[1] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 118.

[2] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 178.

[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 250–250 об.

[4] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 174.

[5] Так, в период с 22 по 30 января 1945 г. только в полосе 2-го и 3-го стрелковых батальонов 132-го Минского пограничного полка служебными нарядами было задержано 742 человека, освобожденных из немецкого плена: русских – 474, украинцев – 42, белорусов – 83, литовцев – 41, поляков – 78, итальянцев – 15, французов – 9 (РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 57. Л. 143 об.).

[6] В феврале – апреле 1945 г. служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, а также 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР были задержаны 24 710 граждан СССР и 28 628 граждан иностранных государств, находившихся на принудительных работах в Германии. Среди граждан иностранных государств наибольшее количество составляли поляки – 10 735 человек (37,49%), французы – 3478 человек (12,14%) и итальянцы – 267 человек (0,93%) (РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 111. Л. 58 об., 127 об.; Ф. 32924. Оп. 1. Д. 171. Л. 27–28; Д. 174. Л. 84 об., 156 об., 232; Ф. 38680. Оп. 1. Д. 6. Л. 37–38, 49, 132, 188).

на фронтовые сборно-пересыльные пункты или пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР, откуда передавались либо во фронтовые запасные части (военнообязанные призывных возрастов), либо отправлялись к местам постоянного жительства, за исключением Москвы, Ленинграда и Киева (остальной контингент)[1]. Вместе с тем, значительное число советских и иностранных граждан стремились обойти фильтрационные мероприятия и проникнуть на территорию СССР и своих государств, минуя сборно-пересыльные и проверочно-фильтрационные пункты, либо остаться в тылу советских войск.

Одной из причин подобных действий являлось активное использование германским командованием как граждан СССР, так и других государств для ведения разведывательной и диверсионной работы в тылу наступавших частей Красной армии. Так, по данным оперативной ориентировки заместителя командира 132-го Минского пограничного полка по разведке майора М. Е. Теплова от 23 марта 1945 г. № 3-00214 на территории Восточной Пруссии, находившейся на тот момент под контролем немецких войск, функционировало четыре разведывательных и одна диверсионная школа, которые комплектовались из граждан СССР, а также попавших в плен военнослужащих Красной армии[2].

В ряде случаев лица, завербованные разведывательными и контрразведывательными органами противника, принимались на работу без предварительной проверки в тыловые подразделения и комендатуры Красной армии. Так, задержанная 10 апреля 1945 г. в городе Летцен служебным нарядом 3-й заставы 132-го Минского пограничного полка жительница Новодугинского района Смоленской области Л. Е. Ефремова была разоблачена как агент СД. На допросе она показала, что в конце декабря 1942 г. за читку советских листовок была арестована полицией, после чего завербована и получила задачу выявлять партизан и лиц, ведущих агитацию против немецких властей. В феврале 1943 г. Л. Е. Ефремова была вывезена немцами в город Летцен, а после его занятия частями Красной армии в феврале 1945 г. принята на работу в военную комендатуру[3].

Кроме того, под видом советских граждан, находившихся на работах в Германии, в тыл советских войск проникали и бывшие военнослужащие Красной армии, пытавшиеся уйти от ответственности за добровольное участие в боевых действиях на стороне противника. В оперативной ориентировке, направленной командованием 86-го пограничного полка командирам подразделений, отмечалось, что в конце февраля – начале марта 1945 г. в Кенигсберге военнослужащие «Русской освободительной армии» совершали убийства советских граждан, угнанных на работу в Германию, забирали их документы и по ним, переодевшись в гражданскую одежду, пытались перейти линию фронта[4].

В период относительной стабилизации линии фронта в Восточной Пруссии в феврале–марте 1945 г. в тылу Красной армии значительно ***увеличилось число***

---

[1] Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сб. документов в 2 т. Т. 1: 1944–1946. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 130.

[2] РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 52. Л. 229.

[3] РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 58. Л. 178–179.

[4] РГВА. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 73.

лиц, отставших от своих частей, а также дезертиров, пытавшихся скрыться из частей действующей армии в тыловых районах[1]. В целях уклонения от встреч со служебными нарядами войск НКВД СССР дезертиры передвигались в тылу фронта по проселочным дорогам, используя при этом такие ухищрения, как конвоирование местных жителей, военнопленных или арестованных военнослужащих Красной армии, передвижение под видом раненых, следующих в госпитали, пребывание в населенных пунктах под видом командированных[2]. Так, в первой декаде марта 1945 г. отделом контрразведки «Смерш» 11-й гвардейской армии была задержана группа из 20 дезертиров во главе с бывшим командиром взвода 46-го гвардейского стрелкового полка 16-й гвардейской стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии младшим лейтенантом И. В. Шипицыным, которая проживала в деревне Гутенфельд (округ Земланд) под видом заготовителей продуктов[3].

Достаточно часто военнослужащие, дезертировавшие из своих частей, объединялись в большие группы, которые скрывались в тылу фронта и занимались грабежом местного населения. В ряде случаев к бандам, состоявшим из дезертиров, присоединялись и местные жители. Так, по данным, полученным от начальника Ортельсбургского оперативного сектора НКВД СССР, сабельный эскадрон кавалерийского дивизиона 371-го стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР 24 апреля 1945 г. северо-восточнее города Ортельсбург задержал банду под руководством бывшего начальника ремонтной базы 47-го стрелкового корпуса 70-й армии капитана П. Д. Крутько, в которую входили пять военнослужащих Красной армии, немец, поляк и три немки, совершавшую грабежи и убийства местного населения. У задержанных были изъяты 10 винтовок, револьвер «Наган», 12 гранат и 20 кг взрывчатых веществ[4].

Сложная оперативная обстановка на территории Восточной Пруссии продолжала сохраняться и после окончания боевых действий – **на этапе подготовки и проведения мероприятий, направленных на разделение провинции между Советским Союзом и Польшей**. Следует отметить, что уже в это время, несмотря на то что Восточная Пруссия еще формально находилась в составе Германии и управление здесь осуществлялось органами советской военной администрации, на территориях, которые должны были войти в состав Советского Союза и, соответственно, Польши начали проявляться существенные различия административного порядка.

---

[1] Так, в феврале 1945 г. служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, а также 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР были задержаны 387 дезертиров и 575 военнослужащих, отставших от своих воинских частей. В марте 1945 г. их число увеличилось до 466 и 606 человек соответственно (РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 111. Л. 58, 127; Ф. 32924. Оп. 1. Д. 174. Л. 88, 160; Ф. 38680. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 15, 37).

[2] РГВА. Ф. 32935. Оп. 1. Д. 57. Л. 223 об., 229 об.; Д. 58. Л. 26 об.

[3] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 76. Л. 31.

[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 137. Л. 143–144.

Так, в северной части Восточной Пруссии, которая должна была войти в состав СССР, в соответствии с постановлением военного совета 3-го Белорусского фронта от 10 мая 1945 г. № 028 при военной комендатуре Кенигсберга было образовано Временное управление по гражданским делам, а при каждой военной комендатуре – отделение по гражданским делам, на которые возлагались задачи управления местным населением и решения возникавших хозяйственных вопросов[1]. При этом на органы военного управления были возложены и некоторые задачи, которые на остальной территории страны выполнялись органами НКВД СССР. Так, Временное управление по гражданским делам осуществляло функцию регистрации, документирования и учета населения на подконтрольной территории[2], а также обеспечивало противопожарную безопасность восстанавливаемых и вводимых в строй промышленных предприятий[3].

После окончания боевых действий в северной части Восточной Пруссии военными комендатурами было зафиксировано постепенное увеличение численности немецкого населения, что было связано с его возвращением к местам своего проживания из Центральной Германии[4]. В связи с этим в период с 20 мая по 10 июня 1945 г. военными комендатурами была проведена регистрация немцев, которым выдавалась справка, удостоверяющая прописку в определенном населенном пункте (в крупных городах – на определенной улице). При этом перемещение местного населения могло осуществляться только на основании специального пропуска, выданного военным комендантом[5].

Кроме того, в соответствии с приказом военного коменданта города и крепости Кенигсберг от 11 июня 1945 г. № 063 из местных жителей назначались старшие домов и улиц, которые несли ответственность за количество немцев, проживающих в доме (на улице). Выдача продовольствия осуществлялась только лицам, имевшим прописку[6].

---

[1] Административно-хозяйственная деятельность советских военных властей в Кенигсберге в апреле – мае 1945 г. С. 164–165.

[2] Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны. С. 449.

[3] Приказы военного коменданта города и крепости Кенигсберг за 1945 г. (Из фондов Государственного архива Калининградской области). С. 91.

[4] Так, по данным военных комендатур численность немецкого населения в северной части Восточной Пруссии по состоянию на 1 мая 1945 г. составляла 46 467 человек, на 15 мая 1945 г. – 75 508 человек, а на 15 июня 1945 г. – 104 098 человек (ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 789. Л. 56–57, 96; Д. 817. Л. 213).

[5] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 22–23.

[6] Приказом военного коменданта города и крепости Кенигсберг от 15 мая 1945 г. № 024 были установлены следующие нормы выдачи продовольствия немецкому населению за плату: а) лицам, привлекаемым к работам по уборке населенных пунктов, ремонту шоссейных дорог, на коммунальных и других предприятиях – 400 г печеного хлеба, 30 г соли и 600 г картофеля, б) нетрудоспособным и детям – 200 г печеного хлеба, 30 г соли и 400 г картофеля (Приказы военного коменданта города и крепости Кенигсберг за 1945 г. (Из фондов Государственного архива Калининградской области). С. 83; Административно-хозяйственная деятельность советских военных властей в Кенигсберге в апреле – мае 1945 г. С. 170).

Следует отметить, что в документах военного совета 3-го Белорусского фронта и военного коменданта города и крепости Кенигсберг отмечалось неудовлетворительное качество проведенной регистрации немецкого населения, а также сокрытие отдельными воинскими частями фактов использования немцев в качестве рабочей силы. Проведенная регистрация получила невысокую оценку уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майора Б. П. Трофимова: «Немецкое население документировано справками без фотографических карточек, выданными взамен изъятых немецких паспортов. Эти справки документами, удостоверяющими личность, служить не могут, так как они могут передаваться от одного немца другому, а установить, кому действительно такая справка принадлежит, не представляется возможным. Немецкое население, документированное указанным выше образом, бесконтрольно перемещалось с одного населенного пункта в другой, в результате чего учет его запутан»[1].

Скученность немецкого населения в местах проживания, а также недостаток питания послужили причиной неблагоприятной санитарно-эпидемиологической ситуации, сложившейся в северных районах Восточной Пруссии к лету 1945 г. Приказ командующего 11-й гвардейской армией от 11 июля 1945 г. № 0326 констатировал распространение эпидемии брюшного тифа среди гражданского населения, основные очаги которой были зарегистрированы в городе Кенигсберге, а также округах Лабиау и Пилькаллен[2]. Несмотря на ряд предпринятых военным командованием мер, сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка на территории северной части Восточной Пруссии продолжала сохраняться и в последующем.

С лета 1945 г. началось постепенное восстановление и ввод в действие промышленных предприятий региона. В связи с этим в целях ликвидации кадрового дефицита промышленные ведомства начали откомандирование специалистов и рабочих в Восточную Пруссию. Первые советские граждане в количестве 5 тыс. человек прибыли на территорию провинции уже в августе 1945 г. в рамках выполнения постановления Государственного комитета обороны от 4 июня 1945 г. № 8923с «Об обеспечении рабочей силой предприятий Наркомбумпрома в городах Тильзит, Кенигсберг, Рагнит, Велау, Мемель»[3], а к ноябрю 1945 г. их численность достигла уже 7 тыс. человек[4].

Вместе с тем, сразу после окончания боевых действий на территории Восточной Пруссии в провинции стали появляться группы жителей различных областей СССР, прибывающих с целью «сбора трофеев». Летом 1945 г. был зафиксирован массовый переход государственной границы подростками в возрасте 10–17 лет, следовавших в Восточную Пруссию с той же целью[5]. В ряде

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

[2] ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5926. Д. 23. Л. 240.

[3] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 43.

[4] Манкевич Д. В. Миграции населения СССР в первые послевоенные годы и заселение Калининградской области (1945–1950 гг.). С. 57.

[5] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 170. Л. 223.

случаев происходило объединение граждан различных областей СССР, прибывших в провинцию с целью грабежа местных жителей[1].

Необходимо отметить, что росту уголовной преступности способствовало большое количество оружия и боеприпасов, оставленных в местах боев и не собранных трофейными командами. Так, приказ военного коменданта города и крепости Кенигсберг от 18 августа 1945 г. № 75 отмечал многочисленные факты незаконного приобретения огнестрельного оружия отдельными гражданами СССР, прибывшими в город на работу[2].

В свою очередь, в южной части Восточной Пруссии после окончания боевых действий с мая 1945 г. началось неконтролируемое перемещение польского населения и формирование польских органов местного управления, в результате чего к 1 июля 1945 г. число поляков здесь достигло почти 30 тыс. человек[3]. При этом, несмотря на относительно низкий по сравнению с немецким процент польского населения, отношение переселенцев к немцам было резко враждебным. Начальник 7-го отдела политуправления 3-го Белорусского фронта полковник И. И. Никифоров в докладной записке от 27 мая 1945 г. констатировал: «Избиения и грабежи поляками немецких жителей являются не единичными явлениями. Зарегистрировано много случаев, когда приезжающие поляки выгоняют немцев из их домов, особенно там, где немцами уже произведены посевы, причем немцам запрещают брать с собой какие бы то ни было вещи и даже не указывают, где им расселяться.

Польские власти в районе г. Растенбург производят в настоящее время обыски среди отдельных немецких жителей под видом поисков оружия и забирают при этом у немцев личные вещи…

В целях изыскания средств к существованию часть немцев может стать на путь грабежей, что создаст угрозу безопасности тыла наших воинских частей, расположенных в этих районах. Немцы пока ограничиваются формами пассивного протеста. Группы немцев приходят к работникам наших комендатур и просят перевести их в северные районы Восточной Пруссии, некоторые просят отправить их хоть в Сибирь, только не оставлять с поляками»[4].

Одновременно с польским населением в южную часть Восточной Пруссии с июня 1945 г. началось перемещение отрядов «Армии Крайовой», члены которой перешли к открытым угрозам в отношении советских военнослужащих. Так, военному коменданту города Биалла (округ Иоганнисбург) поступили данные о возможном нападении подразделений «Армии Крайовой» на советские гарнизоны в период с 24 по 30 июля 1945 г., подтвержденные появлением как в самом городе, так и в окружающих населенных пунктах групп неизвестных, проводивших среди поляков агитацию против Красной армии. В связи с этим в повышенную боевую готовность были приведены подразделения

[1] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 7. Л. 175 об.

[2] Приказы военного коменданта города и крепости Кенигсберг за 1945 г. (Из фондов Государственного архива Калининградской области). С. 99.

[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2632. Д. 28. Л. 236.

[4] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2632. Д. 28. Л. 213–214.

371-го стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР в городах Арис и Иоганнисбург, а для усиления гарнизонов в населенных пунктах Дригаллен и Каллишкен направлены пулеметный и усиленный стрелковый взводы. Для оперативного реагирования на проявления бандитизма в город Иоганнисбург был переброшен сабельный эскадрон кавалерийского дивизиона полка, усиленный двумя бронемашинами[1].

Оперативная обстановка в южных районах Восточной Пруссии еще более осложнилась после принятия решения Потсдамской конференции о разделении провинции между Советским Союзом и Польшей[2]. На основании директивы командующего войсками 3-го Белорусского фронта от 7 августа 1945 г. № 01537 все районные и городские военные комендатуры, находившиеся на территории Восточной Пруссии, отходившей к Польше, расформировывались[3]. Несколько позже – в середине сентября 1945 г. – здесь были расформированы существовавшие оперативные сектора НКВД СССР, а к концу месяца – в северную часть Восточной Пруссии выведены части 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР[4].

С начала сентября 1945 г. на территории Восточной Пруссии, вошедшей в состав Польши, началось принудительное переселение немецкого населения на территорию Центральной Германии, в ряде случаев сопровождаемое противоправными действиями в отношении немцев. Так, 2 сентября 1945 г. все немецкое население деревни Нойендорф (округ Растенбург) было полностью выселено из своих домов в бараки, а личное имущество изъято местной администрацией[5]. В свою очередь, немцы, спасаясь от произвола польских властей, бежали из мест своего проживания на территорию Восточной Пруссии, отошедшую к Советскому Союзу. По оценке Г. В. Кретинина число подобных лиц превысило 30 тыс. человек[6].

---

[1] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 7. Л. 305.

[2] В протоколе Потсдамской конференции от 1 августа 1945 г. отмечалось, что представители союзных держав согласились с предложениями советского правительства о передаче Советскому Союзу города Кенигсберг и прилегающего к нему района «от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку – севернее Браунсберга – Гольдапа к стыку границ Литвы, Польской Республики и Восточной Пруссии» (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. С. 438). Данное положение закреплялось статьей 3 советско-польского договора от 16 августа 1945 г. о государственной границе (Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 8 т. Т. VIII. Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М.: Наука, 1974. С. 542). Процесс принятия под охрану нового участка государственной границы был осуществлен пограничными войсками НКВД СССР в период с 31 августа по 15 октября 1945 г. (На рубежах янтарного края. С. 58).

[3] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 3. Л. 390.

[4] РГВА. Ф. 36860. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.

[5] РГВА. Ф. 36860. Оп. 1. Д. 8. Л. 118.

[6] Кретинин Г. В. Военные комендатуры Кенигсбергского особого военного округа в 1945–1946 годах. С. 58.

В свою очередь, **на территории северной части Восточной Пруссии в период с сентября 1945 г. по март 1946 г.** местные органы управления не создавались, а управление продолжало осуществляться органами военной администрации. Общее руководство военными комендатурами было возложено на сформированное в июле 1945 г Временное гражданское управление при военном совете Особого военного округа[1] (с 19 ноября 1945 г. – Временное управление по гражданским делам при военном совете Особого военного округа), начальником которого являлся генерал-майор интендантской службы В. Г. Гузий. В задачи Временного управления входили: планирование и контроль финансовой деятельности предприятий и учреждений, организация ремонта дорог и мостов, открытие учебных заведений и руководство ими, создание системы дошкольного воспитания, распределение рабочей силы по заявкам руководителей предприятий, регистрация рождений, браков и смертей, ведение учета военнообязанных советских граждан, организация пожарной охраны[2]. При районных военных комендатурах были созданы временные гражданские отделы.

Следует отметить, что деятельность Временного управления по гражданским делам продолжалась и после ликвидации Особого военного округа, который 29 января 1946 г. был присоединен к Прибалтийскому военному округу. Ряд авторов считает, что «ликвидация Особого военного округа привела к практическому безвластию на территории будущей области», так как «реформа военного командования привела к утрате легитимности Временного гражданского управления»[3]. Вместе с тем, Временное управление продолжало осуществлять контроль за деятельностью предприятий и учреждений, а также за условиями жизни как местного немецкого, так и переселявшегося советского населения вплоть до 25 апреля 1946 г.

Основу населения северной части Восточной Пруссии продолжали составлять немцы. По данным военных комендатур по состоянию на 1 сентября 1945 г. их численность достигла 139 тыс. человек (в том числе в Кенигсберге – около 68 тыс. человек)[4]. Однако вследствие неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки и недостатка продовольствия количество немецкого населения постепенно сокращалось. В «Справке о работе гражданского управления за период с 20 апреля по 12 ноября 1945 г.» отмечалось, что только за октябрь 1945 г. в Кенигсберге умер 2701 человек (в том числе 768 – в больницах)[5]. Начавшаяся в ноябре 1945 г. эпидемия тифа также повлияла на уменьшение численности немецкого населения. Пастор евангелической общины района Лип Х. Линк в своих воспоминаниях указывал,

---

[1] Приказом народного комиссара обороны СССР от 9 июля 1945 г. № 0139 «Об организации новых округов и изменении границ существующих военных округов» на территории Восточной Пруссии, отходившей к Советскому Союзу, был сформирован Особый военный округ.

[2] Очерки истории Восточной Пруссии. С. 445.

[3] Федорова О. Г., Кретинин Г. В. О послевоенном восстановлении Калининградской области: к вопросу о конфликте властей. С. 64.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

[5] Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны. С. 491–492.

что в течение полугода численность немцев в Кенигсберге сократилась на 30 тыс. человек[1].

Вместе с тем, органы военной администрации с осени 1945 г. ослабили режим, установленный для немецкого населения. Теперь немцы получили право свободного передвижения по территории района, а также могли допускаться к работе в учреждениях и воинских частях. Кроме того, в соответствии с постановлением военного совета Прибалтийского военного округа от 15 февраля 1946 г. местным жителям предоставлялась возможность свободного устройства на работу в промышленность и сельское хозяйство[2]. В результате к 1 апреля 1946 г. в северных районах Восточной Пруссии на различных видах работ было задействовано 25 176 немцев, что составляло 59,97% трудоспособного населения (без учета города Кенигсберг)[3].

Несмотря на незначительное количество открытых антисоветских проявлений со стороны немецкого населения[4], его отношение к органам советской военной администрации и проводимым ими мероприятиям по восстановлению промышленных предприятий и коммунального хозяйства уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов охарактеризовал как «саботаж в самых разнообразных формах», заключавшийся в уклонении от работ, их некачественном выполнении, порче оборудования, инструментов и материалов. Подобные действия осуществляли в основном бывшие члены нацистской партии, скрывавшие свою принадлежность к ней, а также члены нацистских молодежных организаций «Гитлерюгенд» и «Союз немецких девушек»[5].

Кроме того, в документах НКВД – НКГБ СССР отмечалось, что в среде немецкого населения с зимы 1945–1946 гг. стали активно распространяться слухи о возможном вооруженном конфликте между СССР и бывшими союзниками – Великобританией и США. Так, жительница города Хайнрихсвальде (округ Эльхнидерунг) Е. Ницул в одной из бесед заявила: «Я слышала по радио из Голландии, как выступали представители немецкой молодежи с песнями и стихами о Германии. Это будущие солдаты немецкой армии, которые будут воевать вместе с Англией против русских. Они будут одеты в английскую и американскую форму»[6]. Активную роль

---

[1] Linck H. Königsberg, 1945–1948. Im Feuer geprüft. S. 45.

[2] Очерки истории Восточной Пруссии. С. 457.

[3] Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны. С. 493.

[4] В докладной записке уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майора Б. П. Трофимова народному комиссару внутренних дел СССР Маршалу Советского Союза Л. П. Берия от 10 декабря 1945 г. № 00147 отмечались следующие факты диверсий: уничтожение в результате поджога 4 ноября 1945 г. подготовленного к эксплуатации цеха целлюлозно-бумажного комбината в Кенигсберге, повреждение трансформаторов на подготовленном к сдаче правительственной комиссии пивоваренном заводе в Кенигсберге 21 ноября 1945 г., поджог целлюлозно-бумажного комбината в городе Рагнит 26 ноября 1945 г. (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 58 об.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 об.

в распространении подобных слухов играли священнослужители католической и лютеранской церквей.

Следует отметить, что до декабря 1945 г. уголовная преступность в среде немецкого населения практически не наблюдалась. Зимой 1945–1946 гг. в связи с неблагоприятной ситуацией в снабжении продовольствием широкое распространение получили случаи краж продуктов и спекуляция ими на стихийно возникающих рынках. Наиболее резонансным случаем стало задержание сотрудниками Кенигсбергского оперативного сектора МВД – МГБ СССР в марте 1946 г. группы торговцев человеческим мясом[1]. Причину сложившегося положения уполномоченный МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов видел в следующем: «Для немцев, занятых на работах в предприятиях союзной промышленности, продуктовые карточки отовариваются на 50% ниже. В течение марта – апреля с. г. немцы, занятые на работах в предприятиях местной промышленности, коммунальных предприятиях, подсобных хозяйствах, продуктовыми карточками не обеспечивались. Неработающее немецкое население военными комендатурами снабжается нерегулярно, в пределах 200 гр. хлеба в день»[2].

Однако на ухудшение криминогенной ситуации в северных районах Восточной Пруссии зимой 1945–1946 гг. в значительной степени влияли преступные действия граждан СССР, которые прибывали в провинцию на работы или для «сбора трофеев». В докладной записке народному комиссару внутренних дел СССР Маршалу Советского Союза Л. П. Берия от 10 декабря 1945 г. № 00147 уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов отмечал, что уголовные преступления в основном совершал «праздно шатающийся элемент, приезжающий в Восточную Пруссию с целью сбора «трофейных» ценностей, хлеба, а также уголовный элемент, проникающий в различные рабочие бригады государственных предприятий»[3].

Характерным явлением стало тесное взаимодействие при организации преступных групп рабочих различных промышленных предприятий с прибывшими в провинцию уголовниками, а также местными жителями, которые осуществляли поиск объектов грабежа, а затем реализовывали награбленное. Так, работник Тильзитского целлюлозно-бумажного комбината № 1 Б. А. Епишин, будучи направлен в командировку в поселок Метгетен (округ Земланд), совместно с двумя жителями Калининской области А. П. Дубковым и Е. К. Ивановым, которые приехали в Восточную Пруссию специально «для совершения преступлений», организовал преступную группу с целью грабежа немецкого населения, в которую был вовлечен местный житель 14-летний Х. Дангель. В течение декабря 1945 г. – февраля 1946 г. банда совершила 20 ограблений, в ходе которых убит один человек. Награбленные вещи и украденные продукты питания преступники передавали для реализации

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
[2] Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953. С. 18–19.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

немкам Э. Шварц, К. Шварц и Г. Арндт. В результате ликвидации группы у преступников были изъяты автомат, немецкая винтовка и револьвер «Наган»[1].

Нередко работники, завербованные для работы на предприятиях Восточной Пруссии, имели судимость и, пользуясь бесконтрольностью со стороны руководства организаций, вновь становились на путь совершения преступлений. Так, в марте 1946 г. Кенигсбергским оперативным сектором МВД – МГБ СССР была арестована банда из 9 ранее судимых рабочих Кенигсбергского механического завода. Проживая на территории завода, они с наступлением темноты выходили за его пределы и, разделившись на две группы, осуществляли грабеж немецких квартир. В деятельность банды был вовлечен и комендант общежития, который принимал на хранение награбленные вещи[2].

Широкое распространение в северных районах Восточной Пруссии приобрели мешочничество[3] и спекуляция. При этом мешочники и спекулянты в основном прибывали из Белорусской ССР, Смоленской и Калужской областей, а также из Москвы. Уполномоченный НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов в декабре 1945 г. следующим образом охарактеризовал их деятельность: «Бродят по неохраняемым и не освоенным населенным пунктам Восточной Пруссии, занимаются сбором и частичным обмолотом хлеба, сбором всевозможных «трофеев» и скупкой посуды у населения и в комиссионных магазинах»[4]. В ряде случаев мешочники и спекулянты оседали в населенных пунктах Восточной Пруссии, объединяясь в группы, и совершали грабежи немецкого населения.

Несмотря на предпринимаемые меры по противодействию бесконтрольного въезда граждан СССР в северные районы Восточной Пруссии их число продолжало оставаться высоким. Только в январе 1946 г. оперативными группами НКВД – НКГБ СССР было снято с поездов и не допущено в Восточную Пруссию 2489 человек, а у мешочников изъято 54 262 кг зерна и 568 кг муки[5]. Сформированным в марте 1946 г. транспортным отделением железнодорожной милиции на станции Кенигсберг в течение 15 дней было снято с поездов и выявлено в районе станции более 300 человек, незаконно прибывших на территорию Восточной Пруссии с целью «сбора трофеев» и спекуляции[6].

Большое количество преступлений совершали военнослужащие воинских частей Красной армии, расквартированных в населенных пунктах северной части Восточной Пруссии. Так, из 53 человек, арестованных оперативными

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–27.

[3] Мешочничество – скупка, перевозка вручную и продажа каких-либо товаров не уполномоченными на это лицами. Уголовная ответственность за эти действия была введена постановлением Государственного комитета обороны от 25 сентября 1942 г. № 2342, а порядок ведения уголовных дел определен совместным приказом прокурора СССР, народного комиссара юстиции СССР и народного комиссара внутренних дел СССР от 12 октября 1942 г. № 105с/034/0387.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

группами НКВД – НКГБ СССР в январе 1946 г., 31 являлся военнослужащим[1]. В специальном сообщении уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майора Б. П. Трофимова командующему войсками Особого военного округа генерал-полковнику К. Н. Галицкому от 11 февраля 1946 г. № 00262 была дана следующая характеристика преступности среди военнослужащих в городе Кенигсберг: «Уголовные преступления преимущественно совершаются военнослужащими различных воинских частей, самовольно отлучающимися в город из своих подразделений. Находясь в самовольной отлучке, часть военнослужащих занимается пьянством, учиняет драки и дебоши со стрельбой, а некоторые из них врываются в немецкие квартиры, насилуют женщин-немок, совершают ограбления и другие хулиганские проявления»[2].

Вместе с тем, достаточно часто под видом советских военнослужащих действовали различные преступники (в том числе и немцы), которые в целях маскировки и затруднения расследования совершали преступления, переодеваясь в военную форму. Так, 22 января 1946 г. были задержаны два немца – отец и сын К. и Р. Вишневские, совершавшие грабежи немецких квартир под видом работников военной комендатуры[3].

Следует отметить, что аппарат уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии в период своего становления не вел отчетности о состоянии и динамике преступности в регионе, что не позволяет в полной мере провести детальный анализ криминогенной обстановки, сложившейся в конце 1945 г. – начале 1946 г. Вместе с тем, документы позволяют констатировать постепенный рост уголовной преступности в северных районах Восточной Пруссии, а также невозможность как органов военного управления, так структур НКВД/МВД СССР имевшимися силами оказать сдерживающее влияние на этот процесс.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что на территории Восточной Пруссии в начальный период ее интеграции в состав СССР продолжала сохраняться крайне сложная оперативная обстановка. Первоначально (в период Восточно-Прусской стратегической наступательной операции) на нее оказывали влияние активная диверсионно-террористическая деятельность формирований, подготовленных германскими военными и политическими органами, массовое перемещение по территории, находящейся под контролем Красной армии, как местного немецкого населения, так и граждан СССР и иностранных государств, угнанных на работы в Германию, а также деятельность групп дезертиров, объединявшихся в банды с целью грабежа местного населения. После окончания боевых действий на территории Восточной Пруссии, отошедшей к Советскому Союзу, отчетливо прослеживались две тенденции в развитии оперативной обстановки:

1) снижение активности диверсионно-террористических формирований и переход отдельных категорий местного населения к методам «пассивного

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

сопротивления» в отношении мероприятий по восстановлению экономики региона, проводимых органами военного управления;

2) рост количества уголовных преступлений, связанных как с неблагоприятной социальной и эпидемиологической обстановкой в среде местного населения, так и с увеличением числа прибывающих в Восточную Пруссию граждан Советского Союза.

Группировка сил НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии

Группировка сил, привлекаемых НКВД/МВД СССР к выполнению задач на территории Восточной Пруссии в октябре 1944 г. – марте 1946 г., не являлась стабильной, в ней происходили постоянные изменения. Причиной этого являлась зависимость ее численности от оперативной обстановки и объема выполняемых задач.

Первоначально, к началу октября 1944 г. группировка сил НКВД СССР, действовавшая на восточно-прусском направлении, включала в себя лишь части войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, на которые возлагалось выполнение следующих задач:

– выявление, задержание или уничтожение вражеской агентуры, диверсионно-разведывательных групп и отрядов противника;

– задержание или уничтожение разрозненных групп и одиночных немецких солдат и офицеров, оставшихся в тылу Красной армии;

– задержание предателей, изменников Родины, пособников и ставленников оккупантов;

– изъятие оружия, боеприпасов и военного имущества у местного населения;

– наведение порядка и осуществление контроля за поддержанием прифронтового режима в населенных пунктах на освобожденных территориях;

– оказание помощи органам военных автомобильных дорог и дорожно-эксплуатационным батальонам в наведении порядка на основных фронтовых и армейских дорогах[1].

Выполнение задач по охране тыла в полосе фронта возлагалось на соответствующее Управление войск НКВД СССР. В зависимости от количества армий, входивших в состав фронта, в подчинении Управления находились несколько пограничных полков, отдельная маневренная группа и отдельная рота связи. По состоянию на начало октября 1944 г. группировка войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, действовавшая на восточно-прусском направлении, включала в себя:

– войска НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского фронта (временно исполняющий обязанности начальника войск – полковник

[1] Сечкин Г. П. Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях. С. 203–204.

М. И. Романов) в составе 31-го, 33-го и 216-го пограничных полков, 104-й отдельной маневренной группы, 105-й отдельной роты связи и учебной команды сержантского состава;

– войска НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта (начальник войск – генерал-лейтенант И. С. Любый) в составе 13-го Виленского, 86-го, 132-го Минского и 217-го пограничных полков, 105-й отдельной маневренной группы, 106-й отдельной роты связи и учебной команды сержантского состава.

Общая численность войск НКВД СССР, действовавших на восточно-прусском направлении, к середине октября 1944 г. составляла почти 11,5 тыс. человек.

Фактически сразу после начала Мемельской и Гумбиннен-Гольдапской операций войска НКВД СССР по охране тыла фронтов начали продвижение по территории противника вслед за наступающими частями Красной армии. Проведенный анализ оперативных сводок штабов войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов позволил определить, что в полосе 1-го Прибалтийского фронта первыми на территорию Восточной Пруссии вступили 8-я, 9-я и 10-я заставы 31-го пограничного полка (14 октября 1944 г.)[1], а в полосе 3-го Белорусского фронта – оперативно-чекистская группа 1-го стрелкового батальона, а также 3-я и 5-я заставы 132-го Минского пограничного полка (21 октября 1944 г.)[2].

Вместе с тем, как показал анализ архивных документов, в связи со сложной оперативной обстановкой на территории Литовской ССР командование войск НКВД СССР по охране тыла как 1-го Прибалтийского, так и 3-го Белорусского фронтов использовало в октябре – ноябре 1944 г. в Восточной Пруссии в основном от 25 до 80% подразделений, входящих в состав пограничных полков (в зависимости от глубины продвижения общевойсковых армий по территории противника). Кроме того, в начале декабря 1944 г. в соответствии с решением заместителя народного комиссара внутренних дел СССР комиссара государственной безопасности 2 ранга С. Н. Круглова части войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов в полном составе были выведены в Литовскую ССР для борьбы с националистическим подпольем[3]. Уже к 10 декабря 1944 г. на территории Восточной Пруссии остались лишь шесть застав 31-го пограничного полка (в полосе 1-го Прибалтийского фронта), одна застава 13-го Виленского пограничного полка и одна застава 86-го пограничного полка, обеспечивающие охрану приемных пунктов военнопленных (в полосе 3-го Белорусского фронта), которые к 20 декабря 1944 г. также были выведены в Литву.

Одновременно с этим, в декабре 1944 г. войска НКВД СССР, действовавшие на восточно-прусском направлении, были усилены двумя пограничными полками (331-й и 338-й), сформированными в соответствии

[1] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 86. Л. 248.
[2] РГВА, Ф. 32924. Оп. 1. Д. 139. Л. 308 об.
[3] РГВА, Ф. 32924. Оп. 1. Д. 123. Л. 230.

с постановлением Государственного комитета обороны от 10 октября 1944 г. № 6676сс[1].

В начале 1945 г. руководство НКВД СССР выступило с инициативой объединения усилий всех структур, в задачи которых входило обеспечение государственной и общественной безопасности в тылу действующей армии, под руководством уполномоченных НКВД СССР. Следует отметить, что в районах со сложной оперативной обстановкой (например, в Литовской ССР) подобная практика уже прошла успешную апробацию.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016 был создан институт уполномоченных НКВД СССР по фронтам, на которых возлагалась задача «обеспечения очистки фронтовых тылов Действующей Красной Армии от вражеских элементов»[2]. На фронтах, действовавших на восточно-прусском направлении, уполномоченными были назначены: по 1-му Прибалтийскому фронту – уполномоченный НКВД – НКГБ СССР по Литовской ССР комиссар государственной безопасности И. М. Ткаченко, по 3-му Белорусскому фронту – начальник Главного управления контрразведки «Смерш» комиссар государственной безопасности 2 ранга В. С. Абакумов, по 2-му Белорусскому фронту – народный комиссар государственной безопасности Белорусской ССР комиссар государственной безопасности 3 ранга Л. Ф. Цанава. В качестве заместителей уполномоченных НКВД СССР выступали начальники фронтовых управлений контрразведки «Смерш» и начальники войск НКВД СССР по охране тыла фронтов.

Приказ достаточно подробно раскрывал действия уполномоченных НКВД СССР по фронтам по выполнению поставленной перед ними задачи: «Уполномоченным НКВД СССР по фронтам по мере продвижения частей Красной Армии на территории, освобожденной от войск противника, немедленно проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры противника, разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп, независимо от национальной принадлежности и гражданства; выявлять и изымать нелегальные радиостанции, склады оружия, подпольные типографии и другие материально-технические базы, предназначенные для вражеской работы»[3].

Следует отметить, что в историографии существуют диаметрально противоположные оценки факта создания аппаратов уполномоченных НКВД СССР по фронтам. Зарубежная историография в целом негативно относится к нему: так, немецкий историк Р. Поссекель трактует приказ как «весьма обширную программу арестов, которую можно рассматривать как конкретное мероприятие

[1] В постановлении Государственного комитета обороны от 10 октября 1944 г. № 6676сс отмечалось, что эти полки формируются для усиления войск НКВД СССР по охране тыла фронтов. «действующих на территории сопредельных с нами стран» (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 394. Л. 105).

[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 2–3.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 4.

в контексте глобальной, направленной на экспансию, стратегию советизации»[1]. Аналогичной точки зрения придерживается и российский исследователь Н. В. Петров: «Смысл этого приказа… заключался в проведении широких политических чисток на территориях, попавших под советскую оккупацию, – в целях подготовки условий для приведения к власти угодных Кремлю режимов»[2]. В свою очередь, по мнению доктора исторических наук А. А. Здановича, уполномоченные НКВД СССР по фронтам «фактически стали руководителями и координаторами деятельности всех оперативных органов и войск, задействованных в интересах обеспечения фронта и тыла действующей армии»[3].

Вместе с тем, оценивать факт создания аппарата уполномоченных НКВД СССР по фронтам необходимо, учитывая, прежде всего, условия обстановки, складывающейся в тылу действующей армии. Как показал проведенный ранее анализ обстановки на территории Восточной Пруссии в январе – апреле 1945 г. именно объединение под единым руководством сил различных структур, которые выполняли задачи обеспечения государственной и общественной безопасности, было необходимым условием для поддержания порядка в тылу фронтов.

Непосредственной оперативной работой на территории противника занимались подчиненные аппарату уполномоченного НКВД СССР оперативные группы, комплектование которых шло за счет сотрудников фронтового управления контрразведки «Смерш», а также периферийных органов НКВД и НКГБ. Так, в распоряжение каждого уполномоченного в январе 1945 г. было временно прикомандировано по 150 оперативных работников из территориальных управлений НКВД, Главного управления исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР и Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных[4].

Уже к 15 января 1945 г. в полосе 3-го Белорусского фронта было сформировано шесть оперативных групп (по числу армий, входящих в состав фронта). Каждая группа состояла из начальника, двух заместителей (один – по войскам НКВД СССР), 20 человек оперативного состава и двух переводчиков[5]. По мере продвижения советских войск вглубь территории Восточной Пруссии происходило формирование новых оперативных групп, ряд из которых был подчинен создаваемым в окружных центрах и крупных

---

[1] Поссекель Р. Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950: Сб. документов и статей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 290.

[2] Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД – МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. С. 89.

[3] Зданович А. А. Смерш. Главный козырь Сталина. М.: Концептуал, 2019. С. 167.

[4] Козлов В. А. Деятельность уполномоченных и оперативных групп НКВД СССР в Германии в 1945–1946 гг. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950: Сб. документов и статей. С. 315.

[5] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. VI. С. 36.

населенных пунктах провинции (Инстербург, Гумбиннен, Растенбург, Алленштайн, Бенкхайм) оперативным секторам[1]. Проведенный анализ оперативных сводок штаба войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта показал, что в феврале 1945 г. число оперативных групп увеличилось до 11, в марте – до 20, а в апреле – до 24.

Определенные изменения произошли и в структуре войск НКВД СССР, находившихся в оперативном подчинении оперативных групп. Уже в середине января 1945 г. на территорию Восточной Пруссии вступили все части войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта – 13-й Виленский, 86-й, 132-й Минский, 217-й и 331-й пограничные полки, 105-я отдельная маневренная группа, 106-я отдельная рота связи и учебная команда сержантского состава. На основании распоряжения начальника Главного управления войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии в оперативное подчинение Управления войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта с 26 января 1945 г. была передана 102-я отдельная маневренная группа, ранее входившая в состав войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Прибалтийского фронта[2]. В начале февраля 1945 г. на территорию Восточной Пруссии вошли части войск НКВД СССР по охране тыла 2-го Белорусского (218-й и 332-й пограничные полки[3]) и 1-го Прибалтийского (31-й и 33-й пограничные полки, 104-я отдельная маневренная группа, 105-я отдельная рота связи и учебная команда сержантского состава[4]) фронтов. Таким образом, общая численность войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии в полосе фронтов, действующих на восточно-прусском направлении, к середине февраля 1945 г. составляла около 14,5 тыс. человек.

Кроме того, в январе 1945 г. в структуре войск НКВД СССР, выполняющих задачи охраны тыла фронтов, произошли определенные изменения. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 18 декабря 1945 г. № 7163сс «Об охране тыла и коммуникаций действующей Красной армии на территории Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии» были сформированы шесть дивизий трехполкового состава, которые вошли в состав внутренних войск НКВД СССР[5], но были оперативно подчинены начальникам войск НКВД СССР по охране тыла фронтов.

Соединения формировались как из уже существующих частей внутренних войск НКВД СССР, так и из вновь создаваемых полков, на укомплектование которых передавался личный состав Красной армии. Так, в состав 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР вошли 108-й пограничный, 32-й мотострелковый и 273-й стрелковый полки, ранее находившиеся в составе Белостокской оперативной группы войск НКВД СССР, выполнявшей задачи по борьбе с бандитизмом в полосе 2-го Белорусского

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 161. Л. 16.
[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 272. Л. 4.
[3] РГВА. Ф. 32904. Оп. 1. Д. 121. Л. 308, 331.
[4] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 74. Л. 13.
[5] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 425. Л. 89–90.

фронта[1], а 57-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР полностью комплектовалась вновь создаваемыми полками.

Следует отметить, что формирование соединений было связано с определенными трудностями. В донесении уполномоченному НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту комиссару государственной безопасности 2 ранга В. С. Абакумову от 18 января 1945 г. командир 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР гвардии полковник Г. П. Барладян отмечал, что «Белорусский военный округ [ответственный за формирование соединения – Прим. автора] пытается передать в дивизию все негодное, дабы формально «отформировать дивизию и спихнуть с рук»[2]. В качестве вывода он отмечал, что, несмотря на установленные сроки комплектования, «дивизия до сих пор личным составом, конским составом, а также основными видами материально-технического снабжения не обеспечена и готовность дивизии в целом и отдельных ее частей зависит от темпов снабжения»[3].

Учитывая некомплект офицерского состава, недостаточную обеспеченность материально-техническими средствами и боеприпасами, комиссия войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в акте приема-передачи соединения указывала: «Укомплектованность дивизии личным составом удовлетворительная. Личный состав, прибывший на укомплектование, подготовлен удовлетворительно, и дивизия способна выполнять поставленные боевые задачи. Требуется некоторое время на подготовку личного состава по вопросам специальных оперативно-служебных задач. Недоукомплектованность дивизии автотранспортом будет снижать ее маневренность»[4]. Несмотря на это, 57-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР с 25 января 1945 г. вошла в оперативное подчинение начальника войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта[5].

Фактически сразу между руководством оперативных групп и частями и подразделениями войск НКВД СССР, которые находились в их оперативном подчинении, возникли определенные противоречия. Несмотря на то, что уполномоченные НКВД СССР по фронтам неоднократно отмечали, что части и подразделения войск НКВД СССР подчинены начальникам оперативных групп только в оперативном отношении (как, например, уполномоченный НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту комиссар государственной безопасности 3 ранга Л. Ф. Цанава в своей директиве от 22 января 1945 г. № 10 с/с[6]), некоторые из них считали необходимым самостоятельно принимать решения о применении войск. Так, 21 января 1945 г. начальником войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом И. С. Любым было отдано приказание временно исполняющему обязанности командира

[1] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.
[2] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–4 об.
[3] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 9. Л. 6 об.
[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 167. Л. 7.
[5] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 272. Л. 3.
[6] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3.

331-го пограничного полка майору С. А. Прохоренко о выделении одного батальона для организации охраны тыла 11-й гвардейской армии. В свою очередь начальник оперативной группы НКВД СССР полковник Д. Д. Кононенко, в оперативном подчинении которого находился полк, запретил выполнять это приказание. В связи с этим, уполномоченный НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту комиссар государственной безопасности 2 ранга В. С. Абакумов предложил начальникам оперативных групп НКВД СССР «не вмешиваться в приказания, отдаваемые… заместителем уполномоченного по войскам и его штабом, так как подобная практика может лишь снизить эффективность в использовании войск»[1].

Документы свидетельствуют, что подобная практика вмешательства начальников оперативных групп в оперативно-служебную деятельность подразделений и частей войск НКВД СССР продолжалась практически на протяжении всего периода Восточно-Прусской стратегической наступательной операции. Кроме того, начальники оперативных групп НКВД СССР нередко использовали военнослужащих приданных подразделений в качестве охраны пунктов дислокации, личной охраны оперативных работников при выездах, что снижало результативность применения войск. В ряде случаев неправильные действия руководства оперативных групп НКВД СССР приводили к гибели военнослужащих. Так, 6 апреля 1945 г. начальник оперативного отделения Гольдапской оперативной группы НКВД СССР выслал трех военнослужащих 8-й заставы 217-го пограничного полка для задержания трех немок в деревне Зоколькен (округ Тройбург). К месту дислокации наряд в установленное время не возвратился, однако немедленных мер к его розыску предпринято не было и о пропаже личного состава не доложено по команде. В последующем было установлено, что наряд был уничтожен в результате нападения банды дезертиров Красной армии. В связи с происшедшим начальник войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант И. С. Любый в донесении начальнику Управления контрразведки «Смерш» 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту П. В. Зеленину от 5 мая 1945 г. № 1-01787 просил «дать распоряжение всем начальникам секторов и оперативных групп о запрещении самостоятельной высылки служебных нарядов от приданных им подразделений»[2].

Однако наиболее неопределенным было положение частей и подразделений внутренних войск НКВД СССР, находившихся в оперативном подчинении как начальника войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта, так и начальников оперативных групп. Уже с конца января 1945 г. задачи частям 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР ставились в боевых приказах штаба войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта. В результате сложилась ситуация, о которой командир 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР сообщал в донесении начальнику войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 26 марта 1945 г. № 0542: «Всеми боевыми приказами начальника

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 170. Л. 120.
[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 170. Л. 144–144 об.

войск по охране тыла фронта полки, батальоны, кавалерийские дивизионы дивизии получают самостоятельные задачи и места дислокации. Такое положение лишает возможности иметь какой-либо резерв для использования его в момент осложнения оперативной обстановки»[1].

В связи с двойным оперативным подчинением дивизии отсутствовала «достаточная ясность в подчинении частей и подразделений дивизии». В докладе комиссии Управления войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта, работавшей в частях дивизии в период с 15 по 27 февраля 1945 г., отмечалось: «Например, командир полка подчинен командиру дивизии, но в то же время он в оперативном отношении подчинен начальнику оперативной группы армии, а командиры батальонов подчинены начальникам оперативных секторов. Командиры полков и батальонов получают приказания от начальников оперативных групп и оперативных секторов и от командира дивизии и Управления войск». Комиссия предложила, чтобы «все распоряжения по оперативно-служебному использованию частей дивизии, исходящие из Управления войск и начальников оперативных групп, командирам полков давались только через командира 57-й стрелковой дивизии, а начальники оперативных групп все вопросы по использованию личного состава разрешали только через командира полка и не делали самостоятельных распоряжений командирам батальонов»[2].

Кроме того, сложные взаимоотношения между командирами войсковых подразделений и начальниками оперативных групп НКВД СССР влияли и на результативность оперативно-служебной деятельности. Так, в оперативной сводке штаба 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР № 01 за период с 26 января по 20 февраля 1945 г. отмечалось: «Данные о результатах оперативно-служебной деятельности неполны. При существующих взаимоотношениях войск и оперативных начальников невозможно полностью учесть работу частей… Не имея своих следственных органов и передавая задержанных в распоряжение оперативных органов, дивизия находится в неведении о результатах своей работы и не может полностью осветить ее перед вышестоящим штабом. Необходимо или ставить перед дивизией и частями задачи самостоятельно, не подчиняя войска оперативным начальникам, и тогда своим аппаратом дивизия будет выполнять эти задачи и отчитываться о них, либо обязать оперативных начальников давать сведения о результатах работы войск»[3].

Вместе с тем, несмотря на ряд принимаемых мер, сложности во взаимоотношениях между оперативными группами НКВД СССР, частями и подразделениями войск НКВД СССР так и не были преодолены. Вероятно, что причиной сложившейся ситуации стало убытие в Москву уполномоченного НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту комиссара государственной безопасности 2 ранга В. С. Абакумова, который в рапорте народному комиссару внутренних дел СССР генеральному комиссару государственной безопасности Л. П. Берия от 5 марта 1945 г. сообщал об окончании очистки тыла в полосе

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 136. Л. 46.
[2] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 3. Л. 111 об.
[3] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

3-го Белорусского фронта: «Аресты резко сократились в связи с тем, что немецкого населения, среди которого не было бы проведено нами оперативной работы по изъятию преступников, нет»[1]. В связи с этим с середины марта 1945 г. обязанности уполномоченного НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту были фактически возложены на начальника управления контрразведки «Смерш» 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта П. В. Зеленина. Так как практически все руководители оперативных групп НКВД СССР являлись сотрудниками контрразведки «Смерш», они, пользуясь поддержкой своего непосредственного начальника, фактически игнорировали требования руководства войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта о нормализации взаимоотношений с командованием воинских частей и подразделений, которые находились в их оперативном подчинении.

В ходе Восточно-Прусской стратегической наступательной операции произошли определенные изменения в составе группировки войск НКВД СССР. Так, уже в середине февраля 1945 г. начался постепенный вывод из Восточной Пруссии на левый фланг 2-го Белорусского фронта частей 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, а также 218-го пограничного полка, входившего в состав войск НКВД СССР по охране тыла 2-го Белорусского фронта. К концу месяца из состава частей войск НКВД СССР по охране тыла 2-го Белорусского фронта на территории Восточной Пруссии оставался только 332-й пограничный полк, который в середине марта 1945 г. также был выведен на левый берег Вислы[2]. Кроме того, в соответствии с приказом НКВД СССР от 14 марта 1945 г. № 00211 331-й пограничный полк, входивший в состав войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта, был передан в состав войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Белорусского фронта[3]. Помимо этого, в связи с расформированием Земландской группы войск 31-й и 33-й пограничные полки 6 апреля 1945 г. были включены в состав войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта[4], а Управление войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск, 104-я отдельная маневренная группа, 105-я отдельная рота связи и учебная команда сержантского состава были выведены в резерв и передислоцированы в поселок Меляукен (округ Лабиау)[5].

Крупная реорганизация структур, которые выполняли задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности на территории Восточной Пруссии, направленная на централизацию управления была проведена в мае 1945 г. В соответствии с приказом НКВД СССР от 5 мая 1945 г. № 00453 «О мероприятиях по очистке территории Восточной Пруссии от вражеских элементов» в провинцию были командированы заместитель народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковник А. Н. Аполлонов, начальник Главного

[1] Цит. по: Козлов В. А. Деятельность уполномоченных и оперативных групп НКВД СССР в Германии в 1945–1946 гг. С. 313.

[2] РГВА. Ф. 32904. Оп. 1. Д. 107. Л. 82.

[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 272. Л. 14.

[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 272. Л. 19.

[5] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 74. Л. 24.

управления войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии генерал-лейтенант И. М. Горбатюк и начальник управления контрразведки «Смерш» Московского военного округа генерал-лейтенант Ф. Я. Тутушкин[1].

Вместо существовавших ранее оперативных секторов и оперативных групп НКВД СССР были заново сформированы восемь оперативных секторов, район действий каждого из которых охватывал несколько округов Восточной Пруссии (таблица 1), а также 17 постоянных оперативных групп НКВД СССР в крупных городах[2].

Таблица 1

Оперативные сектора НКВД СССР на территории Восточной Пруссии, сформированные в соответствии с приказом НКВД СССР от 5 мая 1945 г. № 00453 «О мероприятиях по очистке территории Восточной Пруссии от враждебного элемента»[3]

Название оперативного сектора НКВД СССР	Районы обслуживания	Состав сил и средств
Оперативный сектор № 1 (г. Кенигсберг)	г. Кенигсберг, Кенигсбергский район, Земландский полуостров с косой Фрише-Нерунг, районы Тапиау и Лабиау	90 человек оперативного состава и 132-й Минский пограничный полк
Оперативный сектор № 2 (г. Пройсиш-Эйлау)	Пройсиш-Эйлау, Гердауен, Растенбург, Бартенштайн (без города Бартенштайн)	371-й стрелковый полк 57-й стрелковой дивизии внутренних войск
Оперативный сектор № 3 (г. Вормдитт)	Вормдитт, Хайльсберг, Хайлигенбайль, Браунсберг, Пройсишес-Холлянд, Морунген	50 человек оперативного состава и 369-й стрелковый полк 57-й стрелковой дивизии внутренних войск
Оперативный сектор № 4 (г. Эльбинг)	Эльбинг, Мариенбург, Штум, Мариенвердер, Дойч-Айлау	60 человек оперативного состава и 86-й пограничный полк
Оперативный сектор № 5 (г. Алленштайн)	Алленштайн, Остероде, Найденбург, Ортельсбург, Рессель	60 человек оперативного состава, 13-й Виленский пограничный полк, один батальон 33-го пограничного полка и 105-я отдельная маневренная группа
Оперативный сектор № 6 (г. Арис)	Арис, Зенсбург, Летцен, Ликк, Иоганнисбург	65 человек оперативного состава, 31-й пограничный полк и два батальона 33-го пограничного полка
Оперативный сектор № 7 (г. Гольдап)	Гольдап, Тройбург, Ангербург, Даркемен	50 человек оперативного состава и 217-й пограничный полк

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 31–32.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–12, 14–32.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 123. Л. 208–211.

Название оперативного сектора НКВД СССР	Районы обслуживания	Состав сил и средств
Оперативный сектор № 8 (г. Инстербург)	Инстербург, Гумбиннен, Шталлупенен, Пилькаллен, Тильзит, Жиллен, Гросс Скайсгиррен	30 человек оперативного состава и 370-й стрелковый полк 57-й стрелковой дивизии внутренних войск

В своей зоне ответственности начальники оперативных секторов НКВД СССР имели право формировать оперативные группы, а также распределять находящиеся в их оперативном подчинении войсковые подразделения[1]. Общее руководство деятельностью оперативных секторов и оперативных групп НКВД СССР осуществлял штаб (начальник штаба – временно исполняющий обязанности начальника войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского фронта полковник М. И. Романов), в состав которого входили учетная, информационная и тюремная группы[2].

Неясным в отечественной историографии является вопрос о статусе руководителя операции – заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника А. Н. Аполлонова. Так, в ряде изданий он указан в качестве первого уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии[3]. Вместе с тем, по мнению автора, употребление данной должности в отношении генерал-полковника А. Н. Аполлонова не совсем корректно, так как во всех документах он именовался по своей штатной должности[4].

Крупные изменения в составе группировки органов и войск НКВД СССР на территории Восточной Пруссии произошли летом 1945 г. Причиной этого стало осложнение оперативной обстановки на территории Литовской ССР. В связи с активизацией деятельности отрядов литовских националистов и в соответствии с приказанием заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника А. Н. Аполлонова с 9 июня 1945 г. 31-й и 33-й Кенигсбергские[5], а также 217-й пограничные полки были переданы в состав войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского фронта и передислоцированы в Литву[6]. Кроме того, уже в конце июня 1945 г. ситуация на территории Литовской ССР обострилась

[1] Так, в соответствии с приказанием начальника Алленштайнского оперативного сектора НКВД СССР гвардии подполковника Б. М. Самогородского от 14 мая 1945 г. № 1 на территории сектора были организованы пять оперативных групп (в городах Алленштайн, Остероде, Найденбург, Ортельсбург и Рессель), в подчинении которых находились подразделения 13-го Виленского и 33-го пограничных полков (РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 31. Л. 315–316).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

[3] Например: На рубежах янтарного края. С. 69; Щеглов А. М. Щит и меч Янтарного края. С. 78.

[4] РГВА. Ф. 36852. Оп. 1. Д. 40. Л. 62–64; ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 3, 4, 7 и др.

[5] Приказом Верховного Главнокомандующего от 17 мая 1945 г. № 084 31-й, 33-й и 86-й пограничные полки «за образцовое выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками при овладении городом-крепостью Кенигсберг и проявленные при этом доблесть и мужество» были удостоены почетного наименования «Кенигсбергские» (РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 167. Л. 67).

[6] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 272. Л. 28.

настолько, что в целях борьбы с бандитизмом из Восточной Пруссии были выведены туда и оставшиеся части войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта – 13-й Виленский, 132-й Минский и 86-й Кенигсбергский пограничные полки[1]. На территории провинции остались только части и подразделения 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР.

В связи с проведенными мероприятиями по сокращению численности войск НКВД СССР в Восточной Пруссии командир 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР гвардии полковник Г. П. Барладян 10 июля 1945 г. доложил заместителю начальника Главного управления внутренних войск НКВД СССР генерал-лейтенанту М. И. Сладкевичу: «После ухода частей войск НКВД по охране тыла 3-го Белорусского фронта на дивизию легли все функции по обеспечению чекистско-войсковых мероприятий на территории Восточной Пруссии, а также охрана железнодорожных мостов. В связи с уходом этих частей дивизия значительно расширила свою работу по территории Восточной Пруссии. Это потребовало дальнейшего дробления гарнизонов, численность которых стала доходить до 5 человек. Столь значительная разбросанность гарнизонов, отстоящих друг от друга и от своих штабов на большие расстояния, усложнила управление ими со всеми вытекающими последствиями… Стремление охватить войсковой силой все оперативные группы на территории Восточной Пруссии привело к дроблению гарнизонов в звеньях полка, батальона и роты, что может отрицательно сказаться при осложнении обстановки»[2].

Следует отметить, что помимо частей и подразделений войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии и внутренних войск НКВД СССР с января 1945 г. на территории Восточной Пруссии действовали и конвойные войска НКВД СССР, выполнявшие задачу конвоирования военнопленных вглубь страны различными видами конвоев, а также охраны приемных и сборных пунктов военнопленных (ППВ и СПВ), фронтовых приемно-пересыльных лагерей (ФППЛ) и специальных госпиталей военнопленных в полосе того или иного фронта. Конвойные функции в полосе 1-го Прибалтийского фронта были возложены на 481-й отдельный батальон, в полосе 3-го Белорусского фронта – на 223-й полк, а в полосе 2-го Белорусского фронта – на 222-й полк, входившие в состав 46-й дивизии конвойных войск НКВД СССР. Общая численность конвойных войск НКВД СССР в Восточной Пруссии по состоянию на начало февраля 1945 г. составляла около 4 тыс. человек[3].

В целях выполнения постановления Государственного комитета обороны от 3 февраля 1945 г. № 7367сс о мобилизации немецкого населения в рабочие батальоны для использования на работах в Советском Союзе в состав 46-й дивизии конвойных войск НКВД СССР были включены 135-й, 483-й и 485-й отдельные батальоны, на которые возлагалась задача конвоирования мобилизованных немцев в полосе 2-го и 3-го Белорусских фронтов[4].

---

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 171. Л. 57.
[2] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 7. Л. 93.
[3] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 20. Л. 16, 23 об.
[4] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

После окончания Восточно-Прусской стратегической наступательной операции началось постепенное перемещение частей 46-й дивизии конвойных войск НКВД СССР в Центральную Германию. В соответствии с распоряжением командира дивизии полковника И. Г. Кривоноса 481-й отдельный батальон до 28 апреля 1945 г. передавал охрану объектов 223-му полку и передислоцировался в город Ландсберг (провинция Бранденбург)[1]. Уже через несколько дней, к 8 мая 1945 г., 223-й полк в соответствии с радиограммой начальника конвойных войск НКВД СССР № 58093 должен был передать все объекты в полосе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов 37-й дивизии конвойных войск и к середине мая 1945 г. убыть к новому месту дислокации в город Кюстрин (провинция Бранденбург)[2]. Воинские части, остававшиеся на территории Восточной Пруссии (485-й и 135-й отдельные батальоны), к началу июля 1945 г. вошли в состав 37-й дивизии конвойных войск НКВД СССР[3].

Очередная реорганизация структур НКВД СССР в Восточной Пруссии произошла в результате раздела территории провинции между Советским Союзом и Польшей на основании советско-польского договора от 16 августа 1945 г. С середины сентября 1945 г. начался процесс сокращения оперативных секторов НКВД СССР и вывод частей и подразделений 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР с территорий, отходящих к Польше. В соответствии с приказом НКВД СССР от 4 октября 1945 г. № 001167 57-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР была расформирована, а на территорию Восточной Пруссии из Центральной Германии были передислоцированы части 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР (32-й, 108-й и 273-й Гданьский стрелковые полки). Однако оперативно-служебные задачи на территории провинции выполнял лишь 108-й стрелковый полк, а остальные части были направлены на усиление войск НКВД СССР, действовавших в Литовской ССР[4]. Кроме того, с декабря 1945 г. охрана объектов на железнодорожных коммуникациях в северных районах Восточной Пруссии, ранее осуществлявшаяся частями 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, была передана 82-му полку 14-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР по охране железных дорог[5].

В результате проведенных мероприятий к началу ноября 1945 г. на территории Восточной Пруссии, вошедшей в состав Советского Союза, структура органов НКВД СССР приобрела следующий вид:

– штаб руководства оперативными группами (уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии[6], два офицера для поручений и офицер по учету работы тюрем и лагерей);

---

[1] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[2] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

[3] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 15. Л. 20, 31.

[4] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 23. Л. 166.

[5] РГВА. Ф. 38377. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

[6] Документа о введении должности уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии автору обнаружить не удалось. Сменивший в Восточной Пруссии генерал-

– Кенигсбергский оперативный сектор НКВД СССР в составе 15 оперативных групп;

– Инстербургский оперативный сектор НКВД СССР в составе 6 оперативных групп;

– тюрьмы в городах Кенигсберг, Инстербург и Тапиау, находящиеся в оперативном подчинении начальников оперативных секторов НКВД СССР;

– специальный лагерь для арестованных лиц в городе Пройсиш-Эйлау[1].

Списочная численность личного состава оперативных секторов НКВД СССР по Восточной Пруссии составляла 245 человек, в том числе: оперативных работников НКВД СССР – 99, оперативных работников НКГБ СССР – 111, офицеров войск НКВД СССР – 35 человек. Для оперативных целей и хозяйственного обслуживания аппарата использовалось 233 вольнонаемных работника (в том числе 85 переводчиков), которые набирались из прошедших проверку репатриантов, бывших советских военнопленных, а также находящихся в госпиталях выздоравливающих военнослужащих Красной армии[2].

Через месяц после вступления в должность – 10 декабря 1945 г. – уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов в докладной записке народному комиссару внутренних дел СССР Маршалу Советского Союза Л. П. Берия представил соображения о структуре аппарата НКВД. Его основой должен был стать существующий штаб руководства оперативными группами. Особое внимание при формировании аппарата уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии обращал на решение кадрового вопроса в связи с недостаточностью оперативного состава для решения поставленных задач[3].

Проведенный анализ документа показал, что генерал-майор Б. П. Трофимов за основу построения органов НКВД – НКГБ на территории Восточной Пруссии брал типовую структуру органов НКВД СССР, характерную для всех областей

полковника А. Н. Аполлонова, убывшего в июле 1945 г. в Литовскую ССР, генерал-лейтенант Ф. Я. Тутушкин в оперативной сводке штаба 57-й стрелковой дивизии внутренних войск № 0013 за период с 1 по 15 августа 1945 г. уже именуется «уполномоченным НКВД СССР по Восточной Пруссии» (РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 7. Л. 33). После убытия 22 сентября 1945 г. генерал-лейтенанта Ф. Я. Тутушкина в Москву обязанности «по руководству агентурно-оперативной работой в Восточной Пруссии» были возложены на начальника Инстербургского оперативного сектора НКВД СССР подполковника С. И. Навалихина, который 12 ноября 1945 г. подписал акт о состоянии дел как «временно исполняющий обязанности уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии» (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 15). В тот же день в исполнение обязанностей уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии в соответствии с распоряжением народного комиссара внутренних дел СССР Маршала Советского Союза Л. П. Берия от 3 ноября 1945 г. вступил начальник Управления НКВД СССР по Курской области генерал-майор Б. П. Трофимов (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 1. Л. 1).

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–23.

Советского Союза. Вместе с тем, в приказе НКВД – НКГБ СССР от 4 января 1946 г. № 004/002, утвердившем штат аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии (приложение 1) и его периферийных органов (приложение 2), эти предложения не были учтены. По мнению автора, это было связано с тем, что на территории Восточной Пруссии, вошедшей в состав СССР, продолжала сохраняться сложная оперативная обстановка. Кроме того, здесь формально продолжал действовать режим военного положения, так как руководство провинцией осуществляли органы военного управления.

Комплектование аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии и его периферийных органов в основном осуществлялось путем зачисления прежних работников в новые структуры. Следует отметить, что в справке начальника отдела кадров штаба уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии от 7 февраля 1946 г. старшего лейтенанта Г. З. Носова отмечалось, что «приказ НКВД – НКГБ СССР № 004/002 большинством оперативного состава НКВД – НКГБ был воспринят неплохо, однако за последнее время участились случаи подачи заявлений и рапортов оперативным составом об откомандировании их к прежнему месту работы, в противном случае – в распоряжение ОК [Отдела кадров – Прим. автора] НКВД – НКГБ СССР, мотивируя состоянием здоровья самих работников, членов семей по месту их проживания и национальными особенностями семейств, т. е. что в силу этого семья не может быть перевезена в Восточную Пруссию. Только по этим причинам нами с санкции ОК НКВД – НКГБ СССР откомандировано к прежним местам работы 15 чел. офицерского состава»[1].

После проведенных организационно-штатных мероприятий аппарат уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии по состоянию на 15 марта 1946 г. был укомплектован на 73,18%, из которых сотрудники НКВД СССР составляли 30,19%, а сотрудники НКГБ СССР – 19,3%. Периферийные органы были укомплектованы на 82,09%[2]. Обслуживающий персонал и переводчики набирались на месте из сержантского и рядового состава войск НКВД СССР, а также из числа репатриированных граждан, в отношении которых была проведена проверка.

Вместе с тем, 18 марта 1946 г. уполномоченный НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов направил на имя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова и народного комиссара государственной безопасности СССР генерала армии В. Н. Меркулова докладную записку, в которой была предложена новая структура аппарата НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии. Причина планируемой реорганизации объяснялась следующим образом: «Ныне действующий штат аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии был рассчитан в основном на работу в порядке очистки территории Восточной Пруссии в военное время и эту задачу уже выполнил. В настоящее время в связи с организацией на территории Восточной Пруссии

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 60.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 76, 79.

ряда ведомств, трестов, совхозов и других предприятий, возникает необходимость более квалифицированной агентурно-оперативной работы среди населения, а также развертывания аппарата с функциями милиции. Для этой работы ныне действующий аппарат не приспособлен как по численности, так и по своей организационной структуре»[1]. Проект структуры аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии фактически повторял структуру управления НКВД СССР административно-территориального образования (области) РСФСР, за единственным исключением – в его состав предлагалось включить два оперативных управления (по работе НКВД – НКГБ и по работе милиции)[2]. Вместе с тем, данный проект также не был реализован, так как на тот момент пока еще не был ясен статус Восточной Пруссии в составе Советского Союза. Однако уже менее чем через месяц была образована Кенигсбергская область, что послужило правовой основой для создания в регионе полноценных структур МВД и МГБ.

Таким образом, проведенный анализ состава группировки НКВД СССР, привлекаемых к выполнению задач на территории Восточной Пруссии в октябре 1944 г. – марте 1946 г. подтверждает тезис о зависимости ее численности от состояния оперативной обстановки и объема выполняемых задач. Так, если в период Восточно-Прусской стратегической наступательной операции группировка НКВД СССР в основном состояла из войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, то затем, в результате перехода к мирной жизни, численность войск НКВД СССР в провинции была существенно сокращена. Аналогичная ситуация произошла и с конвойными войсками НКВД СССР, которые после окончания боевых действий перестали выполнять функции конвоирования военнопленных, а сосредоточились на охране лагерей военнопленных, тюрем и исправительно-трудовых учреждений. Вместе с тем, произошло увеличение и качественное обновление структур НКВД – НКГБ СССР, что было связано с необходимостью решения правоохранительных задач в связи с ростом уголовной преступности в регионе. Вместе с тем, создать полноценные структуры НКВД – НКГБ в исследуемый период в Восточной Пруссии не представлялось возможным, так как на территории провинции продолжало действовать военное положение и ее будущий статус в составе Советского Союза еще не был ясен.

Основные направления деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии в октябре 1944 г. – марте 1946 г.

Оперативно-служебная деятельность органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии в начальный период интеграции провинции в состав Советского Союза строилась по нескольким направлениям, значимость

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–51.

которых изменялась в зависимости от оперативной обстановки. Так, если в ходе Восточно-Прусской стратегической наступательной операции и сразу после ее окончания основными из них являлись обеспечение безопасности тыла действующей армии, а также охрана и конвоирование военнопленных, то с осени 1945 г. на первое место выходят мероприятия по борьбе с уголовной преступностью и обеспечению охраны общественного порядка.

Деятельность органов и войск НКВД СССР по обеспечению безопасности тыла действующей армии на территории Восточной Пруссии в период с октября 1944 г. по июнь 1945 г. включала в себя:

– борьбу с диверсионными и террористическими формированиями противника;

– проведение мероприятий по выявлению агентуры немецких разведывательных и контрразведывательных органов, в том числе и диверсантов-одиночек среди местного населения, которое находилось в полосе фронтового тыла;

– борьбу с дезертирством среди военнослужащих Красной армии;

– участие в мероприятиях по обеспечению безопасности тыла действующей армии, проводимых органами военного управления;

– выполнение оперативных заданий уполномоченных НКВД СССР по фронтам.

Мероприятия по обеспечению безопасности тыла фронтов осуществлялись частями и подразделениями войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, а также внутренних войск НКВД СССР в тесном взаимодействии с оперативными группами НКВД СССР, органами контрразведки «Смерш», а также военными комендантами и командованием тыловых частей Красной армии. Особое внимание при организации службы уделялось анализу оперативной обстановки на охраняемом участке, в соответствии с которым планировались действия служебных нарядов[1].

Основным видом служебных нарядов, используемым в службе как пограничными полками войск НКВД СССР по охране тыла действующей

[1] Так, например, в распоряжении командира 13-го Виленского пограничного полка командирам подразделений и маневренной группы от 16 марта 1945 г. № 1-00745 перед принятием решения на охрану участка предлагалось иметь «достаточно полные, точные и конкретные данные по следующим вопросам»: 1) характер боевых действий частей Красной армии на фронте охраняемого участка; 2) задача, поставленная перед подразделением старшим начальником; 3) обстановка на участке соседей, выполняемая ими задача; 4) наличие на участке объектов, которые могут заинтересовать противника с целью проведения разведки или диверсии; 5) наличие на участке агентуры противника; 6) особенности местности, которые могут быть использованы противником для выброса парашютных десантов, укрытия преступного элемента; 7) по каким дорогам осуществляется наиболее активное движение транспорта и пешеходов, наличие обходных путей; 8) результаты наблюдения за воздухом; 9) оперативные мероприятия, проводимые органами контрразведки «Смерш» на охраняемом участке; 10) наличие на участке частей Красной армии, необходимость и возможность их привлечения к охране участка; 11) обстановка и результаты службы на участке за прошедшие сутки; 12) состояние погоды (РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 31. Л. 55–55 об.).

Красной армии, так и стрелковыми полками внутренних войск НКВД СССР, являлись разведывательно-поисковые группы (РПГ), численностью от отделения до взвода. Следует отметить, что еще до вступления частей войск НКВД СССР на территорию Восточной Пруссии начальник войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант И. С. Любый в директиве от 21 ноября 1944 г. № 1-004363 в целях улучшения результативности действий РПГ рекомендовал руководство этим видом наряда осуществлять только офицерским, либо хорошо подготовленным сержантским составом и категорически запретил дробление состава наряда на мелкие, самостоятельно действующие группы[1]. Кроме того, в связи со сложностью оперативной обстановки на территории Восточной Пруссии командованием войск НКВД СССР категорически запрещалась высылка на охраняемые участки малочисленных РПГ.

Вместе с тем следует отметить, что при проведении ***мероприятий по борьбе с диверсионными и террористическими формированиями противника*** РПГ использовались чаще всего как элемент боевого порядка при проведении поиска в блокированном районе (например, при ликвидации диверсионных групп в Роминтенском лесу и последующем прочесывании территории подразделениями 86-го пограничного полка в ноябре 1944 г.)[2].

В большинстве случаев розыск диверсионных и террористических групп противника проводился на основании сообщений взаимодействующих органов или служебных нарядов о совершении диверсионного акта или столкновениях с диверсантами. При этом из состава полков выделялись истребительные группы или отряды, которые действовали в определенных районах путем выделения из своего состава таких видов служебных нарядов как РПГ, дозоры и секреты.

Так, после группы диверсионных актов на железнодорожном участке Мушакен – Грюнфлисс (округ Найденбург) в конце марта 1945 г. в предполагаемый район действий диверсантов был выброшен истребительный отряд 86-го пограничного полка, численностью до 100 человек, которым руководил командир полка майор П. А. Марихин. В течение нескольких дней служебными нарядами, выделенными от истребительного отряда, были задержаны 50 немцев, среди которых в результате фильтрации разоблачены три подростка, участвовавшие в совершении диверсий[3].

В ряде случаев действия истребительных отрядов не ограничивались по времени, а также определенной территорией. Так, 11 марта 1945 г. для ликвидации диверсионной группы, состоящей из немецких солдат и офицеров, в районе деревни Патимберн (округ Инстербург) был сформирован истребительный отряд под командованием начальника 2-го отделения оперативного отдела штаба войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск подполковника Г. М. Клименко и начальника оперативной группы НКВД СССР гвардии подполковника Е. И. Прангишвили, в состав которого

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 116. Л. 128–128 об.
[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 116. Л. 105–106.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 170. Л. 80.

вошли четыре заставы 1-го стрелкового батальона, две заставы 3-го стрелкового батальона и маневренная группа 33-го пограничного полка, а также 104-я отдельная маневренная группа и взвод учебной команды сержантского состава Управления войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск. Первоначально поиск проводился в лесных массивах на площади до 15 квадратных километров, однако в последующем площадь района поиска увеличилась более чем в два раза. В ходе действий истребительного отряда, продолжавшихся до конца марта 1945 г., была практически полностью уничтожена диверсионная группа, численностью 22 человека[1].

Аналогичными были действия истребительного отряда из подразделений 1-го стрелкового батальона 217-го пограничного полка в районе города Хайнрихсвальде (округ Эльхнидерунг). В ночь на 9 мая 1945 г. на участке железной дороги Кенигсберг – Тильзит неизвестными лицами был подорван железнодорожный мост[2], после чего в соответствии с распоряжением начальника войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. № 1-001844 был сформирован истребительный отряд, численностью 108 человек, под руководством офицеров оперативного и разведывательного отделов Управления войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта[3]. В ходе операции, проведенной совместно с подразделениями 145-го запасного и 5-го танкового полков в период с 12 по 18 мая 1945 г., была осуществлена проверка местности и населенных пунктов вдоль железнодорожного полотна, в результате которой задержаны и разоблачены восемь подростков из организации «Гитлерюгенд», причастных к диверсиям, разминировано несколько мостов и изъято более 3 т взрывчатых веществ[4].

Активное привлечение немецкими разведорганами к диверсионно-разведывательной и террористической деятельности немецкого населения потребовало от органов и войск НКВД СССР, выполнявших задачи по обеспечению безопасности тыла фронтов, проведения мероприятий по ***выявлению агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также участников диверсионных и террористических формирований*** в этой среде. Кроме того, приказ НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016 возлагал на оперативные группы НКВД СССР и приданные им воинские подразделения задачи по задержанию и аресту следующих категорий лиц: «командно-оперативный состав полицейских органов, руководящий состав тюрем, концентрационных лагерей, военных комендантов, прокуроров, следователей, членов военных судов, трибуналов, руководителей областных, окружных, уездных дум и управлений, бургомистров, членов фашистских организаций, руководителей крупных хозяйственных и административных организаций, редакторов газет, журналов,

[1] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 115. Л. 151.
[2] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 298.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 137. Л. 223.
[4] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 312, 315 об., 317 об.

авторов антисоветских изданий, командный и рядовой состав армий, воюющих с СССР стран, и так называемой «Русской освободительной армии», а также прочий подозрительный элемент»[1].

В ходе наступления Красной армии по территории противника в целях быстрого выявления немецкой агентуры в крупных населенных пунктах от частей войск НКВД СССР практиковалась высылка оперативно-чекистских групп (ОЧГ). В их состав включались офицеры разведывательных отделений батальона (полка), а также придавались одна-две заставы (в зависимости от размеров населенного пункта). В ходе работы ОЧГ разделялась на 7–10 подгрупп, каждая из которых по особому плану отрабатывала до 10 объектов. Следует отметить, что населенный пункт, в котором действовала ОЧГ, подвергался неоднократной проверке в течение нескольких суток, что способствовало повышению результативности действий оперативно-чекистской группы. Так, в процессе работы ОЧГ 218-го пограничного полка в городе Хохенштайн (округ Остероде) в период с 26 января по 1 февраля 1945 г. были разоблачены 7 агентов гестапо, 41 изменник Родины, 10 членов фольксштурма, один руководитель и 17 членов различных нацистских организаций[2].

При стабильном положении линии фронта от стрелкового батальона пограничного полка ежедневно выделялось не менее двух разведывательно-поисковых групп с целью проверки населенных пунктов и лесных массивов, что приводило к значительному охвату розыскными мероприятиями охраняемого участка. Так, 3-й стрелковый батальон 13-го Виленского пограничного полка, дислоцировавшийся в городе Хайльсберг, в период с 1 по 15 марта 1945 г. осуществил проверку 26 населенных пунктов и лесных массивов, находящихся в радиусе до 20 км от пункта дислокации[3]. Кроме того, РПГ нередко выделялись с целью реализации разведывательных данных для задержания агентуры противника или диверсантов из числа местного населения.

Результативность действий РПГ по розыску и задержанию агентуры противника была достаточно высокой. Так, разведывательно-поисковые группы, выделенные от подразделений 217-го пограничного полка, в течение февраля – апреля 1945 г. задержали 7979 человек, что составило 47,8% от количества лиц, задержанных служебными нарядами полка[4]. Результаты деятельности 168 разведывательно-поисковых групп, выделенных от подразделений 33-го пограничного полка в марте 1945 г., были еще выше – 74,4% от количества всех задержанных лиц[5].

Кроме того, именно РПГ активно использовались для розыска и задержания членов диверсионных и террористических групп, сформированных противником из числа немецких подростков. Так, 22 марта 1945 г. служебными нарядами 3-го стрелкового батальона 13-го Виленского пограничного полка

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 4.
[2] РГВА. Ф. 32904. Оп. 1. Д. 121. Л. 372, 380, 383 об.; Д. 122. Л. 22, 41 об., 42 об.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 123. Л. 55–55 об.
[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 174. Л. 123, 195, 278.
[5] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 111. Л. 131.

в деревне Ливенберг (округ Хайльсберг) были задержаны несколько подростков 14–16 лет, которые в ходе фильтрации дали показания о совершении террористических актов в отношении военнослужащих Красной армии. В ходе проведенных розыскных мероприятий в населенных пунктах Ливенберг, Штернберг, Восседен и Штольцхаген арестованы 19 членов молодежных нацистских организаций, у которых изъяты 3 ручных пулемета, 8 автоматов, 47 винтовок, 4 пистолета, 11 охотничьих ружей, 2 малокалиберные винтовки, 12 гранат и 2000 патронов[1]. 26 марта 1945 г. разведывательно-поисковой группой 15-й заставы 86-го пограничного полка под руководством начальника заставы лейтенанта И. В. Николаева в городе Алленштайн была задержана группа из 11 членов «Гитлерюгенда», у которых изъяты 9 винтовок, 3 гранаты, 1500 патронов и 2 кг взрывчатых веществ[2].

Помимо разведывательно-поисковых групп в целях розыска и задержания агентуры противника использовались дозоры – подвижные наряды, численностью от двух и более человек, высылаемые с задачей осмотра местности. В ряде случаев этот вид наряда использовался для розыска тайников и складов вооружения и боеприпасов, предназначенных для действий диверсантов и террористов.

В целях осуществления контроля за передвижением военнослужащих Красной армии и гражданского населения, а также транспорта на наиболее важных узлах, перекрестках и развилках основных магистралей в тылу действующей армии выставлялись контрольно-проверочные пункты (КПП). В связи с тем, что большая часть местного населения, а также граждан СССР и иностранных государств, угнанных на работы в Германию, стремились обойти КПП, пытаясь избежать фильтрации, командованием частей и подразделений войск НКВД СССР практиковалось прикрытие контрольно-проверочных пунктов одной-двумя заставами, от которых выделялись подвижные виды нарядов. Так, начальник 9-й заставы 86-го пограничного полка младший лейтенант Н. А. Сайков, установив, что немецкое население, возвращавшееся к местам своего проживания, не доходя 1 км до КПП в городе Шиппенбайль (округ Бартенштайн), пытается обойти его по полям, 24 февраля 1945 г. перекрыл все дороги, ведущие в город, подвижными нарядами, что позволило только в течение одних суток задержать 44 человека[3]. В батальонах 13-го Виленского пограничного полка практиковалось выставление от застав нештатных КПП в количестве 2–3 военнослужащих на второстепенных дорогах.

Принятые меры позволили существенно увеличить число лиц, задержанных нарядами КПП. Только за март 1945 г. контрольно-проверочными пунктами пограничных полков войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта и Земландской группы войск был задержан 2481 человек, что составляло 23,03% от общего числа задержанных. Лучшие результаты показали КПП 217-го пограничного полка (1100 человек – 37,27%

[1] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 194 об.
[2] РГВА. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 48. Л. 98; ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 202, 203.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 172. Л. 230.

от общего количества лиц, задержанных служебными нарядами полка), которые выставлялись в городе Хайльсберг, а также КПП 132-го Минского пограничного полка (455 человек – 30,91% от общего числа задержанных лиц)[1].

Помимо выделения служебных нарядов для поиска и задержания агентов германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также диверсантов-одиночек командованием войск НКВД СССР практиковалось проведение облав и частных операций по проверке местности.

Облавы проводились в крупных населенных пунктах как своими силами, так и с привлечением личного состава военных комендатур. Так, 14 февраля 1945 г. подразделениями 104-й отдельной маневренной группы совместно с военной комендатурой была проведена облава в городе Тапиау (округ Велау), в результате чего выявлено 150 местных жителей, переданных под наблюдение органов военной администрации[2]. Через день – 16 февраля 1945 г. – в городе вновь была проведена облава, в ходе которой задержаны 33 человека, в числе которых оказались четыре солдата немецкой армии и 14 местных жителей, не имевших документов[3].

Частные операции проводились силами подразделений одного пограничного (стрелкового) полка по согласованию с начальниками оперативных групп НКВД СССР. Так, в период с 8.00 до 16.00 25 марта 1945 г. подразделениями 331-го пограничного полка была проведена операция по проверке города Инстербург «в целях розыска и задержания агентуры противника и прочего преступного элемента». В ходе операции предполагалось осуществить тщательный осмотр служебными нарядами всех жилых и нежилых помещений и подвалов, а также оврагов и кустарников, находившихся в непосредственной близости от города, с последующим задержанием «всех лиц гражданского населения и военнослужащих, не имеющих документов»[4].

Нередко к проведению операций привлекались тыловые части и подразделения Красной армии. В период с 15 по 17 марта 1945 г. в районе Гумбиннен – Даркемен – Гердауен – Велау 331-м пограничным полком совместно с подразделениями 208-го запасного стрелкового полка и сотрудниками Инстербургского оперативного сектора НКВД СССР была проведена операция по проверке местности. Руководство тремя розыскными отрядами осуществляли сотрудники оперативного сектора НКВД СССР, а непосредственную фильтрационную работу с задержанными проводили офицеры разведывательных отделений батальонов 331-го пограничного полка[5].

В ряде случаев проводимые операции не приносили ожидаемых результатов. Так, в ходе операции по проверке лесных массивов, проведенной в соответствии с боевым приказом штаба войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск от 10 марта 1945 г. № 008 на участке

[1] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 111. Л. 111 об., 130; Ф. 32924. Оп. 1. Д. 172. Л. 187 об., 190.
[2] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 113. Л. 41.
[3] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 115. Л. 96.
[4] РГВА. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 36. Л. 78.
[5] РГВА. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 37. Л. 241–243.

31-го пограничного полка 12–13 марта 1945 г. в районе населенных пунктов Надрау, Бакельфельд, Тремпау и Шперлингс (округ Земланд), к которой были привлечены восемь застав 1-го и 2-го стрелковых батальонов, саперный взвод и маневренная группа, не было ни одного задержанного[1].

Вместе с тем, результативность действий органов и войск НКВД СССР по выявлению агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также участников диверсионных и террористических формирований в среде немецкого населения была достаточно высокой. Так, только за февраль – март 1945 г. из более чем 36 тыс. немецких граждан, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта и 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР в ходе фильтрации были разоблачены 115 диверсантов, 27 террористов, 42 агента разведывательных органов и 199 агентов контрразведки противника, 80 сотрудников полицейских и карательных органов, 646 членов фольксштурма, 102 руководителя и 2425 членов нацистских организаций, 4 руководителя и 44 сотрудника немецких административных органов[2]. У задержанных изъяты 3 станковых и 47 ручных пулеметов, 50 автоматов, 462 винтовки, 50 пистолетов, 850 гранат, 72 055 патронов, 241 мина и 1238 кг взрывчатых веществ[3].

Важное место среди мероприятий, направленных на обеспечение безопасности тыла фронтов в период Восточно-Прусской стратегической операции, занимала деятельность органов и войск НКВД СССР по ***борьбе с дезертирами из частей Красной армии***.

Данные о дезертирах, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в период с февраля по март 1945 г., свидетельствуют о том, что их большая часть была рядовыми (75,86%), совершившими дезертирство в первый раз. В тылу фронта дезертиры в основном передвигались под видом отставших от своих частей (70,17%), раненых, направлявшихся в госпиталь (3,81%), а также командированных (3,58%)[4]. Однако в Восточной Пруссии дезертиры стали применять новые меры ухищрений, которые могли позволить им беспрепятственно перемещаться в тылу фронта (например, перемещение под видом служебных нарядов – конвоев). Так, 20 февраля 1945 г. на контрольно-проверочном пункте 2-го стрелкового батальона 217-го пограничного полка был задержан дезертир, конвоировавший двух французов[5], а 22 февраля 1945 г. дозором от 13-й заставы 132-го Минского пограничного полка в районе деревни Розиттен (округ Пройсиш-Эйлау) задержаны два военнослужащих Красной армии, передвигавшиеся под видом конвоя, сопровождавшего дезертиров[6].

---

[1] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 79. Л. 10–10 об.; Д. 97. Л. 15.

[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 174. Л. 138, 212.

[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 174. Л. 94, 164; Ф. 38680. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 37, 49.

[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 169. Л. 31–31 об., 34, 36–37, 43, 51–51 об.; Д. 170. Л. 51–51 об., 53, 57–59, 64–64 об.

[5] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 176. Л. 160 об.

[6] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 163. Л. 131.

Нахождение на территории противника вынуждало военнослужащих, покинувших воинские части, оседать на жительство в находящихся вдали от дорог мелких населенных пунктах и хуторах, нередко объединяясь в большие группы. Данное обстоятельство привело к тому, что начальник войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант И. С. Любый в распоряжении от 8 марта 1945 г. № 1-0953 потребовал от командиров пограничных полков высылать разведывательно-поисковые группы в «населенные пункты, расположенные в стороне от проезжих дорог, тщательно осматривая в них все строения»[1].

Принятые меры позволили в достаточно короткий срок нанести серьезный удар по дезертирам, длительное время скрывавшимся в отдаленных населенных пунктах. Так, только за февраль – март 1945 г. служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта были задержаны крупные группы дезертиров в населенных пунктах Дерц (округ Алленштайн) (12 человек)[2], Шпиттенен (округ Бартенштайн) (6 человек)[3], Скирвиттен (округ Пройсиш-Эйлау) (5 человек)[4], Бланкенберг (округ Хайльсберг) (3 человека)[5]. Вместе с тем, несмотря на проводимые командованием воинских частей мероприятия, дезертирство из действующей армии продолжалось практически до окончания Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, что приводило к необходимости дальнейшего выделения части сил войск НКВД СССР для борьбы с этим явлением.

Органы и войска НКВД СССР нередко привлекались к ***мероприятиям по обеспечению безопасности действующей армии, проводимым органами военного управления***. Так, в целях обеспечения скрытности действий по подготовке к штурму Кенигсберга распоряжением военного совета 1-го Прибалтийского фронта в феврале 1945 г. было проведено *отселение местного населения из прифронтовой полосы*. При этом выезд немцев осуществлялся в течение 24 часов после его объявления приказом военного коменданта, а переселяемым разрешалось брать с собой только имущество, которое можно было унести с собой. Отселение осуществлялось на достаточно значительное расстояние: так в полосе действий 43-й армии для размещения жителей города Гранц (округ Земланд) предназначались населенные пункты в 16 км юго-восточнее города Рагнит (округ Тильзит-Рагнит), а жители населенных пунктов в полосе 11-й гвардейской армии размещались в районе Краупишкен – Куссен – Пилькаллен[6].

Проведенный анализ документов показал, что мероприятия по отселению немецкого населения в основном проводились частями Красной армии и военными комендатурами. Привлечение войск НКВД СССР к этому процессу

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 117. Л. 68.
[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 170. Л. 75.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 172. Л. 128–128 об.
[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 169. Л. 52–52 об.
[5] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 71.
[6] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2086. Д. 372. Л. 2, 8.

заключалось в выделении конвоев для сопровождения колонн местных жителей к местам нового размещения. Так, для сопровождения колонны численностью 4,5 тыс. человек из полосы 11-й гвардейской армии были выделены конвои от подразделений 33-го пограничного полка[1].

В ряде случаев при проведении отселения происходили инциденты между военными комендантами и нарядами войск НКВД СССР. Так, конвой от 31-го пограничного полка под руководством младшего лейтенанта Н. И. Демкина, сопровождавший полуторатысячную колонну немцев, проживавших в населенных пунктах в полосе 39-й армии, довел ее только до города Лабиау, где передал военному коменданту, мотивируя свои действия тем, что «имеет приказание от своего командира полка подполковника т. Котова довести ее только до Лабиау». Военный комендант города был вынужден разместить немцев в пустующих домах, а на следующий день направить колонну к месту назначения, выделив конвой от комендатуры[2].

Следует отметить, что в современной немецкой литературе[3] имеются сведения о том, что отселение местного населения из полосы 1-го Прибалтийского фронта в восточные районы Восточной Пруссии сопровождалось высоким уровнем смертности. Вместе с тем, проведенный анализ отчетных документов военных комендатур позволяет говорить лишь о семи установленных случаях смерти пожилых немцев, произошедших во время отселения[4].

В рамках подготовки к наступательным действиям войск в целях обеспечения безопасности тыла действующей армии и пресечения деятельности агентуры противника в тыловых районах военными советами фронтов проводились *крупные войсковые операции по очистке тыла*, к которым привлекались не только соединения и части Красной армии, но и органы и войска НКВД СССР. Так, на основании директивы военного совета 3-го Белорусского фронта от 31 марта 1945 г. № 01/00189 «в целях очистки армейского, фронтового тылов от шпионов, диверсантов, бандитов, немецких солдат и офицеров и для задержания дезертиров» в период с 6 по 11 апреля 1945 г. была проведена «одновременная сплошная проческа местности и особенно лесных массивов и оврагов, проверка населенных пунктов, железнодорожных станций, питательных пунктов и других мест, где может укрываться преступный элемент» практически на всей территории Восточной Пруссии, которая находилась под контролем войск фронта. К проведению операции привлекались соединения и части 48-й, 3-й, 28-й, 31-й армий, 1-й и 2-й гвардейский танковые корпуса, 202-й и 208-й запасные стрелковые полки, а также 63-й полк резерва офицерского состава. Войска действовали с двух направлений: силами соединений и частей Красной армии от автострады Мариенбург – Кенигсберг

[1] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 122. Л. 4.

[2] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2086. Д. 409. Л. 58.

[3] Например: Gusovius P. Der Landkreis Samland: Ein Heimatbuch der ehemaligen Landkreise Königsberg und Fischhausen. Würzburg: Holzner-Verlag, 1966. S. 643.

[4] ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2086. Д. 372. Л. 2.

в юго-восточном направлении и частями войск НКВД СССР от восточной границы провинции в западном и северо-западном направлениях с одновременным выходом к железной дороге Инстербург – Алленштайн – Хохенштайн[1].

Задачи частям войск НКВД СССР были конкретизированы директивой начальника войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 31 марта 1945 г. № 1-001271[2]. К операции привлекались 13-й Виленский, 132-й Минский, 217-й пограничные полки, а также все стрелковые полки 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР. Войска действовали в полосе шириной 140 км и глубиной до 80 км, что предполагало ежедневное проведение розыскных мероприятий на глубину до 10–12 км.

Операция проводилась путем проверки лесных массивов усиленными разведывательно-поисковыми группами и усиленными дозорами, а также проведения облав в крупных населенных пунктах. На возможных путях передвижения лиц, подлежащих задержанию, выставлялись контрольно-проверочные пункты, засады и секреты. В ходе операции командованием частей войск НКВД СССР постоянно поддерживалась связь и осуществлялся обмен информацией с военными комендантами населенных пунктов, а также органами контрразведки «Смерш» взаимодействующих частей Красной армии и оперативными группами НКВД СССР. Кроме того, как отмечалось в донесении командира 217-го пограничного полка подполковника Т. В. Казанова, «значительную помощь в деле розыска и задержания агентуры врага оказали граждане СССР – колхозники, работающие… по сбору скота»[3].

В силу сложившихся условий обстановки (начавшийся штурм столицы Восточной Пруссии и недостаточность группировки войск НКВД СССР, осуществлявшей блокирование и последующую очистку города) 13-й Виленский и 132-й Минский пограничные полки не завершили операцию и были переброшены в район Кенигсберга. Вместе с тем, результаты проведенных мероприятий были достаточно высокими: из 4499 человек, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР, в результате фильтрации было разоблачено 624 человека (13,86%), которые подлежали аресту по приказу НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016, среди которых 46 диверсантов и 511 членов нацистских организаций, а также обнаружено и передано под охрану военных комендантов или уничтожено более 15 складов с вооружением и боеприпасами[4]. Кроме того, в ходе операции была пресечена деятельность банды дезертиров, скрывавшейся в районе деревни Людвигсвальде (округ Тройбург), а также ликвидирована группа диверсантов под руководством капитана немецкой армии Г. Шенка в районе поселка Гросс Розинско (округ Иоганнисбург)[5].

---

[1] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 737. Л. 1–8.
[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 123. Л. 70–75.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 123. Л. 131.
[4] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 286 об. – 287 об.
[5] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 6. Л. 143–145.

На основании директивы военного совета 3-го Белорусского фронта от 14 апреля 1945 г. № 01/00213 в период с 17 по 22 апреля 1945 г. была проведена еще одна операция по проверке лесных массивов и населенных пунктов в полосе от залива Фриш Гаф до железнодорожной магистрали Инстербург – Хохенштайн, целью которой являлось пресечение перемещения групп немецких солдат и офицеров, которые могли выйти из Кенигсберга и двигаться в юго-восточном направлении. К операции привлекались соединения 50-й и 48-й армий, а также 1-й и 2-й гвардейский танковые корпуса и 202-й запасной стрелковый полк. От войск НКВД СССР в операции участвовал 369-й стрелковый полк 57-й стрелковой дивизии внутренних войск[1]. Следует отметить, что вследствие неурегулированности вопросов передачи охраняемых объектов, далекого расположения исходных районов для проведения операции от мест дислокации батальонов полка (от 55 до 120 км) полк начал операцию на сутки позднее и, кроме того, в неполном составе. Несмотря на это, служебными нарядами 369-го стрелкового полка к 22 апреля 1945 г. были задержаны 894 человека, переданные на фильтрацию в оперативные группы НКВД СССР[2].

С февраля по апрель 1945 г. все мероприятия по обеспечению безопасности тыла действующей армии органы и войска НКВД СССР осуществляли в тесной связи с выполнением постановления Государственного комитета обороны от 3 февраля 1945 г. № 7467сс о ***мобилизации немецкого населения в рабочие батальоны***, ответственными за которую, в соответствии с приказом НКВД СССР от 6 февраля 1945 г. № 0061, являлись уполномоченные НКВД СССР по фронтам[3]. Постановление определяло, что мобилизации подвергались «все годные к физическому труду и способные носить оружие немцы-мужчины в возрасте от 17 до 50 лет», которых в составе рабочих батальонов (750–1200 человек) предполагалось использовать для работ в Советском Союзе[4].

Мобилизация объявлялась приказом соответствующего военного коменданта, в котором предусматривался порядок и сроки явки на сборные пункты. Лица, мобилизуемые в рабочие батальоны, должны были иметь при себе теплую одежду, белье, обувь, постельные принадлежности и запас продовольствия на 15 суток. После прибытия мобилизованных на сборные пункты, чаще всего находившиеся на базе армейских приемных пунктов военнопленных, они направлялись под конвоем во фронтовые приемно-пересыльные лагеря, где происходило формирование рабочих батальонов, направляемых в СССР. Так, в соответствии с распоряжением начальника отдела по делам военнопленных и интернированных при начальнике тыла Земландской группы войск майора государственной безопасности П. С. Мирошниченко от 14 марта 1945 г. № 00399 мобилизованные должны были приниматься на все приемные пункты военнопленных, где размещались в отдельных помещениях.

[1] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 737. Л. 96–99.
[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 123. Л. 168–169.
[3] Аппарат НКВД – МГБ в Германии. 1945–1953. С. 64.
[4] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 450. Л. 3.

Пунктом для формирования рабочих батальонов являлся сборный пункт военнопленных № 3, расположенный в имении Царген в 5 км восточнее города Тапиау (округ Велау). Погрузка мобилизованных в эшелоны для отправки в Советский Союз производилась на станции Тапиау, а при их массовом поступлении – на станции Тильзит[1].

В последующем отправка в Советский Союз была распространена практически на всех лиц, задержанных оперативными группами НКВД СССР в тылу действующей армии. Приказом НКВД СССР от 22 февраля 1945 г. № 00101 определялось, что всех задержанных «гражданских лиц (не граждан СССР) – членов различных вражеских организаций, руководителей областных, уездных дум, управ, бургомистров, руководителей крупных хозяйственных и административных организаций, редакторов газет, журналов, авторов антисоветских изданий и прочий враждебный элемент – направлять для содержания в лагеря для интернированных ГУПВИ НКВД СССР»[2]. Под понятием «прочий враждебный элемент», как правило, понимались все лица, задержанные в соответствии с приказом НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016.

Большая часть немецкого населения «призывного возраста» (мужчины и женщины в возрасте от 17 до 50 лет) негативно восприняла мобилизацию в рабочие батальоны. Уполномоченный НКВД СССР по Земландской группе войск комиссар государственной безопасности И. М. Ткаченко в специальном сообщении народному комиссару внутренних дел СССР генеральному комиссару государственной безопасности Л. П. Берия от 17 марта 1945 г. отмечал: «Большинство немцев проводимые аресты членов фашистских организаций и поголовную мобилизацию трудоспособного населения рассматривают как месть Красной Армии за злодеяния, которые чинили немцы над советскими гражданами во время оккупации областей Советского Союза»[3]. В результате широкое распространение приобрел уход лиц, подлежащих мобилизации и направлению в лагеря интернированных, в леса и труднодоступные населенные пункты, а также другие способы сокрытия от служебных нарядов. Как отмечалось в оперативной сводке штаба 13-го Виленского пограничного полка от 1 марта 1945 г. № 0060, «из показаний задержанных установлено, что большое количество лиц, подлежащих задержанию, применяет разные ухищренные методы укрытия: в стогах соломы, сена, в жилищах… под полом домов. Отмечены случаи, когда лица, подлежащие задержанию, скрываются под видом глухонемых, больных»[4].

Подразделения войск НКВД СССР практически сразу были привлечены к выполнению мероприятий по мобилизации немецкого населения в рабочие батальоны. Приказание начальника войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 20 февраля 1945 г. № 1-00711 уточняло, что

[1] РГВА. Ф. 396п. Оп. 2. Д. 22. Л. 56.
[2] Цит. по: Аппарат НКВД – МГБ в Германии. 1945–1953. С. 68.
[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 85.
[4] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

задерживаемые немецкие граждане должны были направляться в оперативные группы НКВД СССР, откуда после проверки передавались военным комендантам, либо на пункты приема военнопленных[1].

Розыск лиц, подлежащих мобилизации в рабочие батальоны, в крупных населенных пунктах проводился путем проведения облав. Так, в городе Зеебург (округ Рессель) служебные наряды маневренной группы и 2-го стрелкового батальона 13-го Виленского пограничного полка в конце февраля 1945 г. в течение недели проводили розыск немецких граждан, которые уклонялись от мобилизации[2]. В последующем служебные наряды маневренной группы полка продолжили розыск в населенных пунктах, расположенных восточнее города, где только 1 марта 1945 г. задержали 104 человека[3].

В отдельных городах облавы на немцев, которые уклонялись от мобилизации, проводились постоянно. Так, в городе Растенбург 10 февраля 1945 г. в ходе облавы, проведенной служебными нарядами 2-го и 3-го стрелковых батальонов 217-го пограничного полка, было задержано 163 человека[4]. 30 марта 1945 г. подразделения 13-го Виленского пограничного полка вновь провели облаву в городе, в ходе которой задержали 1058 немецких граждан[5].

В сельской местности розыск лиц, подлежащих мобилизации в рабочие батальоны, осуществлялся разведывательно-поисковыми группами, которые нередко выполняли эту задачу параллельно с другими. Так, 26 февраля 1945 г. РПГ под командованием начальника 9-й заставы 86-го пограничного полка младшего лейтенанта Н. А. Сайкова после выполнения задания по уничтожению группы немецких солдат, скрывавшихся в поселке Шенбрух (округ Бартенштайн), в этом же населенном пункте задержала 16 немцев-мужчин, уклоняющихся от мобилизации[6].

С конца марта 1945 г. в оперативных сводках войск НКВД СССР стали появляться сообщения о том, что при задержании лиц, подлежащих мобилизации и скрывавшихся от служебных нарядов, изымалось оружие и боеприпасы. Так, разведывательно-поисковой группой 15-й заставы 86-го пограничного полка под руководством помощника начальника заставы лейтенанта М. С. Пашкина при проверке деревни Кортау (округ Алленштайн) были задержаны 16 немцев, уклоняющихся от мобилизации, у которых изъяты 6 винтовок, 4 автомата и пистолет[7].

Однако уже в апреле 1945 г. произошли определенные изменения, касающиеся вывоза лиц, подлежащих мобилизации в рабочие батальоны и направлению в лагеря интернированных на территории СССР. На основании постановления Государственного комитета обороны от 17 апреля 1945 г.

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 117. Л. 54–54 об.
[2] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 39. Л. 226, 233.
[3] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 137.
[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 176. Л. 126.
[5] РГВА. Ф. 32947. Оп. 1. Д. 40. Л. 101.
[6] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 172. Л. 229.
[7] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 194 об., 195 об.

№ 8148сс все мобилизационные мероприятия в отношении немецкого населения были прекращены[1]. Всего по состоянию на 10 апреля 1945 г. из полосы 3-го Белорусского фронта было вывезено для работ на территории СССР в составе рабочих батальонов 2154 человека, что составляло 2,2% от общего количества мобилизованных немцев на 1-м, 2-м, 3-м Белорусских и 1-м Украинском фронтах[2].

Кроме того, народный комиссар внутренних дел СССР генеральный комиссар государственной безопасности Л. П. Берия в докладной записке И. В. Сталину и В. М. Молотову от 16 апреля 1945 г., обосновывая сокращение категорий лиц, подлежащих аресту по приказу НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016, а также прекращение направления интернированных в лагеря на территории Советского Союза, отмечал, что из лиц, арестованных оперативными группами НКВД СССР, «могут быть использованы на физических работах не более половины всего состава, так как остальную часть составляют старики и лица, непригодные к физическому труду»[3].

Вышедший 18 апреля 1945 г. приказ НКВД СССР № 00315 внес изменения в приказ НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016 в части определения контингента лиц, подлежащих задержанию оперативными группами НКВД СССР. Теперь аресту подвергались:

«а) шпионско-диверсионная и террористическая агентура германских разведывательных органов;

б) участники всех организаций и групп, оставленных немецким командованием и разведывательными органами противника для подрывной работы в тылу Красной Армии;

в) содержатели нелегальных радиостанций, складов оружия, подпольных типографий…

г) активные члены национал-социалистической партии;

д) областные, городские и районные руководители фашистских молодежных организаций;

е) сотрудники гестапо, СД и других немецких карательных органов;

ж) руководители областных, городских и районных административных органов, а также редакторы газет, журналов и авторы антисоветских изданий»[4].

Кроме того, предполагалось освободить из-под ареста всех инвалидов, больных, нетрудоспособных, стариков свыше 60 лет, а также женщин, не подпадающих под указанные в приказе категории. Одновременно с этим прекращалась отправка в Советский Союз всех лиц, арестованных в результате проведения мероприятий по очистке тыла действующей Красной армии.

Одним из крупнейших мероприятий по обеспечению безопасности тыла действующей армии, проведенных органами и войсками НКВД СССР в Восточной Пруссии, явилось их ***участие в очистке города Кенигсберг***

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 480. Л. 79.
[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 393.
[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 254.
[4] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 18–19.

от солдат и офицеров противника, а также от находившегося в подполье враждебного элемента.

К началу штурма города в тылу армий, привлекаемых к операции, находились всего три пограничных полка (31-й, 33-й и 86-й), общей численностью немногим более 4 тыс. человек. В последующем, на основании боевого приказа штаба войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 9 апреля 1945 г. № 9 в район столицы Восточной Пруссии были передислоцированы 13-й Виленский и 132-й Минский пограничные полки, а также 105-я отдельная маневренная группа[1], что позволило увеличить численность войсковой группировки до 7 тыс. человек. Помимо этого, «в целях выявления шпионов, диверсантов и другого враждебного элемента» в городе действовали 8 оперативных групп НКВД СССР общей численностью 120 человек под руководством «опытных оперативных работников»[2].

С началом штурма города войска НКВД СССР осуществляли блокирование Кенигсберга по периметру путем выставления контрольно-проверочных пунктов с целью недопущения проникновения гражданских лиц в город и из него, а также выявления агентуры противника, которая могла действовать в тылу наступающих частей[3]. Начиная с 9 апреля 1945 г. первые подразделения войск НКВД СССР вступили в Кенигсберг, оказывая помощь оперативным группам НКВД СССР в выявлении враждебного элемента и проведении фильтрации задержанных лиц. Служба была организована путем выделения от застав усиленных разведывательно-поисковых групп, дозоров и патрулей.

Проведенный анализ архивных документов с описанием боевых действий подразделений 86-го пограничного полка показал, что служебные наряды войск НКВД СССР при встрече с мелкими группами немецких солдат и офицеров, которые скрывались в подвалах домов и оказывали вооруженное сопротивление, практиковали следующие действия: головной дозор, выделенный от разведывательно-поисковой группы, совместно с военнослужащим, вооруженным ручным пулеметом, отвлекал противника огнем от ядра разведывательно-поисковой группы, личный состав которого обходил дом с тыла, забрасывал помещения ручными гранатами, после чего брал в плен оставшихся в живых[4].

Несмотря на капитуляцию гарнизона Кенигсберга, в подвалах домов оставалось большое количество военнослужащих немецкой армии, которые, переодеваясь в гражданскую одежду, скрывались среди местного населения. В связи с этим уже 10 апреля 1945 г. соединения 50-й армии были привлечены к тщательной очистке города от оставшихся в нем солдат и офицеров противника[5]. В операции также участвовали и части войск НКВД СССР – 31-й, 33-й, 86-й, 132-й Минский пограничные полки, а также 105-я отдельная маневренная группа[6].

---

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 161. Л. 53.
[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 41.
[3] РГВА. Ф. 38752. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.
[4] РГВА. Ф. 32936. Оп. 1. Д. 50. Л. 205–207 об.
[5] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 772. Л. 268–269.
[6] ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 861. Л. 283.

В ходе операции практиковалась многократная проверка городских районов. Так, 31-й пограничный полк, осуществлявший очистку северо-восточной и центральной части города, 11 апреля 1945 г. провел проверку района Марауненхоф, а 12–13 апреля 1945 г. – районов Трагхайм, Штайндамм, Нойроссгартен и Прегель, а также восточной части района Хуфен. Особое внимание при этом уделялось таким объектам как главный почтамт и телеграф, Управление военно-хозяйственного снабжения, штаб и казармы люфтваффе, Северный вокзал. Повторная проверка этих же районов подразделениями полка была проведена в период с 17 по 19 апреля 1945 г.[1]

Результаты очистки Кенигсберга, проведенной оперативными группами НКВД, частями Красной армии и войск НКВД были значительными. Уже к 13 апреля 1945 г. в оперативные группы НКВД СССР было передано 60 526 человек, среди которых были арестованы 1710, в том числе 152 агента германской разведки и контрразведки, диверсантов и террористов, 1501 член НСДАП и участник различных нацистских организаций, 57 изменников родины и пособников немцев. Среди арестованных оказались судья Кенигсбергского городского суда К. Церник, коменданты лагеря военнопленных в Кенигсберге О. Андрис и К. Маковецкий, начальник жандармерии города Лабиау Л. Маркворт и начальник жандармерии округа Гольдап В. Гоман[2].

В последующем число задержанных еще более увеличилось. Так, только служебными нарядами войск НКВД СССР в ходе очистки города в апреле 1945 г. было уничтожено в боестолкновениях 107 солдат и офицеров противника, взято в плен 7003 немецких военнослужащих, задержано 2080 военнослужащих Красной армии, 6428 граждан СССР и 11 425 граждан иностранных государств, находившихся на работах в Германии, а также 33 851 немец. Среди задержанных разведывательными отделениями полков и батальонов разоблачено 136 диверсантов, 63 террориста, 56 агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника, 26 сотрудников полицейских и картельных органов, 284 члена фольксштурма и 617 членов нацистских организаций. Служебными нарядами в ходе очистки города обнаружены и изъяты 2 миномета, 385 ручных пулеметов, 78 автоматов, 7867 винтовок, 41 пистолет, 1195 гранат, 43 мины, 63 500 патронов и 18 кг взрывчатых веществ[3].

Вместе с тем, несмотря на значительный объем мероприятий, направленных на обеспечение безопасности тыла действующей армии, проведенных оперативными секторами НКВД СССР и войсками НКВД СССР в Восточной Пруссии, на ее территории в значительном количестве продолжала скрываться агентура германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также лица, завербованные командованием противника для проведения диверсионных и террористических акций на подконтрольной Красной армии территории. Вследствие этого, а также в связи с будущим разделением провинции и последующим вхождением ее в состав Советского

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 162. Л. 65–69.
[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 42–43.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 171. Л. 47.

Союза и Польши руководством НКВД СССР была санкционирована единственная в своем роде ***операция по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента***.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 5 мая 1945 г. № 00453 на командированных в Восточную Пруссию заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника А. Н. Аполлонова, начальника Главного управления войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии генерал-лейтенанта И. М. Горбатюка и начальника управления контрразведки «Смерш» Московского военного округа генерал-лейтенанта Ф. Я. Тутушкина возлагались следующие задачи:

«а) создать оперативные сектора, возглавив их опытными чекистами и укомплектовав соответствующим количеством оперативных работников;

б) придать каждому оперативному сектору необходимое количество войск НКВД, использовав в этих целях находящиеся в Восточной Пруссии войска НКВД…

в) пересмотреть дислокацию войск НКВД, находящихся в Восточной Пруссии, с расчетом создания в наиболее крупных городах боевых кулаков…

г) создать при каждом оперативном секторе следственную группу из опытных чекистов-следователей; организовать необходимые тюремные помещения, обеспечив полную охрану заключенных;

д) навести должный общественный порядок в г. Кенигсберге, портах Пиллау, Эльбинге и других крупных городах Восточной Пруссии;

е) наладить связь с оперативными секторами, своевременно быть в курсе проводимой ими работы, обеспечивая повседневное практическое руководство их оперативной работой»[1].

Уже через десять дней после выхода в свет приказа НКВД СССР № 00453 генерал-полковник А. Н. Аполлонов доложил народному комиссару внутренних дел СССР генеральному комиссару государственной безопасности Л. П. Берия о проведенных мероприятиях на территории Восточной Пруссии – формировании оперативных секторов НКВД СССР и закреплении за ними частей войск НКВД СССР[2]. К началу июня 1945 г. оперативными секторами НКВД СССР было арестовано 1280 человек, в том числе 446 агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника, диверсантов и террористов, 121 сотрудник гестапо, полиции безопасности и других карательных органов, а также 678 членов НСДАП[3].

Как и ранее, части войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии и внутренних войск НКВД СССР, которые привлекались к операции, осуществляли розыск агентуры противника путем выделения различных видов служебных нарядов (разведывательно-поисковые группы, контрольно-проверочные пункты на узлах дорог и в крупных населенных пунктах, выставление дозоров и секретов, организация патрулирования

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 31–32.
[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 31–32.
[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 261.

в городах совместно с патрулями военных комендатур). Так, в июне 1945 г. в 370-м стрелковом полку 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР, обслуживающем Инстербургский оперативный сектор НКВД СССР, были проведены следующие мероприятия:

1) проверки лесных массивов и пустующих населенных пунктов по планам начальников Инстербургской, Гумбинненской и Тильзитской оперативных групп НКВД СССР;

2) облавы на железнодорожных станциях Инстербург (6 раз), Гумбиннен (7 раз), Шталлупенен (4 раза), Тильзит (4 раза);

3) облавы в городском парке Инстербурга с привлечением сил военного коменданта города (2 раза);

4) высылка оперативных групп на станции Тильзит и Инстербург для проверки поездов (11 раз);

5) выставление подвижных контрольно-проверочных пунктов на перекрестках дорог и в населенных пунктах Енишкен, Ауловенен (округ Инстербург), Гросс Скайсгиррен (округ Эльхнидерунг), Буйлин (округ Гумбиннен), Куссен (округ Пилькаллен) и Жиллен (округ Тильзит-Рагнит);

6) высылка разведывательно-поисковых групп для проверки лесных массивов и осмотра пустующих строений;

7) выставление секретов с целью перекрытия лесных дорог и троп[1].

Объем служебной нагрузки личного состава полка за июнь 1945 г. составил:

- разведывательно-поисковые группы – 25 (1427 человеко-дней);
- контрольно-проверочные пункты – 13 (855 человеко-дней);
- патруль – 5 (28 человеко-дней);
- караульная служба – 62 (9432 человеко-дней);
- облавы – 2 (30 человеко-дней);
- конвой – 28 (820 человеко-дней);
- внутренние наряды – 48 (2304 человеко-дня);
- прочие виды нарядов – 19 (1375 человеко-дней)[2].

Таким образом, ежедневно на службу от личного состава полка выделялось в среднем 542 человека, что составляло 34,3% от штатной численности полка, что значительно превышало установленный уровень служебной нагрузки.

Всего же служебными нарядами 370-го стрелкового полка в течение июня 1945 г. было задержано 327 военнослужащих Красной армии (в том числе 10 мародеров и 107 человек без установленных документов), 33 гражданина СССР, находившихся на работах в Германии, а также 491 немец, среди которых разоблачены руководитель нацистской организации, диверсант и два агента германских разведывательных органов[3].

Результаты операции по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента были значительны (приложение 3). Однако фактически она не была

[1] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 1. Л. 81–84.
[2] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 7. Л. 39, 109.
[3] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 3. Л. 359, 360; Д. 7. Л. 21.

завершена, так как части войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта вследствие осложнения оперативной обстановки были выведены в Литовскую ССР, а оставшиеся на территории Восточной Пруссии три полка 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР не могли полностью обеспечить проведение оперативных мероприятий на всей территории провинции. Вместе с тем, оперативными группами НКВД СССР по состоянию на 1 сентября 1945 г. были выявлены и ликвидированы 43 диверсионно-террористические группы, а также арестованы 3029 человек, в том числе 1072 агента разведывательных и контрразведывательных органов противника, диверсанта и террориста, 226 сотрудников гестапо, СД и других карательных органов, 1453 члена НСДАП, а также 133 участника групп, оставленных германским командованием для действий в тылу Красной армии[1].

В условиях проведения Восточно-Прусской стратегической наступательной операции важное значение приобрело **обеспечение безопасности железных дорог**. Следует отметить, что при отступлении немецких войск железнодорожной инфраструктуре был нанесен минимальный ущерб, что позволило уже к 21 февраля 1945 г. восстановить и ввести в эксплуатацию линию Таураге – Тильзит – Инстербург – Велау[2], а к середине марта 1945 г. – линию Шталлупенен – Инстербург. Однако вследствие диверсионных актов на железных дорогах Восточной Пруссии и нападений на воинские эшелоны, которые активизировались в марте 1945 г., возникла объективная необходимость обеспечения войсковой охраной искусственных сооружений, находившихся на железных дорогах.

Постановлениями военных советов 3-го Белорусского фронта и Земландской группы войск вдоль полос железных дорог, находившихся на территории Восточной Пруссии в тылу действующей армии, создавались 20-километровые запретные зоны, в которых запрещалось проживание местного населения. В непосредственно прилегающую к железной дороге 200-метровую полосу (по 100 м в каждую сторону), расчищенную от деревьев и кустарника, допускались только лица, имеющие отношение к работе железнодорожного транспорта. Охрана действующих железных дорог и контроль за запретными зонами вдоль них возлагались на войска НКВД СССР[3].

В соответствии с приказаниями начальника войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 19 марта 1945 г. № 1-001055 и начальника войск НКВД СССР по охране тыла Земландской группы войск от 27 марта 1945 г. № 2/1-00718 части войск были привлечены к отселению местных жителей из 20-километровой запретной зоны[4]. Уже к концу марта 1945 г. на охраняемых участках в полосе 3-го Белорусского фронта подразделениями пограничных полков были отселены за пределы запретной зоны до 10 тыс. человек (за исключением жителей городов Рессель, Бартенштайн, Бишофштайн

[1] Щеглов А. М. Щит и меч Янтарного края. С. 94, 113.
[2] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 115. Л. 104.
[3] РГВА. Ф. 32901. Оп. 1. Д. 104. Л. 60–61.
[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 159. Л. 32–32 об.

и Алленштайн). При этом в ходе отселения был выявлен ряд лиц, подлежащих задержанию в соответствии с приказом НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016. Так, задержанный служебным нарядом 11-й заставы 86-го пограничного полка в деревне Ликузен (округ Алленштайн) подросток дал показания о наличии в населенном пункте группы, имевшей задания диверсионного и террористического характера, благодаря чему в последующем были задержаны два члена организации «Гитлерюгенд»[1].

Следует отметить, что выполнение основного объема мероприятий, связанных с охраной железных дорог, было возложено на части 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР. Уже 19 марта 1945 г. подразделениями 370-го стрелкового полка был принят под охрану участок железной дороги от Эйдткунена до Тапиау. Под охраной, помимо полотна железной дороги, находились 12 станций и разъездов, 23 моста, 7 водонапорных башен, 2 водонасосные станции, а также депо на станции Инстербург. Плотность охраны на участке составляла: в дневное время – 5,2 человека на 1 км, а в ночное время – 7,8 человека на 1 км[2].

Служба по охране железных дорог была организована путем выставления от подразделений гарнизонов численностью до взвода, располагавшихся чаще всего у важных железнодорожных объектов (мосты, виадуки, депо, источники электроэнергии и водоснабжения). От гарнизона выставлялись часовые и наблюдатели, которые непосредственно выполняли задачи по охране и обороне объекта, а также осуществляли наблюдение за близлежащим районом. Помимо этого, для пресечения действий нарушителей 200-метровой запретной зоны выделялись секреты и засады, а для проведения мероприятий по проверке 20-километровой запретной зоны предполагались действия разведывательно-поисковых групп[3].

В южных районах Восточной Пруссии мероприятия по обеспечению безопасности железных дорог проводились с использованием бронепоезда, переданного от 11-го железнодорожного эксплуатационного полка 371-му стрелковому полку войск НКВД СССР в начале апреля 1945 г.[4] В соответствии с приказанием начальника войск НКВД СССР от 27 апреля 1945 г. № 1-01680 бронепоезд использовался для патрулирования железнодорожного участка Инстербург – Найденбург. В случае осложнения обстановки в 20-километровой запретной зоне предполагалась высадка десанта с бронепоезда в целях ликвидации диверсионных и террористических групп[5].

Начавшийся в июне 1945 г. постепенный вывод войск НКВД СССР из Восточной Пруссии привел к тому, что большая часть железных дорог на ее территории осталась без охраны. Уже 7 июня 1945 г. начальник штаба тыла 3-го Белорусского фронта полковник М. Д. Малицкий констатировал, что

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 159. Л. 47 об.
[2] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 159. Л. 24, 30.
[3] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 159. Л. 43–44.
[4] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 136. Л. 165.
[5] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 136. Л. 62.

железнодорожные участки Инстербург – Алленштайн, Инстербург – Тильзит, Тильзит – Кенигсберг и Кенигсберг – Эльбинг никем не охраняются[1]. Однако дополнительных ресурсов для принятия под охрану объектов на железных дорогах у частей 57-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР не было. Кроме того, необходимость выделения личного состава для выполнения оперативных и других задач привела к тому, что по состоянию на 1 июля 1945 г. численность большей части гарнизонов, выделенных для охраны железнодорожных объектов, сократилась до 7–10 человек[2]. Подобная ситуация продолжалась и после передачи охраны объектов частям 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР в октябре 1945 г. Численность гарнизонов 108-го стрелкового полка, которые обеспечивали охрану железнодорожных мостов на территории северной части Восточной Пруссии, вошедшей в состав Советского Союза, также составляла от 7 до 10 человек[3].

Вместе с тем, включение железных дорог северной части Восточной Пруссии в состав Литовской железной дороги привело к тому, что с ноября 1945 г. они были переданы под охрану войскам НКВД СССР по охране железных дорог. Вошедший в состав 14-й дивизии войск НКВД СССР по охране железных дорог 82-й полк уже к началу января 1946 г. принял под охрану большую часть железнодорожных объектов, а на станциях Инстербург, Кенигсберг, Гердауен и Пиллау были сформированы гарнизоны по охране грузов в парках и пути следования[4].

Только в течение первого квартала 1946 г. гарнизонами полка были задержаны 127 человек (в том числе гарнизонами по охране объектов – 72 человека, гарнизонами по охране грузов – 55 человек)[5]. Большая часть задержанных являлась работниками железной дороги, не имевшими пропусков на право прохода на объекты, а также военнослужащими Красной армии. Одновременно с этим, только за февраль – март 1946 г. гарнизоном по охране железнодорожного моста через реку Фришинг были задержаны 11 бывших военнослужащих германской армии, которые совершили побег из лагерей военнопленных[6]. Кроме того, гарнизонами полка обеспечивалась охрана оборудования, вывозимого с предприятий, расположенных на территории Восточной Пруссии, в Советский Союз. За первый квартал 1946 г. от подразделений 82-го полка было выделено 413 караулов общей численностью 1149 человек, которыми было принято под охрану 5068 вагонов с различным имуществом[7].

Значительный объем мероприятий в начальный период интеграции Восточной Пруссии в состав Советского Союза был проведен органами и войсками НКВД СССР в рамках выполнения задач по **обеспечению охраны**

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 170. Л. 191.
[2] РГВА. Ф. 38680. Оп. 1. Д. 5. Л. 95–95 об.
[3] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 33. Л. 103–104.
[4] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 17. Л. 165.
[5] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 17. Л. 101, 110, 180.
[6] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 17. Л. 169, 282.
[7] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 17. Л. 101, 110, 180.

военнопленных и интернированных, а также лиц, арестованных оперативными группами НКВД СССР.

В период Восточно-Прусской стратегической наступательной операции *система приема и размещения военнопленных* в тылу фронтов строилась следующим образом: первоначально военнопленные поступали на дивизионные сборные пункты, откуда силами частей Красной армии направлялись на приемные пункты военнопленных, расположенные в тылу каждой армии на удалении 25–30 км от линии фронта. Внешняя охрана ППВ обеспечивалась силами частей войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии или внутренних войск НКВД СССР, а внутренняя – гарнизоном конвойных войск НКВД СССР. По мере наполнения приемных пунктов военнопленные под конвоем, выделенным от подразделения конвойных войск НКВД СССР, направлялись на сборные пункты военнопленных, находившиеся на расстоянии 50–70 км от линии фронта, а затем переправлялись во фронтовые приемно-пересыльные лагеря (100–120 км от линии фронта), из которых осуществлялось конвоирование военнопленных в лагеря, расположенные на территории СССР[1].

К началу операции в тылу фронтов на восточно-прусском направлении действовали 222-й и 223-й полки, а также 481-й отдельный батальон конвойных войск НКВД СССР, которые обеспечивали охрану 20 приемных пунктов военнопленных, 11 сборных пунктов военнопленных, трех фронтовых приемно-пересыльных лагерей и двух специальных госпиталей для военнопленных[2].

Командир 46-й дивизии конвойных войск НКВД СССР полковник И. Г. Кривонос в донесении начальнику конвойных войск НКВД СССР генерал-лейтенанту В. М. Бочкову от 21 февраля 1945 г. № 1-00249 отмечал, что в период наступления Красной армии по территории Восточной Пруссии военнопленные на ППВ прибывали в основном мелкими группами по 50–60 человек. Вместе с тем, в связи с быстрым продвижением советских войск по территории противника увеличивалось расстояние между ППВ, СПВ и ФППЛ, что приводило к значительному увеличению количества личного состава, выделяемого для конвоирования контингента от приемных пунктов военнопленных[3].

Несмотря на это, в январе – марте 1945 г. частями конвойных войск НКВД СССР, действовавшими на территории Восточной Пруссии, было отконвоировано различными видами конвоев 58 626 военнопленных и 4012 гражданских немцев, мобилизованных в рабочие батальоны[4]. При пешем конвоировании на территории противника организовывалась более плотная охрана контингента. В каждом конвое выделялся резерв для противодействия возможному нападению диверсионно-террористических групп. При эшелонном конвоировании охрана строилась в шахматном порядке, практиковалось сосредоточение лиц, склонных к побегу, в отдельных вагонах, вокруг которых

[1] РГВА. Ф. 396п. Оп. 2. Д. 20. Л. 27.
[2] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 3. Л. 64, 76, 130.
[3] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 3. Л. 224.
[4] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 3. Л. 351, 370, 383 об., 406 об.

создавалась усиленная охрана. Кроме того, предусматривался частый осмотр вагонов с целью предупреждения побега лиц, находящихся под охраной[1].

Вместе с тем, вследствие ошибок конвоя, нередко происходили побеги конвоируемого контингента. Так, 19 марта 1945 г. от эшелонного конвоя № 97057, перевозившего мобилизованных немцев по маршруту Инстербург – Челябинск, на перегоне Каунас – Кайшядорис был совершен побег 9 человек. Для розыска бежавших было выделено 3 оперативные группы (от конвоя, 135-го отдельного батальона и 240-го полка конвойных войск НКВД СССР), действия которых были безрезультатны[2].

Накануне штурма Кенигсберга на сборных пунктах военнопленных и во фронтовых приемно-пересыльных лагерях были существенно расширены возможности по приему поступающего контингента. Так, фронтовой приемно-пересыльный лагерь № 47 Земландской группы войск с начала марта 1945 г. дислоцировался в поселке Нойхоф-Рагнит (округ Тильзит-Рагнит). Руководством лагеря в первую очередь была проведена очистка территории, выстроено ограждение зоны на 10 тыс. человек, организовано водоснабжение, построены пищеблок на 8 тыс. литров, санитарный пропускник с дезинфекционной камерой на 120 человек, лазарет на 300 мест с хирургическим, терапевтическим и инфекционным отделениями, а также отдельное помещение для ослабленных военнопленных на 600 мест. К началу апреля 1945 г. в лагере организованы дополнительная зона на 8 тыс. человек, пищеблок на 7 тыс. литров, а также хлебопекарня с ежедневной выпечкой 15 т хлеба. Кроме того, была проведена электрификация территории лагеря[3].

В ходе штурма столицы Восточной Пруссии частями конвойных войск НКВД СССР был проделан большой объем задач по конвоированию военнопленных. Так, только за период с 11 по 18 апреля 1945 г. подразделениями 481-го отдельного батальона конвойных войск НКВД СССР было отконвоировано с ППВ на СПВ и в ФППЛ более 30 тыс. человек. Командир батальона майор И. П. Артемьев в донесении командиру 46-й дивизии конвойных войск НКВД СССР от 19 апреля 1945 г. № 0335 отмечал, что в связи с большим количеством контингента к службе конвоирования был привлечен весь личный состав батальона, вплоть до писарей и поваров[4].

Кроме того, в связи с наплывом большого количества военнопленных на базе отделения немецкого лагеря для военнопленных «Stalag I-A» в населенном пункте Домтау (округ Пройсиш-Эйлау) был организован фронтовой приемно-пересыльный лагерь № 63 емкостью до 40 тыс. человек[5].

После окончания боевых действий на территории Восточной Пруссии приемные пункты военнопленных были расформированы. Фронтовые приемно-пересыльные лагеря стали основным местом, в котором концентрировались

[1] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 3. Л. 354.
[2] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 15. Л. 24; Д. 16. Л. 70.
[3] РГВА. Ф. 396п. Оп. 1. Д. 26. Л. 179.
[4] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.
[5] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 171.

немецкие военнопленные. Так, в ФППЛ № 47 (поселок Нойхоф-Рагнит) в течение второго квартала 1945 г. прибыли 52 169 военнопленных, после чего эшелонными конвоями в глубь страны был этапирован 22 051 человек – в лагеря НКВД № 294 (город Шауляй), № 291 (город Резекне), № 277 (город Рига), № 84 (город Асбест) и № 270 (город Боровичи). Кроме того, большая часть военнопленных была передана в ФППЛ № 24 в городе Инстербург (19 159 военнопленных). Прибывшие в течение квартала в лагерь арестованные немцы, лица, мобилизованные в рабочие батальоны, а также члены фольксштурма были направлены в специальные лагеря в Караганде и Моршанске, а также в лагерь НКВД № 533, сформированный в городе Пройсиш-Эйлау. Около 2 тыс. арестованных выбыли в тюрьму НКВД СССР № 4 в городе Тапиау[1].

Во время нахождения в лагерях военнопленные в основном использовались на внутрилагерных работах. Так, в ФППЛ № 47 они трудились в швейной, столярно-плотницкой и кузнечно-слесарной мастерских, производивших инвентарь, ремонт одежды и обуви, бытового имущества, а также осуществляли строительство хозяйственных помещений[2].

Следует отметить, что основной проблемой фронтовых приемно-пересыльных лагерей на территории Восточной Пруссии летом 1945 г. стала нехватка продовольствия для контингента. Так, начальник отдела НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных при начальнике тыла 1-го Прибалтийского фронта майор И. М. Горин 19 июля 1945 г. охарактеризовал тяжелую ситуацию со снабжением военнопленных следующим образом: «Нависла полная угроза срыва питания военнопленных»[3].

Однако уже с осени 1945 г. началось постепенное сокращение фронтовых приемно-пересыльных лагерей на территории Восточной Пруссии. Так, в конце августа – начале сентября 1945 г. был расформирован ФППЛ № 63, а в октябре 1945 г. – ФППЛ № 47. Фронтовой приемно-пересыльный лагерь № 24 приказом НКВД СССР от 26 сентября 1945 г. № 001093 был передан в ведение НКВД Литовской СССР с целью укомплектования лагеря № 390, формируемого для нужд Главного управления строительства шоссейных дорог НКВД СССР[4]. Вместе с тем, военнопленные продолжали содержаться в нескольких СПВ, на базе которых в связи с необходимостью трудового использования контингента на восстановлении промышленных предприятий Восточной Пруссии в январе 1946 г. было сформировано управление лагеря НКВД № 445 в поселке Георгенбург (округ Инстербург)[5].

В рассматриваемый период основным элементом *системы содержания арестованных лиц* являлись камеры предварительного заключения (КПЗ), которые создавались при разведывательных отделениях батальонов и полков

[1] РГВА. Ф. 396п. Оп. 1. Д. 26. Л. 235.
[2] РГВА. Ф. 396п. Оп. 1. Д. 26. Л. 230.
[3] РГВА. Ф. 396п. Оп. 2. Д. 20. Л. 43.
[4] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 190, 192.
[5] Щеглов А. М. Щит и меч Янтарного края. С. 116.

войск НКВД СССР, а также при оперативных группах НКВД СССР. В связи с частым изменением дислокации подразделений и частей войск НКВД СССР в большинстве случаев КПЗ оборудовались в неприспособленных для этого помещениях (сараи, подвалы домов), что приводило к значительному отрыву личного состава подразделений для охраны арестованных. Так, в директиве начальника войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 21 октября 1944 г. № 1-03899 было установлено, что в полках и батальонах для охраны КПЗ необходимо ежедневно выделять караулы из следующего расчета: начальник караула, не менее трех часовых на каждый пост, не менее двух выводных на каждый объект[1]. Однако в связи со сложной оперативной обстановкой на охраняемых участках указанные нормы выделения личного состава для охраны КПЗ в большинстве случаев не соблюдались.

В то же время в оперативных группах (секторах) НКВД СССР КПЗ были предназначены для содержания подследственных лиц, а арестованные содержались в тюремных помещениях, организуемых на базе бывших немецких тюрем. При этом администрация как КПЗ, так и тюрем выделялась от оперативного состава оперативных групп (секторов) НКВД СССР, а охрана мест заключения осуществлялась силами подразделений войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии или внутренних войск НКВД СССР.

В случае большого количества арестованных лиц нередко использовались и бывшие немецкие лагеря военнопленных. Так, после взятия Кенигсберга начальник управления контрразведки «Смерш» 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант П. В. Зеленин в докладной записке народному комиссару внутренних дел СССР генеральному комиссару государственной безопасности Л. П. Берия от 13 апреля 1945 г. сообщал следующее: «Для концентрации задержанных нами занят бывший немецкий лагерь военнопленных, рассчитанный на 25 000 человек[2], а в пригородном поселке Кведнау – помещения и казармы, занимавшиеся ранее фольксштурмовцами на такое же количество людей»[3].

Проведенный анализ документов свидетельствует, что в большинстве случаев оборудование мест заключения не в полной мере соответствовало предъявляемым к ним требованиям, что создавало предпосылки к побегам арестованных из-под охраны. Кроме того, задержанные оперативными группами НКВД СССР немцы в последующем отмечали крайне неблагоприятные условия размещения и содержания подследственных лиц[4].

Определенное упорядочивание мест заключения на территории Восточной Пруссии было осуществлено в ходе операции по ее очистке от враждебного элемента. В соответствии с приказом НКВД СССР от 10 мая 1945 г. № 00461 в полосе 3-го Белорусского фронта создавались четыре тюрьмы (в городах Кенигсберг, Инстербург, Тапиау и Бартенштайн), а также лагерь НКВД СССР

[1] РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 116. Л. 42.

[2] Имеется в виду лагерь «Альберт» на станции Ротенштайн.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 43.

[4] Например: Вик М. Закат Кенигсберга. С. 189–198; Lehndorff H. v. Ostpreußisches Tagebuch. Aufzeichnungen eines Arztes aus den Jahren 1945–1947. S. 104–133.

для интернированных в городе Пройсиш-Эйлау[1]. Для руководства деятельностью мест заключения при штабе руководителя операции заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника А. Н. Аполлонова была сформирована тюремная группа[2].

Однако улучшений в оборудовании мест заключения фактически не произошло. Так, в акте обследования тюрьмы города Инстербург от 9 июня 1945 г., подписанном командиром 135-го отдельного батальона конвойных войск НКВД СССР майором В. Т. Логиновым, отмечалось: «Зона ограждения тюрьмы ни в коей мере не соответствует требованиям Инструкции о службе конвойных войск, что влечет за собой вероятность побегов заключенных, а также внезапное нападение на корпуса тюрьмы извне… Меры не принимаются, зона не строится, вышки и грибки не делаются… Местность вокруг тюрьмы, заросшая кустарником, не расчищается»[3].

Подобная ситуация продолжала сохраняться до начала зимы 1945–1946 гг. По состоянию на 15 ноября 1945 г. в местах заключения на территории Восточной Пруссии, отошедшей к СССР, находились 7724 человека, из которых 635 (8,23%) являлись осужденными на различные сроки судебными органами, 56 (0,72%) – проходили по следственным делам, а 7033 человека (91,05%) были задержаны оперативными группами НКВД СССР (приложение 4). Проверка, проведенная аппаратом уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии показала, что на большую часть лиц, задержанных оперативными группами НКВД СССР, не имелось никаких материалов, являющихся основанием для их содержания в местах заключения, а на остальных были заведены учетно-проверочные дела, состоящие из анкеты и одного-двух протоколов «поверхностных» допросов.

В целях устранения указанных недостатков аппаратом уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии были сформированы агентурно-следственные группы, общей численностью 95 человек, на которые возлагалось выполнение следующей задачи:

«Широко развернуть агентурную обработку контингента и путем использования агентурных материалов, переопроса каждого арестованного разбить задержанных на категории:

1) установленная шпионско-диверсионная и террористическая агентура немцев, активные деятели фашистской партии и участники фашистских злодеяний;

2) военнослужащие немецкой армии, подлежащие направлению в лагеря военнопленных;

3) подозрительные по активной фашистской деятельности лица, в отношении которых отсутствуют прямые улики и требуется агентурно-следственная разработка;

4) лица, подлежащие освобождению за отсутствием перечисленных выше оснований содержания в местах заключения. К этой категории относятся,

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 22–30.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[3] РГВА. Ф. 38056. Оп. 1. Д. 5. Л. 123.

независимо от состава преступления, полные инвалиды, лица преклонного возраста и другие, по своему физическому состоянию не способные к активной враждебной работе;

5) советские граждане (независимо от национальности), являющиеся изменниками Родины, предателями и прочими преступниками. В отношении этой категории даны указания на оформление арестов, проведение следствия и передачу дел по подсудности»[1].

Уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов в докладной записке народному комиссару внутренних дел СССР Маршалу Советского Союза Л. П. Берия от 10 декабря 1945 г. сообщал, что уже к 1 декабря 1945 г. агентурно-следственными группами были рассмотрены дела на 1307 человек, из числа которых выявлены 464 человека (35,5%), виновность которых была доказана и которые должны были содержаться в местах заключения (в том числе 298 активных членов нацистской партии, 53 члена диверсионно-террористических групп, 18 агентов немецких разведывательных органов, 32 сотрудника полиции и жандармерии, 49 агентов гестапо, 8 руководителей нацистских молодежных организаций, 3 крупных частных собственника, офицер СА, автор антисоветских изданий и агент английской разведки), 139 человек (10,63%), подлежали дополнительной агентурно-следственной разработке, а 117 военнослужащих немецкой армии должны были быть направлены для содержания в лагеря военнопленных. Большая часть арестованных – 587 человек (44,91%) – подлежала освобождению[2].

В рамках последующей работы с арестованными уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов, начальник управления контрразведки «Смерш» Особого военного округа генерал-майор Н. Г. Кравченко и заместитель уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии подполковник С. И. Навалихин предлагали разделить всех арестованных лиц на четыре категории, по которым проводить следующие мероприятия:

1) граждане СССР, находившиеся в плену в Германии: при наличии достаточных оснований оформлять арест, проводить следствие, законченные дела передавать по подсудности, а при отсутствии этих оснований – освобождать и направлять на родину в соответствии с документами НКВД СССР и НКГБ СССР по репатриации;

2) командный и рядовой состав германской армии, фольксштурма, СС, СА, личный состав тюрем и концлагерей, военных комендатур, органов военной прокуратуры и суда: направлять в лагеря военнопленных;

3) несовершеннолетние (до 16 лет): независимо от наличия компрометирующих данных сосредотачивать в детской трудовой колонии, организуемой на базе тюрьмы НКВД СССР № 3 в городе Тапиау (округ Велау), после чего по заключению оперативной группы, созданной для агентурно-

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об. – 8.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–8 об.

следственной фильтрации контингента, осуществлять трудоустройство подростков, передачу их родителям или отправку в Центральную Германию;

4) гражданские лица немецкой национальности: путем агентурной разработки и допросов устанавливать их причастность к активной враждебной деятельности, сосредотачивая материалы в учетно-проверочных делах; для рассмотрения законченных проверкой дел и решения вопроса о сроке лишения свободы создать при уполномоченном НКВД СССР по Восточной Пруссии Особое совещание, предоставив ему право заключения в специальную исправительно-трудовую колонию (ИТК), создаваемую на базе лагеря НКВД № 533, сроком на 10 лет[1].

Все эти предложения (за некоторыми уточнениями) были реализованы в приказе НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. № 001538 «О работе с задержанными в Восточной Пруссии и их трудовом использовании»[2].

В соответствии с приказом уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии от 15 января 1946 г. № 002 в течение 21–24 января 1946 г. была осуществлена передислокация арестованных в места заключения по следующей схеме:

– осужденные граждане СССР – в тюрьму НКВД СССР № 2 в городе Инстербург;

– следственные арестованные – в тюрьму НКВД СССР № 1 в городе Кенигсберг;

– подростки до 16 лет включительно – в детскую трудовую колонию в городе Тапиау;

– задержанные немцы и лица других национальностей – в лагерь НКВД № 533 в городе Пройсиш-Эйлау[3].

После осуществления перемещения контингента агентурно-оперативные группы продолжали работу по изучению лиц, содержащихся в местах заключения, путем камерной обработки и допросов. Только в течение января 1946 г. было пересмотрено 4767 дел на арестованных, в результате чего были выявлены 19 граждан СССР, в отношении которых имелись основания для предания суду за измену родине и другие преступления, 58 немцев, среди которых имелись офицеры абвера, резиденты и агенты гестапо, а также лица, совершившие преступления на территории СССР, а также 42 человека из числа бывших военнослужащих германской армии, проходившие службу в охранных батальонах и карательных формированиях, в отношении которых «установлены факты участия в расстрелах, избиениях советских граждан и издевательствах над пленными военнослужащими Красной Армии и советскими гражданами в оккупированных районах»[4].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–9 об.

[2] Так, например, возраст несовершеннолетних немцев, содержащихся в детской трудовой колонии, создаваемой на базе тюрьмы НКВД СССР № 3 в городе Тапиау, был снижен до 14 лет (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 8–8 об.).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 2.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

Следует отметить, что одновременно с перераспределением контингента по местам заключения и выявлением лиц, причастных к активной антисоветской деятельности и преступлениям, совершенным на территории СССР, аппаратом уполномоченного НКВД СССР был проведен комплекс мероприятий по совершенствованию системы охраны и учета, а также улучшению бытовых условий заключенных. Уже к началу 1946 г. во всех тюрьмах были сформированы вахтерские команды, обеспечивающие порядок внутри помещений, а внешняя охрана мест заключения и вывод контингента на работы осуществлялись гарнизонами, выделенными от 135-го отдельного батальона конвойных войск НКВД СССР[1]. Кроме того, в соответствии с приказом уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии от 22 марта 1946 г. № 07 был предусмотрен ряд мер, направленных на улучшение бытовых условий и снижения заболеваемости контингента, содержащегося в лагере НКВД № 533: обеспечение вещевым имуществом, ежедневное составление меню-раскладки, перевод ослабленных и больных дистрофией в оздоровительные команды, в которых устанавливался контроль за их лечением и питанием, закрепление по одному врачу за каждым бараком с целью проведения ежедневного медицинского осмотра, обеспечение карантинных мероприятий для прибывающих заключенных[2].

Имеющиеся документы не позволяет в полном объеме дать характеристику деятельности органов и войск НКВД СССР **по борьбе с уголовной и экономической преступностью, а также по охране общественного порядка** в северной части провинции, отошедшей к Советскому Союзу, в период с октября 1945 г. по март 1946 г. Причина подобной ситуации заключается в том, что деятельность аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР в основном была направлена на выявление и задержание лиц, определенных в приказе НКВД СССР от 18 апреля 1945 г. № 00315. Кроме того, следует отметить, что в основном проведение мероприятий по охране общественного порядка в рассматриваемый период было возложено на органы военной администрации – военные комендатуры[3]. В силу этого деятельность органов НКВД СССР в этом направлении в большей степени носила характер ситуативного реагирования, касаясь только расследования уже совершенных преступлений.

Вместе с тем, органами и войсками НКВД СССР были проведены некоторые мероприятия, направленные на оказание помощи органам военной администрации в борьбе с преступностью и в охране общественного порядка. Так, в целях пресечения перемещения на территорию Восточной Пруссии жителей Советского Союза, прибывающих в провинцию для «сбора трофеев», а также преступного элемента приказом уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии от 13 декабря 1945 г. № 003 были сформированы контрольные пункты в городах Эйдткунен (округ Шталлупенен) и Тильзит,

[1] РГВА. Ф. 38088. Оп. 1. Д. 23. Л. 16, 22 об.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 7–7 об.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

а специально выделенные маневренные группы действовали в направлениях Рагнит – Шиллен и Эйдткунен – Шитткемен, перекрывая основные пути проникновения на территорию Восточной Пруссии[1].

Достаточно часто для обеспечения охраны общественного порядка в помощь военным комендатурам выделялись подразделения войск НКВД СССР, осуществлявшие патрулирование в районах дислокации. Так, с января по март 1946 г. подразделения 108-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР выделили 339 патрулей с общим объемом привлечения личного состава в 4303 человеко-дня[2]. В результате патрулирования только в марте 1946 г. в городах Восточной Пруссии были задержаны 168 человек, в том числе 36 лиц, не имевших документов, 7 нарушителей установленного режима, 27 воров, 9 спекулянтов, 8 человек, незаконно хранящих оружие, 2 хулигана, 2 человека, занимавшихся самогоноварением, 3 гражданина СССР, незаконно въехавших на территорию Восточной Пруссии[3].

В рамках мероприятий по охране общественного порядка наибольший эффект оказывали облавы, которые проводились либо по приказу военных комендантов городов, либо на основании данных оперативных групп НКВД СССР. Так, 4 февраля 1946 г. в ходе облавы в городе Инстербург, проведенной по приказу военного коменданта города, личным составом школы 108-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР были задержаны 236 военнослужащих без установленных документов и 25 подозрительных лиц[4]. Результативной была и облава, проведенная частью сил 1-го стрелкового батальона того же полка в городе Гумбиннен 29 марта 1946 г., в ходе которой задержаны 15 спекулянтов, 118 военнослужащих без установленных документов, 64 гражданских лица, не имеющих документов, и член нацистской организации. У задержанных изъяты 3 немецкие винтовки, 3 малокалиберные винтовки, револьвер «Наган» и 40 винтовочных патронов[5].

Вместе с тем, как показали последующие события, подобные меры не могли сдержать распространения уголовной преступности. Требовалось полное переформатирование как структуры, так и всей деятельности аппарата уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии и его периферийных органов с целью решения задач правоохранительного характера.

Таким образом, проведенный анализ основных направлений деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии в октябре 1944 г. – марте 1946 г. позволяет констатировать, что основными из них были: мероприятия по обеспечению безопасности тыла действующей Красной армии, обеспечение охраны и конвоирования военнопленных, интернированных

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 1. Л. 42а.
[2] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 41. Л. 204; Д. 42. Л. 12, 36.
[3] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.
[4] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 41. Л. 149.
[5] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 42. Л. 35.

и задержанных лиц, а также охрана железнодорожных сооружений. На заключительном этапе начального периода интеграции провинции в состав Советского Союза в связи с ухудшением криминогенной обстановки в регионе приоритетное место заняли мероприятия по борьбе с уголовной и экономической преступностью, а также по охране общественного порядка. Вместе с тем, в связи с особенностями структуры аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии, а также сохраняющимся на территории провинции режимом военного положения выполнять мероприятия по этому направлению органы и войска НКВД/МВД СССР в полном объеме не могли.

* * *

Анализ деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР в начальный период интеграции северной части германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза позволяет сделать ряд выводов.

1. Оперативная обстановка на территории Восточной Пруссии в октябре 1944 г. – марте 1946 г. отличалась крайней сложностью. В связи с тем, что Восточная Пруссия являлась первой провинцией Германии, на территорию которой вступила Красная армия, немецким командованием здесь были проведены значительные мероприятия по формированию диверсионно-террористических групп как из военнослужащих вермахта и войск СС, так и из местного населения, целью которых являлась дестабилизация обстановки в тылу наступающих советских войск. Кроме того, серьезное влияние на обстановку в тылу наступавших советских войск оказывали постоянные перемещения как местного населения, так и граждан СССР и иностранных государств, угнанных на работы в Германию, и нередко использовавшихся германскими разведывательными и контрразведывательными органами в своих целях, а также действия банд, сформированных из дезертиров Красной армии. После окончания боевых действий в связи с невозможностью органов военной администрации решить социальные и бытовые проблемы местного населения, а также обеспечить охрану общественного порядка, на территории Восточной Пруссии, отошедшей к СССР, наблюдалась тенденция увеличения числа уголовных преступлений, что способствовало криминализации региона и требовало немедленных мер реагирования.

2. В рассматриваемый период основными органами власти в провинции являлись органы военной администрации в виде военных комендатур, на которые были возложены задачи обеспечения быстрого перехода к мирной жизни. В отдельных случаях военная администрация выполняла и функции, характерные для органов внутренних дел, такие как обеспечение документирования местного населения, пожарная охрана, выполнение мероприятий по охране общественного порядка. Вместе с тем, проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что в полной мере нормализовать обстановку на территории Восточной Пруссии органы военной администрации собственными силами не могли. Несмотря на это, принятие решения о формировании гражданских органов управления руководством страны было

принято только в апреле 1946 г., что в последующем позволило принять определенные меры, направленные как на стабилизацию обстановки на территории, отошедшей к Советскому Союзу, так и ускорить процесс ее интеграции.

3. Проведенный анализ группировки сил, привлекаемой НКВД/МВД СССР к выполнению задач на территории Восточной Пруссии, позволяет констатировать факт зависимости численности созданной группировки от оперативной обстановки и объема выполняемых задач. Так, если в начале Восточно-Прусской стратегической наступательной операции численность только войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии на территории Восточной Пруссии составляла около 14,5 тыс. человек, то с июля 1945 г. здесь выполняла задачи только дивизия внутренних войск НКВД СССР, а с октября 1945 г. – один стрелковый полк внутренних войск НКВД СССР. Одновременно с этим происходило увеличение количества и численности оперативных групп НКВД СССР, первоначально выполнявших задачи по фильтрации задержанных и проведению следственных действий, а к концу рассматриваемого периода и всего объема задач, связанных с проведением мероприятий по обеспечению как государственной, так и общественной безопасности.

4. Общее руководство группировкой сил НКВД/МВД СССР, действовавшей на территории Восточной Пруссии, возлагалось на временные органы управления – аппараты уполномоченных НКВД СССР по фронтам. Вместе с тем, как показал анализ их деятельности, они не являлись в полном объеме структурами, осуществлявшими руководство всей правоохранительной деятельностью, а выполняли лишь задачи, определенные приказами НКВД СССР по изъятию и фильтрации враждебного элемента. Определенные попытки создать полноценный аппарат НКВД СССР были предприняты уполномоченным НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майором Б. П. Трофимовым зимой 1945–1946 гг., однако в связи с действием военного положения на территории Восточной Пруссии, а также неопределенностью ее статуса в составе Советского Союза они не были реализованы.

5. Основными проблемами функционирования группировки НКВД СССР на территории Восточной Пруссии в период боевых действий являлись неопределенность подчиненности ее отдельных элементов (оперативных групп НКВД СССР, частей войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, частей внутренних войск НКВД СССР) и, как следствие, отсутствие должного уровня взаимодействия между ними, что крайне отрицательно сказывалось на результативности действий. Подобная ситуация была разрешена только после июля 1945 г., когда на территории провинции остались только части внутренних войск НКВД СССР, гарнизоны которых были подчинены в оперативном отношении оперативным группам НКВД СССР.

6. Основными направлениями деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР в рассматриваемый период являлись: проведение мероприятий по обеспечению безопасности тыла действующей армии, охрана

и конвоирование военнопленных, интернированных и задержанных лиц, обеспечение безопасности железных дорог, а также выполнение мероприятий по борьбе с уголовной и экономической преступностью и по охране общественного порядка. Как показал анализ проведенных органами и войсками НКВД/МВД СССР мероприятий, их основное внимание было обращено на пресечение деятельности диверсионно-террористических формирований, а также выявление враждебного элемента в среде как немецкого населения, так и граждан СССР и других государств, угнанных на работы в Германию. Вместе с тем, на заключительном этапе начального периода интеграции северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза выявилась необходимость повышения внимания органов и войск НКВД/МВД СССР на растущую криминализацию региона и принятия мер реагирования на ухудшение криминогенной обстановки.

7. В рамках основных направлений деятельности значительный объем мероприятий осуществлялся войсками НКВД/МВД СССР, которые являлись основным элементом системы обеспечения безопасности тыла действующей армии и проведения оперативных мероприятий по очистке территории Восточной Пруссии от враждебного элемента. Основными видами служебных нарядов, выделяемых от подразделений как войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии, так и внутренних войск НКВД СССР являлись разведывательно-поисковые группы, контрольно-проверочные пункты, дозоры, секреты. Для выявления агентуры противника в населенных пунктах выделялись оперативно-чекистские группы, позволявшие в короткий срок провести необходимые мероприятия по разоблачению враждебного элемента. В рамках борьбы с крупными диверсионными и террористическими формированиями противника использовались истребительные группы и отряды.

8. Проведенные органами и войсками НКВД/МВД СССР мероприятия по обеспечению безопасности тыла действующей Красной армии в период Восточно-Прусской стратегической операции и сразу же после ее окончания позволили в достаточно короткий срок пресечь на территории провинции деятельность диверсионно-террористических формирований, агентуры разведывательных и контрразведывательных органов противника, что в целом позволило в определенной степени стабилизировать оперативную обстановку. Вместе с тем, недостаток сил и средств, преимущественное внимание органов НКВД/МВД СССР к выявлению враждебного элемента среди немецкого населения и пресечению его подрывной деятельности, сохранявшийся режим военного положения привел к росту уголовной преступности и, как следствие, поиску путей решения этой проблемы, которую в существовавших условиях разрешить было невозможно.

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И ВОЙСК МВД СССР НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В АПРЕЛЕ 1946 г. – МАЕ 1947 г.

Оперативная обстановка на территории Калининградской области в период функционирования чрезвычайных органов управления

Непосредственный процесс интеграции северной части германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза начался после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. № 194/1, в соответствии с которым в составе РСФСР была организована Кенигсбергская область с центром в городе Кенигсберг[1]. На основании вышедшего в тот же день постановления Совета министров СССР № 783 «Об административном устройстве города Кенигсберга и прилегающего к нему района» на территории области формировались 14 районов, границы которых в основном совпадали с границами немецких административных округов северной части Восточной Пруссии. Кроме того, в состав области вошли три города областного подчинения – Кенигсберг, Инстербург и Тильзит[2].

В связи с невозможностью сразу же создать конституционные органы управления вследствие малочисленности советских граждан, а также отсутствия элементов экономической системы, характерной для Советского Союза, функции административно-хозяйственного управления Кенигсбергской областью были возложены на чрезвычайные органы управления – управления по гражданским делам.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 783 на Управление по гражданским делам Кенигсбергской области (начальник управления – В. А. Борисов) возлагались следующие задачи:

«а) обеспечение общественного порядка;

б) обеспечение нормальной работы и развития промышленности, транспорта, связи, торговли, заготовок и сельского хозяйства;

в) обеспечение работы коммунальных и бытовых предприятий и учреждений;

г) учет и хранение государственного имущества;

д) учет и регистрация гражданского населения;

е) регистрация актов гражданского состояния;

ж) руководство органами народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и культурно-просветительными учреждениями;

з) проведение финансовых и налоговых мероприятий»[3].

---

[1] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июнь 1956 г. С. 47.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 354. Л. 1.

[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 354. Л. 1–2.

Помимо выполнения указанных задач областное управление осуществляло руководство управлениями по гражданским делам, сформированными во всех городах областного подчинения и районах Кенигсбергской области.

В состав Управления по гражданским делам Кенигсбергской области входили общий отдел, секретная часть, отдел кадров и политотдел, а в состав городских и районных управлений по гражданским делам – общий отдел, сектор кадров и специальная часть (в Кенигсбергское городское управление по гражданским делам – общий отдел, отдел кадров и секретная часть). Штатная численность управлений по гражданским делам всех уровней по состоянию на февраль 1947 г. составляла 1422 сотрудника, из которых 836 являлись руководящими работниками[1].

В своей деятельности управления по гражданским делам фактически сразу столкнулись с многочисленными трудностями, связанными с передачей имущества и материальных ценностей от военных органов управления. Это объяснялось, прежде всего, тем, что в своем большинстве вновь сформированные гражданские управления воспринимались ими как временные структуры, которые можно было не принимать всерьез[2]. Несмотря на то, что командующий 11-й гвардейской армией гвардии генерал-полковник К. Н. Галицкий на состоявшемся при Управлении по гражданским делам Кенигсбергской области 26–27 июня 1946 г. совещании заявил, что «воинские начальники должны оставить себе только власть воинскую… всю гражданскую власть надо передать»[3], в отдельных случаях воинские начальники не спешили осуществлять передачу находившихся в их ведении земель, зданий и материальных ценностей представителям гражданских управлений.

На момент образования Кенигсбергской области основным землепользователем на ее территории являлось Министерство вооруженных сил СССР. По состоянию на 1 июля 1946 г. в его ведении находилось до 500 тыс. гектаров земли, что составляло около трети от общей площади области, а также большое количество зданий практически во всех населенных пунктах[4]. В соответствии с приказом начальника Управления по гражданским делам Кенигсбергской области В. А. Борисова в первой половине июня 1946 г. предполагалось произвести передачу всех материальных ценностей от военных комендатур формируемым гражданским управлениям в следующем порядке: по описям принимались только исправное и годное к эксплуатации имущество и инвентарь, а передача посевов осуществлялась по фактическим площадям[5]. Вместе с тем, документы управлений по гражданским делам, свидетельствуют

---

[1] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 312.

[2] Маслов В. Н. Из истории становления Калининградской области: Первое совещание при Кенигсбергском областном управлении по гражданским делам 26–27 июня 1946 года. С. 88.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 143. Л. 194.

[4] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 89.

[5] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 188.

о том, что процесс передачи имущества, затянувшийся почти до конца 1946 г., сопровождался его массовой порчей со стороны военных[1].

Так, например, начальник Управления по гражданским делам Советского района П. И. Афанасьев в специальном сообщении военному прокурору 11-й гвардейской армии от 12 октября 1946 г. сообщал следующие сведения о действиях военнослужащих 4-й гвардейской пушечной артиллерийской дивизии: «В течение всего 1946 г. отдельные командиры, а под их руководством и солдаты, вследствие безответственного, хамского и варварского отношения к социалистической собственности, занимались и до сих пор продолжают разрушать строения, жилые дома; вначале [разрушали] населенные пункты района во время строительства военных лагерей, а затем жилые дома и строения самого города Рагнит»[2].

Именно проблемы во взаимоотношениях управлений по гражданским делам с военными властями, по мнению автора, стали одной из причин принятия ряда неотложных мер, направленных на формирование партийных структур в Калининградской области и усиление их влияния на интеграционные процессы. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1946 г. был организован Калининградский областной комитет ВКП(б), осуществлявший руководство партийными комитетами, создаваемыми в городах и районах области[3]. В штат областного комитета ВКП(б), утвержденный 9 марта 1947 г., вошли отделы пропаганды и агитации, организационно-инструкторский, сельскохозяйственный, военный, школ, промышленно-транспортный, а также особый и финансовый секторы.

В период с июня по сентябрь 1946 г. был принят ряд нормативных правовых актов, на основании которых осуществлялись мероприятия, направленные на интеграцию северной части Восточной Пруссии в состав СССР. Так, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1946 г. № 111/1 земля, банки, промышленные и коммунальные предприятия, железнодорожный и водный транспорт, а также средства связи на территории Кенигсбергской области перешли в собственность государства[4]. Вышедшее в тот

---

[1] В отечественной историографии сложились две точки зрения на характер передачи имущества от военных к гражданским властям в рассматриваемый период. Так, по мнению Ю. В. Костяшова, «военные, вынужденно занимаясь организацией мирной жизни, не прочь были как можно скорее отдать те или иные объекты гражданским ведомствам» (Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 181–182). В свою очередь, О. Г. Федорова и Г. В. Кретинин, признавая вину военнослужащих в уничтожении зданий, считают, что многочисленные сообщения гражданских руководителей являются «оправданием собственной бесхозяйственности» и сомневаются в достоверности подобных сведений (Федорова О. Г., Кретинин Г. В. О послевоенном восстановлении Калининградской области: к вопросу о конфликте властей. С. 67).

[2] Цит. по: В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 151–152.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 636. Л. 156.

[4] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 82.

же день постановление Совета министров СССР № 1298 «О мероприятиях по хозяйственному устройству Кенигсбергской области» наметило основные мероприятия по возрождению и упорядочиванию хозяйственной жизни (по промышленности, транспорту и связи, по финансам, банкам, налогам и сборам, по торговле, по здравоохранению, просвещению и коммунальному хозяйству, по труду и заработной плате)[1]. В соответствии с пунктом 3 этого постановления Управление по гражданским делам Кенигсбергской области и МВД СССР должны были «перерегистрировать до 1 октября 1946 года и приписать к населенным пунктам все население Кенигсбергской области с выдачей гражданам СССР паспортов и немецкому населению временных удостоверений на русском и немецком языках»[2].

Одним из важных интеграционных мероприятий явился начатый летом 1946 г. процесс изменения существовавших немецких топонимов на русские. Так, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1946 г. № 195 город Кенигсберг был переименован в Калининград, а Кенигсбергская область – в Калининградскую область[3]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1946 г. № 614/7 были внесены изменения в административно-территориальное устройство Калининградской области, в соответствии с которыми немецкие названия районных центров, а соответственно и районов, были заменены на русские[4].

В связи с важным стратегическим значением территории северной части Восточной Пруссии, вошедшей в состав СССР, был осуществлен ряд мер, направленных на ограничение некоторых прав и свобод жителей области, а также на въезд лиц, не проживающих в ней. Так, в соответствии с пунктом 2 постановления Совета министров СССР от 29 июня 1946 г. № 1435-631сс «О запретной пограничной зоне и береговой полосе в пределах Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР, Мурманской, Ленинградской и Южно-Сахалинской областей» вся территория Кенигсбергской области объявлялась запретной пограничной зоной. Приказ начальника Управления по гражданским делам Калининградской области от 5 сентября 1946 г. № 131сс предусматривал передачу в полное распоряжение пограничных войск МВД СССР по сухопутной границе 2-километровой пограничной полосы, из которой предполагалось отселение

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–15.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

[3] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июнь 1956 г. С. 47.

[4] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 354. Л. 5. Процесс переименования населенных пунктов Калининградской области занял достаточно продолжительное время. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1947 г были утверждены названия новых районных центров, городов областного подчинения, рабочих поселков и центров сельских советов. Массовое переименование населенных пунктов Калининградской области осуществлено в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 ноября 1947 г. Процесс переименования был завершен в 1950 г. после выхода Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 июля 1950 г.

всего населения, за исключением жителей промышленных и районных центров. Руководителям предприятий и учреждений запрещалось принимать на работу лиц, не имевших разрешения на въезд и проживание в Калининградской области. Передвижение жителей по территории области осуществлялось по паспортам, с обязательной пропиской в одном из населенных пунктов[1].

Вместе с тем, необходимость восстановления промышленности и сельского хозяйства требовала перемещения в Калининградскую область значительного количества русскоязычного населения. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 9 июля 1946 г. № 1522 в целях заселения сельских районов и развития сельского хозяйства в августе – октябре 1946 г. предполагалось осуществить на добровольных началах переселение в Калининградскую область 12 тыс. семей колхозников из 23 областей и автономных республик РСФСР, а также из Белорусской ССР. В число переселенцев предполагалось включить 240 председателей колхозов, такое же количество заведующих животноводческими фермами и бригадиров полеводческих бригад, 150 трактористов, 50 руководителей тракторных бригад и 240 счетоводов. Для колхозников, переселяемых в Калининградскую область, а также организованных колхозов предоставлялся ряд льгот[2].

Для руководства приемом, расселением и устройством прибывающих переселенцев приказом начальника Управления по гражданским делам Калининградской области от 1 августа 1946 г. № 299 была создана комиссия под руководством начальника областного управления В. А. Борисова, в состав которой вошел начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов. Наибольшее число переселенцев-колхозников предполагалось расселить на территории Фридландского (1500 семей), Земландского (1100 семей), Тапиауского (1100 семей), Даркеменского (1100 семей) и Гумбинненского (1100 семей) районов[3].

В течение августа – октября 1946 г. в Калининградскую область прибыл 121 эшелон, в которых находились 11 699 семей переселенцев (52 611 человек). Всего же к концу 1946 г. прибыли 12 115 семей колхозников (58 762 человека, в том числе 32 835 трудоспособных лиц)[4], которые составили основу для 215 колхозов, образованных на территории области.

В последующем, в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 21 апреля 1947 г. № 1099, в область прибыли еще 3105 семей из областей РСФСР и Белорусской ССР, 1419 из которых вошли в состав уже существующих, а 1686 – образовали 47 новых колхозов[5].

С лета 1946 г. в Калининградскую область начался массовый переезд рабочих и служащих, который осуществлялся централизованным порядком по линии

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 166–170.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 2–5.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

[4] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 78.

[5] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 318.

различных министерств и ведомств. Вербовка рабочей силы осуществлялась уполномоченными Министерства трудовых резервов, которые заключали индивидуальные договоры с переселенцами сроком не менее чем на один год. Кроме того, предприятия вели и самостоятельный поиск квалифицированных кадров, направляя вербовщиков в различные регионы страны[1].

Проведенные мероприятия по переселению колхозников и вербовке рабочих и служащих для работы на предприятиях и в учреждениях области способствовали тому, что в течение 1946 г. в Калининградскую область прибыли 81 566 человек. Общий прирост населения (с учетом выбывших по различным причинам лиц) составил 73 138 человек[2].

Следует отметить, что несмотря на рост численности населения, до лета 1947 г. в Калининградской области фактически отсутствовала комплексная система мер, направленная на социальную поддержку прибывающих лиц, что делало их в определенной степени «заложниками» неопределенного статуса региона и общей неустроенности[3]. Так, постановление бюро Калининградского городского комитета ВКП(б) от 5 августа 1947 г. следующим образом описывало материально-бытовую ситуацию, сложившуюся на предприятиях области в первой половине 1947 г., причиной которой являлось отсутствие у их руководства планов приема рабочей силы, а также комплекса мероприятий, направленных на подготовку к встрече рабочих: «На ряде предприятий рабочих принимают во временные и неотремонтированные жилища. Так, в морском порту прибывающих размещают в бараках бывшего лагеря военнопленных, находящихся в антисанитарных условиях. Прибывающие не обеспечены постельными принадлежностями, спят на полу, а отдельные рабочие из завербованных уезжают обратно… При значительных жилищных фондах многие рабочие живут в неблагоустроенных квартирах. Восстановление и ремонт жилфонда идет крайне медленно… Большинство квартир требуют немедленного ремонта водопроводов, канализации и отопительной системы… На ряде предприятий общежития для рабочих-одиночек и выпускников школ ФЗО не обеспечены мебелью и постельными принадлежностями… Из-за недостатка смены белья ходят грязные, имеются случаи вшивости… Медицинское обслуживание рабочих неудовлетворительное…»[4].

Большие материально-бытовые проблемы возникали и у переселенцев-колхозников. Проведенный анализ докладных записок начальников районных

---

[1] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 82.

[2] «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области. С. 35.

[3] Манкевич Д., Манкевич М. Некоторые демографические аспекты гражданского населения Восточной Пруссии / Калининградской области (апрель 1945 – 1947 гг.) // Antrojo pasaulinio karo Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės ižvalgos (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, XVIII). Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidzkla, 2009. P. 191.

[4] Цит. по: В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 322.

отделов (отделений) МВД начальнику Управления МВД по Калининградской области о ходе переселения показал, что фактически во всех районах прибывшие колхозники размещались в помещениях, которые требовали ремонта, не обеспечивались положенными продуктами питания и товарами первой необходимости, а в организуемых колхозах отсутствовал сельскохозяйственный инвентарь и семенной фонд. Так, начальник Даркеменского районного отделения МВД старший лейтенант С. И. Колегаев в докладной записке от 9 сентября 1946 г. № 424 указывал: «Среди уже прибывших колхозников настроение плохое, а именно: продукты питания колхозникам никакие не выдаются, положенного по льготам колхозники не получают. Районный торговый отдел (т. Сучков) ссылается на различного рода причины и, несмотря на ряд указаний со стороны руководства района, до сего времени не организовал завоз хлеба, соли, керосина, спичек и другого необходимого для колхозников-переселенцев. Рынок, как необходимое [место] для обмена продуктов, в районе не организован. Массово-разъяснительная работа почти не проводится, в результате чего за последнее время как официально, а также через агентуру выявлен ряд фактов, когда колхозники ходят из дома в дом по городу, торгуют молоком, а отдельные просят подаяния – хлеба»[1]. Начальник Приморского районного отдела МВД капитан И. Ф. Ядовин в докладной записке от 2 октября 1946 г. № 00273 отмечал, что в район для переселенцев вместо установленных 320 т хлеба поступило всего 130–160 т, вследствие чего колхозники были вынуждены приобретать его по коммерческим ценам. Кроме того, в районе «до сих пор не налажено снабжение колхозников такими товарами как керосин, мыло, соль и спички»[2].

Вместе с тем, ряд сообщений начальников районных отделов (отделений) МВД (например, Гумбинненского районного отдела МВД от 9 сентября 1946 г. и Полесского районного отделения МВД от 4 октября 1946 г.) свидетельствовал о том, что колхозники «получают хлеб, промтовары и другие хозтовары, положенные переселенцам»[3]. Крайне интересно сообщение начальника Правдинского районного отделения МВД капитана Л. А. Баринова от 16 октября 1946 г. № 00121, в котором отмечалось: «Снабжение колхозников в сентябре месяце в должной степени организовано не было и имело большие промахи, которые допускались бывшим руководством райторга. Все руководство райторга нами снято и арестовано. В настоящее время снабжение колхозников значительно улучшилось»[4].

Однако, несмотря на ряд принятых мер, в течение 1946 г. большая часть льгот, предусмотренных для переселенцев постановлением Совета министров СССР от 9 июля 1946 г. № 1522, фактически не была предоставлена. Так, по данным доктора исторических наук, профессора Ю. В. Костяшова, план продажи по государственным ценам товаров переселенцам фактически не был выполнен даже на 50% (продажа обуви – 41%, пальто – 38%, головных уборов –

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15, 26.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

4%)[1]. Аналогичной была ситуация и с предоставлением колхозникам скота и птицы в личное пользование.

Следует отметить, что неблагоприятные бытовые условия переселенцев, а также недостаточный уровень их снабжения сочетались с неблагополучной санитарно-эпидемиологической ситуацией, сложившейся в Калининградской области в 1946 г. Так, старший областной инспектор Я. Ф. Андреев в докладной записке начальнику Управления по гражданским делам Калининградской области В. А. Борисову от 30 октября 1946 г. сообщал: «Одним из видов санитарных последствий войны в Калининградской области в данное время является массовое, угрожающее насыщение населенных мест и территории области грызунами (крысы, мыши), которые, кроме нанесения вреда хозяйству области, являются передатчиками особо опасной инфекции – туляремии. Никакой борьбы по уничтожению грызунов ни одна организация не проводит, а количество крыс и мышей ежемесячно увеличивается, что еще больше создает угрозу эпидемической вспышки туляремии»[2]. Несмотря на ряд принятых мер, в связи с отсутствием в области нормального землепользования, разрушениями в мелиоративной системе, остатками неубранного хлеба, стогов сена, массовых зарослей сорняков в области в конце 1946 г. вспыхнула эпидемия этой болезни[3].

Серьезным испытанием как для руководства, так и всего населения Калининградской области стал голод 1946–1947 гг. Помимо общих для страны причин, для его возникновения существовал и ряд местных условий, к которым относились нехватка выделенных продовольственных ресурсов, связанная с прибытием в область переселенцев, которых не смогли поставить на карточное довольствие, а также отсутствием у колхозников возможности посадить огороды и тем самым обеспечить пропитание с собственного подсобного хозяйства в связи с прибытием в осенний период[4].

Наиболее критичная ситуация с продовольствием сложилась к весне 1947 г. 12 марта 1947 г. начальник переселенческого отдела Калининградской области И. И. Терехов в докладе начальнику Переселенческого управления при Совете министров РСФСР Л. Т. Дмитриеву отмечал: «Большинство переселенческих семей основных продуктов питания, как хлеб и овощи не имеет. Продовольственное зерно, проданное переселенцам по государственным ценам из расчета 3–3,5 ц (в среднем) на семью, все использовано. Картофеля нет, такие овощи, как капусту, свеклу, морковь, переселенцы с собой привезти не могли. Переселенцы из областей, пострадавших в прошлом году от засухи, никаких овощей вообще не имели, по приезду усиленно употребляли в пищу хлеб,

---

[1] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 83.

[2] Цит. по: В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 167.

[3] Манкевич Д., Манкевич М. Некоторые демографические аспекты гражданского населения Восточной Пруссии / Калининградской области (апрель 1945 – 1947 гг.). Р. 194.

[4] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 206–207.

большинство из них к новому году вышли без хлеба… Внутреннего рынка в области нет, купить продуктов питания переселенцы внутри области не могут. На почве голода есть единичные случаи смерти. В Гурьевском районе в колхозе [имени] 20-й годовщины Октября семья переселенца К. в составе 5 человек, переселившаяся из Московской области, опухла с голоду, глава семьи умер. Переселенческая семья П. [из] 7 человек, тоже из Московской области, 4 человека из этой семьи лежат опухшие от голода. В Черняховском районе, в колхозе им. Черняховского, переселенка из Курской области на почве голода покончила жизнь самоубийством. Случаев опухания от голода уже много, в каждом колхозе от 5 до 10 семей. К концу марта месяца и в апреле это количество значительно увеличится»[1].

На фоне отсутствия продуктов питания в колхозах начался массовый забой скота, что существенным образом снизило его количество как в коллективных хозяйствах области, так и в личных хозяйствах колхозников. Причины забоя скота чаще всего объяснялись необходимостью прокормить членов семьи. Так, колхозница из колхоза имени В. М. Молотова (Славский район) 27 февраля 1947 г. заявила участковому уполномоченному: «Мои дети опухают от голода, хлеба нет. Что хотите со мной делайте, я сегодня вынуждена забить корову на мясо»[2].

Различные меры, направленные на улучшение продовольственного снабжения населения, предпринимаемые руководством Калининградской области, к положительным результатам не привели. Продовольственная проблема в сельских районах Калининградской области была относительно решена только к лету 1947 г., когда в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 23 мая 1947 г. «Об отпуске продовольственной ссуды колхозникам, переселившимся в Калининградскую область» переселенцам было выделено 2 тыс. т продовольственного зерна[3].

Немецкое население, численность которого на территории Кенигсбергской области по состоянию на 1 июня 1946 г. составляла 116 737 человек[4], находилось в более тяжелом положении, чем граждане СССР. Следует отметить, что политика руководства области по отношению к немцам отличалась определенной противоречивостью. С одной стороны, до начала массового заселения области русским населением немцы являлись основным источником рабочей силы на восстанавливаемых предприятиях и в военных совхозах. В результате проводимой агитационно-пропагандистской работы немецкому населению давали понять, что его основной задачей является честная работа в промышленности и сельском хозяйстве, которая является его долгом перед Советским Союзом, которому в ходе войны причинен «ничем не оценимый

[1] Цит. по: В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 239.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

[3] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 205.

[4] Манкевич Д. В. «Немецкий контингент» Кенигсбергской области в 1945 – первой половине 1946 года: штрихи к портрету. С. 44.

ущерб»[1]. С другой стороны, все немецкое население объявлялось врагами, продолжающими активную антисоветскую деятельность. Так, в докладе начальнику Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР генерал-лейтенанту А. М. Леонтьеву о состоянии оперативной обстановки по состоянию на 1 августа 1946 г. начальник отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области майор А. С. Слонецкий указывал, что «значительная часть [немецкого населения] в прошлом принадлежала к различным нацистским организациям и в настоящее время явно враждебно настроена к советской власти и ее представителям. Отмечены усиление проявлений различных форм коллективного саботажа, распространения антисоветских провокационных слухов, попытки к организации антисоветских групп и к установлению связей с фашистскими центрами, действующими в Центральной Германии, в союзных зонах оккупации»[2].

Враждебная риторика в отношении немцев усилилась после начала массового переселения колхозников в Калининградскую область. Так, на собрании партийно-хозяйственного актива города Калининграда 5 декабря 1946 г. заместитель начальника городского гражданского управления по политической части К. В. Булгаков призвал собравшихся разъяснить советским гражданам города, что «мы живем и работаем еще в значительном окружении населения из стана нашего врага, что мы живем и работаем в окружении многочисленной агентуры иностранной разведки, интересующейся Калининградом, как никаким другим городом Советского Союза», а начальник Калининградского городского управления милиции майор И. Е. Пчелкин заявил, что немцы, проживающие в городе, – «наши открытые враги»[3]. Подобная ситуация была связана с многочисленными фактами тесного взаимодействия между русским и немецким населением, в результате которого, как отмечалось в выступлениях на первой областной партийной конференции, прошедшей в декабре 1946 г., коммунисты «допускают немцев в быт, сожительствуют с немками», «возвеличивают достоинство немецких женщин перед русскими», доверяют им воспитание детей, в результате чего они «владеют немецким языком лучше, чем русским»[4].

Голод 1946–1947 гг. тяжело отразился на состоянии немецкого населения. Секретарь Калининградского городского комитета ВКП(б), начальник Калининградского городского управления по гражданским делам П. И. Колосов в докладной записке, направленной секретарю Калининградского областного комитета ВКП(б) А. А. Хохлову и начальнику Управления по гражданским делам Калининградской области В. А. Борисову не ранее 19 февраля 1947 г., отмечая рост смертности среди немцев, указывал: «Амбулаторные приемные города переполнены все увеличивающимся количеством больных дистрофиков,

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 144. Л. 110.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

[3] Цит. по: Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 18.

[4] Цит. по: Костяшов Ю. В. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 107.

обеспечить госпитализацию которых не представляется возможным ввиду перегрузки… всех больниц города. Немцы-дистрофики умирают в амбулаториях, в квартирах, на улицах города, трупы извлекаются для похорон из развалин и подвалов разрушенных домов». В связи с тяжелыми материальными условиями, необеспеченностью жилой площадью и топливом, а также недостатком продуктов питания «немцы ходят и собирают отбросы на свалках мусора», что становилось источником распространения инфекционных заболеваний в городе (брюшной и сыпной тиф, дизентерия). По мнению П. И. Колосова, «в силу создавшихся условий среди немецкого населения растет преступность, имеют факты детской проституции, детская беспризорность и безнадзорность принимает заметные размеры»[1].

Следует отметить, что органами МВД, помимо фактов, указанных в докладной записке, весной 1947 г. в среде немецкого населения фиксировались случаи людоедства. Начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов в докладной записке министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову от 30 апреля 1947 г. № 00515 отмечал: «В I квартале 1947 г. появились случаи людоедства, которых по области зарегистрировано всего 12. Занимаясь людоедством, отдельные немцы не только употребляют в пищу мясо трупов, но и убивают своих детей и родственников. Случаев убийства с целью людоедства имеется 4»[2].

Документом, который в определенной степени подводил итоги развития области в период деятельности чрезвычайных органов управления, стала записка второго секретаря Калининградского областного комитета ВКП(б) П. А. Иванова И. В. Сталину от 28 мая 1947 г. о плане развития Калининградской области и мерах неотложной помощи в ее хозяйственном и культурном строительстве. В качестве основных проблем, влияющих на развитие региона, П. А. Иванов выделял следующие:

– наличие на территории области немецкого населения («Немцы, насчитывающие 25% населения, представляют собой более чем 100-тысячную массу крайне озлобленных людей, готовых на все, чтобы подорвать, ослабить безопасность, задержать хозяйственное освоение и развитие области. Шпионаж, диверсии, саботаж, вредительство, распространение антисоветских прокламаций, использование при этом религиозных предрассудков – вот основные формы вражеской работы немцев на территории Калининградской области. Немцы легко идут на призыв американской, английской и других иностранных разведок выполнять задания, направленные против интересов Советского государства. Они завязывают связи с зарубежными центрами, католической и лютеранской церквами, с сохранившимися в области фашистами и по их указке ведут антисоветскую работу»[3]);

[1] Цит. по: В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 225.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 20 об.

[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 27.

– невозможность управлений по гражданским делам всех уровней справиться с возложенными на них задачами, в том числе «навести революционный порядок в области и оказать действенное влияние на ее экономическое возрождение» («Промышленность не выполнила небольшой план 1946 г. Вновь созданные 294 колхоза, несмотря на огромную помощь правительства, вели хозяйство неудовлетворительно, не сумели посеять озимые и заготовить корма для скота. Осенью и зимой от бескормицы пало и было прирезано 50% крупного рогатого скота и 30% лошадей»[1]);

– низкое качество отбора должностных лиц, направляемых министерствами и ведомствами на работу в Калининградскую область («Из 317 работников, присланных в 1946 г. Министерствами торговли СССР и РСФСР, 140 человек оказались жуликами и проходимцами. Из 65 работников, присланных в органы прокуратуры, 15 сняты с работы за непригодностью и злоупотребления. В системе «Заготзерно» 5 работников были отданы под суд за злоупотребления, 14 уволены за непригодностью и 8 самовольно ушли с работы. Неустойчивые и непостоянные кадры не могут двинуть вперед дело освоения области»[2]).

Основным способом решения существующих проблем П. А. Иванов считал направление в Калининградскую область специальной комиссии, по результатам работы которой необходимо было разработать и представить на рассмотрение Совета министров СССР план восстановления и развития региона, а также меры неотложной помощи в его хозяйственном и культурном строительстве[3].

Следует отметить, что в исследуемый период на территории Калининградской области продолжала сохраняться сложная **криминогенная обстановка**. Так, прибывшая в область в мае 1946 г. комиссия ЦК ВКП(б) под руководством заместителя заведующего организационно-инструкторским отделом Л. А. Слепова отметила, что в городах и районах увеличились «случаи краж, грабежей, других уголовных и хулиганских нарушений». Только в рабочем поселке Кенигсбергского целлюлозно-бумажного комбината № 1 ежедневно фиксировалось до 10 случаев ограблений квартир[4]. В сентябре 1946 г. прокурор Калининградской области И. Г. Захаров указывал, что «бандитизм, убийства, разбой, грабежи, кражи и хулиганство являются распространенными видами преступлений. Причем борьба с этими преступлениями… еще по-настоящему не развернута… Еще нередки случаи…, когда среди дня группа вооруженных людей в военной форме нападает на квартиры немцев, производит их ограбление и потерпевшие не заявляют об этом в органы следствия, не говоря уже о случаях краж…»[5]. Назначенный в ноябре 1946 г. на должность командующего 11-й гвардейской армией гвардии генерал-полковник А. В. Горбатов следующим

[1] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 28.
[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 30–31.
[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 36.
[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 142. Л. 3.
[5] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 320.

образом оценил обстановку, сложившуюся в областном центре: «В Калининграде зимой 1946/1947 года было неспокойно. С наступлением темноты начиналась стрельба, даже пулеметная»[1].

Имеющиеся архивные документы не позволяют в полной мере оценить количественные показатели преступности в Калининградской области в июне 1946 г. – мае 1947 г. Находящиеся на хранении в отделении специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий отдела оперативно-розыскной и архивной информации информационного центра Управления МВД России по Калининградской области статистические отчеты по форме № 6 «Цифровые сведения о результатах оперативно-следственной работы органов милиции» фиксировали только количество уголовных дел, возбужденных органами МВД, а также количество лиц, проходящих по ним в качестве обвиняемых.

В связи с тем, что в отдельных случаях потерпевшие не заявляли в органы милиции о факте преступления (что в большей степени относится к немецкому населению), приводимые в форме № 6 сведения являются неполными. Вместе с тем, эти данные на сегодняшний день являются единственным источником информации о количественном и качественном составе преступлений, совершенных на территории Калининградской области в июне 1946 г. – мае 1947 г.

Проведенный анализ данных формы № 6 за исследуемый период (таблица 2) показал рост количества уголовных дел, возбужденных органами МВД по всем видам преступлений. Его максимальное значение было достигнуто в марте 1947 г. (351 возбужденное уголовное дело, или 12,75% от их общего количества за исследуемый период), что было обусловлено, прежде всего, неблагоприятной ситуацией, сложившейся на территории Калининградской области вследствие голода.

Таблица 2

Количество уголовных дел, возбужденных органами милиции Калининградской области в июле 1946 г. – мае 1947 г.[2]

Период	Количество уголовных дел, возбужденных по линии отдела уголовного розыска и других отделов	Количество уголовных дел, возбужденных по линии ОБХСС
Июль 1946 г.	72	45
Август 1946 г.	131	56
Сентябрь 1946 г.	134	48
Октябрь 1946 г.	117	62
Ноябрь 1946 г.	153	88
Декабрь 1946 г.	164	107
Январь 1947 г.	138	129
Февраль 1947 г.	206	81
Март 1947 г.	258	93

[1] Цит. по: Горбатов А. В. Годы и войны. Записки командарма. 1941–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 545.

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

Период	Количество уголовных дел, возбужденных по линии отдела уголовного розыска и других отделов	Количество уголовных дел, возбужденных по линии ОБХСС
Апрель 1947 г.	213	102
Май 1947 г.	236	120

Рассматривая структуру уголовной преступности (таблица 3), следует отметить явное преобладание преступлений имущественного характера, в частности краж (788 возбужденных уголовных дел, или 43,29% от общего числа уголовных дел, возбужденных органами милиции за исследуемый период). Значительным было количество уголовных дел, возбужденных по фактам нарушения паспортного режима (178 уголовных дел, или 9,78%), скотокрадства (133 уголовных дела, или 7,3%), незаконного изготовления, хранения, покупки и сбыта оружия, отравляющих веществ и ядов (105 уголовных дел, или 5,76%), а также невооруженных грабежей и разбойных нападений (92 уголовных дела, или 5,05%).

Таблица 3

Количество преступлений, по которым возбуждены уголовные дела органами милиции Калининградской области по линии отдела уголовного розыска и других отделов в июле 1946 г. – мае 1947 г.[1]

Вид преступления	III квартал 1946 г.	IV квартал 1946 г.	I квартал 1947 г.	Апрель – май 1947 г.
Бандитизм (ст. 59-3 УК РСФСР)	9	11	9	–
Вооруженный разбой (ст. 167-3 УК РСФСР)	10	15	22	15
Невооруженные грабежи и разбой (ст. 165-1, 165-2, 167-1, 167-2 УК РСФСР)	16	29	25	22
Умышленные убийства (ст. 136–138 УК РСФСР)	10	21	25	14
Хулиганство (ст. 74-2 УК РСФСР)	27	14	17	15
Кражи с применением технических средств (ст. 162 «в», ст. 162 «г» УК РСФСР)	147	172	265	204
Кражи без применения технических средств (ст. 162 «а», ст. 162 «б» УК РСФСР)	–	3	22	11
Скотокрадство (ст. 166 УК РСФСР)	12	26	59	36
Похищение огнестрельного оружия и боеприпасов (ст. 59-3 «а», ст. 166 «а» УК РСФСР)	2	1	1	1
Мошенничество, подделка документов (ст. 72, 169, 170 УК РСФСР)	7	11	14	9
Половые преступления (ст. 151–154 УК РСФСР)	–	2	2	–
Аборты (ст. 140 УК РСФСР)	2	1	2	4
Нарушение паспортного режима (ст. 192 «а» УК РСФСР)	18	47	55	58

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

Вид преступления	III квартал 1946 г.	IV квартал 1946 г.	I квартал 1947 г.	Апрель – май 1947 г.
Незаконное изготовление, хранение, покупка и сбыт оружия, отравляющих веществ и ядов (ст. 179, 182 УК РСФСР)	23	26	34	22
Аварии и наезды на людей (ст. 59-3 «в» УК РСФСР)	8	9	8	6
Прочие преступления	46	46	40	32

Среди экономических преступлений (таблица 4) преобладали кражи из государственных и общественных складов[1] (415 уголовных дел, или 44,57% от общего числа уголовных дел, возбужденных органами по борьбе с хищениями социалистической собственности за исследуемый период), должностные преступления (146 уголовных дел, или 15,68%), спекуляция (140 уголовных дел, или 15,03%), а также присвоения и растраты (124 уголовных дела, или 13,31%).

Таблица 4

Количество преступлений, по которым возбуждены уголовные дела органами милиции Калининградской области по линии ОБХСС в июле 1946 г. – мае 1947 г.[2]

Вид преступления	III квартал 1946 г.	IV квартал 1946 г.	I квартал 1947 г.	Апрель – май 1947 г.
Хищение социалистической собственности (постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 г.)	11	12	10	6
Кражи из государственных и общественных складов (ст. 162 «д» УК РСФСР)	32	48	64	49
Кражи из государственных и общественных складов (ст. 162 «г» УК РСФСР)	32	59	76	55
Спекуляция (ст. 136–138 УК РСФСР)	13	55	46	26
Нарушение правил о валютных операциях (ст. 59-12 УК РСФСР)	1	1	1	1

[1] Уголовные дела по фактам краж из государственных и общественных складов возбуждались органами по борьбе с хищениями социалистической собственности по статье 162 пункту «г» (кража, совершенная частным лицом из государственных и общественных складов путем применения технических средств или по сговору с другими лицами или неоднократно, а равно совершенное хотя бы и без указанных условий лицом, имевшим специальный доступ в эти склады или их охранявшим или во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия) и пункту «д» (кража, совершенная из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путем применения технических средств или неоднократно, или по сговору с другими лицами, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ при особо крупных размерах похищенного).

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

Вид преступления	III квартал 1946 г.	IV квартал 1946 г.	I квартал 1947 г.	Апрель – май 1947 г.
Подделка или сбыт денежных знаков и облигаций (ст. 59-8 УК РСФСР)	–	1	–	–
Присвоение, растрата (ст. 116 УК РСФСР)	32	29	33	30
Взятка (ст. 117, 118 УК РСФСР)	1	3	3	2
Должностные преступления (глава 3 УК РСФСР)	24	32	51	38
Хозяйственные преступления (глава 5 УК РСФСР)	1	5	4	6
Мошенничество, связанное с продуктовыми и промтоварными карточками	2	4	9	1
Нарушение правил торговли (ст. 105 УК РСФСР)	–	5	4	8
Прочие преступления	–	3	2	–

Анализ социальной структуры лиц, привлеченных к ответственности за совершение уголовных преступлений (таблица 5), показал, что большую часть среди них составляли промышленные и транспортные рабочие (618 человек, или 28,63% от количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности органами милиции за исследуемый период). Большим было количество сезонных и сельскохозяйственных рабочих (585 человек, или 27,1%), лиц без определенных занятий и места жительства (303 человек, или 14,04%), сержантского и рядового состава воинских частей, расквартированных на территории Калининградской области (283 человека, или 13,11%), а также уголовного элемента (7,36%).

Таблица 5

Социальный состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным органами милиции Калининградской области по линии отдела уголовного розыска в июле 1946 г. – мае 1947 г.[1]

Категории лиц	III квартал 1946 г.	IV квартал 1946 г.	I квартал 1947 г.	Апрель – май 1947 г.
Промышленные и транспортные рабочие	158	175	165	120
Сезонные, сельскохозяйственные и прочие рабочие	117	138	204	126
Колхозники	–	29	28	23
Служащие	11	25	45	20
Офицерский состав воинских частей	2	3	5	2
Сержантский и рядовой состав воинских частей	30	80	101	72
Уголовники	49	37	38	35
Лица без определенных занятий и места жительства	61	55	90	97
Прочие категории (домохозяйки, пенсионеры и др.)	7	8	–	2

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

В докладной записке секретарю Калининградского областного комитета ВКП(б) И. П. Трифонову от 26 февраля 1947 г. № 00246 начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов отмечал, что «основная масса преступлений совершается несудимыми лицами, занятыми общественно-полезным трудом»[1].

Причина подобного заключалась в том, что отдельные рабочие и служащие, которые прибыли в область по вербовке, считали себя «временными людьми» и вследствие этого «занялись сбором трофеев». Кроме того, невнимание руководства организаций к вопросам материально-бытового обслуживания рабочих и служащих «использовал в своих интересах преступный контингент, втягивая неустойчивых в совершение преступлений»[2]. Так, группа работников Велауской бумажной фабрики под руководством прибывшего из Владимирской области П. П. Павлова в ночь на 14 сентября 1946 г. путем подбора ключей проникла в магазин № 2, где похитила 44,5 кг сливочного масла, 6,4 кг выпаренного молока, 20 кг конфет и 0,9 кг табака. В последующем, в течение сентября – октября 1946 г. этой же группой было совершено 6 ограблений магазинов в городе Велау, сопровождаемых убийством сторожа маргаринового завода Т. П. Шутилова и избиением сторожа магазина подсобного хозяйства И. Буза[3].

В исследуемый период значительное количество уголовных преступлений, особенно связанных с грабежом немецкого населения, совершалось военнослужащими воинских частей, расквартированных на территории Калининградской области. Так, группа военнослужащих 5-й гвардейской стрелковой дивизии под руководством А. И. Исаева в деревне Дедау (Полесский район) в ночь на 2 ноября 1946 г. совершила ограбление квартиры рабочего совхоза № 6 «Молокотреста» немца С. Бальтруссе. Убив хозяина квартиры, военнослужащие забрали вещи и спрятали их в общежитии[4].

Как и в предшествующий период, достаточно часто происходило объединение гражданских лиц и военнослужащих в преступные группы. Так, в состав банды И. Н. Федосеева, которая в июне – июле 1946 г. совершила ряд грабежей местных жителей и изнасилований немок в Тапиауском районе, входили двое военнослужащих из команды по охране участка военного совхоза[5].

Рост числа уголовных преступлений отчасти был связан с бесконтрольным распространением по территории Калининградской области огнестрельного оружия и боеприпасов. Невозможность полного изъятия вооружения с мест боев,

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. По данным формы № 6 в июне 1946 г. – мае 1947 г. число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, подпадающих под категорию «несудимых, занимающихся общественно-полезным трудом», составило 3063 человека, или 81,37% от общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за указанный период (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

а также наличие схронов с оружием и боеприпасами, оставленных немецким командованием для диверсионно-террористических формирований, приводили к тому, что как у преступных групп, так и населения на руках хранилось большое количество отечественного и трофейного вооружения. Так, только за июль – октябрь 1946 г. органами МВД по агентурным данным были изъяты 14 пулеметов, 62 автомата, 252 винтовки, 52 револьвера, 303 гранаты, 10 510 патронов, 3 радиостанции и 2 множительных аппарата[1].

Большая часть лиц, совершивших уголовные преступления, – 797 человек (или 36,93% от общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности органами милиции за исследуемый период) – находилась в возрасте от 21 до 30 лет (таблица 6). Вместе с тем, фиксировалось формирование преступных групп и из лиц младше 18 лет. Так, прибывшая в июле 1946 г. в Калининградскую область «за трофеями» банда В. И. Малофеева состояла из трех человек в возрасте 17–18 лет[2].

Таблица 6

Возраст лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным органами милиции Калининградской области по линии отдела уголовного розыска в июле 1946 г. – мае 1947 г.[3]

Возраст	III квартал 1946 г.	IV квартал 1946 г.	I квартал 1947 г.	Апрель – май 1947 г.
До 16 лет	11	32	25	32
От 16 до 18 лет	61	54	86	71
От 19 лет до 21 года	80	125	113	58
От 22 до 30 лет	161	202	252	182
От 31 года до 40 лет	88	109	160	109
Старше 40 лет	34	28	40	45

В свою очередь, социальный состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности органами по борьбе с хищениями социалистической собственности, имел некоторые отличия (таблица 7). Так, среди лиц, которые совершили преступления экономического характера, достаточно высоким было число служащих – 194 человека, или 12,07% от общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности. При этом служащие являлись единственной категорией, среди которой отмечен стабильный рост числа лиц, которые совершали преступления этого вида. Подтверждением этого факта может служить выступление секретаря Калининградского городского комитета ВКП(б) П. И. Колосова на собрании областного партийного актива, в котором он

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 54, 71.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.
[3] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

заявил: «За 9 месяцев работы в Калининграде я почти не знаю ни одной организации, которая не была бы поражена растратами, хищениями, элементами жульничества»[1].

Таблица 7

Социальный состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным органами милиции Калининградской области по линии ОБХСС в июле 1946 г. – мае 1947 г.[2]

Категории лиц	III квартал 1946 г.	IV квартал 1946 г.	I квартал 1947 г.	Апрель – май 1947 г.
Промышленные и транспортные рабочие	155	155	143	112
Сезонные, сельскохозяйственные и прочие рабочие	63	173	158	102
Колхозники	–	10	25	31
Служащие	34	46	52	62
Офицерский состав воинских частей	1	2	2	1
Сержантский и рядовой состав воинских частей	15	20	58	27
Уголовники	–	–	8	13
Лица без определенных занятий и места жительства	–	26	56	35
Прочие категории (домохозяйки, пенсионеры и др.)	3	11	4	3

Причиной распространения преступлений, связанных с хищением социалистической собственности, начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов считал «отсутствие проверки кадров и слабый контроль за действиями материально ответственных лиц». Так, в Черняховское отделение Госбанка на должность бухгалтера операционного отдела была принята на работу репатриантка Рыбалко, не имевшая документов. Похитив два чистых бланка из чековой книжки мясокомбината, она подделала подписи и скрылась, получив в банке 80 тыс. рублей. Через некоторое время под другой фамилией она устроилась на работу в бухгалтерию областного переселенческого отдела, где совершила хищение денег на сумму 75 тыс. рублей[3].

Арестованная в феврале 1947 г. на калининградском хлебозаводе № 1 группа из 5 человек под руководством заведующего мучным складом Брындина путем обсчета и обвешивания работников цеха выпечки хлеба создавала излишки муки, которые через заведующего магазином военторга Чиклиненкова сбывала немцам по спекулятивным ценам. В течение двух месяцев действий группы было похищено 2600 кг муки, которые проданы за 46 800 рублей[4].

Проведенный анализ национального состава лиц, арестованных органами МВД за совершенные преступления в июне 1946 г. – мае 1947 г. показал, что

[1] Цит. по: Костяшов Ю. В. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 106.

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.

большую их часть составляли граждане СССР (2151 человек, или 79,46%) (таблица 8).

Таблица 8

Национальный состав лиц, арестованных органами МВД по Калининградской области в июле 1946 г. – мае 1947 г.[1]

Национальность	Количество арестованных
Национальности СССР	
Русские	1729
Украинцы	192
Белорусы	79
Грузины	3
Армяне	1
Азербайджанцы	3
Казахи	6
Узбеки	3
Татары	17
Башкиры	1
Молдаване	1
Финны и карелы	4
Латыши	2
Литовцы	35
Евреи	11
Прочие	34
Национальности других государств	
Немцы	574
Поляки	8
Прочие	4

Вместе с тем следует отметить, что большое число арестованных немцев свидетельствовало о том, что и в среде немецкого населения на фоне недостаточного обеспечения формировались преступные группы, чаще всего совершавшие преступления имущественного характера. Так, 12 февраля 1947 г. путем подбора ключей в городе Калининграде была ограблена центральная база Универсалторга. Ограбление совершила группа немцев из пяти человек, которыми руководил сторож базы Гинцлер. У преступников при задержании были изъяты 77 м сукна, 68 пар сапог, 190 пар женских чулок, а в квартире Гинцлера – пистолет с запасом патронов[2].

Кроме того, в среде немецкого населения достаточно распространенным видом преступлений являлся грабеж квартир с целью продажи или обмена похищенного имущества на рынке.

Таким образом, проведенный анализ оперативной обстановки на территории Калининградской области в период функционирования

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

чрезвычайных органов управления показал, что серьезное влияние на ее состояние оказал массовый приток в область граждан СССР, санкционированный постановлениями Совета министров СССР о переселении колхозников, а также вербовочными мероприятиями, проводимыми промышленными предприятиями и различными учреждениями.

Процесс переселения и вербовки, ставивший перед собой цель восстановления промышленных предприятий и сельского хозяйства Калининградской области, способствовал увеличению числа русскоязычного населения. Вместе с тем, отсутствие нормальных бытовых условий, сопряженное с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, голодом 1946–1947 гг., а также наличием большого количества находящегося на руках населения оружия и боеприпасов способствовали созданию благоприятных условий для роста уголовной преступности, как в среде русскоязычного, так и немецкого населения.

Совершенствование структуры органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в апреле 1946 г. – мае 1947 г.

Создание Кенигсбергской области в составе РСФСР повлекло за собой необходимость реорганизации существующей структуры аппарата уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии в соответствии со структурой **органов МВД**, единой для всех административно-территориальных единиц.

По состоянию на 1946 г. в каждой области РСФСР существовали управления МВД, которые осуществляли руководство отделами и отделениями МВД, созданными в городах областного подчинения и районных центрах. Управления МВД, функционировавшие на территории РСФСР, находились в подчинении Министерства внутренних дел СССР, на которое возлагалось выполнение следующих задач:

– борьба с бандитизмом и повстанческими формированиями;

– охрана государственных границ СССР;

– борьба с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности;

– охрана общественного порядка и личной безопасности граждан;

– организация и проверка паспортного режима;

– обеспечение изоляции преступников и их трудовое использование;

– содержание, охрана и трудовое использование военнопленных и интернированных;

– охрана железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности;

– организация пожарной охраны и местной противовоздушной обороны;

– борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью;

– выполнение оборонных и народно-хозяйственных заданий правительства (строительство оборонительных рубежей, военно-морских баз, аэродромов, заводов и предприятий промышленности, железных и шоссейных дорог, промышленная добыча золота, олова, никеля, угля и т. п.);

– выполнение специальных правительственных задач[1].

Подготовительная работа к формированию органов МВД на территории Кенигсбергской области началась в конце апреля – начале мая 1946 г. Следует отметить, что она проводилась по двум направлениям:

1) разделение аппарата уполномоченного МВД – МГБ СССР в Восточной Пруссии на два элемента – основу для соответствующих управлений МВД и МГБ по Кенигсбергской области;

2) создание полноценных органов милиции, которых на тот момент в области фактически не существовало.

В рамках первого направления в соответствии с приказом министра государственной безопасности СССР от 29 апреля 1946 г. № 00168 из состава аппарата уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии была выделена оперативная группа МГБ СССР по Кенигсбергской области в количестве 87 человек. Приказом уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии от 16 мая 1946 г. № 0018 вновь создаваемой структуре в качестве служебных помещений передавались здание бывшего полицай-президиума, а также часть внутренней тюрьмы, гараж и 20% складских помещений[2]. Начальником оперативной группы МГБ СССР по Кенигсбергской области был назначен один из заместителей уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии полковник Е. В. Рудаков.

С начала мая 1946 г. началась подготовка к формированию органов милиции. В соответствии с приказом уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии от 10 мая 1946 г. № 016 в городе Кенигсберге эти мероприятия возлагались на Кенигсбергский оперативный сектор МВД – МГБ СССР, который должен был стать основой городского управления милиции, а также на восемь городских оперативных групп МВД – МГБ СССР, на базе которых предполагалось создание городских отделений милиции. При формировании городских отделений милиции начальникам оперативных групп МВД – МГБ СССР предписывалось провести следующие мероприятия:

«а) Определить территорию участков участковых уполномоченных. Подобрать необходимое количество доверенных лиц, направив их на выявление уголовного элемента и нарушителей паспортного режима.

б) Учесть всех руководителей домовладений, комендантов поселков, бургомистров немецких кварталов на территории, обслуживаемой каждым уполномоченным.

---

[1] Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С. 86.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 30–30 об.

в) Разработать план мероприятий по изучению населения районов с задачей очистки территории от уголовно-преступного и сомнительного элемента.

г) Учесть все притоны и места концентрации преступного элемента, обеспечив их агентурой и доверенными лицами.

д) Разработать соображения по распределению служебных зданий отделений милиции…»[1].

Следует отметить, что с 18 мая 1946 г. в ведение будущего Кенигсбергского городского управления милиции и городских отделений милиции передавались структуры управлений по гражданским делам, выполнявшие функции паспортных и военно-учетных столов, а также отделов записи актов гражданского состояния[2].

Одновременно с этим в рамках подготовки к формированию органов МВД аппаратом уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии был проведен ряд мероприятий по подготовке и вводу в эксплуатацию минимума необходимых служебных помещений, а также жилого фонда для сотрудников. Общий объем восстановленных зданий составлял: по служебному фонду – 30 600 м^3, а по жилому фонду – 26 134 м^3. Стоимость проведенных работ оценивалась в 901,1 тыс. рублей, что в 4,5 раза превышало сумму денежных средств, отпущенных МВД СССР аппарату уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии на первое полугодие 1946 г.[3]

Вместе с тем, в докладной записке министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову от 2 августа 1946 г. № 01249 уполномоченный МВД – МГБ СССР по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов отмечал, что в результате проведенных мероприятий «восстановленный минимум необходимых административных зданий и жилого фонда еще далеко не обеспечивает потребность». Кроме того, он указывал, что выделенные Хозяйственным управлением МВД СССР ассигнования в размере 500 тыс. рублей «не позволяют произвести работы в таком объеме, чтобы в текущем году закончить размещение аппарата УМВД и бытовое устройство личного состава»[4].

24 мая 1946 г. вышел в свет приказ министра внутренних дел СССР № 00484, объявлявший о создании Управления МВД по Кенигсбергской области. Помимо собственно Управления МВД с периферийными органами в области формировались Кенигсбергское областное управление милиции, Кенигсбергское городское управление милиции, а также водный отдел милиции Кенигсбергского бассейна[5]. Общая штатная численность органов МВД на территории Кенигсбергской области была установлена в 1399 человек[6].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 23–24.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 25.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 104–104 об.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 104 об.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 116.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

Структура Управления МВД по Кенигсбергской области и его периферийных органов была аналогична структуре управлений МВД, сформированных во всех административно-территориальных единицах РСФСР. В состав Управления МВД по Кенигсбергской области помимо руководства входили следующие структурные подразделения: секретариат, отдел кадров, 1-й спецотдел, 2-е спецотделение (шифровальное), отдел по борьбе с бандитизмом, отделение контрразведки, отделение ВЧ-связи, отдел пожарной охраны, отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, тюремный отдел, отдел по делам военнопленных и интернированных, отдел исправительно-трудовых колоний, архивный отдел, финансовый отдел и хозяйственный отдел. Штатная численность Управления МВД по Кенигсбергской области составляла 296 человек[1].

Руководство органами милиции на территории области осуществляло Кенигсбергское областное управление милиции штатной численностью в 112 человек. Начальник областного управления милиции одновременно являлся заместителем начальника Управления МВД по Кенигсбергской области. В состав областного управления милиции входили секретариат, политчасть, отдел уголовного розыска, отдел борьбы с хищениями социалистической собственности, оперативный отдел, паспортный отдел, кустовое адресное бюро 1-й категории, отдел службы и боевой подготовки, государственная автомобильная инспекция и автоматическая телефонная станция[2].

31 мая 1946 г. был издан ряд приказов начальника Управления МВД по Кенигсбергской области о формировании органов МВД на местах[3]. Так, в соответствии с приказом № 0038 было организовано Кенигсбергское городское управление милиции, штатной численностью 67 человек, состоявшее из следующих структурных подразделений: секретариат, политчасть, отдел уголовного розыска в составе трех отделений, отдел борьбы с хищениями социалистической собственности в составе двух отделений, оперативный отдел, отделение службы и паспортный отдел. Кроме того, в состав городского управления милиции вошли восемь городских отделений милиции, а также камера предварительного заключения, общая штатная численность которых составила 450 человек. Каждое городское отделение милиции в своем составе имело двух старших оперуполномоченных и пять оперуполномоченных, шесть участковых уполномоченных, переводчика и взвод милиционеров в количестве 30 человек[4].

Приказами начальника Управления МВД по Кенигсбергской области от 31 мая 1946 г. № 0029 и от 3 июня 1946 г. № 018 были сформированы городские отделы МВД в двух городах областного подчинения – Тильзите

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 3. Л. 45–48.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.

[3] Следует отметить, что приказы начальника Управления МВД по Кенигсбергской (Калининградской) области с мая по конец августа 1946 г. подписывались генерал-майором Б. П. Трофимовым, занимавшим в этот период должность уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии, по Кенигсбергской области и по Калининградской области до своего назначения на должность начальника Управления МВД по Калининградской области.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 71–76.

и Инстербурге. Оба отдела имели штатную численность в 56 человек и включали в свой состав помимо руководства секретариат, группу по борьбе с бандитизмом, отдел милиции, пожарную инспекцию и финансовую часть[1].

В районах Кенигсбергской области в зависимости от численности населения создавались районные отделы или отделения МВД. Так, на территории Хайлигенбайльского, Кройцбургского, Фридландского, Даркеменского, Шталлупененского, Пилькалленского, Хайрихсвальдского и Лабиауского районов были сформированы районные отделения МВД штатной численностью 20 человек, 14 из которых относились к милиции[2]. В свою очередь, в районных отделах МВД, созданных на территории Гумбинненского, Тапиауского и Рагнитского районов, штатная численность была увеличена до 39 человек за счет включения в состав подразделения оперуполномоченного по борьбе с бандитизмом, четырех городских участковых уполномоченных, а также 13 городских милиционеров[3]. Отдельную организационно-штатную структуру имели два районных отдела МВД – Кенигсбергский сельский и Фишхаузенский. Так, штатная численность Кенигсбергского сельского районного отдела МВД, находившегося в поселке Вальдау, составляла 36 человек (в связи с тем, что он не имел в своем составе городских участковых уполномоченных)[4], а штат Фишхаузенского районного отдела МВД был увеличен до 52 человек за счет включения в его состав пяти городских участковых уполномоченных, 18 городских милиционеров и двух пожарных инспекторов. Кроме того, в состав Фишхаузенского районного отдела МВД входили два городских отделения милиции, сформированных в городах Раушен и Гранц, численностью по 17 человек[5].

Процесс формирования органов МВД на территории Кенигсбергской области завершился 3 июня 1946 г., когда на основании приказа начальника Управления МВД по Кенигсбергской области № 0037 был образован водный отдел милиции Кенигсбергского бассейна, в состав которого вошли два линейных отделения порта Кенигсберг, линейное отделение порта Клайпеда и оперативный пункт порта Тильзит, общей численностью 132 человека[6].

Докладной запиской от 17 июня 1946 г. № 00972 уполномоченный МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов доложил министру внутренних дел генерал-полковнику С. Н. Круглову о результатах формирования органов МВД по Кенигсбергской области.

Основной проблемой, которая сопровождала процесс формирования, являлась кадровая. Так, в аппарате Управления МВД по Кенигсбергской области по состоянию на 15 июня 1946 г. было укомплектовано всего 163 должности (55,06%). Из-за отсутствия на месте соответствующих кандидатур для

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 47–48; Д. 6. Л. 28–29.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–46, 51–58, 78–79.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 39–40, 49–50, 90–91.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 87–88. С 7 сентября 1946 г. в связи с изменением названия района Кенигсбергский сельский районный отдел МВД был переименован в Гурьевский районный отдел МВД.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 60–62.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 66–69.

назначения на руководящие должности, а также личного состава в Управлении не были сформированы отдел пожарной охраны, отдел исправительно-трудовых колоний, архивный отдел и отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью[1].

Укомплектованность Кенигсбергского областного управления милиции составляла всего 46,01% (52 должности). При этом уполномоченным МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майором Б. П. Трофимовым отмечался значительный некомплект в отделе уголовного розыска (70%) и оперативном отделе (64%)[2].

Низкой была укомплектованность городских, а также районных отделов и отделений МВД. Так, в Инстербургском и Тильзитском городских отделах МВД были укомплектованы всего 33 должности из 112 (29,46%), в пяти районных отделах МВД – 57 из 239 (23,84%), а в восьми районных отделениях МВД – 35 из 160 (21,87%). Вакантными оставались две должности начальников, а также шесть должностей заместителей начальников городских и районных органов МВД[3].

Однако наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в Кенигсбергском городском управлении милиции и подчиненных ему городских отделениях милиции. Так, в городском управлении милиции было укомплектовано всего 22% должностей, при этом вакантными оставались должности начальников отделов уголовного розыска и борьбы с хищениями социалистической собственности. Укомплектованность городских отделений милиции составляла всего 17,3%, а должности оперативного состава в них были укомплектованы только на 5%. Вместе с тем уполномоченный МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов в докладной записке особо выделил тот факт, что полностью удалось укомплектовать все должности участковых уполномоченных[4].

Следует отметить, что по состоянию на 15 июня 1946 г. наилучшее положение сложилось в учреждениях пенитенциарной системы. Так, укомплектованность личным составом тюрем составляла 77,04%, лагерей военнопленных и интернированных – 61,25%, а Тапиауской детской трудовой колонии – 97,36%[5].

Комплектование органов МВД осуществлялось как за счет личного состава аппарата уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии и оперативных групп МВД – МГБ СССР, так и из состава военнослужащих, подлежащих демобилизации из частей 11-й гвардейской армии[6]. Как отмечал в докладной записке генерал-майор Б. П. Трофимов, «качественный состав использованных на укомплектование органов МВД Кенигсбергской области работников… удовлетворительный, могущий обеспечить выполнение задач,

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 88 об.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 88–88 об.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 88 об. – 89.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 6.

стоящих перед органами МВД»[1]. Вместе с тем уполномоченный МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии выделил несколько категорий сотрудников, которые не подходили под указанные им критерии:

1) переводчики, которые в своем большинстве состояли из граждан СССР, подлежащих репатриации. Из 48 переводчиков, занимавших должности, только 8 человек (16,66%) прошли спецпроверку, а остальным предстояло пройти через фильтрационные мероприятия;

2) вахтерский и частично офицерский состав учреждений пенитенциарной системы, набранный в мае – июне 1945 г. из частей войск НКВД СССР, выполнявших задачи на территории Восточной Пруссии. В докладной записке генерал-майор Б. П. Трофимов отмечал, что значительная часть указанной категории личного состава «сильно разложена и трудно поддается перевоспитанию» вследствие отрыва от своих воинских частей, бесконтрольности, а также «недопустимо низкого уровня дисциплины, допущенных ныне замененными начальниками тюрем»[2].

В целях обеспечения формирования органов МВД в Кенигсбергской области уполномоченный МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майор Б. П. Трофимов полагал необходимым проведение следующих мероприятий:

«1. Выделить не менее 600 чел. рядового и сержантского состава милиции, работников тюрем, лагерей и колоний ГУЛАГа и ГУПВИ для использования на укомплектование милиции, колоний ИТК и частичной замены вахтерского и надзирательского состава тюрем и лагерей военнопленных…

2. Срочно направить в мое распоряжение не менее 50 чел. пожарных специалистов, в том числе руководящих областных и городских работников.

Не имея ни одного пожарного специалиста, я лишен возможности приступить к формированию этой службы, в то время как в ней ощущается острая необходимость.

3. Обязать ГУЛАГ МВД СССР выделить опытные кадры для организации ОИТК [отдела исправительно-трудовых колоний. – Прим. автора], основным профилем которого будет являться сельское хозяйство и племенное животноводство. В настоящее время в Кенигсбергской области имеются большие возможности на базе бывших помещичьих усадеб организовать рентабельные колонии.

4. Оказать помощь УМВД в укомплектовании следующих должностей: зам. нач. УМВД по кадрам и общим вопросам, пом. нач. УМВД по кадрам и общим вопросам, пом. нач. УМВД по хоз. вопросам, начальника особой инспекции, 3-х начальников отделений отдела кадров, зам. нач. ХОЗО [хозяйственного отдела. – Прим. автора], зам. нач. 1-го спецотдела, 2-х начальников отделений 1-го спецотдела, начальника отдела по борьбе с бандитизмом, начальника тюремного отдела, начальника 2-го спецотделения и начальника отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 89 об.

5. Ускорить решение вопроса об организации спецторга, так как в связи со значительным увеличением наличия офицерского и другого состава работников органов бытовое обслуживание личного состава аппаратом хозяйственного отдела УМВД крайне затруднительно и отвлекает его от выполнения неотложных задач по прямому назначению».

Последнему мероприятию генерал-майор Б. П. Трофимов уделял серьезное внимание, так как большая часть сотрудников «уже около года не пользуется никакими видами промтоварного снабжения, вследствие чего как сами работники, так и их семьи испытывают серьезные затруднения»[1].

Следует отметить, что переименование Кенигсбергской области в Калининградскую повлекло за собой и изменение названия Управления МВД. В соответствии с приказом МВД СССР от 17 июля 1946 г. № 00696 было объявлено о создании Управления МВД по Калининградской области[2]. Именно эта дата считается днем основания существующего Управления МВД России по Калининградской области[3]. Начиная с сентября 1946 г. было проведено переименование существовавших городских и районных органов МВД. Кроме того, в составе Приморского районного отдела МВД было сформировано городское отделение милиции в городе Пиллау, которое в соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 14 сентября 1946 г. подчинялось Калининградскому областному управлению милиции[4].

Фактически сразу после создания органов МВД в области начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов направил на имя министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова две докладные записки, касающиеся вопросов увеличения численности существующих штатов.

Первая из них, от 1 сентября 1946 г., касалась вопросов штатов пожарной охраны. По мнению генерал-майора Б. П. Трофимова, разработанный Главным управлением пожарной охраны МВД СССР штат отдела, не мог «обеспечить в современных условиях этот важный участок работы УМВД»[5]. По представлению руководства Управления МВД по Калининградской области областное управление по гражданским делам выделило денежные средства на содержание в городах Калининград, Советск и Черняховск городских пожарных команд, которые, вследствие отсутствия кадров, были в основном укомплектованы немцами.

Обосновывая необходимость расширения пожарных структур в городе Калининграде, генерал-майор Б. П. Трофимов указывал на введение в строй 40 промышленных предприятий, а также на значительное увеличение численности городского населения. В качестве необходимых мер предлагалось:

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.

[2] Калининградская милиция: Очерки, воспоминания, документы. 1946–2001 гг. С. 10.

[3] История УМВД России по Калининградской области // Управление МВД России по Калининградской области. URL: https://39.мвд.рф/umvd/история/история-умвд-россии-по-калининградской-области (дата обращения 12.08.2024).

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 144.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 116.

«1. Разрешить организацию в г. Калининграде военизированной пожарной охраны…

2. Обязать ГУПО МВД СССР срочно выделить для гор. Калининграда минимум пожарной техники, а именно: 2 автонасоса «ЗИС-11», 2 автоцистерны «ЗИС-5», 2 автонасоса «ГАЗ-АА», 2 грузовых и 2 легковых автомашины для оперативных и хозяйственных нужд пожарной охраны, а также 5 тыс. метров выкидных рукавов в 75 и 50 мм и 3 комплекта выдвижных пожарных лестниц (выдвижные, штурмовые и лестницы-палки).

3. Разрешить вопрос об организации военизированной пожарной охраны МВД Калининградского морского порта.

4. Поставить вопрос перед Министерством связи о срочном изучении степени разрушенности пожарной связи и сигнализации в г. Калининграде и выяснении возможности их восстановления»[1].

Вторая докладная записка, от 24 сентября 1946 г., касалась пересмотра штатов органов МВД, в связи с «окончательным решением вопроса о Кенигсбергской области, значительным ростом населения за счет прибытия на освоение промышленных предприятий, переселения колхозников, происшедшими частичными изменениями в административном устройстве области»[2].

В частности генерал-майор Б. П. Трофимов предлагал следующие мероприятия, требующие увеличения существующих штатов на 203 единицы:

1) в связи с изменением административного деления города Калининграда (сокращение числа районов с 8 до 6) упразднить два городских отделения милиции и за счет этого усилить оставшиеся отделения, введя в их состав конвойные и кавалерийские подразделения;

2) в городах областного подчинения Советске и Черняховске создать городские отделения милиции с подчинением их городским отделам МВД;

3) в связи с присоединением Рагнитского района к городу Советск расформировать Рагнитский районный отдел МВД и вместо него сформировать городской отдел милиции с подчинением Советскому городскому отделу МВД;

4) сформировать в городах Гердауен Правдинского района и Гросс Скайсгиррен Советского района городские отделения милиции;

5) увеличить штаты Калининградского областного и Калининградского городского управлений милиции[3].

Однако все эти предложения остались без ответа со стороны МВД СССР. Причиной подобной ситуации, вероятно, явилось то, что штаты органов МВД по Калининградской области были утверждены менее полугода назад, а их разработчики в МВД СССР не могли открыто признать имеющиеся недостатки и недочеты. Кроме того, штаты Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов в основном были типовыми и полностью соответствовали штатам в других административно-территориальных единицах

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 118.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 114–115.

РСФСР. Выделение одного из управлений МВД, пусть даже и расположенного на территории, только вошедшей в состав СССР, и сформированного по самостоятельному штату, могло повлечь за собой предложения по изменению штатов со стороны начальников других управлений МВД.

Второй причиной сложившегося положения, вероятно, стала кадровая ситуация в органах МВД Калининградской области. Несмотря на то, что МВД СССР направило в область значительное количество личного состава для укомплектования вакантных должностей, процент укомплектованности в органах МВД Калининградской области оставался недостаточным для качественного выполнения поставленных задач. Несмотря на то, что на пополнение органов МВД Калининградской области в июне – июле 1946 г. были направлены сотрудники из Управлений МВД по Ярославской и Ленинградской областям, а также выпускники Костромской и Рязанской школ милиции[1], по состоянию на 1 октября 1946 г. все органы МВД Калининградской области были укомплектованы в пределах 75,5%: оперативные отделы Управления МВД по Калининградской области – в пределах 80%, хозяйственные подразделения – в пределах 76,4%, а оперативные отделы милиции – в пределах 71,4%[2].

Справка, представленная начальником Управления МВД по Калининградской области генерал-майором Б. П. Трофимовым министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову в приложении к докладной записке от 15 октября 1946 г. № 001440, более детально показывает укомплектованность органов МВД и милиции по состоянию на 10 октября 1946 г.

Так, в Управлении МВД по Калининградской области некомплект составлял 21,51%. Наиболее неблагоприятное положение с укомплектованностью наблюдалось в отделе местной противовоздушной обороны (некомплект – 100%), отделе исправительно-трудовых колоний (некомплект – 34,22%), 2-м спецотделении (шифровальном) (некомплект – 33,33%), финансовом отделе (некомплект – 33,33%), а также в отделе кадров (некомплект – 31,58%). Вместе с тем, полностью были укомплектованы отделение контрразведки, тюремный отдел, отделение ВЧ-связи и отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В Калининградском областном управлении милиции процент укомплектованности составлял 76,22%. Наибольшее число вакантных должностей находилось в паспортном отделе (54,16%), отделе службы и боевой подготовки (57,14%), отделе уголовного розыска (60%) и оперативном отделе (72,72%).

Как и ранее, сложная ситуация с кадрами оставалась в Калининградском городском управлении милиции, где за исключением политчасти, укомплектованной на 100%, все структурные подразделения имели значительный некомплект (например, отдел уголовного розыска – 35,3%, отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности – 33,33%, оперативный

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 3. Л. 84–90.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

отдел – 50%). Городские отделения милиции, подчиненные управлению, были укомплектованы на 81,33%.

Аналогичным было положение и в периферийных органах МВД Калининградской области. Так, укомплектованность двух городских отделов МВД составляла 61,6%, пяти районных отделов МВД – 64,43%, а восьми районных отделений МВД – 71,25%[1].

Серьезным кадровым вопросом, с которым столкнулось руководство Управления МВД по Калининградской области, стало прибытие на работу в область по разнарядке Отдела кадров МВД СССР значительного количества сотрудников, «склонных к аморальным проступкам, нарушениям дисциплины и другим злоупотреблениям по службе, дискредитирующим органы МВД», что позволило начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову сделать следующий вывод: «Из ряда областей на укомплектование УМВД Калининградской области были направлены в порядке отсева худшие работники»[2]. Так, начальник 1-го городского отделения милиции старший лейтенант милиции Ф. Г. Ионов, прибывший из Управления МВД по Тамбовской области, был снят с должности из-за систематического пьянства. 24 сотрудника милиции, которые прибыли из Астраханской, Воронежской и Калининской областей, в результате проверки по состоянию здоровья были признаны негодными к службе в органах МВД и направлены обратно[3]. Подобная ситуация продолжалась фактически до конца исследуемого периода[4].

Проведенная в январе 1947 г. проверка Управления МВД по Калининградской области комиссией МВД СССР выявила ряд недостатков в деятельности органов милиции: постановке агентурной и политико-воспитательной работы, а также работы с жалобами и заявлениями граждан. Кроме того, отмечалась и неудовлетворительная деятельность участковых уполномоченных.

В соответствии с приказом МВД СССР от 4 февраля 1947 г. № 00114 «О результатах проверки органов милиции УМВД по Калининградской области» заместителю министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту Б. П. Обручникову предлагалось пересмотреть штаты органов милиции Калининградской области, а также направить в область 270 человек сержантского и рядового состава милиции, «обязав в первую очередь начальников УМВД краев и областей выполнить данные им ранее разнарядки

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 112–113.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 107 об.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 107 об. – 108.

[4] Так, в докладной записке заместителя начальника Управления МВД по Калининградской области комиссара милиции 3 ранга С. И. Навалихина секретарю Калининградского областного комитета ВКП(б) П. А. Иванову от 21 марта 1947 г. № 3/0106 сообщалось об аресте начальника Раушенского городского отделения милиции капитана милиции Г. М. Орловского, исключении из партии и увольнении из органов МВД заместителя начальника Гусевского районного отдела МВД Инякина и снятии с должности начальника Правдинского районного отделения капитана Л. А. Баринова (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 15–15 об.).

ОК [Отдела кадров. – Прим. автора] МВД СССР по отправке в Калининградскую область оперативного, сержантского и рядового состава»[1].

22 февраля 1947 г. начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов направил заместителю министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту Б. П. Обручникову докладную записку с новыми проектами штатов органов милиции, предусматривающими увеличение их численности на 407 единиц. Причины увеличения, по мнению начальника Управления МВД по Калининградской области, определялись следующими особенностями области:

1) наличием благоприятных условий для роста преступности («громадное количество руин, среди которых на огромных площадях разбросаны группы [уцелевших домов. – Прим. автора], а преимущественно отдельные жилые дома; полное отсутствие уличного освещения, а зачастую и домового»);

2) проживанием на территории области немецкого населения;

3) большим количеством репатриантов среди русского населения;

4) произошедшими изменениями в административном устройстве Калининградской области[2].

Как и ранее, проекты штатов предусматривали сокращение числа городских отделений милиции в городе Калининграде с 8 до 6 с одновременным увеличением их численности до 83 человек (за счет увеличения количества участковых уполномоченных, городских милиционеров и введения ряда других должностей), расширение Черняховского и Советского городских отделов МВД за счет организации в их составе двух городских отделений милиции, создание районных отделов МВД в Правдинском и Славском районах с включением в их состав городских отделов милиции в городах Гердауен и Гросс Скайсгиррен, а также увеличение численности Балтийского городского отделения милиции[3], непосредственно подчиненного Калининградскому областному управлению милиции[4].

Однако представленные проекты вновь были реализованы. Причина подобной ситуации в архивных документах не названа, однако, по мнению автора, она связана с тем, что руководство МВД СССР уже было информировано о возможных изменениях как в системе управления областью, так и в ее административно-территориальном устройстве. Вероятно, в связи с этим руководством МВД СССР и был отложен вопрос, касающийся серьезных организационно-штатных изменений в составе Управления МВД по Калининградской области.

Вместе с тем, в структуре органов МВД Калининградской области в рассматриваемый период произошли некоторые изменения, связанные с общей тенденцией совершенствования типовой организационно-штатной структуры

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 230. Т. 3. Л. 123.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 6–7.

[3] В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 ноября 1946 г. город Пиллау был переименован в город Балтийск.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–21.

управлений МВД в административно-территориальных единицах РСФСР. Так, в соответствии с приказом МВД СССР от 23 января 1947 г. № 063 из отдела кадров была выделена особая инспекция[1], а в соответствии с приказом МВД СССР от 5 февраля 1947 г. из хозяйственного отдела – отделение фельдъегерской связи[2].

Одновременно с этим произошел и ряд сокращений в структуре органов МВД. Так, во исполнение постановления Совета министров СССР от 20 января 1947 г. совместным приказом МВД – МГБ СССР от 21 января 1947 г. № 0075/0030 все органы транспортной милиции как на железнодорожном, так и на водном транспорте были переданы в состав Министерства государственной безопасности СССР[3]. В связи с этим в подчинение Управления МГБ по Калининградской области перешли структуры транспортной милиции, а также водный отдел.

Таким образом, от момента своего создания до середины 1947 г. органы МВД Калининградской области фактически не претерпели серьезных структурных изменений. По состоянию на 1 июня 1947 г. их штатная численность (с учетом учреждений исправительно-трудовой системы, управления шоссейных дорог и ведомственной милиции[4]) составляла 4053 человека, а укомплектованность – 74,19%[5].

В рассматриваемый период в значительной степени претерпел изменения состав **войск МВД СССР**, выполняющих задачи на территории Калининградской области.

Так, из состава ***внутренних войск МВД СССР*** по состоянию на начало апреля 1946 г. на территории области находились управление 63-й стрелковой дивизии и входивший в ее состав 108-й стрелковый полк. В связи с убытием в июле 1946 г. управления дивизии в Эстонскую ССР, полк был выведен из ее состава и непосредственно подчинен Главному управлению внутренних войск МВД СССР[6]. Личный состав полка в основном привлекался к выполнению задач по борьбе с бандитизмом как на территории Калининградской области, так и в сопредельных районах Литовской ССР, а также осуществлял несение патрульной службы в Калининграде и Черняховске. В соответствии с приказом МВД СССР от 4 декабря 1946 г. полк был переформирован в 562-й отдельный

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 55.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 48.

[3] Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. С. 52.

[4] В соответствии с пунктом 22 Положения о рабоче-крестьянской милиции, утвержденного постановлением Совета народных комиссаров от 25 мая 1931 г. № 390 ведомственная милиция «наряду со специальной охраной отдельных предприятий, сооружений и имущества государственных и общественных органов, выполняет на территории охраняемых предприятий и сооружений обязанности общей милиции» (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 г. № 1–35, 37–40. Отдел первый. М.: без изд., 1931. С. 433).

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 114–115.

[6] РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 42. Л. 170.

стрелковый батальон, дислоцировавшийся в Калининграде. Однако в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 20 января 1947 г. № 101-48сс совместным приказом МВД – МГБ СССР от 21 января 1947 г. № 0074/0029 части внутренних войск МВД СССР были переданы в состав Министерства государственной безопасности СССР[1]. Полная передача батальона в состав МГБ СССР произошла в марте 1947 г.

Задачи по ***охране объектов на железных дорогах***, а также грузовых парков на станциях Литовской железной дороги, находившихся на территории Кенигсбергской области, в начале исследуемого периода выполнял 82-й полк 14-й дивизии войск МВД СССР по охране железных дорог. Полк имел в своем составе три батальона: один батальон дислоцировался в Клайпеде и выполнял задачи по охране объектов на территории Восточной Пруссии, которая отошла к Литовской ССР (округ Мемель и северная часть округа Тильзит-Рагнит), а два батальона дислоцировались на территории Кенигсбергской области[2].

В соответствии с приказом МВД СССР от 25 мая 1946 г. № 00489 к 25 июля 1946 г. полк был переформирован по новому штату: в нем осталось два батальона, один из которых выполнял задачи по охране объектов на территории Литвы, а второй – на территории Калининградской области. Кроме того, с войск была снята задача охраны грузов на станциях Калининград, Инстербург, Тильзит, Пиллау и Гердауен, которая была возложена на военизированную охрану Министерства путей сообщения СССР[3].

В декабре 1946 г. произошло слияние двух видов войск МВД СССР – войск МВД СССР по охране железных дорог и войск МВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности. На основании приказа МВД СССР от 7 декабря 1946 г. № 001083 Управление войск МВД СССР по охране железных дорог и Управление войск МВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности были объединены в одно управление, вследствие чего новые войска получили название «войска МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности»[4]. В соответствии с этим приказом в состав 14-й дивизии войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности был включен 106-й отдельный батальон, сформированный в марте 1946 г. в Кенигсберге и выполнявший задачи по охране завода № 820, находившегося в ведении 3-го Главного управления Министерства судостроительной промышленности СССР (бывшая Кенигсбергская судоверфь, принадлежавшая фирме «Schichau-Werke»).

Постепенное сокращение численности Вооруженных Сил коснулось и частей войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности. Приказом МВД СССР от 14 декабря 1946 г.

---

[1] Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. С. 91.

[2] РГВА. Ф. 38377. Оп. 1. Д. 58. Л. 140–142.

[3] РГВА. Ф. 38377. Оп. 1. Д. 56. Л. 28–28 об.

[4] История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации. Т. 4. С. 28.

№ 001145 82-й полк был расформирован[1], а охрана объектов на участке Литовской железной дороги на территории Калининградской области передана 211-му полку 14-й дивизии войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности[2].

В наименьшей степени изменения коснулись структуры ***конвойных войск МВД СССР***. 135-й отдельный батальон, входивший в состав 37-й дивизии конвойных войск МВД СССР и выполнявший задачи по охране лагерей военнопленных и интернированных на территории Кенигсбергской области, в связи с увеличением объема задач приказом МВД СССР от 4 мая 1946 г. № 00391 был переформирован в 349-й полк МВД СССР двухбатальонного состава, каждый из которых состоял из трех рот. Штатная численность полка была установлена в 953 человека[3].

Таким образом, проведенный анализ процесса формирования органов МВД на территории Калининградской области показал, что в его основе лежало создание структур МВД по типовому штату, характерному для всех управлений МВД в административно-территориальных единицах РСФСР. Вместе с тем, фактически сразу выявился недостаток введенных в действие штатов, что выразилось в невозможности полноценного функционирования некоторых структурных подразделений МВД (например, отдела пожарной охраны). Кроме того, планируемые изменения административно-территориального устройства как города Калининграда в частности, так и Калининградской области в целом вынуждали руководство Управления МВД обращаться в МВД СССР с новыми проектами штатов органов МВД и милиции, которые так и не были реализованы.

Следует отметить, что в период с апреля 1946 г. по май 1947 г. процесс создания органов МВД на территории Калининградской области постоянно сопровождался кадровым некомплектом, что было связано, прежде всего, с отсутствием в регионе источников комплектования, за исключением демобилизованных военнослужащих из частей Советской армии. Кроме того, присутствовала негативная тенденция направления на работу в Калининградскую область по разнарядке Отдела кадров МВД СССР сотрудников, которые по тем или иным моральным и деловым качествам не соответствовали предъявляемым требованиям.

Одновременно с этим в исследуемый период началась передача ряда структур МВД в ведение Министерства государственной безопасности СССР (транспортная и водная милиция, внутренние войска), что объяснялось начинавшимся процессом укрепления позиций министра государственной безопасности СССР генерал-полковника В. С. Абакумова и, как следствие, усиления роли МГБ СССР среди силовых структур. Вместе с тем, подобная передача пока еще не оказывала существенного влияния на деятельность органов МВД СССР, однако уже начинала создавать определенные трудности, особенно при выполнении задач по охране общественного порядка.

---

[1] РГВА. Ф. 38377. Оп. 1. Д. 56. Л. 67.
[2] РГВА. Ф. 38438. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–13.
[3] РГВА. Ф. 38088. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

Основные направления деятельности органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в апреле 1946 г. – мае 1947 г.

Главной особенностью деятельности органов МВД на территории Калининградской области в рассматриваемый период являлось их активное привлечение к мероприятиям по оказанию помощи чрезвычайным органам управления в осуществлении **мероприятий, направленных на интеграцию северо-восточной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза**, касающихся в основном размещения прибывающих переселенцев, фильтрации проживающих на территории области репатриантов, документирования и прописки жителей области, а также решения вопроса о пребывании в регионе немецкого населения.

Следует отметить, что деятельность органов МВД Калининградской области по подготовке к ***размещению прибывающих переселенцев*** была организована сразу же после выхода в свет постановления Совета министров СССР от 9 июля 1946 г. № 1522 «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области». В соответствии с директивой уполномоченного МВД – МГБ СССР по Калининградской области от 24 июля 1946 г. № 12 всем начальникам городских и районных отделов (отделений) МВД предлагалось ознакомиться в районных управлениях по гражданским делам с планами расселения переселенцев и разработать собственные планы мероприятий по охране общественного порядка и имущества прибывающих лиц, отразив в них:

«а) инструктаж агентуры на предупреждение случаев ограблений и обворовываний колхозников;

б) мероприятия по привлечению общественности в помощь органам МВД по охране общественного порядка в пунктах расселения переселенцев;

в) вербовку агентуры среди переселенцев с целью выявления проникших уголовных преступников и сомнительных элементов»[1].

Разработанные во исполнение этой директивы планы автором в архивах не обнаружены, однако определенные выводы о действиях органов МВД по встрече переселенцев можно сделать на основе докладных записок начальников городских и районных отделов (отделений) МВД, направленных в конце сентября – начале октября 1946 г. на имя начальника Управления МВД по Калининградской области[2].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 25.

[2] Подготовка начальниками городских и районных отделов (отделений) МВД докладных записок по вопросу учета переселенцев, прибывших на территорию области, была определена директивой начальника Управления МВД по Калининградской области от 7 сентября 1946 г. № 24, в соответствии с которой в них должны были найти отражение следующие сведения: «а) из каких областей прибыли переселенцы; б) количество прибывших семей колхозников, из них мужчин, женщин, детей; в) партийная прослойка переселенцев: количество членов ВКП(б), кандидатов [в члены партии. – Прим. автора] и комсомольцев;

Приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 20 августа 1946 г. № 73 начальникам периферийных органов МВД был доведен график прибытия эшелонов с переселенцами на железнодорожные станции области (Шталлупенен, Гумбиннен, Инстербург, Тапиау, Тарау, Гросс Раум, Левенхаген, Гердауен и Хайлигенбайль)[1]. К моменту прибытия каждого эшелона на станции выгрузки направлялись оперативные группы, состав которых определялся начальником городского (районного) отдела (отделения) МВД. Так, в состав оперативной группы Пилькалленского районного отделения МВД входили начальник и заместитель начальника отделения, в состав оперативной группы Рагнитского районного отдела МВД – три оперативных уполномоченных, а в состав оперативной группы Фишхаузенского районного отдела МВД – два оперативных и два участковых уполномоченных. В ряде случаев оперативным группам придавались военнослужащие из состава подразделений 108-го стрелкового полка внутренних войск МВД СССР. Так, в состав оперативной группы Пилькалленского районного отделения МВД входили 10 военнослужащих, а в состав оперативной группы Рагнитского районного отдела МВД – 12 солдат во главе с командиром взвода[2].

Встреча переселенцев на станциях выгрузки происходила по стандартному сценарию, который описан начальником Рагнитского районного отдела МВД подполковником В. И. Непомиловым в докладной записке начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову от 14 сентября 1946 г. № 00229:

«На станции Гумбиннен до приезда колхозников были организованы агитпункт, стол справок, медпункт, ларек с продажей продуктовых товаров по коммерческим ценам и обед по себестоимости…

Поезд… встречен духовым оркестром, в дальнейшем организованным коротким митингом и работой комиссий по регистрации всех колхозников и выдаче каждой семье ордера на дом и квартиру по новому месту жительства.

После соответствующей регистрации колхозников последние… на автомашинах были направлены к месту расселения. Скот под охраной был направлен пешим порядком»[3].

Чаще всего работа оперативных групп продолжалась в течение некоторого времени и в местах расселения колхозников. Однако, как показал анализ докладных записок начальников городских и районных отделов (отделений) МВД, их деятельность в основном сводилась к сбору информации о настроениях переселенцев, выявлению проблем со снабжением, а также оперативному реагированию на факты правонарушений.

г) количество прибывших среди переселенцев специалистов, д) количество привезенного скота и домашних животных (коров, овец, коз и др.)». Кроме того, в докладных записках необходимо было отметить настроения переселенцев, возникавшие трудности при перевозке и размещении колхозников, а также проблемные вопросы организации их снабжения (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 46).

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 4. Л. 90.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 11, 20, 27.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

Следует отметить, что масштабное привлечение органов МВД к встрече переселенцев и их размещению, произошедшее в августе – сентябре 1946 г., по мнению автора, было разовой акцией, что подтверждается полным отсутствием документов как Управления МВД по Калининградской области, так и его периферийных органов, связанным с последующим прибытием колхозников. Причина этого заключается, вероятнее всего, в том, что процесс переселения совпал по времени с моментом организации городских и районных отделов (отделений) МВД, которые не были полностью укомплектованы и, в связи с этим, не могли в полной мере обеспечить мероприятия по охране общественного порядка в сельской местности, где практически полностью отсутствовало русскоязычное гражданское население. Прибывающие в последующем в область группы колхозников в основном размещались на жительство в районах, уже занятых переселенцами и входившими в сферу ответственности участковых уполномоченных городских и районных отделов (отделений) МВД.

В исследуемый период значительное внимание органов МВД было обращено на проведение ***проверочно-фильтрационных мероприятий в отношении граждан СССР, в годы Великой Отечественной войны находившихся в немецком плену или угнанных на работы в Германию***, которые после освобождения остались на территории Калининградской области. Их первоначальная фильтрация осуществлялась в проверочно-фильтрационных лагерях, после чего лица, на которых не имелось компрометирующих данных, направлялись к местам жительства. Однако на территории северо-восточной части Восточной Пруссии проверочно-фильтрационные лагеря не создавались, а концентрация репатриантов, направляемых в СССР, осуществлялась в городе Инстербург в специальном лагере. Кроме того, именно через Инстербург проходил транзит репатриантов из Северной группы войск на территорию СССР. Все это способствовало оседанию значительной части советских граждан, не желавших по различным причинам возвращаться на родину, на территории будущей Калининградской области.

Для проведения фильтрации репатриантов приказом начальника Управления МВД по Калининградской области и начальника оперативной группы МГБ по Калининградской области от 4 июля 1946 г. № 0051/002 были сформированы областная (руководитель – заместитель уполномоченного МВД – МГБ СССР по Калининградской области подполковник С. И. Навалихин), Калининградская городская (председатель – заместитель начальника Калининградского городского управления милиции подполковник И. З. Кандауров), а также городские и районные проверочно-фильтрационные комиссии. Основной задачей комиссий являлось выявление в среде репатриантов агентуры иностранных разведывательных органов, изменников Родины, предателей, ставленников и пособников оккупантов, участников вооруженных формирований, сформированных немецким командованием из числа граждан СССР, а также участников эмигрантских националистических организаций. Порядок работы комиссий всех уровней определялся специальной инструкцией[1].

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 104–108.

Работа проверочно-фильтрационных комиссий на территории Калининградской области была начата 10 августа 1946 г.[1] Следует отметить, что первоначально составленные списки репатриантов, находившиеся в распоряжении комиссий, включали в себя 5678 человек, которые работали на 156 объектах, 98 из которых находились в системе Министерства Вооруженных сил СССР[2]. В последующем число лиц, подлежащих проверочно-фильтрационным мероприятиям, постоянно увеличивалось: так, по состоянию на 1 октября 1946 г. по учетным спискам проходило 6758 человек[3], а по состоянию на 10 декабря 1946 г. – уже 9526 человек[4].

Проверка репатриантов осуществлялась путем их вызова через начальников учреждений и организаций, в которых они работали, в проверочно-фильтрационные комиссии, где они заполняли регистрационные анкеты и проходили опрос об обстоятельствах пребывания на территории, находившейся под контролем противника. После заведения фильтрационного дела осуществлялась проверка репатрианта по оперативным учетам, а при необходимости проводился опрос свидетелей и наводились соответствующие справки. Заключительным этапом проверочно-фильтрационных мероприятий являлось вынесение заключения комиссии по фильтрационному делу репатрианта. Всем лицам, прошедшим фильтрационные мероприятия, выдавались временные удостоверения личности и запрещался выезд из района проживания сроком на 6 месяцев[5]. Выявленные в ходе проверки агенты иностранных разведок, диверсанты, террористы и участники эмигрантских националистических организаций передавались для проведения следствия в органы МГБ СССР, а предатели, изменники Родины, ставленники и пособники оккупантов, а также прочий «антисоветский элемент» – в органы МВД СССР.

Следует отметить, что активную роль в выявлении репатриантов, не вставших на фильтрационный учет, а также лиц, завербованных иностранными разведывательными и контрразведывательными органами, либо сотрудничавших в годы войны с немецкими военными и оккупационными структурами, играла формируемая агентурно-оперативная сеть. Уже к 1 декабря 1946 г. органами МВД из числа репатриантов было завербовано 26 агентов и 408 осведомителей[6].

Определенное уточнение задач в отношении работы с репатриантами как органов МВД – МГБ СССР, так и проверочно-фильтрационных комиссий было осуществлено совместным приказом МВД – МГБ СССР от 9 декабря 1946 г. № 001113/00536. Основными направлениями работы по репатриантам объявлялись:

– фильтрация не прошедших проверку репатриантов;

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 85.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 87.

– выявление репатриантов, подпадающих под действие директивы МВД СССР от 20 апреля 1946 г. № 97 с последующей их отправкой на спецпоселение[1];

– розыск репатриантов, уклоняющихся от проверки;

– разработка репатриантов – организаторов и участников бандитских формирований, бандгрупп и их пособников[2].

Проведенный анализ архивных документов показал, что в отношении значительной части репатриантов, которые проживали на территории Калининградской области, фильтрационные мероприятия были проведены уже к 10 декабря 1946 г. По данным докладной записки начальника отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области майора А. С. Слонецкого начальнику Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР генерал-лейтенанту А. М. Леонтьеву от 31 декабря 1946 г. № 1/00607 проверочно-фильтрационными комиссиями было проверено 6998 репатриантов (73,46% от количества, находящегося на учете), из которых на оперативный учет взято 320 человек (в том числе по агентурным делам[3] – 5, по делам-формулярам[4] – 28, по учетным делам[5] – 95, по списочному учету – 192)[6]. В ходе проверки было выявлено и арестовано 42 человека, в том числе два агента германских и один агент румынских разведывательных органов, 4 агента немецкой контрразведки, 9 пособников оккупантов, 8 полицейских, 14 изменников Родины, а также 4 репатрианта, совершивших уголовные преступления[7].

В связи с тем, что территория области была отнесена к запретной пограничной зоне, распоряжением начальника Управления МВД по Калининградской области от 7 января 1947 г. № 1/0038 были определены следующие действия в отношении лиц, прошедших проверку:

---

[1] В соответствии с директивой МВД СССР от 20 апреля 1946 г. № 97 направлению на спецпоселение на срок 6 лет подлежали следующие категории лиц, на которых не имелось материалов об их активной антисоветской деятельности: «а) все лица, служившие в немецкой армии, немецких строевых формированиях и командный состав трудовых формирований; б) лица, служившие в РОА – «власовцы», казачьих формированиях, так называемых национальных легионах, «украинских частях», «белорусской краевой обороне» и других, принимавших участие в борьбе против Красной армии; в) все полицейские, уходившие с отступающими немецкими войсками» (Цит. по: История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. С. 485).

[2] Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952. М.: Блок-Принт, 2023. С. 181.

[3] Агентурное дело – дело оперативного учета, которое заводилось на группу лиц, либо отдельное лицо, вокруг которого группировался преступный элемент.

[4] Дело-формуляр – дело оперативного учета, заводившееся на отдельное лицо в связи с имеющимися в его отношении сведениями, которые давали основание подозревать его в преступной деятельности.

[5] Учетное дело – дело оперативного учета, заводившееся на лицо, связанное с лицами, разрабатываемыми по агентурным делам, либо по делам-формулярам.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 85.

[7] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 87.

а) репатриантам, в отношении которых нет компрометирующих материалов, – выдать паспорта и разрешить проживание в Калининградской области, проверочно-фильтрационные дела направить в 1-й спецотдел Управления МВД по Калининградской области для хранения в архиве;

б) репатриантам, в отношении которых добыты компрометирующие материалы, требующие дальнейшей агентурной разработки, – выдать паспорта, оставив их на оперативном учете в органах МВД или МГБ, проверочно-фильтрационные дела передать в органы, ведущие разработку;

в) репатриантам, в отношении которых добыты компрометирующие материалы, требующие уточнения, а также проходящим по розыскным циркулярам и алфавитным спискам 1-го спецотдела МВД СССР и 2-го управления МГБ СССР, – паспорта не выдавать, а временные удостоверения продлить до получения данных проверки, проверочно-фильтрационные дела оставить в органах, проводящих проверку;

г) репатриантам, имеющим компрометирующие материалы о наличии судимости, а также относящихся к категории «социально-вредного и опасного элемента», подпадающего под ограничения, предусмотренные приказом НКВД СССР от 27 декабря 1940 г. № 0555[1], – выдавать паспорта с указанием статьи ограничения и выдворять с территории Калининградской области в избранный район жительства с изъятием подписки об обязательной явке по прибытии в органы МВД.

Выдворению из Калининградской области без выдачи паспортов, с заменой ранее выданных временных удостоверений на подписку о немедленном выезде из области и фильтрационные удостоверения с указанием избранного места жительства и места прибытия, подлежали репатрианты, в отношении которых в процессе проверки или агентурной разработки были добыты компрометирующие материалы, недостаточные для ареста и не подпадающие под ограничения (лица, добровольно выехавшие с отступающими немецкими войсками, лица без определенных занятий, ведущих «сомнительный» образ жизни, содержатели притонов, а также лица, связанные с преступным элементом)[2].

Проведение проверочно-фильтрационных мероприятий в отношении репатриантов в полном объеме в исследуемом периоде не было завершено. Деятельность проверочно-фильтрационных комиссий продолжилась в последующем и завершилась только к началу 1950 г.[3]

---

[1] Пункт 13 Инструкции по применению Положения о паспортах, утвержденного постановлением СНК ССР от 10 сентября 1940 г. № 1667, утвержденной приказом НКВД СССР от 27 декабря 1940 г. № 0555, определял категории лиц, не имеющих права проживать в режимных местностях 1-й и 2-й категорий.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 21. Л. 41–42.

[3] Так, по состоянию на 1 января 1950 г. в Калининградской области было учтено 11 612 репатриантов, из которых в отношении 11 434 человек (98,46%) были закончены проверочно-фильтрационные мероприятия и вынесены заключения проверочно-фильтрационными комиссиями. По результатам проверки 7070 репатриантов (61,85%) получили паспорта с разрешением проживания на территории области, 1155 человек (13,59%)

Важными мероприятиями по интеграции северной части территории германской провинции Восточная Пруссия в состав СССР являлись ***документирование и прописка всего населения***, проживающего на территории Калининградской области, которые осуществлялись в соответствии с пунктом 3 постановления Совета министров СССР от 21 июня 1946 г. № 1298 «О мероприятиях по хозяйственному устройству Кенигсбергской области». Изданный 12 июля 1946 г. начальником Калининградского областного управления по гражданским делам приказ № 258/71 уточнял, что все лица, проживавшие на территории области, в срок до 1 октября 1946 г. были обязаны пройти перерегистрацию с пропиской в населенных пунктах. Кроме того, одновременно с пропиской всем гражданам СССР должны были быть выданы паспорта, а немцам старше 16 лет – временные удостоверения на русском и немецком языках. Въезд в Калининградскую область осуществлялся только по пропускам, которые выдавались органами милиции по месту жительства, а членам семей военнослужащих – по разрешениям, выдаваемым должностными лицами от командира соединения и выше. Лица, находившиеся на территории области без пропусков или разрешений, подлежали немедленному удалению[1].

На следующий день – 13 июля 1946 г. – начальником Управления МВД по Калининградской области был издан приказ № 033, уточнивший задачи начальникам Калининградского городского управления милиции, а также городских и районных отделов (отделений) МВД по документации и прописке населения[2].

Проведение мероприятий по документированию и прописке населения предполагалось начать с 1 августа 1946 г. По предварительным данным, документирование и прописка должны были охватить 142 126 человек, проживавших на территории Калининградской области (граждан СССР – 43 599 человек, репатриантов – 10 536, немцев – 87 991 человек). Вместе с тем, как отметил начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов в докладной записке министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову от 9 октября 1946 г. № 001421, мероприятия по документированию и прописке были начаты лишь 10 августа 1946 г. «вследствие непредвиденных трудностей в развертывании подготовительных мероприятий… по линии гражданского управления (несвоевременное изготовление печатей и штампов, прописного материала, переименования улиц и населенных пунктов)»[3].

получили паспорта с правом проживания на территории области, однако их фильтрационные дела были сданы для дальнейшей разработки в органы МВД, МГБ и отделы контрразведки МГБ, 2564 репатрианта (22,42%) были выдворены за пределы области, а 254 человека (2,14%) – арестованы органами МВД, МГБ и отделами контрразведки МГБ. Кроме того, в процессе фильтрации были выявлены 109 репатриантов, подпадающих под действие директивы МВД СССР от 20 апреля 1946 г. № 97, из которых 69 человек – направлены к местам спецпоселения в Мурманскую и Новосибирскую области (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 233).

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 4. Л. 83–84.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 62–64.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 125.

Несмотря на определенные недостатки, обнаруженные комиссиями Управления МВД по Калининградской области в ходе проверки периферийных органов МВД[1], документирование и прописка населения были завершены к 1 октября 1946 г. Согласно данным, представленным начальником Управления МВД по Калининградской области генерал-майором Б. П. Трофимовым министру внутренних дел генерал-полковнику С. Н. Круглову в докладной записке от 9 октября 1946 г. № 001421, на территории Калининградской области получили документы и были прописаны 170 990 человек, в том числе взрослых граждан СССР – 54 394 человека, взрослых немцев – 73 316 человек, детей до 16-летнего возраста – 43 280 человек[2].

Проведенные документирование и прописка населения показали численное преобладание в области немецкого населения. Так, по состоянию на 1 октября 1946 г. численность немцев составляла 90 991 человек (53,21%). В области проживало 49 547 русских (28,97%), 9973 украинца (5,83%), 9224 белорусов (5,4%), 1480 евреев (0,86%), 376 поляков (0,21%), 234 литовца (0,13%) и 9165 представителей других национальностей (5,39%)[3].

Вместе с тем, документирование и прописка населения все же не смогли охватить всех лиц, проживавших на территории Калининградской области. Так, по данным временно исполняющего обязанности начальника пограничных войск МВД Литовского округа полковника Г. М. Головкина начальнику Калининградского областного управления по гражданским делам В. А. Борисову и начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову по состоянию на 10 ноября 1946 г. в городе Тильзите и его окрестностях из 40 тыс. жителей имели паспорта и прописку всего лишь 3600 человек[4].

Уже в ходе мероприятий по документированию и прописке населения органами МВД стали проводиться выборочные проверки домовладений и предприятий, направленные на выявление нарушителей паспортного режима. Так, в соответствии с приказанием начальника Управления МВД по Калининградской области от 21 сентября 1946 г. № 19 вечером 23 сентября 1946 г. в Калининграде была проведена проверка документов у всего населения (как русскоязычного, так и немецкого), проживающего на территории 4-го и 8-го городских отделений милиции, путем сверки паспортов с записями в домовых книгах[5]. Всего же в ходе подобных проверок, проведенных

[1] Результаты проверки работы городских и районных отделов (отделений) МВД по документированию и прописке населения отражены в приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 26 августа 1946 г. № 049 «О результатах проверки выполнения приказа УМВД по Калининградской области № 033 от 13 июля 1946 г.» (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 91–93).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 125.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

[4] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 169.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 7. Л. 45.

в различных районах области в период с 23 по 23 сентября 1946 г., было выявлено и оштрафовано 124 нарушителя паспортного режима[1].

Одновременно с документированием и пропиской органами МВД проводилась и оперативная работа среди населения. Так, в результате выдачи паспортов на оперативный учет было взято 300 человек, на которых имелись компрометирующие материалы, а также выявлено 686 немцев, которые ранее состояли в НСДАП и являлись членами различных нацистских организаций[2].

Значительное внимание уделялось выявлению лиц, незаконно проникших на территорию Калининградской области. Так, в докладной записке министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову от 9 октября 1946 г. № 001421 начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов отмечал, что в ходе опроса лиц, не имевших документов на право пребывания в области, было установлено, что железнодорожными кассами ряда регионов СССР беспрепятственно продаются билеты в Калининград, так как их работники не знают о том, что область отнесена к запретной пограничной зоне. В результате проведения мероприятий по документированию и прописке населения к 1 октября 1946 г. органами МВД был выявлен и удален за пределы Калининградской области 61 человек, имевший паспортные ограничения и не имевший права проживания в режимных местностях 1-й и 2-й категорий, а 539 человек, незаконно прибывшие в пределы области, получили предписания о выезде за ее пределы в течение 24 часов[3].

В последующем было осуществлено определенное ужесточение порядка прописки граждан, прибывающих на жительство в город Калининград без установленных документов. Так, если решение вопроса о прописке в городах областного подчинения Черняховске и Советске, а также в районах области принималось начальниками городских или районных отделов (отделений) МВД, то в областном центре, в соответствии с распоряжением начальника Управления МВД по Калининградской области от 15 января 1947 г. № 3, решение вопроса о прописке граждан, прибывших без пропусков и командировочных удостоверений, возлагалось только на начальника Калининградского городского управления милиции майора И. Е. Пчелкина, а в случае его отсутствия – на его заместителя[4].

Проверке состояния паспортного режима после проведенных мероприятий по документированию и прописке населения со стороны руководства Управления МВД по Калининградской области уделялось значительное внимание. Уже 25 октября 1946 г. вышел приказ начальника Управления МВД по Калининградской области № 073, в котором на начальников органов МВД и милиции возлагалась обязанность «систематически проводить контрольные проверки домовладений, учреждений и предприятий и по выявленным фактам проживания граждан без прописки и другим нарушениям паспортного режима

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 126–127.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 12. Л. 6–6 об.

наказывать участковых уполномоченных и начальников паспортных столов, не обеспечивших контроля за соблюдением паспортного режима». На начальника паспортного отдела Калининградского областного управления милиции майора милиции А. М. Барановского возлагалась задача систематической проверки состояния паспортного режима во всех районах области[1]. Так, проведенная в феврале 1947 г. проверка работы 7-го городского отделения милиции Калининграда (начальник – старший лейтенант милиции А. А. Мозговой) выявила, что участковыми уполномоченными в течение месяца не было проверено ни одного домовладения на предмет выявления нарушителей паспортного режима, несмотря на то, что на обслуживаемой территории находилось большое количество нелегальных ночлежек и притонов. За этот же период не было проведено ни одной контрольной проверки домовладений и работниками паспортного стола. Комиссия отметила и недостаточную работу участковых уполномоченных с осведомителями: от 53 лиц, находившихся на списочном учете, в течение двух месяцев не было ни одного сообщения о нарушителях паспортного режима[2].

В отдельных случаях органами МВД проводились и сплошные проверки городов с целью выявления лиц, которые не имели права проживания в запретной пограничной зоне. Так, в соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 28 апреля 1947 г. № 0058 в Калининграде была проведена «сплошная проверка всех гостиниц, ресторанов, пивных, чайных, рынков и других мест общего пользования, а также разрушенных зданий, бомбоубежищ, подвалов, чердаков, садов и пустырей» с одновременной проверкой документов у гражданских лиц и военнослужащих как на улицах города, так и в жилых домах[3]. К проверке привлекался личный состав городских отделений милиции, Калининградского городского и Калининградского областного управлений милиции, а также воинских частей Калининградского гарнизона общей численностью 573 человека. Наибольшая плотность личного состава создавалась на участках 6-го, 7-го и 8-го городских отделений милиции, расположенных на окраинах города[4].

Наличие большого количества немецкого населения на территории Калининградской области, его неудовлетворительное материально-бытовое положение, приводившее к росту преступности, тесные контакты прибывающего русскоязычного населения с ним вызывали обеспокоенность со стороны руководства области. Несмотря на то, что вопрос о полном выселении немцев из Калининградской области еще не был решен[5], органами МВД в первой

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 143–143 об.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 35–36.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 95.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 96.

[5] Так, на заседании областного партийно-хозяйственного актива в марте 1947 г. на вопрос одного из участников «Скоро ли мы от них [немцев] избавимся?», секретарь Калининградского областного комитета ВКП(б) П. А. Иванов ответил: «Это вопрос не областного значения. Этот вопрос мне не удалось решить даже в Москве» (В начале нового

половине 1947 г. был начат ***процесс отправки части немецкого населения в советскую зону оккупации Германии***. Поводом для него послужило обращение группы немцев в Консульское бюро Советской военной администрации в Германии с просьбой разрешить к ним переезд членов семей, проживавших на территории Калининградской области, о котором 31 января 1947 г. министр внутренних дел СССР генерал-полковник С. М. Круглов сообщил министру иностранных дел СССР В. М. Молотову, полагая возможным удовлетворить его[1].

В соответствии с директивой заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника И. А. Серова от 14 февраля 1947 г. № 2/85 все заявления немцев, которые проживали в советской зоне оккупации Германии, содержащие просьбы о переезде к ним членов их семей, передавались начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову. На него же возлагалось оповещение указанной категории немцев, а также оказание им содействия в выезде из Калининградской области организованным порядком. Для беспрепятственного пересечения государственной границы СССР и проезда по территории Польши до советской зоны оккупации Германии отправляемым лицам выдавались справки[2].

Распоряжением начальника Управления МВД по Калининградской области от 22 февраля 1947 г. № 10 «О мероприятиях по выдаче разрешений немцам на выезд в советскую зону оккупации Германии» был определен перечень документов, представляемых немцами, желающими выехать из Калининградской области, а также порядок выдачи справок на выезд. Решение об их выдаче принималось начальником Управления МВД по Калининградской области генерал-майором Б. П. Трофимовым или его заместителем комиссаром милиции 3 ранга С. И. Навалихиным[3].

Выдача справок на выезд немецкого населения была начата Управлением МВД по Калининградской области со 2 апреля 1947 г. В этот день документ получили 16 немцев[4]. К концу апреля их число возросло до 265 человек[5]. Процесс выдачи справок продолжался до конца июня 1947 г.

Следует отметить, что в отечественной историографии считается, что справки на выезд в советскую зону оккупации Германии в первой половине 1947 г. получили 3390 немцев. Впервые эта цифра была введена в научный оборот доктором исторических наук, профессором Ю. В. Костяшовым со ссылкой на «Книгу выдачи справок немцам на выезд в советскую зону оккупации Германии в апреле – июне 1947 г.», находящуюся на хранении в архиве

пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 346).

[1] Маркин Д. Г. Проблема выезда немецкого населения из Калининградской области накануне переселения 1947–1948 годов. С. 8.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1395. Л. 209.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 12. Л. 14–14 об.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

Управления МВД России по Калининградской области[1]. В последующем эта цифра неоднократно упоминалась в других работах[2].

Вместе с тем, проведенный анализ материалов, находящихся на хранении в отделении специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий отдела оперативно-розыскной и архивной информации информационного центра Управления МВД России по Калининградской области, позволяет уточнить цифру, введенную в научный оборот Ю. В. Костяшовым. Действительно, в «Книгу выдачи справок немцам на выезд в советскую зону оккупации Германии в апреле – июне 1947 г.»[3] внесено 3390 человек, однако напротив некоторых фамилий имеются рукописные пометки – «умер», «убыл», «не выдавать», «получил», «не читать», «вписано вторично», «здесь», а одна фамилия вычеркнута. Проведенный анализ записей показал, что подобные пометки находятся напротив фамилий 36 человек. Таким образом, в соответствии с «Книгой выдачи справок немцам на выезд в советскую зону оккупации Германии в апреле – июне 1947 г.», заявления на выезд подали 3354 человека. При этом только напротив 209 фамилий находятся личные подписи, свидетельствующие о получении справки на выезд. Кроме того, в документах Управления МВД России по Калининградской области находится еще одна «Книга выдачи справок»[4], в которую в алфавитном порядке включены 2836 немцев (в основном жителей Калининграда), персональные данные которых не содержатся в первой книге. Таким образом, общее число немцев, подавших заявления на выезд в советскую зону оккупации Германии в апреле – июне 1947 г., составляет 6190 человек, что достаточно близко с данными немецкого историка В. Фробарта, который утверждает, что по данным Управления МВД по Калининградской области к 10 июня 1947 г. в органы МВД поступило 6526 подобных заявлений[5].

Следует отметить, что определить фактическое число немцев, выехавших из Калининградской области в первой половине 1947 г., не представляется возможным. Так, в работе калининградских исследовтелей А. В. Филатова и В. Н. Пацериной содержится утверждение о том, что из Калининградской области выехало незначительное количество немцев и «сколько их было, не представляется возможным выяснить, однако по устным сведениям сотрудниц архива [Управления МВД России по Калининградской области. – Прим. автора] лишь немногие из записанных в книгу фактически получили документ, разрешающий выезд»[6].

---

[1] Костяшов Ю. В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы. С. 187.

[2] Например: Очерки истории Восточной Пруссии. С. 463; Маркин Д. Г. Проблема выезда немецкого населения из Калининградской области накануне переселения 1947–1948 годов. С. 18.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 18.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 19.

[5] Frobarth V. Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion, 1945–1990: Mit einer analytischen Betrachtung des Kaliningrader Gebiet in der Politik Russlands, 1991–2000. S. 145.

[6] Цит. по: Филатов А. В., Пацерина В. Н. Население Северо-восточной Пруссии после Второй мировой войны. Правовой анализ. Ч. 1. Переселение или изгнание? Правовые предпосылки и последствия. С. 128.

Подобные утверждения справедливо и обоснованно опровергаются в статье Д. Г. Маркина[1]. Единственным документом, который позволяет приблизительно оценить эту цифру, является докладная записка начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора Б. П. Трофимова заместителю министра внутренних дел СССР генерал-полковнику И. А. Серову от 19 мая 1947 г. № 00598, в которой указано, что из 5017 поступивших заявлений было выдано разрешение на выезд всего 760 немцам. При этом отмечалось, что «в первую очередь разрешения на выезд выдаются немцам, не имеющим определенных занятий и не занятым общественно-полезным трудом»[2].

30 апреля 1947 г. начальником Управления МВД по Калининградской области генерал-майором Б. П. Трофимовым была направлена докладная записка № 00515 на имя министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова, в которой отражались результаты выдачи справок немецкому населению на выезд в советскую зону оккупации Германии, а также была дана характеристика положения немцев, проживающих на территории области. В качестве вывода генерал-майор Б. П. Трофимов указывал: «Наличие немецкого населения разлагающе действует на наиболее неустойчивую часть не только гражданского советского населения, но и военнослужащих большого количества частей советской армии и флота, расположенных в области, и способствует массовому распространению венерических заболеваний.

Наличие немецкого населения также способствует развитию шпионажа в результате внедрения немцев в быт советских людей путем широкого использования их в качестве низкооплачиваемой или вообще бесплатной прислуги.

Учитывая, что наличие немецкого населения, как указано выше, отрицательно влияет на освоение новой советской области, считаю целесообразным поставить вопрос об организованном переселении немцев в советскую зону оккупации Германии»[3].

Этот документ послужил основой для сообщения министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова заместителю председателя Совета министров СССР В. М. Молотову от 30 мая 1947 г., в заключении которого отмечалось, что «МВД СССР считает целесообразным переселить организованным порядком проживающих в Калининградской области немцев в советскую зону оккупации Германии»[4]. В связи с этим выдача разрешений немцам на выезд в советскую зону оккупации Германии с конца июня 1947 г. была прекращена до вынесения решения Советом министров СССР по вопросу о полном переселении немецкого населения из Калининградской области.

Особое место в деятельности органов МВД в период функционирования чрезвычайных органов управления на территории Калининградской области

---

[1] Маркин Д. Г. Проблема выезда немецкого населения из Калининградской области накануне переселения 1947–1948 годов. С. 18–19.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 20 об.

[4] Цит. по: Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 170.

занимала **борьба с бандитизмом**[1], которая возлагалась на отдел по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области, а также уполномоченных по борьбе с бандитизмом в городских и районных отделах (отделениях) МВД, выполнявших следующие задачи:

– изучение оперативной обстановки;

– выявление баз бандформирований и каналов проникновения бандэлемента на территорию области;

– организация оперативных учетов и выявления объектов активной разработки;

– организация работы по изъятию незаконно хранящегося оружия и выявления каналов его приобретения преступным элементом; розыск складов с вооружением и боеприпасами, оставленных немецким командованием для снабжения диверсионно-разведывательных групп;

– создание агентурного аппарата;

– ведение агентурно-следственных мероприятий по уголовным делам, связанным с бандитизмом[2].

Вместе с тем, из-за малочисленности структур по борьбе с бандитизмом[3], к выполнению этой задачи активно привлекались органы милиции. В связи с этим в соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 30 декабря 1946 г. № 00116 руководство, контроль и оказание практической помощи в проведении мероприятий по борьбе с бандитизмом возлагались на следующие структуры:

– отдел уголовного розыска Калининградского областного управления милиции – Черняховский и Советский городские отделы МВД;

– отдел уголовного розыска Калининградского городского управления милиции – городские отделения милиции города Калининграда;

– отдел по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области – все остальные городские и районные отделы и отделения МВД[4].

---

[1] В рассматриваемый период бандитизм относился к особо опасным преступлениям против порядка управления, заключавшимся в «организации вооруженных банд и участии в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановках поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи» (ст. 59-3 Уголовного кодекса РСФСР) (Уголовный кодекс РСФСФ редакции 1926 года. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 45).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

[3] Так, по состоянию на 15 августа 1946 г. штатная численность отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области и его периферийных структур (старшие оперуполномоченные и уполномоченные городских и районных отделов (отделений) МВД) составляла 42 человека. При этом в штатах Хайлигенбайльского, Кройцбургского, Фридландского, Даркеменского, Пилькалленского, Хайнрихсвальдского и Лабиауского районных отделений МВД должностей, ответственных за борьбу с бандитизмом, не было (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 3. Л. 27–35; Д. 14. Л. 1).

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 212–213.

Следует отметить, что значительная часть операций, направленных на ликвидацию бандитских групп, действовавших на территории Калининградской области в рассматриваемый период, проводилась при участии подразделений 108-го стрелкового полка внутренних войск МВД СССР. Так, только с июля по ноябрь 1946 г. в результате 52 совместных операций была прекращена деятельность 16 бандгрупп общей численностью 53 человека, а также 20 бандитов-одиночек. В ходе операций был убит один бандит, задержано 72 члена бандгрупп, 5 пособников, а также 4 дезертира из воинских частей Советской армии, которые находились в розыске[1].

Значительное место в борьбе с бандитизмом уделялось агентурно-осведомительной сети, численность которой постоянно увеличивалась. Так, если по состоянию на 1 июля 1946 г. численность агентуры, используемой в интересах отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области, составляла всего 12 человек[2], то уже 1 октября 1946 г. в агентурно-осведомительной сети состояло 86 человек (4 резидента, 4 агента и 78 осведомителей)[3], а 1 февраля 1947 г. – 203 человека (10 резидентов, 17 агентов и 176 осведомителей)[4].

Так, при помощи агентов «Уварова», «Петрова», «Ивановой» и «Поповой» 21 июля 1946 г. в городе Тапиау была пресечена деятельность бандгруппы И. Н. Федосеева, в которую входили военнослужащие и работники военного колхоза № 17, совершившие ряд вооруженных грабежей в мае – июне 1946 г.[5], а при помощи агента «Рабкор» 25 августа 1946 г. сотрудниками Тапиауского районного отдела МВД были задержаны члены бандгруппы К. С. Ивлева, которые под видом сотрудников контрразведки приходили в квартиры и производили обыски, в результате которых отбирали нужные им вещи[6].

В отдельных случаях в качестве осведомителей использовались и немцы. Так, 24 ноября 1946 г. сотрудниками Полесского районного отделения МВД при помощи осведомителя «Оленкаф» были задержаны военнослужащие войсковой части 49719 сержант Л. И. Линючев, сержант Ю. Ф. Колча и старший сержант И. Н. Картышкин, совершившие вооруженное ограбление квартиры работницы рыбного завода Феоктистовой[7].

В ряде случаев розыск членов банд выходил за пределы района места совершения преступления. Так, 13 июля 1946 г. на железнодорожной станции

---

[1] Из лиц, задержанных в ходе указанных операций, 30 человек (37,03%) оказались военнослужащими различных частей Советской армии, расквартированных на территории Калининградской области, 15 человек (18,51%) – рабочими, 11 человек (13,58%) – служащими, 9 человек (11,11%) – «деклассированным элементом»). Национальный состав задержанных: русские – 47 (58,02%), украинцы – 9 (11,11%), немцы – 7 (8,64%), белорусы – 5 человек (6,17%) (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 30–31, 61, 65–66, 71, 91–91 об.).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 51–52.

[7] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 92–93.

Калининград были задержаны трое подозрительных граждан, которые в момент обыска в комнате дежурного линейного отдела совершили нападение на наряд транспортной милиции и скрылись. В последующем один из преступников – П. А. Киселев – был задержан в Калининграде. Распоряжением уполномоченного МВД – МГБ СССР по Калининградской области генерал-майора Б. П. Трофимова от 17 июля 1946 г. № 1/0053 всем начальникам городских и районных отделов (отделений) МВД было предписано организовать розыск и задержание членов бандгруппы с привлечением агентурно-осведомительной сети. В результате преступники В. И. Малофеев и В. С. Гайфудинов, вооруженные двумя пистолетами «Парабеллум» с 85 патронами, были задержаны в товарном поезде на станции Кайшядорис Литовской железной дороги[1].

В связи с увеличением числа бандитских проявлений в конце 1946 г. начальник Управления МВД по Калининградской области приказом от 30 декабря 1946 г. № 001116 определил ряд мероприятий, направленных на усиление борьбы с бандитизмом:

«а) При проведении мероприятий по ликвидации бандитов… максимально использовать личный состав органов, войск МВД и милиции…

б) Усилить агентурно-оперативные мероприятия по обслуживанию вероятных мест укрытия и скопления бандитов, грабителей и других уголовников, обратив особое внимание на притоны и населенные пункты, расположенные на границах административных делений.

в) Развернуть активную агентурную разработку легализованных бандитов, бывших уголовных преступников, отбывших сроки наказания или освобожденных по амнистии, своевременно пресекая малейшие попытки к возобновлению ими преступной деятельности.

г) Проводить систематическую работу по выявлению, розыску и задержанию всех нелегалов и бежавших с мест заключения и ссылки.

д) Учесть места дислокации воинских гарнизонов, особенно отдельных мелких команд (подразделений), и через командование соответствующих частей – соединений – округов, отделы контрразведки МГБ и через местные партийные органы принимать меры, исключающие проявления бандитизма и других уголовных преступлений со стороны преступного элемента из числа военнослужащих.

е) Усилить работу по выявлению и изъятию незаконно хранящегося оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, привлекая виновных к уголовной ответственности.

ж) Следственную работу направлять на полное выявление соучастников и пособников преступного элемента, принимая меры к немедленной реализации добытых данных.

з) В каждом населенном пункте, сельской местности при помощи партийных и советских органов создать бригады содействия»[2].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 34; Д. 5. Л. 1, 4.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 213–214.

Вместе с тем следует отметить, что проводимые органами МВД мероприятия по борьбе с бандитизмом в рассматриваемый период определенных успехов не достигли. Причина этого заключалась в том, что подавляющее большинство преступлений, совершаемых бандитскими группами, сформированными как из жителей Калининградской области, так и прибывших из других районов СССР, носило характер вооруженных нападений с целью завладения личным или общественным имуществом. Проводимые органами МВД мероприятия фактически не затрагивали основной причины формирования подобных групп – неблагополучного материально-бытового положения жителей области. В силу этого фактически сразу на месте ликвидированных банд появлялись новые, совершавшие аналогичные преступления.

Деятельность органов МВД Калининградской области по **борьбе с уголовной и экономической преступностью** в рассматриваемый период была в основном направлена на повышение уровня оперативной работы в целях предупреждения и своевременного раскрытия преступлений и недопущения формирования преступных группировок. В этой связи особое внимание уделялось ***формированию агентурно-осведомительного аппарата***, который в результате реорганизации аппарата уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии оказался разделенным между структурами МВД и МГБ.

Следует отметить, что данных о количестве агентуры, находившейся в ведении Управления МВД по Кенигсбергской области на момент его формирования в архивных документах автором не обнаружено. Впервые сведения о численности агентурно-осведомительного аппарата приводятся в докладной записке начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора Б. П. Трофимова министру внутренних дел генерал-полковнику С. Н. Круглову от 15 октября 1946 г. № 001440, касающейся результатов работы Управления за третий квартал 1946 г., в которой указано, что по состоянию на 1 октября 1946 г. численность агентурно-осведомительной сети составляла 1115 человек (в том числе 20 резидентов, 57 агентов и 1088 осведомителей)[1].

В последующем численность агентуры постоянно росла. Так, данные статистической формы № 4 «Сведения о численности и движении агентурно-осведомительной сети органов милиции» за февраль – май 1947 г. свидетельствуют о том, что рост агентурно-осведомительной сети составил 36,8% (в том числе по резидентам – 40,74%, по агентам – 11,47%, по агентам-маршрутникам – 26,66%, по осведомителям – 37,95%) (приложение 5).

Наибольшее количество агентуры действовало в интересах отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, что объяснялось необходимостью оперативного обслуживания значительного количества хозяйственных объектов. Так, с февраля 1947 г. по июнь 1947 г. рост численности агентурно-осведомительного аппарата, используемого в противодействии экономической преступности, составил 41,98% (в том числе по резидентам – 63,15%, по агентам – 58,33%, по агентам-маршрутникам – 36,36%, по осведомителям – 40,7%). По состоянию на 1 июня 1947 г. наибольшее

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

количество агентуры было сосредоточено на противодействии спекуляции (24,94%), обслуживании совхозов, колхозов и машинно-тракторных станций (17,04%), а также предприятий пищевой промышленности (13,43%). Кроме того, в распоряжении отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности находилось 5 конспиративных квартир.

В результате улучшения качества агентурно-оперативной работы только в первом квартале 1947 г. отделом по борьбе с хищениями социалистической собственности Калининградского городского управления милиции была пресечена деятельность нескольких преступных формирований на предприятиях города[1]. Кроме того, в период с 1 января по 1 июня 1947 г. на основании донесений агентурно-осведомительной сети было заведено 35 агентурных дел с охватом 97 человек, 7 дел-формуляров и 139 учетных дел[2].

В свою очередь, в подразделениях уголовного розыска, несмотря на увеличение численности агентурно-осведомительного аппарата за период с февраля по май 1947 г. на 32,98%, все же отмечался его недостаток. В основном деятельность агентуры была направлена на выявление преступников, которые совершали имущественные преступления – воров и грабителей (81,13% от всей агентуры по состоянию на 1 июня 1947 г.), а также на оперативное обслуживание вероятных мест их пребывания и укрытия (8,97%). Причиной этого было то, что директива начальника Управления МВД по Калининградской области от 11 марта 1947 г. № 3 особое внимание уделяла выявлению, учету и разработке 51 притона, находившегося в Калининграде, Советске и Черняховске, являвшихся «очагами различных уголовных формирований, убежищем скрывающихся преступников, местом укрытия награбленного и похищенного имущества». В каждый притон предполагалось ввести агентурный аппарат и организовать его частую перепроверку с целью систематической разработки мест сосредоточения преступного элемента. При обнаружении в них лиц, уличенных в совершении преступлений или представляющих оперативный интерес, сотрудники уголовного розыска должны были проводить их задержание с одновременным привлечением к уголовной ответственности содержателей притонов как укрывателей и пособников преступников[3].

В результате использования агентурно-осведомительной сети активизировалась работа подразделений уголовного розыска, направленная на выявление и пресечение деятельности преступных групп, занимавшихся воровством, грабежом и разбойными нападениями. Так, сотрудниками 7-го городского отделения милиции Калининграда по агентурным данным была задержана группа лиц без определенных занятий, совершившая 7 ноября 1946 г. хищение продуктов из магазина № 4 на сумму около 10 тыс. рублей, а 11 ноября

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 91–92.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 9, 21, 22. По состоянию на 1 июня 1947 г. в подразделениях по борьбе с хищениями социалистической собственности в разработке находилось 72 агентурных дела с охватом 198 человек, 17 дел-формуляров и 258 учетных дел (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 24).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 13. Л. 4–4 об.

1946 г. – хищение консервов из чайной № 3 на сумму 15 тыс. рублей[1]. Всего же с 1 января по 1 июня 1947 г. по донесениям агентурно-осведомительной сети было заведено 26 агентурных и 119 учетных дел[2].

Следует отметить, что помимо агентурно-осведомительной сети к борьбе с уголовной преступностью в исследуемый период активно привлекалась и ***общественность***. Так, в соответствии с директивой начальника Управления МВД по Кенигсбергской области от 26 июня 1946 г. № 9 на начальников городских и районных отделов (отделений) МВД была возложена задача организации на всех крупных предприятиях, находившихся на обслуживаемой территории, бригад содействия милиции[3]. Кроме того, большую помощь сотрудникам уголовного розыска оказывали колхозники и школьники. Так, 25 января 1947 г. при активной помощи колхозников колхоза имени М. И. Калинина (Приморский район) сотрудниками Приморского районного отдела МВД были задержаны два дезертира Советской армии, которые похитили у колхозников несколько голов скота, а также совершили убийство колхозника в районе поселка Рудау[4]. 25 апреля 1947 г. при помощи школьника А. В. Степанова из колхоза имени И. В. Сталина (Черняховский район) сотрудниками Черняховского городского отдела МВД были разоблачены и задержаны трое преступников, совершившие нападение на колхозников-переселенцев с целью грабежа[5].

Органами МВД уделялось серьезное внимание и ***профилактике уголовной преступности***, основным элементом которой являлись участковые уполномоченные. Директива начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 июля 1946 г. № 10 запрещала начальникам городских и районных отделов (отделений) МВД, а также их заместителям по милиции использовать не по назначению участковых уполномоченных, на которых возлагалась следующая задача: «В кратчайший срок взять на списочный учет весь уголовно-преступный элемент, места сборищ, притоны, шинки и лиц, ведущих подозрительный образ жизни, установив за последними через агентурно-осведомительную сеть и доверенных лиц систематическое наблюдение. Эти мероприятия должны являться мерой предупреждения готовящихся преступлений и способствовать быстрейшему раскрытию совершаемых преступлений в районах»[6].

Рост преступности вызвал существенное увеличение объема ***следственной работы***, выполняемой органами милиции. Так, по состоянию на 1 июля 1946 г. в следствии находилось 189 уголовных дел, по которым были привлечены к ответственности 347 человек[7]. В рассматриваемый период,

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 207.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 9, 21, 22. По состоянию на 1 июня 1947 г. в подразделениях уголовного розыска в разработке находилось 48 агентурных дел с охватом 59 человек, а также 229 учетных дел (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 24).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д, 5. Л. 19.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 8.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 119.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 23.

[7] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

по данным статистической формы № 6 «Цифровые сведения об итогах оперативно-следственной работы органов милиции», было возбуждено 2753 уголовных дела, по которым привлечены к ответственности 3764 человека, в том числе по линии отдела уголовного розыска – 1686 уголовных дел (2158 человек), по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности – 931 уголовное дело (1443 человека), по линии других отделов – 136 уголовных дел (163 человека). Кроме того, следственными органами было вновь возбуждено 9 уголовных дел из числа приостановленных, 32 уголовных дела поступило по подследственности из других органов, а 181 уголовное дело было возвращено на доследование. Таким образом, в производстве следственных органов милиции в июле 1946 г. – мае 1947 г. находилось 3164 уголовных дела, по которым привлечены к ответственности 4471 человек.

Следует отметить, что проведение следственной работы в исследуемый период постоянно сопровождалось недостатками, отмеченными в обзоре 1-го спецотдела Управления МВД по Калининградской области от 10 декабря 1946 г. в отношении Советского городского отдела МВД, Гусевского районного отдела МВД, а также 2-го, 4-го и 6-го городских отделений милиции Калининграда: «Начальники указанных подразделений, несмотря на ряд директивных указаний начальника УМВД по Калининградской области по этому вопросу, еще до сего времени самоустраняются от следственной работы, слабо контролируют и недостаточно оказывают практическую помощь по следствию оперативному составу. Все это привело к тому, что в указанных органах МВД и милиции до сего времени допускаются грубые нарушения процессуальных норм…, а также в силу недоброкачественного расследования… из числа законченных следственных дел и направленных по подсудности в суды и прокуратуры 15–20% были возвращены последними на доследование»[1].

В связи с этим директивой начальника Управления МВД по Калининградской области от 11 декабря 1946 г. № 41 начальникам отделов Калининградского областного управления милиции, начальникам городских и районных отделов (отделений) МВД и их заместителям по милиции в целях устранения указанных недостатков в следственной работе предлагалось:

«а) не позднее 1 января 1947 года пересмотреть лично все имеющиеся в производстве следственные дела, дав по ним конкретные указания…;

в) взять под личный контроль качественное расследование и оформление следственных дел, не допуская нарушений в регистрации их, соблюдение норм УПК и революционной законности;

г) впредь, периодически, не реже одного раза в неделю производить проверку состояния следственной работы у каждого работника, ведущего расследование дел и оформление по ним документов (постановление на арест, избрание меры пресечения, предъявление обвинения, признание и сдачу вещественных доказательств и т. д.)»[2].

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 81.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 80.

Однако принимаемые меры не смогли в полном объеме изжить нарушения процессуальных норм при ведении следствия, что в сочетании с общим увеличением числа возбужденных уголовных дел значительно увеличивало нагрузку на следственные органы (таблица 9).

Таблица 9

Количество уголовных дел, находившихся в производстве следственных органов милиции Управления МВД по Калининградской области в июле 1946 г. – мае 1947 г.[1]

Период	По линии отдела уголовного розыска	По линии ОБХСС	По линии других отделов
Июль 1946 г.	174	109	33
Август 1946 г.	190	97	22
Сентябрь 1946 г.	200	91	16
Октябрь 1946 г.	214	123	17
Ноябрь 1946 г.	266	148	19
Декабрь 1946 г.	311	212	25
Январь 1947 г.	342	284	29
Февраль 1947 г.	431	283	31
Март 1947 г.	558	287	31
Апрель 1947 г.	674	357	43
Май 1947 г.	654	364	44

Результаты следственной работы в рассматриваемом периоде были значительны. Так, за июль 1946 г. – май 1947 г. было направлено в судебные органы 1821 завершенное следствием уголовное дело (57,55% от числа находившихся в производстве), по которым привлечен к ответственности 2781 человек, в том числе: по линии отдела уголовного розыска – 1093 уголовных дела, по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности – 597 уголовных дел, по линии других отделов – 131 уголовное дело.

По линии отдела уголовного розыска наиболее эффективно следствие проводилось по уголовным делам по фактам бандитизма (100% завершенных уголовных дел), хищения огнестрельного оружия и боеприпасов (100%), карманных краж (100%), хулиганства (88,6%) и нарушения паспортного режима (87,57%). Низкой была раскрываемость уголовных дел по фактам скотокрадства (53,6%), пожаров (50%), поджогов (50%), абортов (37,5%), а также умышленных убийств (30,23%).

Достаточно высокой была раскрываемость экономических преступлений. Так, следствием было завершено и передано в судебные органы 100% уголовных дел, возбужденных по фактам нарушения правил о валютных операциях, 84,21% уголовных дел, связанных с нарушениями правил торговли, 83,33% уголовных дел по хозяйственным преступлениям и взяткам, а также 82,44% уголовных дел по фактам спекуляции. Кроме того, в ходе ликвидации преступных групп подразделениями по борьбе с хищениями социалистической собственности было

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

изъято денежных средств на сумму 159 566 рублей, 9 кг золота, иностранной валюты на сумму 91 432 рубля, 6679 кг хлебопродуктов, 191 кг масла, 205 кг мяса и мясопродуктов, других продовольственных товаров на сумму 285 414 рублей, а также промышленных товаров на сумму 81 394 рубля[1].

Вместе с тем, по состоянию на 1 июня 1947 г. в производстве следственных органов милиции продолжало оставаться 638 уголовных дел, по которым были привлечены к ответственности 684 человека, в том числе по линии отдела уголовного розыска – 393 уголовных дела, по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности – 220 уголовных дел, по линии других отделов – 25 уголовных дел. Среди незавершенных следствием дел наибольшее число составляли: по линии отдела уголовного розыска – уголовные дела по фактам краж с применением технических средств (201 уголовное дело, или 51,14% от числа дел, оставшихся в следствии), скотокрадства (45 уголовных дел, или 11,45%), умышленных убийств (30 уголовных дел, или 7,63%%), а по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности – уголовные дела по фактам краж из государственных и общественных складов (105 уголовных дел, или 47,72%), должностных преступлений (43 уголовных дела, или 19,54%), присвоений и растрат (33 уголовных дела, или 15%)[2].

Борьба с уголовной преступностью находились в тесной связи с выполнением органами МВД задач по **охране общественного порядка и личной безопасности граждан**. С 25 июля 1946 г. на основании совместного приказа начальника Управления МВД по Калининградской области и военного коменданта Калининграда № 0064 в городе была введена постовая служба милиции, на которую, совместно с комендантскими военными патрулями, возлагалась задача охраны общественного порядка[3].

Однако уже через месяц после введения постовой службы в ходе проверки качества ее организации, проведенной Управлением МВД по Калининградской области, были выявлены серьезные недостатки. Так, из 64 установленных наружных и внутренних постов охрана была выставлена только на 42 (65,62%), инструктаж милиционеров перед заступлением на пост проводился нерегулярно, а в городских отделениях милиции отсутствовали графики проверки постов[4]. Приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 27 августа 1946 г. № 050 на начальника Калининградского городского управления милиции майора И. Е. Пчелкина возлагалась задача к 31 августа 1946 г. обеспечить выставление охраны на всех постах, установленных дислокацией, а на начальников городских управлений милиции – организовать строгий контроль за несением службы постовыми милиционерами[5].

Помимо организации постовой службы директивой начальника Управления МВД по Калининградской области от 21 сентября 1946 г. № 32

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 127.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 94.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 94 об.

вводилось периодическое патрулирование в районах Калининграда, неблагополучных по криминогенной обстановке. Начальниками патрулей, формируемых из личного состава 108-го стрелкового полка внутренних войск МВД СССР, назначались офицеры Калининградского областного и Калининградского городского управлений милиции, а также городских отделений милиции. На патрули, которые несли службу с 21.00 до 3.00, возлагались задачи охраны общественного порядка (задержание нарушителей порядка, уголовных преступников, хулиганов и т. д.) и контроля за несением службы постовыми милиционерами на наружных постах[1].

Выход в свет директив министра внутренних дел СССР от 19 ноября 1946 г. № 270 и от 29 ноября 1946 г. № 280[2] потребовал от руководства Управления МВД по Калининградской области принятия специальных мер, направленных на усиление охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью. Так, в соответствии с приказами начальника Управления МВД по Калининградской области от 26 ноября 1946 г. № 0098 и от 7 декабря 1946 г. № 00101 были проведены следующие мероприятия:

а) в наиболее неблагополучные по криминогенной обстановке Советский, Черняховский, Гурьевский и Гусевский районы были откомандированы оперативные группы под руководством сотрудников Управления МВД по Калининградской области и Калининградского областного управления милиции;

б) сформирована оперативная группа под руководством заместителя начальника Калининградского областного управления милиции – начальника отдела уголовного розыска майора милиции А. М. Степанова с целью обеспечения взаимодействия с начальниками городских и районных отделов (отделений) МВД, обслуживаемая территория которых прилегала к областному центру, руководством железнодорожной и водной милиции, а также осуществления агентурно-оперативных мероприятий по обслуживанию шоссейных дорог Калининградской области;

в) в целях усиления охраны общественного порядка к патрулированию в городе Калининграде привлечено 87 офицеров и солдат из состава 108-го стрелкового полка внутренних войск МВД СССР, 82-го полка и 106-го отдельного батальона войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности, а также 39 офицеров из отделов

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 60.

[2] В целях усиления борьбы с уголовной преступностью и улучшения охраны общественного порядка директивами министра внутренних дел СССР от 19 ноября 1946 г. № 270 и от 29 ноября 1946 г. № 280 предписывалось увеличить в 2 раза численность наружных постов по каждому городу; ввести патрулирование в районах, с неблагоприятной криминогенной обстановкой, в ночное время; увеличить число обходов подведомственной территории участковыми уполномоченными; привлечь бригады содействия милиции к патрулированию в общественных места;, для поддержания общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью в сельской местности использовать все имеющиеся в наличии силы и средства органов МВД (управления и отделы Управлений МВД, органы милиции, войска МВД, тюрьмы, исправительно-трудовые колонии и т. д.) (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 231. Т. 3. Л. 36–42).

Управления МВД по Калининградской области, тюрьмы № 1 и лагерей МВД № 455 и № 533;

г) за счет привлечения бригад содействия милиции произведено усиление наружных постов милиции в районах Калининграда с неблагоприятной криминогенной обстановкой[1].

В результате проведенных мероприятий в декабре 1946 г. в Калининграде, Советске и Черняховске выставлялось 53 постоянных и 112 сменных постов (увеличение по сравнению с ноябрем 1946 г. на 28,9%), а также выделялось 110 патрулей (увеличение на 86,44%), численностью 254 человека. Кроме того, к несению патрульной службы привлекались 70 членов бригад содействия милиции[2]. Подобные усиленные меры охраны общественного порядка сохранялись до конца февраля 1947 г.

Проведенный анализ докладных записок начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора Б. П. Трофимова министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову позволяет констатировать, что в результате выполнения мероприятий по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью, были достигнуты некоторые положительные результаты. Так, за период с начала декабря 1946 г. по середину февраля 1947 г. по неполным данным было предупреждено 15 преступлений, раскрыто 83 преступления из числа ранее совершенных, изъято 206 единиц оружия, выявлено 1348 нарушителей паспортного режима, из которых 289 было удалено за пределы Калининградской области, 29 – привлечены к уголовной, а 312 – к административной ответственности. Кроме того, за это время было организовано 56 бригад содействия милиции общей численностью 443 человека[3]. Вместе с тем, рост уголовной преступности, произошедший в весенние месяцы 1947 г., показал преждевременность снятия усиленных мер, связанных с обеспечением охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью.

Важным направлением деятельности органов МВД в рассматриваемый период являлась **организация пожарной охраны**, которая возлагалась на отдел пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области, Калининградское городское управление пожарной охраны, пожарных инспекторов, входивших в состав каждого городского и районного отдела (отделения) МВД, а также на городские пожарные команды.

Пожарные инспекторы подбирались из лиц офицерского состава со средне-специальной пожарно-технической подготовкой и опытом практической работы. На них возлагалась задача противопожарного обследования всех действующих в городах и районах промышленных предприятий, государственных учреждений, больниц, школ, колхозов, совхозов, подсобных хозяйств и других объектов[4].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 128; Оп. 3. Д. 3. Л. 186–187.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 129; Д. 6. Л. 2, 6, 8–9.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 64.

Несмотря на то, что директива начальника Управления МВД по Калининградской области от 15 ноября 1946 г. № 37 категорически запрещала использование пожарных инспекторов на различных работах в городских и районных отделах (отделениях) МВД, не связанных с исполнением их прямых служебных обязанностей[1], практика показала, что в основном пожарные инспекторы привлекались начальниками органов МВД к выполнению не свойственных им задач. Так, например, в ходе проверки, проведенной в мае 1947 г., было выявлено, что районные пожарные инспекторы Черняховского городского отдела МВД, Гвардейского районного отдела МВД, Правдинского и Славского районных отделений МВД в командировках находились от 7 до 12 дней в месяц, вследствие чего противопожарная агитация на предприятиях, в учреждениях и колхозах этих районов велась в недостаточном объеме, а работа с существующими добровольными пожарными дружинами не проводилась[2].

Непосредственным тушением пожаров занимались городские пожарные команды, формирование которых началось с августа 1946 г. Их большая часть создавалась на базе принятых от управлений по гражданским делам трофейной противопожарной техники и вооружения, личного состава и помещений, а также финансировалась из местного бюджета. К 1 июня 1947 г. на территории Калининградской области действовали 12 городских пожарных команд: четыре – в Калининграде, по одной – в городах Советск, Черняховск, Гусев, Гвардейск, Правдинск, Нахимовск[3], Славск и Раушен. Общая штатная численность городских пожарных команд составляла 223 человека, а списочная – 145 человек, в том числе 89 русских и 72 немца. На вооружении команд находилась отремонтированная трофейная противопожарная техника, а также отечественные грузовые автомашины[4].

Следует отметить, что деятельность городских пожарных команд постоянно вызывала серьезные нарекания со стороны надзорных органов. Так, военный прокурор Калининградского гарнизона подполковник юстиции П. И. Дунаевский в своем отношении начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову от 18 ноября 1946 г. отмечал следующие причины, способствовавшие несвоевременному тушению продолжавшегося более пяти часов пожара жилого дома на улице Монтажной в городе Калининград, принадлежащего 7-му аэродромно-строительному полку: отсутствие телефонной связи с пожарной командой, техническая неисправность всех пожарных автомашин и отсутствие в них воды, необходимой для тушения пожара[5].

Широкое распространение пожаров на территории Калининградской области, недостаточные меры оперативного реагирования на них, низкий

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 71.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 132.

[3] Название города Зеленоградск в период с ноября 1946 г. по июль 1947 г.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

[5] В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 270–271.

уровень следственной работы по пожарам и поджогам привели к тому, что приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 27 января 1947 г. № 07 все лица, виновные в возникновении пожаров, должны были привлекаться к уголовной или административной ответственности в зависимости от степени виновности[1]. Вместе с тем, как показывают материалы справки начальника отдела пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области подполковника Н. А. Иванова от 30 мая 1947 г., принимаемые меры не могли существенно повлиять на снижение числа пожаров в регионе. Так, в исследуемый период на территории Калининградской области произошел 191 пожар, в ходе которого было уничтожено 26 промышленных зданий, 45 подсобных помещений, 131 жилой дом, 32 т зерна, 85 т сена и соломы. Общая сумма причиненного ущерба составила 1 976 904 рубля. Основными причинами пожаров являлись неисправность приборов отопления (49 случаев, или 25,65%), поджоги (46 случаев, или 24,08%), неисправность электрооборудования (36 случаев, или 18,84%) и халатность в обращении с огнем (32 случая, или 16,75%). Однако за возникшие пожары и невыполнение требований пожарной безопасности в период с 1 августа 1946 г. по 30 мая 1947 г. было привлечено к уголовной ответственности и осуждено всего 6 человек, а 37 человек – оштрафовано на сумму 14 300 рублей[2].

Единственный выход из создавшейся ситуации начальник отдела пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области подполковник Н. А. Иванов видел в организации подразделений военизированной пожарной охраны. Однако данный вопрос, поставленный как перед руководством МВД СССР, так и перед заместителем председателя Совета министров СССР Л. П. Берия, в рассматриваемый период разрешения не получил.

Таким образом, проведенный анализ основных направлений деятельности органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в период функционирования чрезвычайных органов управления показал, что основное внимание было уделено мероприятиям, направленным на интеграцию региона в состав Советского Союза: документированию и прописке населения, проверке паспортного режима, решению вопросов переселения части немецкого населения в советскую зону оккупации Германии. Кроме того, на начальном этапе переселения колхозников на территорию Калининградской области органы МВД осуществляли охрану общественного порядка в местах их расселения, а также выявляли проблемные вопросы, связанные с материальным и бытовым обеспечением переселенцев, с целью их направления для рассмотрения и разрешения в Управление по гражданским делам Калининградской области.

Вместе с тем, деятельность органов МВД по борьбе с бандитизмом, уголовной и экономической преступностью, охране общественного порядка, несмотря на некоторые успехи, нельзя признать в полной мере удовлетворительной. В связи с тем, что органы МВД Калининградской области находились в стадии формирования, профилактическая работа среди населения

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 17–17 об.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 36.

по предупреждению преступности фактически не проводилась. В силу этого деятельность органов МВД по борьбе с преступностью можно охарактеризовать как «ситуативное реагирование» на уже совершенные преступления.

Кроме того, в рассматриваемый период серьезно снизилось участие войск МВД СССР, дислоцируемых на территории Калининградской области, в мероприятиях, проводимым органами МВД. Это объяснялось, прежде всего, существенным уменьшением их численности в регионе, а также передачей частей внутренних войск МВД СССР в состав МГБ СССР, последовавшей в начале 1947 г. В связи с этим возникла необходимость эпизодического привлечения к мероприятиям, проводимым органами МВД подразделений войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности (например, выделение небольшого количества личного состава для участия в мероприятиях по охране общественного порядка в конце 1946 г. – начале 1947 г.).

Функционирование пенитенциарной системы на территории Калининградской области

Основной тенденцией развития пенитенциарной системы в исследуемый период являлось, прежде всего, ее расширение за счет формирования новых учреждений, контингент которых предполагалось использовать для работ по восстановлению различных (в том числе и промышленных) объектов в Калининградской области. Если ранее пенитенциарные учреждения, созданные на территории Восточной Пруссии, использовались в основном для проведения следственной работы, направленной на выявление лиц, которые вели подрывную деятельность против советских войск и оккупационных властей, то после создания полноценных структур МВД на территории Кенигсбергской области начался процесс их переформатирования в учреждения, использующие труд контингента в интересах как органов МВД, так и других министерств и ведомств, осуществлявших хозяйственную деятельность.

Руководство учреждениями пенитенциарной системы было сосредоточено в нескольких структурных подразделениях Управления МВД по Кенигсбергской (Калининградской) области – тюремном отделе, отделе исправительно-трудовых колоний, отделе по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, а также в отделе по делам военнопленных и интернированных.

В ведении тюремного отдела по состоянию на июнь 1946 г. находились две **тюрьмы** – в городах Кенигсберг (тюрьма № 1) и Инстербург (тюрьма № 2), которые использовались для содержания лиц, находящихся под следствием, а также осужденных. Изученные автором документы свидетельствуют, что как в оборудовании зон и внутренних помещений тюрем, так и в системе охраны продолжали иметь место те же недостатки, что и в предшествующий период. В циркуляре министра внутренних дел от 29 июня 1946 г. № 2/201 неудовлетворительное состояние тюрем на территории области объяснялось следующими причинами:

«1) отсутствие спецпроверки личного состава, в результате чего среди личного состава тюрем имеются невыявленные сомнительные лица, главным образом из числа принятых на работу во время войны;

2) среди отдельных работников тюрем имеются разложившиеся и совершающие уголовные преступления, борьба с которыми ведется совершенно недостаточная;

3) охрана тюрем и внутренний режим не организованы в строгом соответствии с положениями и приказами МВД СССР;

4) надзирательский состав тюрем, в военный период укомплектованный из числа военнослужащих войск НКВД СССР, откомандированных на укомплектование органов, в результате совершенно недостаточной разъяснительной работы до сих пор считает себя находящимся во временной командировке и ждет демобилизации или откомандирования обратно в войска»[1].

Наиболее неблагополучное положение дел сложилось в Инстербургской тюрьме № 2, которая в июле 1946 г. была проверена начальником тюремного отдела Управления МВД по Калининградской области майором М. Т. Соколовым, а в октябре 1946 г. – представителями тюремного отдела МВД СССР[2]. Проверки выявили большое количество недостатков в режиме охраны и содержания заключенных, однако особую тревогу вызывала крайне неудовлетворительная постановка агентурно-осведомительной работы. Так, в докладной записке начальника тюремного отдела Управления МВД по Калининградской области майора М. Т. Соколова уполномоченному МВД – МГБ по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову от 7 августа 1946 г. указывалось, что из 43 общих камер (в которых находилось от 6 до 80 человек) только 15 были закрыты секретным осведомлением и противопобеговой агентурой, донесения которой не имели никакой практической ценности[3]. Все эти недостатки способствовали тому, что число побегов из тюрем было достаточно высоким: так, только за девять месяцев 1946 г. из тюрем Кенигсберга и Инстербурга совершили побег 25 заключенных[4].

Вместе с тем, несмотря на отмеченные недостатки, именно тюрьмы в 1946 г. стали одним из основных источников выделения рабочей силы для производства хозяйственных работ в интересах органов МВД. Так, в связи с необходимостью срочного проведения работ по подготовке и введению в эксплуатацию зданий Управления МВД по Кенигсбергской области распоряжением генерал-майора Б. П. Трофимова от 22 июня 1946 г. № 12 разрешалось привлечение к строительным работам расконвоированных заключенных Кенигсбергской тюрьмы. Временная инструкция устанавливала следующий порядок их использования:

1) все расконвоированные заключенные числятся за тюрьмой № 1 и в свободное от работы время содержатся в тюрьме;

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 112.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 165–165 об.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–43; Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 165 об.

2) рабочий день – ежедневно с 8.00 до 20.00 (кроме выходных дней);

3) в случае неявки расконвоированного заключенного в тюрьму дежурный помощник начальника тюрьмы немедленно докладывает оперативному дежурному Управления МВД по Кенигсбергской области, который принимает необходимые меры к розыску заключенного;

4) ответственные лица объектов, на которых работают расконвоированные заключенные, контролируют их работу и о всех нарушениях письменно ставят в известность начальника тюрьмы, а в случае задержки заключенных на работах – дежурного помощника начальника тюрьмы;

5) в целях недопущения проноса в тюрьму или выноса из тюрьмы запрещенных предметов или переписки проводится обыск; при обнаружении запрещенных предметов заключенный на работу не выпускается;

6) расконвоированные заключенные содержатся в отдельной камере, не поддерживая связей с другими заключенными[1].

Следует отметить, что объем восстановительных работ был настолько большим, что уже 28 июня 1946 г. при тюрьме № 1 было сформировано строительное отделение из 300 заключенных, которые использовались на работах в интересах хозяйственного отдела Управления МВД по Кенигсбергской области[2]. В отделение отбирались лица, осужденные по бытовым статьям на сроки не свыше пяти лет, не склонные к побегам, первой и второй категории трудоспособности[3].

В связи с созданием исправительно-трудовых колоний на территории Калининградской области тюрьмы постепенно сокращали объем выделения заключенных на работы. Кроме того, на основании приказа МВД СССР от 29 января 1947 г. № 0096 все тюрьмы области получили статус следственных. В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 8 февраля 1947 г. № 0018 в области находились следующие следственные тюрьмы: тюрьма № 1 (город Калининград) с лимитом наполнения 1325 человек, тюрьма № 2 (город Черняховск) с лимитом наполнения 1000 человек и тюрьма № 3 (город Гвардейск)[4] с лимитом наполнения 1000 человек[5]. Штат

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 2. Л. 13.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 59.

[3] В соответствии с приказом НКВД СССР от 29 мая 1944 г. № 00640 «О мероприятиях по дальнейшему улучшению физического состояния заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» устанавливалось четыре трудовые категории заключенных: первая категория (группа «А») – годные к выполнению тяжелых физических работ, вторая категория (группа «Б») – годные к выполнению работ средней физической тяжести, третья категория (группа «В») – годные к выполнению легких физических работ, четвертая категория (группа «Г») – инвалиды (лица, совершенно непригодные к физическому труду) (История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания. М.: РОССПЭН, 2004. С. 517).

[4] Тюрьма № 3 в городе Гвардейск была создана на базе расформированной детской трудовой колонии на основании приказа начальника Управления МВД по Калининградской области от 28 декабря 1946 г. № 130 (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 4. Л. 157).

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 27.

каждой тюрьмы состоял из руководства, оперативной части, охраны, пожарной охраны, канцелярии, библиотеки, финансовой и хозяйственной частей[1].

Приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 20 февраля 1947 г. № 016 устанавливал прикрепление районов области к следственным тюрьмам:

– к тюрьме № 1 – город Калининград, Приморский, Гурьевский и Ладушкинский районы, а также Балтийское городское отделение милиции;

– к тюрьме № 2 – Черняховский, Гусевский, Озерский, Нестеровский, Краснознаменский, Советский районы и город Советск;

– к тюрьме № 3 – Гвардейский, Полесский, Славский, Правдинский и Багратионовский районы.

В соответствии с приказом все начальники городских и районных отделений МВД, а также начальники городских отделений милиции города Калининграда к 1 марта 1947 г. должны были передать всех арестованных из КПЗ в прикрепленные тюрьмы[2].

Имеющиеся в открытом доступе документы не дают возможности рассмотреть мероприятия, проведенные руководством тюремного отдела Управления МВД по Калининградской области, направленные на улучшение режима охраны и содержания заключенных в тюрьмах. Вместе с тем, следует отметить, что основное внимание было уделено повышению качества функционирования агентурно-осведомительной сети среди заключенных, направленной на выявление сведений о положении в тюрьмах, а также предупреждение побегов. Так, если по состоянию на 1 февраля 1947 г. не было закрыто агентурным осведомлением 37,93% общих камер, то к 1 июня 1947 г. число общих камер, в которых не имелось осведомителей, составило всего 16,66%. Кроме того, была развернута агентурно-осведомительная сеть и на тюремных подсобных хозяйствах: на отдельных из них число осведомителей достигало 23% от количества находившегося контингента (данные по тюрьме № 1 по состоянию на 1 июня 1947 г.). Благодаря данным агентурно-осведомительной сети тюрем Калининградской области за период с февраля по май 1947 г. было предотвращено две попытки к побегу (тюрьма № 1 и тюрьма № 3)[3].

Основным элементом пенитенциарной системы, контингент которого использовался для восстановления как объектов МВД, так и народного хозяйства, являлись контрагентские **исправительно-трудовые колонии**[4], находившиеся в ведении отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области.

Первой колонией на территории области стала ИТК № 1, сформированная в Калининграде приказом начальника Управления МВД по Калининградской

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 51–53.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 31.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 19, 21, 25.

[4] Контрагентские исправительно-трудовые колонии – учреждения, в которых заключенные использовались на работах на предприятиях и стройках в системе различных министерств и ведомств на договорной основе.

области от 12 августа 1946 г. № 0071. Лимит колонии устанавливался в 500 человек, которые отбирались в тюрьмах из числа осужденных по бытовым статьям на срок не свыше пяти лет. Контингент колонии предполагалось использовать на строительных работах хозяйственного отдела Управления МВД по Калининградской области[1]. Штат колонии включал в себя руководство, канцелярию, цензорскую и почтово-посылочную часть, часть учета и распределения заключенных, культурно-воспитательную часть, часть общего снабжения, бухгалтерию, производственно-плановую часть, а также санчасть и насчитывал 118 человек[2]. Охрану заключенных на объектах работ, а также в зоне колонии обеспечивал сформированный дивизион военизированной охраны.

Вместе с тем, уже первая проверка ИТК № 1 со стороны представителей ГУЛАГа МВД СССР, проведенная в начале октября 1946 г., выявила ряд крупных недостатков как в организации охраны и режима заключенных, так и в организации выполнения работ. Так, в сентябре 1946 г. подавляющее большинство контингента (54,9%) трудилось на объектах хозяйственного отдела Управления МВД по Калининградской области, а также использовалось на внутрилагерных работах. Некоторая часть заключенных в незначительном количестве выводилась на работы на пять объектов, занимаясь выполнением «случайных и мелких работ», а почти треть контингента колонии вообще никак не использовалась[3].

Подобная практика привела к тому, что производственно-хозяйственная деятельность отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области по результатам 1946 г. была признана убыточной. Участники производственно-хозяйственного совещания при начальнике отдела на заседании 27 февраля 1947 г. отметили, что причина убытков (333 тыс. рублей, в которые входили неоплаченные счета большинства контрагентов за предоставление рабочей силы на сумму 128 тыс. рублей) заключалась в отсутствии у колонии постоянного контрагента и, как следствие, использовании труда заключенных на работах у различных организаций[4].

Несмотря на неудачное начало функционирования исправительно-трудовых колоний руководство Управления МВД по Калининградской области, продолжило создание новых объектов. Только за январь – апрель 1947 г. на территории области были сформированы следующие колонии:

– исправительно-трудовая колония № 2 при тресте «Неманлес» с лимитом наполнения в 300 человек (поселок Минхенвальде Полесского района);

– сельскохозяйственная исправительно-трудовая колония № 3 с лимитом наполнения в 750 человек (поселок Тильзивишкен Советского района);

– сельскохозяйственная исправительно-трудовая колония № 4 с лимитом наполнения в 400 человек (поселок Зофиенберг Правдинского района);

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 138.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 4. Л. 9–10.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 114.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

– исправительно-трудовая колония № 5 с лимитом наполнения в 500 человек (город Калининград)[1].

Помимо исправительно-трудовых колоний в области были сформированы два отдельных лагерных пункта (ОЛП), контингент которых использовался на работах только на одном хозяйственном объекте:

– отдельный лагерный пункт № 1 с лимитом наполнения в 1000 человек при вагоностроительном заводе Министерства транспортного машиностроения в городе Калининграде;

– отдельный лагерный пункт № 2 с лимитом наполнения в 1000 человек при авторемонтном заводе № 44 автомобильного управления Прибалтийского военного округа в поселке Домтау Багратионовского района[2].

Кроме того, в период с февраля по апрель 1947 г. в состав учреждений, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, входила Калининградская пересыльная тюрьма[3], созданная с целью обеспечения быстрого направления осужденных в исправительно-трудовые колонии и лагеря, которые находились за пределами области. При ней с 20 февраля 1947 г. был организован сборно-пересыльный пункт, где содержались лица из числа выявленных репатриированных граждан, подлежащих направлению на спецпоселение[4].

Общая численность заключенных, находящихся в исправительно-трудовых колониях и отдельных лагерных пунктах на территории Калининградской области, по состоянию на 1 мая 1947 г. составила 2712 человек[5]. Вместе с тем, продолжал сохраняться низкий уровень вывода заключенных на работы, что отражалось на производительности труда. Так, в мае 1947 г. в ОЛП № 2 на работы был выведен всего 51% контингента, в ОЛП № 1 – 51,6%, а в ИТК № 1 – 61,7%[6]. Основной причиной подобной ситуации являлось отсутствие тесного взаимодействия администрации исправительно-трудовых учреждений с контрагентскими организациями, а также большой объем работ внутрилагерного характера.

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 16, 20, 95.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 42; Д. 10. Л. 94.

[3] Калининградская пересыльная тюрьма была сформирована на основании приказа начальника Управления МВД по Калининградской области от 4 февраля 1947 г. № 0011. В штат тюрьмы, объявленный тем же приказом, входили: руководство, административно-хозяйственная часть, учетно-распределительная часть, группа кадров, культурно-воспитательная часть, цензорская и почтово-посылочная часть, часть общего снабжения, санчасть, финчасть, часть этапирования и часть надзирательской службы (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 13–14). В соответствии с письмом ГУЛАГ МВД СССР от 24 марта 1947 г. № 9/65501 приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 28 апреля 1947 г. № 058 пересыльная тюрьма, как не отвечающая требованиям приказов МВД СССР, была реорганизована в ИТК № 5 (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 95).

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 39.

[5] По состоянию на 1 мая 1947 г. в учреждениях, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, содержалось: в ИТК № 1 – 463, в ИТК № 2 – 280, в ИТК № 3 – 205, в ИТК № 4 – 52, в ИТК № 5 – 503, в ОЛП № 1 – 895 и в ОЛП № 2 – 414 человек (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 3. Л. 79).

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 3. Л. 80.

В отдельных учреждениях на тяжелых работах использовались все имевшиеся категории заключенных. Так, комиссия отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области при проверке ИТК № 2 в апреле 1947 г. выявила случаи неправильного использования контингента: лица, отнесенные к третьей категории (годные к выполнению легких физических работ), направлялись на работы на лесоповал и вывоз леса, а инвалиды четвертой категории использовались на общих работах в течение всего дня. Комиссией было установлено, что в результате неправильного использования труда заключенных численность лиц, относящихся к третьей категории, увеличилась с 75 до 115 человек, а лиц четвертой категории – с 6 до 41 человека.

В связи с этим начальник отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области капитан М. М. Перегудов на совещании у заместителя начальника Управления МВД по Калининградской области полковника М. Ф. Тихомирова был вынужден признать, что «положение в ИТК № 2 угрожающее, требующее принятия самых решительных мер: или вывод из ИТК № 2 ослабленного и инвалидного контингента (70–80 чел.) и замена его полноценным контингентом, или совершенно закрыть эту точку, тем более, что договор с трестом «Неманлес» до сих пор юридически не оформлен»[1].

На производительность труда серьезное влияние оказывала и бытовая неустроенность заключенных. Несмотря на проводимые руководством исправительно-трудовых учреждений мероприятия, направленные на улучшение быта контингента, до конца исследуемого периода продолжали сохраняться случаи неполноценного и некачественного питания, неполной санитарной обработки как помещений, так и заключенных, отсутствия вещевого и постельного имущества. По состоянию на 1 мая 1947 г. в четырех из семи объектов, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, не были обеспечены установленные приказами МВД СССР нормы полезной жилплощади для заключенных в 2 м^2: так, в ОЛП № 2 она составляла 1,5 м^2, в ИТК № 1 – 1,4 м^2, в ОЛП № 1 – 1,3 м^2, а в ИТК № 3 – 1 м^2. Ни в одном из учреждений контингент не был полностью обеспечен постельными принадлежностями: в ИТК № 1 обеспеченность составляла 79%, в ИТК № 2 – 86%, в ИТК № 3 – 60%, в ИТК № 4 – 40%, в ИТК № 5 – 58%, в ОЛП № 1 – 40%, в ОЛП № 2 – 60%[2].

Условия труда и размещения заключенных в различных учреждениях, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, были практически одинаковы. Комиссия под руководством заместителя начальника Управления МВД по Калининградской области полковника М. Ф. Тихомирова следующим образом охарактеризовала положение в ИТК № 2 в феврале 1947 г.: «Выводимые заключенные на работы по лесоповалу на месте горячую пищу не получают, имея 10-часовой перерыв в приеме пищи. Кипятка на месте работ и в общежитии не имеется.

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 3. Л. 79.

Прикроватных тумбочек, столов и табуреток в общежитии нет. Контроля со стороны вольнонаемного состава за кухней не ведется. Дифференцированное питание не налажено и вместо трехразового питания введено двухразовое, хотя продукты на складе имеются в достаточном количестве. Зона захламлена разными отбросами, внутри нее размещены инструменталка и контора колонии. Штрафной изолятор не соответствует предъявленным к нему требованиям. Заключенные не разбиты по категорийности труда. Культурно-воспитательная работа не ведется»[1]. Аналогичные условия были и в других исправительно-трудовых колониях и отдельных лагерных пунктах.

Кроме того, стремление руководства тюрем передать в исправительно-трудовые учреждения любой контингент (в том числе и больных), а также недостаточность питания привели весной 1947 г. к появлению среди заключенных таких заболеваний как алиментарная дистрофия, цинга и авитаминоз. Резко увеличилась и смертность контингента: так, в марте 1947 г. умерли 12 человек, а в апреле 1947 г. – 17 человек[2].

Серьезной проблемой функционирования учреждений, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, являлись побеги заключенных как из жилой зоны, так и с объектов работ[3]. Причинами большого числа побегов и некачественного розыска бежавших лиц являлись неполное оборудование жилых зон колоний и отдельных лагерных пунктов, а также состояние дивизиона военизированной охраны, обеспечивавшего режимные мероприятия по охране контингента.

Начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов в приказе от 10 октября 1946 г. № 0064 отмечал серьезные недостатки в деятельности подразделения, способствующие созданию условий для побегов заключенных: «Побеги заключенных допущены в результате низкой дисциплины и грубейших нарушений конвойно-караульной службы не только стрелками, но и со стороны отдельных офицеров военизированной охраны… Жилищно-бытовые условия рядовому и сержантскому составу не созданы. Элементарные требования заботы о стрелке руководством ОИТК [отдела исправительно-трудовых колоний. – Прим. автора] и командованием дивизиона не созданы. Политико-воспитательная работа, боевая и служебная подготовка личного состава военизированной охраны крайне низкого качества»[4].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 33.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 17 об., 19 об. Большая часть умерших заключенных принадлежала к четвертой трудовой категории, которые в основном находились в ИТК не более трех месяцев. По данным санитарной части отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области в марте 1947 г. основными причинами смертей контингента являлись болезни сердца и туберкулез легких (5 случаев), а также алиментарная дистрофия (4 случая) (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 19 об.).

[3] В исследуемый период из учреждений, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области бежало 63 человека, из которых в результате розыскных мероприятий было задержано 22 человека (34,92%) (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 10. Л. 18).

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 110.

Несмотря на ряд проведенных мероприятий, положение личного состава военизированной охраны не улучшилось. Так, в ходе совещания сотрудников отдела исправительно-трудовых колоний с участием заместителя начальника Управления МВД по Калининградской области полковника М. Ф. Тихомирова 13 февраля 1947 г. вновь были отмечены неудовлетворительные бытовые условия военизированной охраны, влиявшие на качество охраны контингента: «Личный состав военизированной охраны живет в исключительно трудных бытовых условиях, охрана питается плохо, овощей нет, оборудования и постовой одежды нет, дров нет, окна не остеклены, отсутствует связь с подразделениями охраны»[1].

Проведенный анализ документов показал, что подобная ситуация продолжалась фактически до конца исследуемого периода. Проблема улучшения быта личного состава военизированной охраны, повышения качества охраны контингента в жилых зонах и при производстве работ так и не была решена, что значительным образом повлияло на рост числа побегов и невозможность улучшения качества проводимых розыскных мероприятий.

Среди элементов пенитенциарной системы, функционировавших на территории Калининградской области в исследуемый период, особое место занимала **детская трудовая колония в городе Тапиау (Гвардейск)**, подчиненная отделу по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области и предназначенная для содержания детей немецкой национальности, ранее находившихся в тюрьмах и лагерях для интернированных. Учреждение было сформировано на основании приказа уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии от 12 января 1946 г. № 001[2] и получило в свое ведение здания, сооружения, имущество и материальные ценности расформированной тюрьмы № 3[3]. Временный штат колонии, утвержденный приказом уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии от 2 марта 1946 г. № 008, включал руководство, секретариат, оперативную группу, группу учета, административно-хозяйственное отделение, отделение снабжения, бухгалтерию, санитарное отделение, столовую, баню-прачечную и вахтерскую команду общей численностью 76 человек[4].

Комплектование колонии началось в конце января 1946 г. К 1 февраля 1946 г. в учреждение прибыли 777 несовершеннолетних немцев, ранее содержавшихся в тюрьмах и лагере НКВД № 533, более половины которых составляли подростки в возрасте 14–15 лет[5]. В соответствии со справкой о физическом состоянии контингента среди прибывших было выявлено 125 человек с пониженным питанием и 132 подростка, больных дистрофией I–III степени. Кроме того, у 107 человек были диагностированы различные болезни – чесотка, кожные болезни, конъюнктивит, фурункулез[6].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–16.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 12–13.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 40.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 24 об.

Особенность детской трудовой колонии заключалась в том, что ее контингент в соответствии с распоряжением заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Б. П. Обручникова от 27 февраля 1946 г. № 6864-3827 обеспечивался продовольствием и вещевым довольствием по нормам заключенных, находящихся в тюрьмах[1]. В связи с этим приказом уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии от 2 марта 1946 г. были установлены суточные нормы довольствия несовершеннолетних немцев, содержащихся в колонии, а также дополнительная норма питания, выдаваемая по заключению врача лицам, нуждающимся по состоянию здоровья в усиленном питании[2].

Сразу же после создания колония столкнулась с продовольственными проблемами: Управление военного снабжения МВД Литовского округа не имело фондов на продовольствие для колонии, в результате чего в течение февраля – марта 1946 г. оказалось недополучено 2750 кг круп, 1567 кг мяса, 442 кг животных и 231 кг растительных жиров[3]. Уже 29 апреля 1946 г. начальник колонии подполковник И. И. Колосков в рапорте уполномоченному МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии генерал-майору Б. П. Трофимову сообщал: «Питать контингент нечем. Остался картофель на семена»[4]. В связи с тяжелым продовольственным положением в колонии генерал-майор Б. П. Трофимов в тот же день направил обращение на имя заместителя министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Б. П. Обручникова с просьбой дать указания Главному управлению военного снабжения МВД СССР и Отделу по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью МВД СССР об отпуске лимитов на продовольствие для контингента Тапиауской детской трудовой колонии[5]. В течение месяца трудности со снабжением были устранены и в учреждении был создан месячный запас по всем продуктам питания.

Фактически сразу весь трудоспособный контингент колонии был привлечен к ежедневным работам, которые продолжались с 9 до 13 и с 17 до 19 часов (за исключением выходных дней)[6]. Подростки работали в слесарной, столярной, сапожной и портновской мастерских, на заготовке дров, занимались плетением корзин и выполняли хозяйственные работы по обслуживанию

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

[2] Норма суточного довольствия включала в себя следующие продукты: хлеб ржаной – 600 г, мука пшеничная – 50 г, крупа разная – 100 г, горох и другие бобовые – 20 г, мясо и мясопродукты – 50 г, рыба и рыбопродукты – 70 г, овощи – 250 г, картофель – 450 г, сахар – 20 г, жиры животные – 20 г, жиры растительные – 10 г, молоко цельное – 100 г, молочные продукты – 30 г, мука картофельная – 10 г, соль – 20 г, дрожжи – 100 г, чай – 1 г, томат-пюре – 10 г, уксус – 1 г, лавровый лист – 0,1 г. В дополнительную норму питания входили: хлеб пшеничный – 100 г, крупа разная – 50 г, мясо – 25 г, рыба – 25 г, овощи – 100 г, картофель – 100 г, сахар – 10 г, жиры животные – 10 г, молоко цельное – 100 г, молочные продукты – 20 г, яйца – 1/3, сухофрукты – 15 г, картофельная мука – 10 г, соль – 10 г, томат-пюре – 5 г (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 17–18).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

колонии. Кроме того, в июле 1946 г. колония заключила договора с военторгом, райторгом и леспромхозом на выпечку хлеба различных сортов в собственной пекарне по цене 15 коп. за 1 кг[1].

Значительное внимание уделялось работам на подсобном хозяйстве, на котором к 1 июня 1946 г. были произведены посевы озимой ржи, овса, ячменя, картофеля, свеклы (столовой и кормовой), моркови, помидоров, лука, огурцов, капусты, брюквы и фасоли. По мнению начальника колонии подполковника И. И. Колоскова, при снятии среднего урожая с подсобного хозяйства мог быть обеспечен овощами не только контингент, но и создавалась кормовая база у имевшегося в колонии поголовья скота (32 лошади, 22 коровы и 2 свиноматки)[2].

В соответствии с приказом начальника колонии от 12 июня 1946 г. № 23 из находящихся в учреждении подростков были созданы рабочие команды для работы на подсобном хозяйстве (по косьбе на конных косилках, по косьбе вручную, по вывозу сена, по сушке травы и скирдованию, по уходу за морковью и луком, за кормовой и столовой свеклой, за картофелем, за капустой, за помидорами и огурцами). К работам привлекался весь контингент, за исключением небольшого числа лиц, выделенных для работы в пекарне и мастерских. Для подростков, работавших на косьбе и уборке сена ежедневно выделялось за счет подсобного хозяйства 25 л молока и 0,5 кг сливочного масла. Результаты работы каждой бригады ежедневно объявлялись на вечерней поверке и вывешивались на доске показателей. За перевыполнение норм выработки выдавалось дополнительное питание (увеличение на 25% нормы сахара, жиров, картофеля и овощей). Хлеб также выдавался в зависимости от норм выработки: до 25% – 50 г, 50–80% – 100 г, 80–100% – 150 г, выше 100% – 200 г[3].

В августе 1946 г. начальник Тапиауской детской трудовой колонии подполковник И. И. Колосков в докладной записке уполномоченному МВД – МГБ по Калининградской области генерал-майора Б. П. Трофимову представил ряд конкретных предложений по организации в колонии сельскохозяйственных работ, рыболовства, мукомольного производства, хлебопечения, а также изготовления товаров широкого потребления. Так, при получении средних урожаев с подсобного хозяйства предполагалось иметь доход в размере не менее 300 тыс. рублей, при трехсменной работе мельницы – 400 тыс. рублей, а при нормальной работе пекарни – до 300 тыс. рублей в год. Кроме того, в столярных и слесарных мастерских предполагалось освоить выпуск изделий, имевших широкий спрос (конторские счеты, рамки для портретов, табуреты и тумбочки, ведра, тазы, умывальники, кружки, столовые ложки)[4]. По мнению подполковника И. И. Колоскова, «все указанные отрасли хозяйственной деятельности… могут быть расширены путем перевода на 2–3-сменную работу для выпуска продукции на рынок»[5].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 80.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 49–50.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–36.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 78–81.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

В начале ноября 1946 г. колония была проверена представителем Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью МВД СССР. В ходе проверки особое внимание было уделено санитарному состоянию учреждения, а также вопросам профилактики заболеваемости контингента. Всего с момента образования колонии умерли 39 человек (от различных форм туберкулеза – 33, от дистрофии – 5, от брюшного тифа – 1). Через оздоровительную команду было пропущено 255 подростков, 208 из которых прибавили в весе от 1 до 8 кг. Вместе с тем, по состоянию на 1 ноября 1946 г. в колонии насчитывалось 26 человек с диагностированной дистрофией I степени[1].

Следует отметить, что в соответствии с приказом НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. № 001538 в колонии должны были содержаться лишь немецкие подростки в возрасте не старше 14 лет. Однако еще при формировании учреждения в него поступило 700 подростков 14–16 лет[2], которые в последующем переводились для последующего содержания в лагерь МВД № 533. Летом 1946 г. перевод подростков старше 14 лет был временно прекращен в связи с большим объемом хозяйственных работ.

Вместе с тем, 13 декабря 1946 г. начальник детской трудовой колонии подполковник И. И. Колосков направил начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову докладную записку, в которой обосновывал причины дальнейшей нецелесообразности существования учреждения:

– планируемый перевод подростков в возрасте старше 14 лет из колонии в лагерь МВД № 533, в результате чего по состоянию на 1 января 1947 г. в колонии должно было остаться всего 37 детей;

– невозможность обеспечения нормального функционирования колонии из-за отсутствия взрослого контингента («при создавшемся положении колония не в состоянии даже обслужить и сохранить хозяйство на существующем уровне… целые отрасли работ, особенно подсобное хозяйство ставятся под угрозу полного срыва»);

– большие и неоправданные затраты денежных средств на содержание аппарата и внутреннее обслуживание хозяйства при минимальном числе контингента[3].

Одновременно с этим подполковник И. И. Колосков отмечал неразрешимость многих вопросов, необходимых для нормального функционирования колонии: «Несмотря на неоднократные запросы и предложения, такие вопросы как культурно-воспитательная работа, кадры, тарифы зарплаты, снабжение культинвентарем, вещдовольствием, продуктами питания, техническими материалами остались не разрешенными. До сего времени колония ни от кого и ничего не получила. При таком положении каждый вопрос, касающийся разнообразных сторон деятельности, приходится решать применительно к условиям разных систем (типовых детских колоний, колоний

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 107–108.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 124–125.

системы ГУЛАГа, тюрем, лагерей и т. п.), что не только осложняет работу, но и создает угрозу совершения ошибок и просчетов, которые не могут быть исправлены». Подводя итоги, подполковник И. И. Колосков указывал: «Колония, как и всякая другая организация, не может существовать, не имея положения, структуры и других руководящих материалов, определяющих ее задачи, права и обязанности. Есть ли какая-либо перспектива, вызывающая необходимость и целесообразность производства затрат для создания особых условий и положений для нормального существования данной колонии? Как видно из вышеизложенного, такой необходимости и перспективы нет»[1].

Предложенное решение переместить 37 детей в возрасте до 14 лет в специальное отделение лагеря МВД № 533, а также передать хозяйство колонии в ведение тюремного отдела, либо отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области было признано целесообразным. В результате на основании распоряжения МВД СССР от 26 декабря 1946 г. № 64089 приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 28 декабря 1946 г. № 130 детская трудовая колония расформировывалась, а на ее базе создавалась тюрьма № 3[2].

Следует отметить, что уже в 1946 г. на территории Калининградской области предполагалось создать колонию для несовершеннолетних осужденных подростков – граждан СССР. На основании распоряжения заместителя министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Б. П. Обручникова от 4 сентября 1946 г. № 42/с/60344 приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 28 сентября 1946 г. № 061 было объявлено о реорганизации детской трудовой колонии в городе Тапиау в детскую трудовую колонию для русскоязычных детей, а для несовершеннолетних немцев предполагалось создать колонию на территории Гвардейского района[3]. Однако данный приказ не был реализован, а трудовая колония для осужденных подростков – граждан СССР была сформирована лишь на основании приказа начальника Управления МВД по Калининградской области от 29 мая 1947 г. № 64 на базе авторемонтного завода № 44 автомобильного управления Прибалтийского военного округа в поселке Домтау Багратионовского района[4].

Помимо контингента исправительно-трудовых колоний на строительно-восстановительных работах на объектах народного хозяйства активно использовались и лица, содержащиеся в **учреждениях, находившихся в ведении отдела по делам военнопленных и интернированных** Управления МВД по Калининградской области (лагерь МВД для военнопленных № 445 и лагерь МВД для интернированных № 533).

К апрелю 1946 г. в составе лагеря МВД для военнопленных № 445, управление которого дислоцировалось в поселке Георгенбург Инстербургского района, существовало пять лагерных отделений, контингент которых

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 125–126.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 4. Л. 157.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 106.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 14. Л. 79.

использовался на восстановлении народно-хозяйственных предприятий на территории Кенигсбергской области: Рагнитского и Тильзитского целлюлозно-бумажных комбинатов, бумажной фабрики в городе Велау, целлюлозно-бумажных комбинатов № 1 и № 2 в городе Кенигсберге. В свою очередь, в состав лагеря МВД для интернированных № 533 входили три лагерных отделения – в городах Пройсиш-Эйлау и Кенигсберг, а также в поселке Ромиттен Кройцбургского района. Общее число лиц, содержащихся в лагерях МВД № 445 и № 533, по состоянию на 1 июля 1946 г. составляло 9744 человека[1].

Главной особенностью функционирования учреждений, подчиненных отделу по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области в исследуемый период, явилось постепенное расширение количества лагерных отделений (особенно при лагере МВД № 445), предназначенных для обеспечения рабочей силой отдельных предприятий Калининградской области. Так, в июле 1946 г. было сформировано лагерное отделение № 8 по восстановлению вагоностроительного завода в городе Калининграде, в сентябре 1946 г. – подкомандировка лагерного отделения № 5 для проведения восстановительных работ на механическом заводе в поселке Мользенен Гурьевского района, а также лагерный пункт в составе лагерного отделения № 2 в поселке Каукемен для производства работ по восстановлению дамбы на реке Неман, в ноябре 1946 г. – лагерное отделение № 7 в городе Пиллау, контингент которого занимался восстановлением порта, а также лагерное отделение № 9, занимавшееся работами по восстановлению механического завода целлюлозно-бумажного комбината в поселке Метгетен. В результате к февралю 1947 г. в составе лагеря МВД № 445 функционировало 8 лагерных отделений, а его лимитная численность составила 8600 человек, а лагерь МВД № 533 состоял из 4 лагерных отделений лимитной численностью 4100 человек[2].

Второй особенностью исследуемого периода явилось большое движение контингента в учреждениях, подчиненных отделу по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области. В основном это касалось лагеря МВД № 533, в котором содержались интернированные лица, среди которых находились немцы, австрийцы и поляки. Следует отметить, что к началу мая 1946 г. из-за значительного перемещения контингента его учет

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 75. Следует отметить, что помимо учреждений для содержания военнопленных и интернированных, подчиненных отделу по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Кенигсбергской области, военнопленные содержались и использовались на работах в трех отдельных рабочих батальонах Управления строительства перевалочных баз (1892 человека), двух центральных перевалочных базах Министерства Вооруженных сил СССР (6924 человека), четырех отдельных рабочих батальонах и войсковых частях 11-й гвардейской армии (4685 человек), отдельном рабочем батальоне Прибалтийского военного округа (577 человек), а также в отдельных учреждениях и предприятиях (инженерный отдел Юго-Балтийского флота, судостроительный завод № 820, Кенигсбергский мелькомбинат) (5451 человек). Таким образом, общая численность военнопленных и интернированных на территории Кенигсбергской области по состоянию на 1 июля 1946 г. составляла 29 273 человека (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 76).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 23.

оказался в запущенном состоянии (отсутствие материалов о фактическом наличии лиц, содержащихся в лагере и его отделениях, учета умерших и бежавших, неполное оформление статистической учетной картотеки).

Вследствие этого в соответствии с приказом уполномоченного МВД – МГБ СССР по Восточной Пруссии от 7 мая 1946 г. № 014 была сформирована комиссия под руководством начальника отдела по делам военнопленных и интернированных майора Р. З. Козловского, которой были поставлены следующие задачи: провести учет и завести учетные карточки на весь контингент лагеря, установить количество интернированных, не прошедших фильтрацию, выявить лиц, незаконно содержащихся в лагере, завести учет умерших и бежавших, провести медицинское освидетельствование всех интернированных для выявления нетрудоспособных и инвалидов[1].

В ходе проверки было выявлено 407 больных стариков и подростков, которые сразу же освобождались из лагеря, а также 58 граждан, подлежащих репатриации (поляки, итальянцы, русские, литовцы и белорусы). Кроме того, последующая проверка учетно-проверочных дел на весь контингент выявила, что из числа лиц, содержавшихся в лагере МВД № 533, подлежит переводу в лагерь МВД № 445 351 человек, подпадавший под категорию военнопленных, 10 человек – репатриации, а 970 человек, на которых не было компрометирующих материалов, – освобождению[2].

Проведенный анализ документов лагеря МВД № 533 показал, что подобные проверки правомерности содержания контингента продолжались и в последующем. Так, в соответствии с распоряжением начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора Б. П. Трофимова от 4 февраля 1947 г. № 7/3/0097 руководству лагеря предлагалось пересмотреть весь контингент на предмет возможного освобождения. В результате проверки было выявлено, что из 4466 человек, содержащихся в лагере, подлежало освобождению 1089 человек (24,38%), из которых 149 человек (13,68%) составляли подростки до 18 лет, 166 человек (15,24%) – мужчины в возрасте от 18 до 45 лет, 133 человека (12,21%) – мужчины старше 45 лет, а также 641 женщина (58,87%)[3].

В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 11 мая 1947 г. № 066 при оперативно-чекистском отделе лагеря МВД № 533 была сформирована оперативная группа в составе 10 оперативных работников и 3 переводчиков под руководством заместителя начальника лагеря по оперативной работе старшего лейтенанта М. Ю. Вольтмана, в задачу которой входил новый пересмотр дел на весь контингент. На каждого интернированного, не имевшего материалов, свидетельствующих о практической враждебной деятельности против советских войск, готовилось мотивированное заключение об освобождении из лагеря[4].

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 20.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 57–58.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–41.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 108.

Проведенная к началу июня 1947 г. проверка показала, что из 3248 интернированных, содержащихся в лагере, подлежал освобождению 1971 человек (немцев – 1967, австрийцев – 1, поляков – 2, литовцев – 1; мужчин – 1083, женщин – 888). После освобождения указанного контингента в лагере МВД № 533 должны были остаться лишь лица, на которых имелись материалы, свидетельствующие о принадлежности их к иностранным разведывательным и контрразведывательным органам, антисоветским организациям, а также об участии этих лиц в карательных операциях на территории СССР в годы Великой Отечественной войны[1].

Аналогичное движение контингента происходило и в лагере МВД № 445. В основном увеличение числа военнопленных происходило в результате их перевода из отдельных рабочих батальонов, а также за счет задержания как органами МВД, так и пограничными отрядами лиц, бежавших из лагерей, расположенных в районах, соседних с Калининградской областью. Вместе с тем, начавшийся летом 1946 г. процесс репатриации в Германию отдельных категорий военнопленных также повлиял на изменение численности контингента. Так, в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 18 июня 1946 г. № 1263-519сс и приказа МВД СССР от 27 июня 1946 г. № 00601 из лагерей на родину были отправлены больные и нетрудоспособные военнопленные как немецкой, так и других национальностей[2], а на основании приказа МВД СССР от 20 мая 1947 г. № 00535 в Германию были репатриированы нетрудоспособные военнопленные-немцы[3].

Проведенный анализ статистических данных показал, что по состоянию на середину июня 1947 г. в учреждениях, подчиненных отделу по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области, содержалось 11 584 человека (в том числе в лагере МВД № 445 – 8336 человек, а в лагере МВД № 533 – 3248 человек)[4]. Таким образом, к концу исследуемого периода, несмотря на факты репатриации военнопленных на родину и освобождение интернированных, численность контингента лагерей увеличилась на 18,88%.

Архивные документы свидетельствуют о низком качестве постановки ***трудового использования*** как военнопленных, так и интернированных. Хозяйственные организации, которые использовали контингент лагерей, достаточно часто не оформляли положенной документации, вследствие чего лагерные отделения не имели точных данных о выработке и производительности труда. В результате отсутствия контакта в работе и соответствующего контроля со стороны производственных и финансовых отделений лагерей достаточно часто образовывалась большая дебиторская задолженность со стороны хозяйственных организаций. Так, в декабре 1946 г. их задолженность перед лагерем МВД № 445 составила 3 394 848 рублей, при этом никаких мер

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 165–168.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 109–111.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 117–118.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 128; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

по взысканию денежных средств предпринято не было[1]. Кроме того, практически на всех объектах была слабо поставлена работа по охране труда и технике безопасности на производстве[2].

Имевшиеся в составе каждого лагеря подсобные хозяйства не отличались высокой рентабельностью. Это объяснялось, в основном, большой текучестью контингента, работавшего в них, плохой организацией труда (так, в подсобном хозяйстве лагеря МВД № 445 отсутствовали постоянные бригады по обработке и уходу за отдельными видами культур), а также отсутствием установленных ежедневных норм выработки[3].

Мастерские по производству продукции широкого потребления, созданные при управлениях лагерей, не имели планов работ. Как отмечалось в приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 14 декабря 1946 г. № 099, «созданные мастерские… заняты в основном выполнением разных коммерческих частных заказов (ремонт мотоциклов, автомашин), используя специалистов в ущерб основному производству»[4].

Анализ архивных документов показал, что ***бытовые условия контингента*** лагерей МВД № 445 и № 533 не в полной мере соответствовали требованиям нормативных актов МВД СССР. Так, проведенная в июне 1946 г. проверка лагеря МВД № 533 выявила отсутствие нар и постельных принадлежностей, однообразное и низкое по калорийности питание, низкий уровень медицинского контроля за состоянием контингента[5]. Повторной проверкой в лагерном отделении № 4 было установлено, что руководство лагеря совершенно не уделяло никакого внимания улучшению бытовых условий интернированных. В приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 4 апреля 1947 г. № 043 отмечалось, что заключенные «спят на голых полах, постельных принадлежностей нет даже в лазарете, бочки с питьевой водой и вешалки для одежды отсутствовали, в бараках грязно, помещения захламлены ненужными предметами. Приказ МВД СССР № 450-1946 г. о выдаче заключенным дифференцированного питания не выполнялся… Из-за отсутствия прачечной белье стирается редко, белье в носке – грязное»[6].

Подобная ситуация складывалась и в лагере МВД № 445. Так, в результате проверки лагерного отделения № 5 в январе 1947 г. были выявлены плохая организация питания военнопленных (отсутствие дифференцированного питания, приготовление малокалорийной пищи из мерзлых овощей и картофеля), отсутствие обмундирования и обуви, нерегулярные помывка контингента в бане и замена белья[7].

Неудовлетворительные бытовые условия, а также неправильное комиссование (определение трудовой категории) военнопленных

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 176.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 74.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 89.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 176.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 55–58.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 73–74.
[7] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 24.

и интернированных приводили к высокой смертности контингента, а также способствовали росту числа побегов. Так, в период с апреля по июль 1946 г. из лагеря МВД № 445 совершил побег 21 военнопленный, а из лагеря МВД № 533 – 50 интернированных[1]. Наибольшее число побегов из лагеря МВД № 445 было зафиксировано в IV квартале 1946 г. (45 человек)[2].

В приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 19 февраля 1947 г. № 0021 отмечались следующие причины роста числа побегов военнопленных из лагеря МВД № 445:

1) передача военнопленных неподготовленным к службе охраны вахтерам из состава хозяйственных организаций, которые слабо осуществляют контроль за охраной контингента в ходе работ;

2) низкое качество подготовки к службе вахтерского состава и внутренних нарядов лагеря;

3) неудовлетворительная работа руководства лагерей с бригадами содействия по розыску бежавших военнопленных;

4) слабая агентурно-оперативная работа по предупреждению побегов;

5) неудовлетворительная организация службы гарнизонов 349-го полка конвойных войск МВД СССР по охране зон и конвоированию военнопленных на объекты работ;

6) плохая организация розыска беглецов, в том числе несвоевременное информирование органов МВД по Калининградской области о побегах военнопленных[3].

В силу указанных причин бежавшие военнопленные получали возможность скрываться среди немецкого населения и, в ряде случаев, совершать преступления. Так, 20 января 1947 г. из зоны лагерного отделения № 8 лагеря МВД № 445 совершили побег трое военнопленных. Начальник отделения капитан А. Е. Шеховцев не поставил в известность о побеге находящиеся поблизости городские отделения милиции города Калининграда и возложил руководство оперативно-розыскными группами на вахтерский состав. В свою очередь личный состав гарнизона от 349-го полка конвойных войск МВД СССР осуществлял розыск по собственному плану, не согласованному с планом розыска лагерного отделения. Благодаря этому военнопленный Й. Ф. Гоман скрывался в городе Калининграде в течение девяти суток и в ночь на 28 января 1947 г. совершил нападение на советского офицера с целью грабежа и убийства[4].

В целях снижения числа побегов постоянно осуществлялось ужесточение ***режима и охраны*** военнопленных и интернированных. В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 28 апреля 1947 г. № 0057 охрана контингента как в зоне, так и на объектах работ осуществлялась только личным составом конвойных войск МВД СССР, вводилась внутренняя дозорная служба из числа военнопленных-антифашистов,

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 75.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 31.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 31–32.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 25.

запрещался вывод военнопленных и интернированных на работы группами менее 25–30 человек. Все лица, склонные к побегу, а также дезорганизаторы производства направлялись в режимный лагерь МВД № 39 в городе Джезказган Казахской ССР[1].

Кроме того, на предупреждение побегов была направлена и агентурная работа оперативно-чекистских отделов лагерей. Так, в апреле 1947 г. в лагере МВД № 445 был проведен ряд мероприятий (пересмотр расстановки агентурной сети по объектам работ, проверка расконвоированного контингента, проведение тщательных обысков в зонах и на объектах работ, водворение лиц, осуществлявших подготовку к побегу в штрафную роту, организация ночных постов наблюдения в бараках из числа антифашистов), благодаря которым было предотвращено 15 одиночных и 2 групповых побега военнопленных[2].

Следует отметить, что помимо трудового использования военнопленных особое внимание руководством МВД СССР уделялось ***политической работе*** с контингентом, целью которой было идеологическое воспитание бывших военнослужащих германской армии[3]. В рамках политической работы военнопленным разъяснялись преимущества советского строя перед капиталистическим, делались попытки их превращения в друзей Советского Союза, а также воспитывалось добросовестное отношение к труду.

Общее руководство политической работой среди военнопленных осуществлял сформированный приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 22 ноября 1946 г. № 091 политотдел лагерей в составе 6 человек[4], на который возлагалась задача «всей системой партийно-политической работы… обеспечить выполнение приказов и директив министра внутренних дел СССР по вопросам трудового использования и содержания военнопленных в лагерях»[5].

Особое внимание в политической работе было обращено на подготовку антифашистского актива, численность которого в лагерях МВД на территории Калининградской области по состоянию на 1 февраля 1947 г. составляла 1069 человек[6]. Члены актива назначались на административные и командные должности, имели улучшенные по сравнению с другими военнопленными бытовые условия, оказывали помощь администрации лагерей в проведении пропагандистской и агентурно-оперативной работы. К началу февраля 1947 г. в лагерях, подчиненных отделу по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области, были организованы политшколы для занятий с антифашистским активом, в которых два раза в неделю проводились занятия по программе, разработанной политотделом лагерей.

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 93–94.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 91.

[3] Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956. С. 109.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 163.

[5] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 304.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об.

В докладной записке начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора Б. П. Трофимова министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову от 17 февраля 1947 г. № 00202 отмечались следующие мероприятия, проведенные политотделом лагерей в рамках политической работы с военнопленными: распространение печатных материалов, газет и книг среди контингента, выпуск стенных газет, освещающих трудовую деятельность и лагерную жизнь, оформление витрин производственных показателей, организация библиотек и коллективов художественной самодеятельности в каждом лагерном отделении. «Отдельное внимание пропагандистской работы среди военнопленных уделяется вопросу выполнения норм выработки и улучшения качества работы. В этих целях с антифашистским активом проведена специальная разъяснительная и организационная работа по развертыванию трудового соревнования между бригадами. Прикрепленные к бригадам антифашисты ежедневно докладывают лагерной администрации о недостатках на производстве, тормозящих выполнение норм выработки»[1].

Большое внимание в политической работе с военнопленными и интернированными уделялось вопросам их переписки с родственниками, находящимися в Германии, которая должна была стать «мощным пропагандистским инструментом для поддержания угодных Москве политических сил»[2]. В директиве начальника Управления МВД по Калининградской области от 15 августа 1946 г. № 22 отмечалось, что установление регулярной переписки с военнопленными, находящимися в лагерях МВД, позволит привлечь их родственников на сторону Социалистической единой партии Германии на выборах в сентябре 1946 г. В целях организации переписки военнопленных и интернированных начальникам лагерей предлагалось обеспечить своевременную отправку и получение корреспонденции контингентом, упорядочить работу цензорских пунктов, приняв меры к сокращению сроков и улучшению качества цензурирования писем, а также совместно с местными органами МВД взять под контроль почтовые отделения, занимавшиеся отправкой и получением корреспонденции[3].

Следует отметить, что объем писем и открыток, полученных военнопленными и интернированными, находящимися в лагерях МВД на территории Калининградской области, был значителен. Так, в течение первого квартала 1947 г. интернированные, находившиеся в лагере МВД № 533, получили 5581 письмо[4], а в марте – апреле 1947 г. в адрес военнопленных, находившихся в лагере МВД № 445, поступило 85 320 открыток и писем от родственников[5]. Руководство лагерей в обзорах, направляемых на имя

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

[2] Кузьминых А. Л. Организация переписки военнопленных и интернированных в СССР (1939–1956 гг.) // Человек: Преступление и наказание. 2014. № 2 (85). С. 88.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 37.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 90.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 53.

начальника Управления МВД по Калининградской области, отмечало, что проверка корреспонденции давала некоторые представления о характере жизни, быте и политических настроениях населения на территории Германии и Австрии (как в советской, так и в союзных зонах оккупации). При этом информация большинства писем раскрывала в основном вопросы экономического характера.

Вместе с тем, некоторое количество корреспонденции конфисковывалось органами цензуры и не вручалось военнопленным и интернированным. Заместитель начальника управления лагеря № 445 по оперативно-чекистской работе майор Д. Е. Агеев в своей докладной записке начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору Б. П. Трофимову от 11 мая 1947 г. № 00399 отмечал, что за два месяца (март и апрель 1947 г.) было конфисковано 132 письма, поступивших в адрес военнопленных, которые «в той или иной мере носят явно отрицательный характер, а некоторые из них прямо антисоветского содержания»[1]. По характеру содержания эти письма подразделялись следующим образом:

«1. Открытки и письма, в которых сообщается о смерти военнопленных в лагерях Советского Союза, а также их родственников и близких, попавших во время войны на территорию Советского Союза…

2. Письма и открытки, в которых сообщается о физическом состоянии военнопленных, возвратившихся из Советского Союза на родину…

3. Проявление недовольства некоторой частью немцев вопросами быта и администрацией…

4. Открытки и письма, в которых сообщается об отправке немецких специалистов в Советский Союз и о вывозе заводского оборудования из Германии в Советский Союз…

5. Выражение недовольства невозвращением военнопленных домой и, в связи с этим, прямые враждебные выпады против Советского Союза…

6. Открытки и письма, в которых военнопленные поощряются на членовредительство, чтобы они быстрее возвращались домой, а также к побегам…

7. Открытки и письма, посланные в адрес военнопленных от бежавших из лагерей Советского Союза лиц…

8. Открытки отрицательного характера, направленные против поляков…

9. Открытки и письма отрицательного характера по содержанию или представляющие какой-либо интерес…»[2].

Письма подобного содержания не выдавались адресатам, а в отношении отправителей корреспонденции, в которых содержалась информация, представляющая оперативный интерес, производилось уточнение персональных данных.

Несмотря на это, организация отправки писем родственникам и возможность получения от них корреспонденции оказала, как отмечал в докладной записке от 17 февраля 1947 г. № 00202 министру внутренних дел

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 50.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 50–51.

генерал-полковнику С. Н. Круглову начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов, «существенное влияние на активизацию антифашистской работы»[1].

Одним из важнейших направлений деятельности оперативно-чекистских отделов лагерей МВД в рассматриваемый период являлось ***выявление среди контингента военных преступников***, совершивших преступления в отношении мирного населения оккупированных территорий как Советского Союза, так и других государств. Следует отметить, что работа в этом направлении проводилась в лагерях МВД и ранее, однако после выхода в свет директивы МВД СССР от 3 декабря 1946 г. № 285 это направление стало приоритетным в деятельности оперативных подразделений[2].

Чаще всего изучение контингента осуществлялось агентурным путем. Вербовка агентов осуществлялась из числа военнопленных и интернированных, находящихся в лагерях, которые по учетным данным оперативно-чекистских отделов не проходили как лица, совершившие преступления на оккупированных немецкими войсками территориях, представившие на допросах правдивые показания о своей деятельности в период Третьего рейха, а также согласившиеся на негласное сотрудничество с оперативными работниками.

Численность агентуры не была постоянной. Так, в лагере МВД № 533 по состоянию на 1 октября 1946 г. на связи с оперативно-чекистским отделом находилось 50 агентов (48 немцев и 2 поляка), что составляло 1,35% от общего числа интернированных, находившихся в лагере. В течение четвертого квартала 1946 г. численность агентуры увеличилась на 16 человек (32%), из которых 9 были вновь завербованы, а с 7 агентами была восстановлена утерянная связь[3]. Численность агентуры в лагере МВД № 445 фактически не менялась и по состоянию на 1 апреля 1947 г. составляла всего 10 человек[4].

Работа по выявлению лиц, подлежащих оперативному учету, начиналась с изучения сотрудниками оперативно-чекистских отделов лагерей учетно-проверочных дел военнопленных и интернированных. При выявлении лиц, подозреваемых в совершении преступлений на оккупированной территории, а также подпадавших под действие директивы МВД СССР от 3 декабря 1946 г. № 285, начиналась их разработка, в том числе и с использованием агентуры, которая использовалась как на объектах работ, так и в местах проживания. В процессе разработки подучетного элемента оперативно-чекистским отделом лагеря заводилось либо агентурное дело, либо дело-формуляр. При наличии достаточного для вынесения обвинения материала на его основании проводились

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

[2] На основании директивы МВД СССР от 3 декабря 1946 г. № 285 выявлению в лагерях военнопленных и интернированных подлежали лица, признанные военными преступниками в соответствии с директивой Контрольного Совета в Германии от 12 октября 1946 г. № 38. Контингент, подпадавший под действие директивы и подлежащий выявлению в лагерях, подразделялся на две категории: главные военные преступники и военные преступники (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 176–180).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 137 об.

следственные действия, после чего обвиняемые с санкции отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области передавались в военные трибуналы для предания суду.

Уже к 1 февраля 1947 г. оперативно-чекистскими отделами лагерей были взяты на оперативный учет 879 человек, подпадающих под действие директивы МВД СССР от 3 декабря 1946 г. № 285, в том числе 100 главных военных преступников (лагерь МВД № 445 – 11 человек, лагерь МВД № 533 – 89 человек) и 779 военных преступников (лагерь МВД № 445 – 160 человек, лагерь МВД № 533 – 619 человек)[1]. По состоянию на 1 июня 1947 г. число выявленных главных военных преступников, находящихся в лагерях МВД № 445 и № 533, выросло до 185 человек (увеличение на 85%), а военных преступников – до 952 человек (увеличение на 22,2%)[2].

Следует отметить, что в исследуемый период наиболее активная агентурно-оперативная работа проводилась среди контингента лагеря МВД № 533. Уже к началу 1947 г. оперативно-чекистским отделом были заведены агентурные дела «Узурпаторы» (военнослужащие 717-го охранного батальона, обвиняемые в истязаниях и расстрелах советских военнопленных в лагере «Штутгоф»)[3], «Фашистские реставраторы» (группа интернированных в количестве 14 человек, пытавшихся создать на базе антифашистского комитета лагеря антисоветскую группу с целью саботажа и проведения подрывной деятельности) и «Варвары» (военнослужащие зондеркоманды СД, участвовавшие в карательных операциях на территории Смоленской и Орловской областей)[4]. В течение первого квартала 1947 г. оперативно-чекистский отдел лагеря МВД № 533 возбудил 12 следственных дел в отношении 50 человек, из которых 28 были осуждены военными трибуналами за совершение преступлений[5].

Аналогичная работа проводилась и оперативно-чекистским отделом лагеря МВД № 445. Вместе с тем следует отметить, что основное внимание оперативных работников лагеря уделялось выявлению среди военнопленных граждан СССР, перешедших на сторону противника в ходе Великой Отечественной войны[6].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 74–74 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 129–130.

[3] В феврале 1947 г. следственное дело в отношении 16 обвиняемых было передано в отдел по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области и в последующем направлено в военный трибунал (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 45).

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–6.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 72.

[6] Так, например, в феврале 1947 г. оперативно-чекистским отделом лагеря был выявлен и взят в агентурную разработку Шмидт Александр Александрович, 1915 года рождения, уроженец села Марьино Армавирского района Краснодарского края, который 15 ноября 1941 г. под Вязьмой перешел на сторону противника, а затем был завербован немецкой разведкой и направлен в лагерь для военнопленных, где занимался выявлением лиц, склонных к побегу. В июле 1942 г. А. А. Шмидт вступил в немецкую армию. Попав в плен 14 апреля 1945 г., скрыл гражданство СССР и содержался в лагере для военнопленных как подданный Германии (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 37).

Таким образом, проведенный анализ показал, что в исследуемый период на территории Калининградской области было завершено формирование пенитенциарной системы, в состав которой вошли тюрьмы, исправительно-трудовые и детские трудовые колонии, а также лагеря для военнопленных и интернированных, находившиеся в ведении различных структурных подразделений Управления МВД по Калининградской области, контингент которых предполагалось использовать для восстановления хозяйства области.

Вместе с тем, рентабельность созданных учреждений пенитенциарной системы оставалась на крайне низком уровне, что было связано, прежде всего, с попыткой как Управления МВД по Калининградской области, так и различных предприятий использовать контингент в интересах не одной, а нескольких хозяйственных организаций. Крайне неблагоприятные бытовые условия, нарушение мер безопасности на производстве, неправильное комиссование влекли за собой рост травматизма, смертности и побегов контингента. Несмотря на ряд мер, предпринимаемых руководством Управления МВД по Калининградской области, направленных на улучшение быта, а также усиление режима и охраны, к концу исследуемого периода в полной мере не удалось добиться роста производственных показателей и снижения числа негативных проявлений.

Кроме того, следует отметить, что в связи с окончанием Великой Отечественной войны и начавшимся процессом репатриации военнопленных и интернированных на родину активизировалась политическая работа в лагерях военнопленных и интернированных, направленная на формирование у контингента положительного образа Советского Союза. Одновременно с этим на качественно новый уровень вышла работа оперативных подразделений лагерей, целью которой являлось выявление среди контингента как изменников Родины и военных преступников, так и лиц, подлежавших денацификации.

* * *

Проведенный анализ деятельности органов и войск МВД СССР в период функционирования на территории Калининградской области чрезвычайных органов управления позволяет сделать ряд выводов.

1. Чрезвычайные органы управления, представлявшие собой переходную форму от органов военной администрации к конституционным органам управления, на территории Кенигсбергской (Калининградской) области существовали в виде управлений по гражданским делам как областного, так городского и районного уровней. Именно они являлись основными структурами, осуществлявшими на местах интеграционные мероприятия, санкционированные высшими государственными органами (Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР). Наиболее сложным аспектом деятельности управлений по гражданским делам всех уровней являлся процесс приема имущества и материальных ценностей от военных органов управления, продолжавшийся до конца 1946 г., что явилось одной из причин принятия ряда неотложных мер, направленных на формирование партийных структур в Калининградской области и усиления их влияния на интеграционные процессы.

2. Существенное влияние на обстановку, которая складывалась на территории Калининградской области в период деятельности чрезвычайных органов управления, оказывали миграционные процессы, начавшиеся из-за необходимости хозяйственного освоения региона и включения его в экономическую систему Советского Союза, выражавшиеся в переезде завербованных рабочих на предприятия, командированных служащих в учреждения, а также колхозников из различных районов страны. Вместе с тем, неблагоприятные материально-бытовые условия, в которых оказались переселенцы, сложная санитарно-эпидемиологическая ситуация, голод 1946–1947 гг., большое количество вооружения и боеприпасов, находившихся на руках у населения, провоцировали рост уголовной преступности, пик которой был достигнут весной 1947 г. Об этом свидетельствует тот факт, что наиболее распространенным видом как уголовных, так и экономических преступлений в рассматриваемый период являлись преступления, связанные с хищением как личного имущества граждан, так и общественного имущества различных организаций и предприятий.

3. Вхождение бывшей территории северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза потребовало формирования на ее территории полноценных органов МВД, создание которых осуществлялось по типовым штатам, характерным для других административно-территориальных единиц РСФСР. Вместе с тем, при разработке штатов не были учтены местные условия (смена административно-территориального устройства области, отсутствие каких-либо структур, выполнявших правоохранительные функции, а также кадров для комплектования создаваемых органов МВД), что приводило к частому обращению руководства Управления МВД по Калининградской области в МВД СССР с просьбами об изменении штатной структуры, которые до конца исследуемого периода не были удовлетворены.

4. Окончание Великой Отечественной войны и последующее сокращение Вооруженных сил оказали существенное влияние на изменение численности группировки войск МВД СССР, дислоцирующейся на территории Калининградской области. Сокращение объема выполняемых задач, а также передача внутренних войск в состав МГБ СССР привели к тому, что к концу исследуемого периода в области дислоцировались всего лишь один полк (349-й полк конвойных войск МВД СССР) и два батальона (батальон 211-го полка войск МВД СССР по охране железных дорог и 106-й отдельный батальон войск МВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности). Как следствие, деятельность войск МВД СССР была фактически сосредоточена на выполнении задач по охране железных дорог, особо важных предприятий промышленности и лагерей МВД для военнопленных и интернированных. Выделение личного состава для участия в мероприятиях, проводимых органами МВД, стало носить исключительный характер.

5. В исследуемый период органы МВД активно привлекались к выполнению мероприятий, способствующих интеграции бывшей территории

северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза. В основном это касалось проведения мероприятий, связанных с осуществлением документирования и прописки населения и фильтрацией репатриантов. Одновременно с этим, на начальном этапе переселения колхозников в Калининградскую область на органы МВД была возложена задача охраны общественного порядка в местах выгрузки и расселения прибывающих лиц, а также изучения их настроений. Кроме того, именно на органы МВД была возложена задача по перемещению части немецкого населения, проживающего на территории области, в советскую зону оккупации Германии.

6. Ведение борьбы с бандитизмом, уголовной и экономической преступностью было связано с определенными трудностями, обусловленными процессом формирования органов МВД, кадровыми проблемами, недостаточным уровнем профилактической работы, невозможностью привлечения большого количества личного состава войск МВД, что приводило лишь к «ситуативному реагированию» на факты преступлений. Некоторые успехи, достигнутые органами МВД в ходе борьбы с бандитизмом, уголовной и экономической преступностью, нивелировались появлением новых преступных группировок на месте ликвидированных, а также ростом числа преступности как среди граждан СССР, прибывших для работы в Калининградскую область, так и среди немецкого населения.

7. Активную роль в хозяйственном освоении нового региона играли структуры пенитенциарной системы, контингент которых использовался в интересах как хозяйственного отдела Управления МВД по Калининградской области, так и различных предприятий региона. Несмотря на то, что в период формирования пенитенциарной системы хозяйственная деятельность большинства исправительно-трудовых учреждений, а также лагерей военнопленных и интернированных была признана убыточной, в первой половине 1947 г. продолжилось ее расширение, а контингент стал использоваться практически во всех сферах народного хозяйства.

8. Несмотря на многочисленные трудности, связанные с созданием и функционированием органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в исследуемый период, а также ростом уголовной преступности в регионе, Управлением МВД по Калининградской области и его периферийными органами были приняты максимально возможные меры, позволившие не допустить осложнения обстановки и продолжить мероприятия, направленные на интеграцию нового региона в состав Советского Союза.

Глава 4. ОРГАНЫ И ВОЙСКА МВД СССР НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 1947 г. – ДЕКАБРЕ 1949 г.

Оперативная обстановка на территории Калининградской области в период создания и функционирования советских органов государственного управления

Заключительный этап интеграции северной части германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза был связан с созданием и функционированием на территории Калининградской области советских органов государственного управления. В соответствии со статьей 94 Конституции СССР 1936 г. органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, городах, районах и селах являлись советы депутатов трудящихся, которые избирались сроком на два года. В свою очередь, исполнительными и распорядительными органами советов депутатов трудящихся были избираемые ими исполнительные комитеты в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов (статья 99 Конституции СССР)[1].

Главной особенностью создания советских органов государственного управления на территории Калининградской области стало то, что исполнительные комитеты здесь были учреждены раньше избрания советов депутатов трудящихся. По мнению автора, подобная ситуация объяснялась невозможностью существовавших в области чрезвычайных органов управления осуществить трудоемкий процесс выборов советов депутатов трудящихся в связи с ограниченными возможностями управлений по гражданским делам.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1947 г. № 614/7 в Калининградской области был образован исполнительный комитет Калининградского областного совета депутатов трудящихся (председатель – В. А. Борисов). В городах и районах области формировались городские и районные исполнительные комитеты в составе председателя, секретаря и 3–5 членов, утверждаемых Калининградским областным исполнительным комитетом. Управление по гражданским делам Калининградской области и его периферийные органы расформировывались[2].

Фактически сразу после создания Калининградского областного исполнительного комитета были проведены мероприятия, направленные на уточнение административно-территориального деления Калининградской области, связанные с подготовкой выборов советов депутатов трудящихся. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1947 г. в области создавалось 17 районов, в составе которых формировалось 129 сельских советов. Кроме того, 7 населенных пунктов области было отнесено

[1] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июнь 1956 г. С. 12, 13.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 354. Л. 18.

к городам областного подчинения (города Калининград, Советск, Черняховск, Балтийск, Гусев, Неман и Светлогорск), а 6 – к категории рабочих и курортных поселков. В самом областном центре были сформированы 4 городских района (Балтийский, Ленинградский, Московский и Сталинградский)[1].

Следует отметить, что подготовительная работа к выборам советов депутатов трудящихся проводилась Калининградским областным исполнительным комитетом в тесном взаимодействии с областным комитетом ВКП(б). 24 сентября 1947 г. бюро Калининградского областного комитета ВКП(б) утвердило план организационных и агитационно-пропагандистских мероприятий на период предвыборной кампании, который включал в себя: учет населения области, перепись избирателей, образование избирательных участков и агитационных пунктов, подбор кандидатур для работы на избирательных участках и в комиссиях, а также депутатов местных советов, проведение предвыборных собраний трудящихся[2].

Выборы в местные советы были проведены 21 декабря 1947 г. Всего в избирательной кампании приняли участие 275 666 избирателей, что составило 99,79%[3]. По результатам выборов в населенных пунктах Калининградской области формировалось 175 советов депутатов трудящихся различного уровня (городские, районные, поселковые и сельские)[4].

После выборов, в соответствии с решением Калининградского областного исполнительного комитета от 8 декабря 1947 г. «О созыве сессий местных советов депутатов трудящихся Калининградской области», во всех местных советах прошли первые сессии, на которых были переизбраны исполнительные комитеты, сформированы депутатские комиссии, отделы и управления советов. Так, 7 января 1948 г. состоялась первая сессия Калининградского областного совета депутатов трудящихся, в ходе которой образованы 30 областных отделов и управлений, утверждены их руководители, а также избраны 11 постоянных комиссий[5].

Таким образом, к началу 1948 г. на территории Калининградской области были сформированы советские органы государственного управления, однако интеграционный период продолжался фактически до начала 1950 г. Это было связано с тем, что промышленность и сельское хозяйство области еще не были в полной мере интегрированы в советскую систему хозяйствования. Кроме того, на территории Калининградской области продолжало оставаться значительное количество немецкого населения, выселение которого в советскую зону оккупации Германии было начато только в конце 1947 г. и продолжалось в течение всего 1948 г.

---

[1] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 354. Л. 19–29.

[2] Клемешева М. А. Органы советской власти на территории Калининградской области в первые послевоенные годы. С. 83.

[3] Самая западная: Сб. документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области. С. 24.

[4] Рубашкин В. В. Становление советской власти в самой западной области РСФСР в 1947–1948 годах. С. 146.

[5] Клемешева М. А. Органы советской власти на территории Калининградской области в первые послевоенные годы. С. 83.

Помимо названных, существовал также ряд не менее важных проблем. 28 мая 1947 г. второй секретарь Калининградского областного комитета ВКП(б) П. А. Иванов направил И. В. Сталину записку о плане развития Калининградской области и мерах неотложной помощи в ее хозяйственном и культурном строительстве. Этот документ стал причиной направления в Калининградскую область комиссии во главе с заместителем председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгиным. На членов комиссии возлагалась следующая задача: «ознакомившись с положением дел на месте, выработать проект мероприятий по оказанию хозяйственной помощи Калининградской области, а также конкретный план по использованию верфи, целлюлозно-бумажной и янтарной промышленности и транспорта»[1].

По результатам работы комиссии А. Н. Косыгина в Калининградской области Советом министров СССР 21 июля 1947 г. были приняты девять постановлений, определивших развитие региона на 1947–1950 гг. На собрании областного партийного актива, которое состоялось 23–24 августа 1947 г., первый секретарь Калининградского областного комитета ВКП(б) В. В. Щербаков[2] назвал их «Сталинским планом восстановления и развития Калининградской области»[3].

Постановления Совета министров СССР от 21 июля 1947 г. в основном касались вопросов развития ведущих отраслей экономики Калининградской области – судостроительной, целлюлозно-бумажной, янтарной и рыбной промышленности, энергетики, транспорта и сельского хозяйства. Предполагалось осуществить запуск 178 промышленных предприятий, осуществить восстановление железнодорожных линий с прошивкой на союзную колею, провести углубление дна в морском канале Балтийск – Калининград и трех гаванях Калининградского порта, создать рыболовный флот и провести большое количество других мероприятий.

Серьезное внимание уделялось развитию городского хозяйства. Так, постановление Совета министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2601 «О мерах помощи городскому хозяйству Калининградской области» предусматривало проведение работ по расширению телефонной и телеграфной связи, строительству радиовещательной станции, созданию почтовых отделений, ремонту шоссейных дорог союзного значения, восстановлению мостов, строительству жилых домов общей площадью 20 тыс. м^2, открытию книжных магазинов, педагогического института в городе Калининграде и ряд других мероприятий[4].

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2599 на МВД СССР было возложено восстановление янтарного

[1] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 23.

[2] В. В. Щербаков с марта 1946 г. по июнь 1947 г. занимал должность председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июня 1947 г. № П58/203 был назначен на должность первого секретаря Калининградского областного комитета ВКП(б) (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 353. Л. 10).

[3] Калининградская правда. 1947. 26 августа.

[4] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 70–90.

комбината в поселке Пальмникен Приморского района[1] и его последующая эксплуатация. В ходе работ планировалось восстановить карьерно-рудничное хозяйство, построить обогатительную фабрику и насосную станцию при ней, восстановить основные и вспомогательные цеха, провести капитальный ремонт оборудования и строительство лагерных помещений для содержания заключенных, силами которых должны были осуществлять восстановительные работы. Постановление следующим образом определило задачи МВД СССР:

«а) приступить в июле 1947 года к организации работ по восстановлению янтарного комбината и закончить восстановление его в марте 1948 года на мощность 500 тонн в год. Восстановить в тот же срок химическое производство на основе янтарного сырья;

б) обеспечить добычу в 1948 году 250 тонн янтаря;

в) уточнить к 1 ноября 1947 г. окончательный объем восстановительных работ, связанных с пуском в эксплуатацию янтарного комбината и их стоимость»[2].

Большое внимание было уделено развитию сельского хозяйства области. Так, постановление Совета министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2624 «О мерах развития сельского хозяйства Калининградской области» предусматривало увеличение посевных площадей в колхозах до 102 тыс. гектаров, введение правильного севооборота и использование минеральных удобрений. По состоянию на 1 января 1949 г. в колхозах и совхозах планировалось иметь 60 тыс. голов крупного рогатого скота, 15 тыс. свиней, 5 тыс. овец, 17,7 тыс. лошадей и 30 тыс. птиц. В целях механизации труда колхозников планировалось создание к 1 октября 1947 г. 15 машинно-тракторных станций (МТС) и направление в область 200 тракторов КД-35, 100 тракторов У-2, 300 плугов различного типа, 150 тракторных сеялок, 30 комбайнов и 60 грузовых автомашин[3].

Общий объем капиталовложений на выполнение мероприятий, определенных постановлениями Совета министров СССР от 21 июля 1947 г., составлял 700 млн рублей. Вместе с тем, по оценке областных властей, общая сумма требуемых денежных средств составляла 8651 млн рублей, в том числе: на промышленность – 708 млн, сельское хозяйство – 1163 млн, транспорт и связь – 1316 млн, жилищно-коммунальное хозяйство – 5384 млн, социальную сферу (образование, здравоохранение и др.) – 80 млн рублей[4].

Следует отметить, что реализация поставленных задач, особенно направленных на развитие сельского хозяйства, была невозможна без дополнительного привлечения людских ресурсов. Именно на решение этой задачи было направлено постановление Совета министров СССР от 21 июля

---

[1] В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1947 г. «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области» поселок Пальмникен был переименован в поселок Янтарный. – Прим. автора.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 61.

[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 105–129.

[4] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 261.

1947 г. № 2604 «О переселении колхозников и другого населения в колхозы и совхозы Калининградской области», в соответствии с которым в течение 1947–1950 гг. предполагалось осуществить переезд в область 20 тыс. семей из различных областей РСФСР (в 1947 г. – 4,5 тыс., в 1948 г. – 9,5 тыс., в 1949 г. – 3 тыс. и в 1950 г. – 3 тыс. семей)[1].

Вместе с тем, в связи с окончательным разрешением вопроса о выселении немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии, были внесены некоторые коррективы в планы заселения сельских районов региона. Так, постановлением Совета министров СССР от 20 сентября 1948 г. № 3545 «О дальнейшем переселении колхозников и другого населения в колхозы и совхозы Калининградской области» в течение 1949–1950 гг. предполагалось дополнительно организовать переселение 3 тыс. семей из 15 областей РСФСР (в 1949 г. – 1,5 тыс., в 1950 г. – 1,5 тыс. семей), а также 1000 семей из Белорусской ССР (в 1949 г. – 500, в 1950 г. – 500 семей)[2].

Как и ранее, переселенцам предоставлялись определенные льготы:

а) бесплатный проезд и провоз скота и имущества (до 2 т на каждую семью);

б) снятие недоимок по обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов, налогам и страховым платежам;

в) освобождение от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов, страховых платежей, от обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов в течение первого года в полном объеме, а в последующие три года – в размере 25% от норм поставок и ставок налога;

г) безвозмездная выдача денежных пособий в размере 1000 рублей на главу семьи и по 300 рублей на каждого члена семьи;

д) продажа за наличный расчет в местах размещения продовольственного зерна в размере 1,5 ц на главу семьи и 0,5 ц на каждого члена семьи[3].

Одновременно с переселением колхозников в сельскую местность продолжались мероприятия по вербовке промышленных и транспортных рабочих в различных регионах Советского Союза в целях обеспечения рабочей силой промышленных предприятий Калининградской области.

Как показал подсчет, проведенный доктором исторических наук, профессором Ю. В. Костяшовым, в течение 1947–1950 гг. из различных регионов СССР в Калининградскую область прибыли 391,8 тыс. человек[4]. Вместе с тем, в связи с различными причинами существенно увеличилось число лиц, которые покидали территорию области и возвращались в места прежнего жительства (так называемый процесс «обратничества»). Так, в течение 1947 г. за пределы области выбыли 39 722 человека, что составляло 27% от количества прибывших лиц, в 1948 г. – 51 873 человека (34%), а в 1949 г. – 52 134 человека

[1] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 91–94.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 356. Л. 11.

[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 91 об.

[4] Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. С. 85.

(46%)[1]. Эти данные позволили Ю. В. Костяшову сделать следующий вывод: «В течение более чем десяти лет в области по сути не было постоянного населения. Все время происходила ротация жителей. Люди приезжали, жили несколько месяцев, год, два – потом уезжали. На их место приезжали другие. Некоторые приезжали и уезжали по два раза и более. Образно говоря, область долгое время жила за счет «вахтенного метода»»[2].

Одной из основных причин обратничества являлось крайне неблагополучное материально-бытовое положение переселенцев. Так, в постановлении бюро Калининградского областного комитета ВКП(б) от 9 июля 1947 г. было отмечено, что неудовлетворительное хозяйственное устройство колхозов привело к убытию из них 498 семей, в том числе 345 из них – за пределы области:

«Жилые помещения не отремонтированы, от мусора не очищены… По состоянию на 1 июля в области 2390 семей колхозников живут в неотремонтированных домах (без окон, без дверей и частью без полов), а отремонтированный 1921 дом актами не оформлен и в личное пользование колхозникам не передан. Работа строительных участков в колхозах не налажена, первоочередная помощь семьям инвалидов Отечественной войны и семьям погибших воинов не оказывается. Больше того, имеют место факты издевательского отношения к колхозникам-переселенцам….

Льготы, установленные правительством для колхозников-переселенцев, предоставляются несвоевременно и не полностью. До сих пор колхозникам не выдано по обменным квитанциям 136 голов скота, не отоварено ордеров на 1486 пальто и 875 пар обуви. Колхозники, переселившиеся в 1947 г., до сих пор не получили спички, мыло, соль и другие промышленные товары. На 1 июля в области имеется 1092 хозяйства бескоровных колхозников-переселенцев, однако областной переселенческий отдел и областное Управление сельского хозяйства должных мер к ликвидации бескоровности не принимают…

Колхозы продолжительное время живут без зарегистрированного устава сельхозартели, не имеют трудовых книжек, печатей, штампов, а также установленных форм и бланков колхозного делопроизводства и учета»[3].

Аналогичная ситуация складывалась и при размещении рабочих промышленных предприятий, которые прибывали по вербовке в Калининградскую область. Так, начальник Балтийского городского отделения милиции города Калининграда майор милиции А. Д. Евдокимов в своей справке от 14 июня 1948 г. отмечал:

«1. Мостопоездом № 446 1/V.48 г. из г. Тулы прибыли вербованные рабочие в количестве 30 чел., которые по 12/V-48 г. на работу не выходили,

[1] «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области. С. 35.

[2] Цит. по: Костяшов Ю. В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы. С. 219.

[3] Цит. по: В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). С. 343–344.

требуя от руководства жилплощади, так как и по сей день проживают на чердаке д. № 9 по ул. Б-Кольцевой без постельной принадлежности, причем многие спят… без кроватей.

2. Из г. Тамбова прибыл 21 чел. 21/V-48 г., часть из которых также находится в таком же положении, что и первые.

3. Из разных местностей прибыло в разные сроки 40 чел., которые также расположены на чердаке д. № 9 (подъезды № 7, 5, 4, 2, 1).

Многие из прибывших рабочих не работают от 5 до 20 дней, не получая никакого денежного содержания на пропитание и другие нужды, в результате чего рабочие вынуждены продавать имеющиеся при себе вещи.

По причине антисанитарного состояния [помещения. – Прим. автора], где проживают рабочие (чердак), имеется ряд заболеваний разными болезнями»[1].

Фактически на всех промышленных предприятиях области руководство не обращало достаточного внимания на материально-бытовые нужды прибывших рабочих. Так, в своем выступлении на оперативном совещании руководящего состава Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов, которое состоялось 30 сентября 1948 г., майор милиции А. Д. Евдокимов следующим образом охарактеризовал положение, сложившееся на одном из крупнейших предприятий региона – заводе № 820 Министерства судостроительной промышленности: «Они [прибывающие рабочие. – Прим. автора] размещаются в барак, исключительно скученно, в корпусах завода. Это создает условия недовольства, особенно среди учащихся ФЗО, среди которых имеют место случаи, когда они рвут пропуска [на право въезда в Калининградскую область. – Прим. автора] или заявляют, что приехали без пропусков, не прописываются, имея намерение выехать в центральные области Союза. Уже зафиксировано 20 случаев дезертирства с производства»[2].

Бытовая неустроенность, а также отсутствие внимания со стороны руководства предприятий и колхозов к материально-бытовым нуждам прибывающих лиц, недостаток объектов социальной инфраструктуры приводили к массовому выезду переселенцев в места своего прежнего проживания. В свою очередь, ряд переселенцев, которые оставались в Калининградской области, в силу указанных причин нередко вставали на путь совершения преступлений.

В силу этого **криминогенная обстановка** на территории Калининградской области в исследуемый период продолжала оставаться крайне напряженной. Проведенный анализ данных формы № 6 «Цифровые сведения о результатах оперативно-следственной работы органов милиции» показал, что во второй половине 1947 г. наблюдалось постепенное снижение количества возбужденных уголовных дел по всем видам преступлений. Их наименьшее количество было зарегистрировано в ноябре 1947 г. – 154 уголовных дела, возбужденных по линии отдела уголовного розыска и других отделов, и 49 уголовных дел, возбужденных по линии отдела по борьбе с хищениями

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 94.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 278.

социалистической собственности. Вместе с тем, с начала 1948 г. был вновь зафиксирован незначительный рост преступлений, который во второй половине года в основном продолжал оставаться на одном уровне (в среднем 171 уголовное дело в месяц, возбужденное по линии отдела уголовного розыска и других отделов, и 136 уголовных дел в месяц, возбужденных по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности) (таблица 10). В 1949 г. число уголовных дел, возбужденных по линии отдела уголовного розыска и других отделов, фактически не изменилось (в 1948 г. – 2025, в 1949 г. – 2017), а количество уголовных дел, возбужденных по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, снизилось на 18,16% (с 1526 в 1948 г. до 1249 в 1949 г.)[1].

Таблица 10

Количество уголовных дел, возбужденных органами милиции Калининградской области в июле 1947 г. – декабре 1948 г.[2]

Период	Количество уголовных дел, возбужденных по линии отдела уголовного розыска и других отделов	Количество уголовных дел, возбужденных по линии ОБХСС
Июль 1947 г.	256	160
Август 1947 г.	212	243
Сентябрь 1947 г.	216	115
Октябрь 1947 г.	150	111
Ноябрь 1947 г.	154	49
Декабрь 1947 г.	128	89
Январь 1948 г.	184	115
Февраль 1948 г.	181	115
Март 1948 г.	196	120
Апрель 1948 г.	116	115
Май 1948 г.	186	141
Июнь 1948 г.	136	101
Июль 1948 г.	163	103
Август 1948 г.	180	124
Сентябрь 1948 г.	147	124
Октябрь 1948 г.	176	180
Ноябрь 1948 г.	185	157
Декабрь 1948 г.	175	131

Следует отметить, что в структуре ***уголовной преступности*** на территории Калининградской области в исследуемый период произошли некоторые изменения. Причиной этого стало принятие 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР указа «Об усилении охраны личной собственности граждан», в соответствии с которым на всей территории СССР было упразднено понятие «грабеж», ужесточено наказание за кражи и разбои,

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

а также введена уголовная ответственность за недонесение о готовящемся или совершенном разбое[1]. Ко всем преступлениям, ранее подпадавшим под действие указанных статей 162 (кража), 165 (грабеж), 166 (скотокрадство) и 167 (разбой) Уголовного кодекса РСФСР 1926 г, стали применяться нормы указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Данные формы № 6 «Цифровые сведения о результатах оперативно-следственной работы органов милиции» свидетельствуют, что наиболее распространенным видом преступлений на территории Калининградской области продолжали оставаться имущественные преступления (таблица 11). Так, если в 1947 г. количество уголовных дел, возбужденных по фактам краж всех видов составляло 49,8% от числа всех уголовных дел, возбужденных по линии отдела уголовного розыска и других отделов, то в 1948 г. оно выросло до 52,49%[2]. В 1949 г. процентное соотношение уголовных дел, возбужденных по фактам краж всех видов, сократилось до 46,65% от общего количества возбужденных уголовных дел[3].

Таблица 11

Количество преступлений, по которым возбуждены уголовные дела органами милиции Калининградской области по линии отдела уголовного розыска и других отделов в июле 1947 г. – декабре 1948 г.[4]

Вид преступления	III квартал 1947 г.	IV квартал 1947 г.	I квартал 1948 г.	II квартал 1948 г.	III квартал 1948 г.	IV квартал 1948 г.
Умышленные убийства (ст. 136–138 УК РСФСР)	16	15	5	6	13	19
Хулиганство (ст. 74-2 УК РСФСР)	24	18	31	34	63	52
Кражи (указ от 04.06.1947)	340	250	344	226	229	264
Разбой (указ от 04.06.1947)	9	22	18	13	10	19

[1] Под понятием «кража» в указе понималось тайное или открытое похищение личного имущества граждан. За простую кражу предусматривалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок от 5 до 6 лет, за квалифицированную (совершенную группой лиц, либо повторно) – на срок от 6 до 10 лет. В свою очередь, под понятием «разбой» понималось нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием, либо угрозой применения насилия. За простой разбой предусматривалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества, за квалифицированный – на срок от 15 до 20 лет с конфискацией имущества (Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. С. 430).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–17; Д. 42. Л. 1–24.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

[4] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

Вид преступления	III квартал 1947 г.	IV квартал 1947 г.	I квартал 1948 г.	II квартал 1948 г.	III квартал 1948 г.	IV квартал 1948 г.
Мошенничество, подделка документов (ст. 72, 169, 170 УК РСФСР)	14	10	11	14	17	11
Половые преступления (ст. 151–154 УК РСФСР)	1	4	3	1	6	1
Аборты (ст. 140 УК РСФСР)	2	6	12	3	7	6
Поджоги	4	1	2	3	1	1
Нарушение паспортного режима (ст. 192 «а» УК РСФСР)	51	38	58	63	72	82
Незаконное изготовление, хранение, покупка и сбыт оружия, отравляющих веществ и ядов (ст. 179, 182 УК РСФСР)	21	15	20	21	7	14
Аварии и наезды на людей (ст. 59-3 «в» УК РСФСР)	26	26	16	18	22	36
Прочие преступления	176	27	41	36	43	31

В исследуемый период наблюдалось некоторое уменьшение числа уголовных дел, возбужденных по некоторым видам преступлений, совершенных на территории Калининградской области. Так, количество уголовных дел по фактам мошенничества и подделки документов за период с 1947 г. по 1949 г. снизилось на 25,49% (с 51 до 38), поджогов – на 36,36% (с 11 до 7), вооруженных разбоев – на 43,83% (с 73 до 41), по случаям незаконного изготовления, хранения, покупки и сбыта огнестрельного оружия – на 55,14% (со 107 до 48), а по случаям умышленных убийств – на 75,3% (с 81 до 20). Вместе с тем, увеличилось количество уголовных дел, возбужденных по таким преступлениям, как нарушения паспортного режима (с 217 до 237, увеличение на 9,21%) и изнасилования (с 9 до 11; увеличение на 22,22%). Число уголовных дел, возбужденных по фактам производства абортов, а также аварий и случаев наездов транспортных средств на людей, выросло более чем в 2 раза (с 16 до 37 и с 69 до 141 соответственно). Кроме того, почти в 3 раза увеличилось количество уголовных дел, возбужденных по фактам хулиганства (с 83 до 246)[1].

Проведенный автором анализ социального состава лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений по линии отдела уголовного розыска (приложение 12), показал, что в основном преступления совершались промышленными и транспортными рабочими, прибывшими по вербовке в Калининградскую область. Несмотря на снижение количества лиц этой категории, привлеченных к уголовной ответственности, наблюдаемое во второй половине 1947 г. и в 1948 г., промышленные и транспортные рабочие в 1949 г. составляли 32,07% от общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений[2].

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–17; Д. 42. Л. 1–24; Д. 43. Л. 16.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 43. Л. 16 об.

Таблица 12

Социальный состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным органами милиции Калининградской области по линии отдела уголовного розыска, в июле 1947 г. – декабре 1948 г.[1]

Категории лиц	III квартал 1947 г.	IV квартал 1947 г.	I квартал 1948 г.	II квартал 1948 г.	III квартал 1948 г.	IV квартал 1948 г.
Промышленные и транспортные рабочие	224	135	122	70	79	82
Сезонные, сельскохозяйственные и прочие рабочие	209	114	109	82	126	71
Колхозники	29	13	34	39	46	62
Служащие	38	16	51	34	36	46
Учащиеся высшей и средней школы, школ ФЗО	–	–	–	–	–	18
Сержантский и рядовой состав воинских частей	63	29	32	35	31	34
Деклассированный элемент	49	31	61	59	47	33
Лица без определенных занятий и места жительства	142	69	70	53	79	100
Прочие категории (домохозяйки, пенсионеры и прочие)	5	–	7	3	10	17

Достаточно высоким продолжал оставаться уровень преступности и среди военнослужащих воинских частей Советской армии, которые дислоцировались на территории Калининградской области. В основном военнослужащие (сержантский и рядовой состав) привлекались к уголовной ответственности за совершение таких преступлений как хулиганство, кражи и разбой. Так, 12 мая 1948 г. в кинотеатре «Родина» в городе Калининграде военнослужащие войсковой части – полевая почта 28474 Краснознаменский, Круглов и Филиппов в состоянии алкогольного опьянения устроили дебош, сопровождаемый поломкой мебели, а также оказали сопротивление наряду милиции, прибывшему для их задержания. При обыске у задержанных были изъяты пистолет «ТТ» с 16 патронами, финский нож, а также свинцовая перчатка[2].

Как и ранее, военнослужащие достаточно часто объединялись в группы с гражданскими лицами целью совершения преступлений. Так, в поселке Зеленое (Полесский район) военнослужащий 54-го авиационного полка Никитин совместно с ранее судимым Ивановым в ночь на 30 июля 1948 г. совершил убийство с целью грабежа немца А. Шемайта. Забрав из квартиры большое количество вещей, ценностей и 2000 рублей, преступники скрылись[3]. В ночь на

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 95.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 193.

21 августа 1948 г. в городе Калининграде двумя военнослужащими совместно с вольнонаемным работником ремонтной базы был ограблен старший инженер треста «Калининградэнерго» Артемьев, который возвращался из ресторана «Прибой». Преступники сняли с него верхнюю одежду, ботинки, а также отобрали часы и 3000 рублей[1].

Следует отметить, что в исследуемый период среди категорий лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений по линии отдела уголовного розыска, произошли некоторые изменения. Так, число служащих, привлеченных к уголовной ответственности, увеличилось с 5,03% в 1947 г. до 7,35% в 1949 г., а количество домохозяек и пенсионеров – с 0,27% в 1947 г. до 8,26% в 1949 г. Большое количество уголовных преступлений совершали лица без определенных занятий и места жительства. Так, если в 1947 г. эта категория составляла 17,44% от общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений по линии отдела уголовного розыска, то в 1949 г. их количество увеличилось до 19,65%. При этом именно эта категория совершала в основном преступления имущественного характера – кражи и разбои. Так, только в течение 8 сентября 1947 г. гражданка Пужохина, не имевшая определенных занятий и места жительства, под видом учительницы совершила несколько квартирных краж в городе Калининграде. Обходя дома, она устанавливала квартиры, в которых находились только дети, а затем под разными предлогами отправляла их выполнить какое-либо поручение, после чего совершала кражи[2].

Проведенный анализ возраста лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным по линии отдела уголовного розыска (таблица 13), показал, что, как и ранее, преступления в основном совершали лица в возрасте 22–30 лет[3].

Таблица 13

Возраст лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным органами милиции Калининградской области по линии отдела уголовного розыска, в июле 1947 г. – декабре 1948 г.[4]

Возраст	III квартал 1947 г.	IV квартал 1947 г.	I квартал 1948 г.	II квартал 1948 г.	III квартал 1948 г.	IV квартал 1948 г.
До 16 лет	72	26	21	22	23	16

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 204.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 10. Л. 198.

[3] Данные о возрасте лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным по линии уголовного розыска, за 1949 г. автором не обнаружены. В сводном отчете за 1949 г. приведены лишь сведения о возрасте лиц, осужденных за совершение преступлений (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 43. Л. 16 об.).

[4] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

Возраст	III квартал 1947 г.	IV квартал 1947 г.	I квартал 1948 г.	II квартал 1948 г.	III квартал 1948 г.	IV квартал 1948 г.
От 16 до 18 лет	86	40	57	32	92	94
От 19 лет до 21 года	107	101	66	76	107	88
От 22 до 30 лет	280	164	167	131	165	156
От 31 года до 40 лет	119	49	103	70	34	86
Старше 40 лет	95	27	72	44	33	23

Вместе с тем, имеющиеся данные позволяют констатировать, что в Калининградской области началось так называемое «омоложение преступности», то есть снижение возраста лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Так, если в 1947 г. число лиц в возрасте до 19 лет, привлеченных к уголовной ответственности, составляло 18,8%, то в 1948 г. оно увеличилось уже до 20,07%. Уголовные преступления начали совершать даже учащиеся средних школ. Так, в ночь на 2 июля 1947 г. учащиеся 10 класса средней школы города Гвардейск Воробьев, Балязин, Рубцов и Васюков совершили кражу в квартире заведующего учебной частью Завалеевой, а затем путем подбора ключей вскрыли сейф в школе, откуда похитили 2800 рублей, 40 хлебных карточек и облигаций на сумму 4000 рублей[1].

Следует отметить, что в форме № 6 не учитывались преступления, связанные с проявлениями ***бандитизма***. Несмотря на незначительное количество учтенных отделом по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области фактов бандитизма (в 1948 г. – 9 случаев, за 10 месяцев 1949 г. – 7 случаев[2]), действия бандитских групп не прекращались фактически до конца исследуемого периода.

Анализ отчетных документов отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области показал, что, несмотря на значительное уменьшение количества действующих бандгрупп в 1948–1949 гг. произошло некоторое увеличение их численности и в определенной степени расширение масштабов преступной деятельности. Так, наиболее крупной зарегистрированной бандой в исследуемый период являлась преступная группа 18-летнего В. Земкина, в которую входили 16 человек, совершившая в конце 1948 г. вооруженные ограбления магазинов в Багратионовском и Гурьевском районах на общую сумму 80 тыс. рублей[3].

Как и ранее, бандитские группы нередко формировались из числа как бывших, так и действующих военнослужащих Советской армии, а также лиц, прибывших по вербовке для работы на предприятиях Калининградской области. В основном действия банд охватывали один район, однако в некоторых случаях преступления могли совершаться и в нескольких соседних районах.

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 107, 280.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 283.

Так, например, действовавшая в сентябре – октябре 1948 г. бандитская группа из девяти военнослужащих 91-го стрелкового полка 16-й гвардейской стрелковой дивизии под руководством младшего сержанта Е. Н. Шишкина на территории Краснознаменского района совершила несколько вооруженных нападений на обозы литовских крестьян, которые возвращались с рынка, и ограбление магазина отдела рабочего снабжения Верхне-Шешупского лесоучастка Краснознаменского леспромхоза, а в Советском районе – убийство сторожа колхоза имени В. М. Молотова[1].

Бандгруппа в количестве 7 человек под руководством шофера отдела рабочего снабжения Черняховского леспромхоза 23-летнего Долженко, прибывшего в Калининградскую область по вербовке в апреле 1949 г., только за сентябрь 1949 г. совершила три вооруженных ограбления в городе Черняховске и вооруженное ограбление магазина в Большаковском районе на сумму 43 тыс. рублей[2].

Не прекращались и попытки проникновения в область преступного элемента, который, по словам начальника отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области подполковника С. И. Казанцева, пытался «скрыться и раствориться» среди прибывавшего населения[3]. Так, в начале 1949 г. из города Рославль Смоленской области прибыла группа преступников, которая разделилась и осела в городах Калининград, Советск, Черняховск и Краснознаменск. Группа, действовавшая в Калининграде, в августе 1949 г. совершила вооруженное ограбление магазина на общую сумму около 24 тыс. рублей, после чего два ее члена были задержаны. По показаниям арестованных преступников, банда планировала совершить ограбление филиала Госбанка и универмага[4].

В исследуемый период членами банд значительно чаще стал практиковаться выезд за пределы Калининградской области после совершения преступлений. Так, участники бандитской группы под руководством демобилизованного из Советской армии Л. М. Минеева, которые действовали в городе Калининграде и его окрестностях, после совершения нескольких преступлений выехали за пределы Калининградской области и осели в Горьковской и Брестской областях, где и были задержаны в январе – феврале 1948 г.[5]

Начиная с 1948 г. стали фиксироваться случаи проникновения на территорию Калининградской области вооруженных групп литовских националистов, которые действовали в приграничных с областью уездах Литовской ССР. Преступления, совершаемые ими, в большей степени носили уголовный характер (ограбления, убийства) и не имели под собой какой-либо политической цели. Так, первая националистическая группа в количестве

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 146–147.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 283.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 276.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 281.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 40 об.

6 человек, проникшая на территорию Краснознаменского района, 15 апреля 1948 г. совершила ограбление магазина Верхне-Шешупского лесоучастка Краснознаменского леспромхоза, после чего вернулась на территорию Литвы[1].

С июля 1948 г. на территорию Калининградской области (преимущественно в приграничные Краснознаменский и Нестеровский районы) стали заходить более крупные вооруженные националистические формирования[2]. В сентябре 1948 г. группой «Келейвис» из сводного отряда «Жальгирис», которая действовала на территории Шакяйского уезда Литовской ССР, вновь был ограблен магазин Верхне-Шешупского лесоучастка Краснознаменского леспромхоза, а также совершено нападение на группу трактористов колхоза «Победа», после чего преступники осели на территории Краснознаменского района[3].

Несмотря на предпринятые осенью 1948 г. органами МВД и МГБ меры противодействия литовским националистическим формированиям, их проникновение на территорию Калининградской области продолжилось и в последующем, причем их действия не ограничивались только приграничными районами. Так, 28 августа 1949 г. группа националистов, проникшая в Гвардейский район, совершила вооруженное нападение на группу военнослужащих, а 3 сентября 1949 г. – нападение на лесника с целью ограбления[4].

Значительное место в структуре уголовной преступности в рассматриваемый период занимали ***преступления экономического характера***, на состав которых большое влияние оказали изданные в 1947–1948 гг. нормативные правовые акты, как уточнявших нормы ответственности за отдельные виды преступлений, так и вводившие в действие ответственность за новые составы преступлений.

Так, 4 июня 1947 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», в соответствии с которым отменялись ранее действующие нормы уголовных кодексов союзных республик об ответственности за совершение указанных преступлений, применение постановления Центрального исполнительного комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР от 7 августа 1932 г. (об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации) и указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. (об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве), а также вводились более строгие наказания за хищение государственного и общественного имущества[5].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 84.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 116.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 169.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 284.

[5] В случае простого хищения государственного имущества предусматривалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок от 7 до 10 лет, а в случае квалифицированного (совершенного повторно, организованной группой или в крупных размерах) – на срок от 10 до 25 лет с конфискацией имущества. Простое хищение

Кражи государственного и общественного имущества продолжали занимать значительное место среди преступлений экономического характера, совершенных на территории Калининградской области в исследуемый период (таблица 14). Несмотря на некоторое снижение, начавшееся во второй половине 1947 г., количество уголовных дел, возбужденных по фактам краж, оставалось значительным. Так, в 1948 г. они составили 40,69%, а в 1949 г. – 37,63% от числа всех уголовных дел, возбужденных по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности[1].

Таблица 14

Количество преступлений, по которым возбуждены уголовные дела органами милиции Калининградской области по линии ОБХСС в июле 1947 г. – декабре 1948 г.[2]

Вид преступления	III квартал 1947 г.	IV квартал 1947 г.	I квартал 1948 г.	II квартал 1948 г.	III квартал 1948 г.	IV квартал 1948 г.
Кражи (указ от 04.06.1947)	308	165	163	148	157	153
Крупные кражи (указ от 04.06.1947)	20	9	15	48	58	68
Спекуляция (ст. 107 УК РСФСР)	33	23	46	39	43	59
Присвоение, растрата (ст. 116 УК РСФСР)	67	5	2	–	5	3
Взятка (ст. 117, 118 УК РСФСР)	3	1	6	4	3	2
Злоупотребление служебным положением (ст. 109 УК РСФСР)	23	16	16	8	10	14
Обвешивание и обмеривание (ст. 128 «в» УК РСФСР)	4	5	11	13	13	14
Должностные преступления (гл. 3 УК РСФСР)	24	11	18	10	14	21
Самогоноварение	–	–	–	–	19	76
Нарушение правил торговли (ст. 105 УК РСФСР)	4	9	33	14	22	36
Прочие преступления	32	5	40	73	7	22

Следует отметить, что в своем большинстве уголовные дела возбуждались по фактам мелких краж с производства. Так, калининградский исследователь Е. В. Реут, исследуя характер краж, осуществленных работниками завода № 820 Министерства судостроительной промышленности в 1946–1953 гг., пришла к выводу, что в основном «несунов» интересовали материалы, необходимые для ремонта своих квартир (кисти, краски, оконные стекла и рамы, наждачное

колхозного, кооперативного и иного общественного имущества предусматривало наказание в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет, а квалифицированное – на срок от 8 до 20 лет с конфискацией имущества (См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. С. 431).

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–24; Д. 43. Л. 16.

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

полотно), а также средства домашнего обихода (наволочки, брезент, лампочки, вата, стулья, хозяйственное мыло, уголь, сода)[1]. Эти сведения подтверждаются данными об оперативно-служебной деятельности 106-го отдельного батальона войск МВД по охране особо важных предприятий промышленности, который обеспечивал охрану завода. Так, только в феврале 1949 г. служебными нарядами батальона за попытку выноса (вывоза) имущества за пределы завода были задержаны работница цеха № 27 Е. Ф. Цимбал (6 кг каустической соды), мастер цеха № 44 В. В. Стадницкий (5 кг карбида), кладовщица склада ГСМ (5 электрических лампочек) и шофер А. А. Степаненко (2 т угля)[2].

Вместе с тем, в исследуемый период было зафиксировано резкое увеличение числа крупных краж. Так, если в 1947 г. по этому основанию было возбуждено 162 уголовных дела, то в 1948 г. их количество увеличилось до 189 (рост по сравнению с предыдущим годом на 16,66%), а в 1949 г. – до 301 (рост по сравнению с предыдущим годом на 59,25%)[3].

Значительное влияние на увеличение числа краж, особенно среди лиц, имевших доступ к различным продовольственным и промышленным товарам, оказали денежная реформа и отмена карточной системы, проведенные в соответствии с постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. № 4004. В ходе денежной реформы предполагался обмен старых купюр на новые в соотношении 10:1, вклады в сберегательных кассах переоценивались с учетом сумм, находившихся на хранении, однако деноминация размеров денежных окладов работников не производилась. Продажу промышленных и продовольственных товаров предполагалось осуществлять в порядке открытой торговли по единым государственным розничным ценам, вместо существовавших ранее коммерческих и пайковых цен[4].

Основными способами получения прибыли при проведении денежной реформы являлись сокрытие товаров при учете для их последующей реализации по новым ценам, а также внесение крупных сумм в деньгах старого образца за изымаемые товары с целью их последующей перепродажи после окончания реформы за деньги нового образца[5]. Так, работники универмага № 1 Ф. Т. Евменов, С. Т. Евменов и В. Т. Польский после объявления постановления о проведении денежной реформы внесли в кассу 33 210 рублей, на эту сумму скрыли от учета водку, которую затем реализовали, получив деньги нового образца[6]. В свою очередь, главный бухгалтер треста «Калининградстрой» И. В. Неудачин, пользуясь запущенностью учета и отчетности, перед проведением денежной реформы внес в кассу 19 тыс. рублей под видом

[1] Реут Е. В. Социальное явление «несуны» на заводе № 820 в первые послевоенные годы. С. 82.

[2] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 20. Л. 98.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–17; Д. 42. Л. 1–24; Д. 43. Л. 16.

[4] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов в 5 т. Т. 3. 1941–1952. М. : Политиздат, 1968. С. 460–467.

[5] Богданов С. В. Спекуляция в СССР (1945–1953 гг.): причины, масштабы, особенности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-2 (64). С. 19.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 58–59.

денежных средств, принадлежащих тресту, и получил эту сумму деньгами нового образца[1].

Следует отметить, что отмена карточек на промышленные и продуктовые товары и введение государственных розничных цен фактически не повлияли на распространение спекуляции. Слабое развитие государственной и кооперативной торговли (к началу 1948 г. на территории Калининградской области работал всего 221 магазин[2]), острая нехватка продуктов и высокие цены на них были основными причинами распространения спекуляции в исследуемый период.

Торговля основными видами продуктов на рынках Калининградской области в основном осуществлялась местными жителями, которые приобретали их в Литве по ценам на 40–50% дешевле. Так, задержанные по агентурным данным в марте 1948 г. гражданки Е. С. Гибадулина, В. А. Шляхтенок, М. И. Ставроцкая, К. И. Сесюкина систематически выезжали в Литовскую ССР, где закупали продукты и продавали их на рынке города Калининграда по завышенной цене: килограмм сливочного масла, купленный за 50–60 рублей, перепродавали за 100 рублей, килограмм свиного сала, купленный за 45 рублей, стоил у спекулянток 60 рублей, а десяток яиц продавался на 10 рублей дороже закупочной цены[3].

Проведенный анализ данных формы № 6 «Цифровые сведения о результатах оперативно-следственной работы органов милиции» показал, что количество уголовных дел, возбужденных по фактам спекуляции, было достаточно высоким. Так, если в 1947 г. их количество составило 9,44% от числа всех уголовных дел, возбужденных по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (141 уголовное дело), то в 1948 г. оно увеличилось до 12,25% (187 уголовных дел), а в 1949 г. – фактически осталось на прежнем уровне – 12%[4].

Высокие цены на алкогольную продукцию явились одной из причин широкого распространения самогоноварения, в связи с чем указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 г. была введена уголовная ответственность за производство и продажу самогона[5]. Первые 10 уголовных дел по фактам самогоноварения в Калининградской области были возбуждены уже в июле 1948 г. В последующем их число продолжало увеличиваться: так, если в третьем квартале 1948 г. были возбуждены 19 уголовных дел по фактам самогоноварения, то в четвертом квартале их число достигло 76 (рост в 4 раза).

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 49–50.

[2] Полх П. П. Отмена карточной системы снабжения населения в Калининградской области в 1947–1948 годах. С. 106.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 56.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–17; Д. 42. Л. 1–24; Д. 43. Л. 16.

[5] За изготовление и хранение самогона с целью сбыта предусматривалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок от 6 до 7 лет с конфискацией имущества, а за изготовление самогона для собственных нужд – в виде лишения свободы на срок от 1 до 2 лет с конфискацией самогона и средств его изготовления (См.: Уголовный кодекс РСФСФ редакции 1926 года. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. С. 155–156)

В 1949 г. число фактов самогоноварения, по которым были возбуждены уголовные дела, достигло 150 (рост более чем в 1,5 раза)[1].

Социальный состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным по линии по борьбе с хищениями социалистической собственности, по сравнению с предшествующим периодом фактически остался без изменений (таблица 15). Вместе с тем, наряду со снижением количества рабочих и военнослужащих, с начала 1948 г. произошло резкое увеличение числа служащих, колхозников, лиц без определенных занятий и места жительства, совершавших преступления экономического характера.

Таблица 15

Социальный состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам, возбужденным органами милиции Калининградской области по линии ОБХСС в июле 1947 г. – декабре 1948 г.[2]

Категории лиц	III квартал 1947 г.	IV квартал 1947 г.	I квартал 1948 г.	II квартал 1948 г.	III квартал 1948 г.	IV квартал 1948 г.
Промышленные и транспортные рабочие	283	148	134	93	55	52
Сезонные, сельскохозяйственные и прочие рабочие	220	106	166	125	154	125
Колхозники	36	20	46	89	84	124
Служащие	78	23	101	139	146	242
Учащиеся высшей и средней школы, школ ФЗО	–	–	–	–	–	2
Сержантский и рядовой состав воинских частей	39	21	12	6	4	6
Деклассированный элемент	35	23	17	13	29	27
Лица без определенных занятий и места жительства	62	41	24	32	14	53
Прочие категории (домохозяйки, пенсионеры и прочие)	7	3	5	4	20	24

Проведенный анализ национального состава лиц, арестованных органами МВД в исследуемый период (таблица 16), показал значительное снижение среди этой категории граждан иностранных государств (прежде всего, немцев). Это было связано, прежде всего, с начавшимся процессом выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии. Следует отметить, что, как и ранее, немецкое население в основном продолжало оставаться объектом преступных посягательств, которые усилились в связи с массовым прибытием русскоязычного населения и начавшимся процессом выселения. Так, 26 августа 1947 г. секретный осведомитель Полесского

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–17; Д. 42. Л. 1–24; Д. 43. Л. 16.

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

районного отделения МВД «Тир» сообщил, что группа колхозников в количестве 4 человек под руководством председателя Сосновского сельского совета Калинина, председателя колхоза «Путь к коммунизму» Мокшина и секретаря партийной организации Гузина забрала большое количество имущества у проживающих на территории сельсовета немцев, предупредив о том, чтобы потерпевшие не заявляли о факте преступления[1].

Таблица 16

Национальный состав лиц, арестованных органами МВД по Калининградской области в июне 1947 г. – декабре 1949 г.[2]

Национальность	Количество арестованных
Национальности СССР	
Русские	4501
Украинцы	390
Белорусы	424
Грузины	5
Армяне	3
Казахи	7
Узбеки	5
Таджики	1
Татары	48
Башкиры	1
Молдаване	2
Эстонцы	3
Латыши	4
Литовцы	40
Евреи	25
Цыгане	6
Прочие	80
Национальности других государств	
Немцы	391
Поляки	11
Прочие	3

Вместе с тем, фактически до середины 1948 г. на территории области продолжали действовать преступные группы, состоящие из немцев, занимавшиеся в основном кражами с последующей перепродажей похищенного имущества на рынках. Наиболее крупной по размаху преступной деятельности являлась ликвидированная в начале марта 1948 г. группа Х. Глиницкого, действовавшая в Калининграде с начала 1947 г. В банде состояли более 15 человек, среди которых – уроженец Саратовской области И. И. Журавлев, 1919 года рождения, работавший после увольнения в запас шофером средней школы № 2. Только в 1947 г. бандой было совершено несколько ограблений магазинов на общую сумму более 500 тыс. рублей. Состоявшие в банде

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 54. Л. 57.

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6; Д. 41. Л. 1–5.

женщины – М. Глиницкая и Г. Ноак – занимались ведением разведки объектов планируемого нападения, а также заводили знакомство с охраной в целях получения возможности подойти к ней в любое время суток. Награбленное имущество сбывалось женами и сожительницами бандитов на рынках Калининграда, Советска и населенных пунктов Литовской ССР. Помимо указанных преступлений членами банды 30 декабря 1947 г. был убит старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области старший сержант П. Д. Андреев. В ходе ликвидации банды был уничтожен ее главарь, оказавший вооруженное сопротивление, и арестовано 8 человек, у которых изъяты 3 пистолета и фальшивые документы[1].

Таким образом, проведенный анализ оперативной обстановки на территории Калининградской области в период создания и функционирования советских органов управления показал, что на ее состояние серьезное влияние продолжали оказывать проводимые в соответствии с постановлениями Совета министров СССР переселенческие мероприятия, направленные на увеличение количества русскоязычного населения. Вместе с тем, несмотря на некоторые меры, направленные на улучшение материально-бытового обслуживания переселенцев-колхозников и рабочих, прибывающих по вербовке для работы на предприятия Калининградской области, уровень жизни населения продолжал оставаться на крайне низком уровне, что способствовало широкому распространению имущественных преступлений, которые занимали ведущее место в структуре как уголовной, так и экономической преступности.

Реорганизация структуры органов и войск МВД СССР

Произошедшие изменения в системе управления Калининградской областью, а также в структуре ее административно-территориального деления выявили необходимость реорганизации **органов МВД** в целях более эффективного выполнения возложенных на них задач.

Первые попытки реорганизации были предприняты в отношении органов милиции, которые к началу исследуемого периода включали в свой состав Калининградское областное управление милиции, которое осуществляло руководство деятельностью Калининградского городского управления милиции с 8 городскими отделениями милиции, отделениями милиции городских (районных) отделов (отделений) МВД, а также ведомственной милиции. Штатная численность органов милиции составляла 1248 человек (в том числе начальствующего и оперативного состава – 422, участковых уполномоченных – 137, сержантского и рядового состава – 598, технического состава – 91 человек), а укомплектованность по состоянию на 1 июня 1947 г. – 92,7%[2].

12 июля 1947 г. исполняющий обязанности начальника Управления МВД по Калининградской области полковник М. Ф. Тихомиров направил

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 23–25.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.

докладную записку на имя заместителя министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Б. П. Обручникова, в которой представил проекты новых штатов городских и поселковых отделений милиции, которые предусматривали увеличение численности органов милиции на 534 единицы (начальствующего состава – 81, оперативного состава – 91, сержантского и рядового состава – 257, остального состава – 105 единиц)[1].

По сравнению с проектами штатов, направленными в МВД СССР в феврале 1947 г., новый проект предусматривал сохранение в городе Калининграде 8 городских отделений милиции с увеличением их штатной численности на 140 единиц. Причина этого объяснялась следующими обстоятельствами:

«1. В настоящее время в городе Калининграде созданы советские и партийные органы, указом Президиума Верховного Совета РСФСР административное деление города определено, организовано 4 района, но, учитывая территориальность районов, громадное количество в городе руин…, что является благоприятными условиями для роста преступности, все это вызывает необходимость, в целях принятия более радикальных мер по обеспечению охраны порядка и общественной безопасности, оставить в городе существующие 8 отделений милиции.

2. Штатную численность отделений определить согласно прилагаемых проектов штатов №№ 1–3[2], исходя из оперативной обстановки района, важности обслуживаемых объектов и количества проживающего в районе населения, а именно:

а) Одно городское отделение, как находящееся в центре города, на территории которого находятся все основные торговые организации города, центральный рынок, большое количество государственных учреждений и т. п., – организовать по штату № 1.

б) Три отделения, из которых одно обслуживает привокзальный район и на территории которых особенно много руин, – организовать по штату № 2.

в) Остальные 4 отделения организовать по штату № 3»[3].

Кроме того, в докладной записке были представлены штаты трех поселковых отделений милиции, которые предлагалось разместить в рабочих поселках Знаменск и Рыбачий, а также курортном поселке Пионерский:

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.

[2] В соответствии с приложенными к докладной записке штатами численность городского отделения милиции, формируемого по штату № 1, составляла 105 человек, по штату № 2 – 80 человек, по штату № 3 – 60 человек. Основные отличия штатов городских отделений милиции состояли в численности оперуполномоченных (по штату № 1 – 6, по штату № 2 – 5, по штату № 3 – 4 человека), участковых уполномоченных (по штату № 1 – 10, по штату № 2 – 8, по штату № 3 – 6 человек), проводников розыскных собак (по штату № 1 – 2, по штату № 2 – 1, по штату № 3 – 1 человек), а также придаваемого отделению взвода милиции (по штату № 1 – 66 человек, по штату № 2 – 50, по штату № 3 – 33 человека) (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 49–51).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 46–47.

«Необходимо организовать дополнительно 3 поселковых отделения милиции согласно прилагаемых проектов штатов[1], а именно:

а) В составе Гвардейского райотдела МВД в поселке Знаменск (бывш. Велау), являющемся промышленным населенным пунктом, в котором расположены две бумажные фабрики и маргариновый завод.

б) В составе Приморского райотдела МВД два поселковых отделения милиции – в поселке Рыбачий (бывш. Роситтен), в котором расположены крупные рыболовецкие промыслы и рыбный завод, и в курортном поселке Пионерский (бывш. Нойкурен), в котором расположен санаторий союзного значения, рыболовецкие промыслы и рыбный завод»[2].

Вместе с тем, 3 сентября 1947 г. заместителем министра внутренних дел СССР генерал-лейтенантом Б. П. Обручниковым на имя начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина[3] было направлено распоряжение № 42/5/52160, в котором объявлялось об утверждении штатной численности органов МВД и милиции Калининградской области в количестве 2029 единиц (без учета численности отдела по делам военнопленных и интернированных, а также лагерей, находившихся в его ведении, городской пожарной охраны, детских трудовых колоний и лечебных учреждений) и предлагалось представить новые штатные расписания. При этом особо отмечалось, что утвержденная штатная численность увеличена не будет, «поэтому при проектировании новых штатных расписаний Вам следует обратить внимание на укрепление основных участков работы во всех аппаратах; при рассмотрении штатов органов милиции следует в первую очередь усилить оперативные аппараты милиции и предусмотреть необходимое количество участковых уполномоченных и милиционеров»[4].

В докладной записке начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина заместителю министра внутренних дел генерал-лейтенанту Б. П. Обручникову от 16 октября 1947 г. № 4/002525 были представлены проекты новых штатов органов МВД и милиции Калининградской области, которые включали:

- Управление МВД по Калининградской области;
- Калининградское областное управление милиции;
- четыре городских отделения милиции города Калининграда;
- три городских отдела МВД и милиции;
- три районных отдела МВД и милиции;

---

[1] Штаты Рыбачьего и Знаменского поселковых отделений милиции определяли их численность в 16 человек, а Пионерского поселкового отделения милиции – в 22 человека (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 52–54).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 47.

[3] В соответствии с приказом МВД СССР от 4 июня 1947 г. генерал-майор Б. П. Трофимов был назначен заместителем начальника Главного управления лагерей МВД СССР, а на должность начальника Управления МВД по Калининградской области был назначен генерал-майор В. И. Демин, ранее занимавший должность начальника Управления МВД по Архангельской области.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 87 об. – 88.

– два городских отделения МВД и милиции;
– двенадцать районных отделений МВД и милиции;
– три тюрьмы (в городах Калининград, Черняховск и Гвардейск).

Обосновывая превышение установленной штатной численности на 5 единиц (в прилагаемых к докладной записке проектах штатов численность органов МВД определялась в 765 единиц, а органов милиции – в 1269 единиц), генерал-майор В. И. Демин отмечал:

«1. В новых районах – Большаковском, Железнодорожном и Калининградском сельском – предполагается организация райотделений МВД.

2. В городе Балтийск (бывш. Пиллау), как отнесенному к городам областного подчинения и являющемся крупной военно-морской базой с большим строительством оборонного значения, создать вновь городское отделение МВД[1].

3. В городе Светлогорск (бывш. Раушен), в котором расположены санатории союзного значения, существующее городское отделение милиции Приморского райотдела реорганизовать в городское отделение МВД.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 июля 1947 года Гурьевский район разукрупнен и на части его бывшей территории создан новый район – Калининградский сельский. Исходя из этого, считаю целесообразным Гурьевский райотдел МВД реорганизовать в районное отделение МВД.

Гусевский райотдел МВД в связи с отнесением города Гусев в город областного подчинения реорганизовать в городской отдел МВД.

Учитывая важность обслуживаемых объектов и количество проживаемого населения, необходимо ввести в штаты городских и районных органов милиции городские и поселковые отделения милиции:

1. В составе Черняховского горотдела – одно городское отделение милиции.

2. В составе Гвардейского райотдела – одно поселковое отделение милиции в поселке Знаменск (бывш. Велау), являющимся промышленным населенным пунктом, в котором расположены две бумажные фабрики и маргариновый завод.

3. В связи с тем, что Приморский райотдел расположен в гор. Зеленоградск (бывш. Гранц), городское отделение милиции указанного города реорганизовать в поселковое отделение милиции с дислокацией его в поселке Янтарный (бывш. Пальмникен), в котором расположен крупный янтарный комбинат.

В городе Калининграде вместо существующих 8 городских отделений милиции создать по принципу административного деления города 4 городских отделения милиции и высвободившуюся численность обратить на усиление остающихся 4-х отделений милиции.

В целях приближения руководства оперативной деятельностью городских отделений милиции города Калининграда, а также в связи с их количественным сокращением, Городское управление милиции города Калининграда

[1] В середине 1947 г. самостоятельное Балтийское городское отделение МВД, входившее в состав Приморского районного отдела МВД, было расформировано.

расформировать, обратив высвободившуюся численность на усиление отделов Областного управления милиции»[1].

Предложенные в докладной записке проекты штатов легли в основу приказа МВД СССР от 24 ноября 1947 г. № 001205, который предусматривал увеличение численности структур МВД в Калининградской области на 349 единиц, в том числе по органам МВД – на 85 единиц, а по милиции – на 264 единицы.

Реорганизация органов МВД по Калининградской области в соответствии с новыми штатами началась в декабре 1947 г. Так, приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00143 были объявлены штаты областного управления МВД, в состав которого вошли: руководство, секретариат, отдел по борьбе с бандитизмом, тюремный отдел, отделение контрразведки, 1-й спецотдел, 2-е спецотделение, отдел кадров, особая инспекция, отделение фельдсвязи, хозяйственный отдел, финансовый отдел, отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, а также отдел пожарной охраны. Штатная численность Управления МВД по Калининградской области составляла 219 человек[2].

Руководство деятельностью органов милиции возлагалось на Калининградское областное управление милиции, начальник которого являлся заместителем начальника Управления МВД по Калининградской области по милиции. Штат управления был объявлен приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00142 и включал в себя руководство, секретариат, политчасть, отдел уголовного розыска, состоявший из пяти отделений и одной группы (три зональных отделения, отделение розыскное и учетное по арестам и обыскам, отделение по борьбе с детской преступностью, группа служебного собаководства), следственный отдел, в состав которого входили два отделения (отделение по следственным делам и отделение по руководству и контролю за следственной работой периферийных органов), отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности, состоявший из четырех отделений (два отделения – по руководству периферийными органами и два отделения – по обслуживанию объектов областного значения), оперативный отдел, научно-техническое отделение, паспортный отдел, отдел службы в составе одного отделения и трех групп (отделение по охране общественного порядка, группа по охране объектов, КПЗ и конвоированию, группа по розыску дезертиров, группа по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью), отделение боевой подготовки, государственную автомобильную инспекцию и отдел актов гражданского состояния. Штатная численность Калининградского областного управления милиции составляла 184 человека[3].

В связи с расформированием Калининградского городского управления милиции сформированные по новым штатам городские отделения милиции

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 147–147 об.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 265–274.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 260–264.

стали непосредственно подчиняться Калининградскому областному управлению милиции. Приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00138 были объявлены их новые штаты, в соответствии с которыми общая численность четырех городских отделений милиции составляла 366 человек. Каждое отделение состояло из начальника, его заместителей по общим вопросам и политической части, старших оперуполномоченных, оперуполномоченных, дежурных по отделению, переводчика, начальника паспортного стола, оперуполномоченного по паспортному режиму, паспортиста, начальника и учетчика военно-учетного стола, участковых уполномоченных, старшины, шофера, секретаря-счетовода и делопроизводителя-машинистки, а также отдельного взвода милиции. Штатная численность отделений зависела от размеров обслуживаемого района: так, численность Московского городского отделения милиции составляла 75 человек, Балтийского городского отделения милиции – 78, Ленинградского городского отделения милиции – 94, а Сталинградского городского отделения милиции – 119 человек. Разница в численности штатов объяснялась, прежде всего, различным количеством оперуполномоченных и участковых уполномоченных в каждом из отделений, а также численностью отдельного взвода милиции[1].

Городские отделы МВД были сформированы в трех городах областного подчинения – Черняховске, Советске и Гусеве. Помимо руководства и секретариата в их состав входили финансовая часть, группа по борьбе с бандитизмом, пожарная охрана, отдел милиции, а также отдельный взвод милиции. Кроме того, Черняховскому городскому отделу МВД был подчинен и Черняховский городской отдел милиции численностью 20 человек[2].

В двух городах областного подчинения – Балтийске и Светлогорске – создавались городские отделения МВД. В отличие от городских отделов МВД в них отсутствовала финансовая часть, группа по борьбе с бандитизмом, а также придаваемый отдельный взвод милиции[3].

В Гвардейском, Приморском и Советском районах были сформированы районные отделы МВД, которым придавались отдельные отделения милиции. Кроме того, в состав Гвардейского районного отдела МВД входило Знаменское

[1] Так, в состав Московского городского отделения милиции входили 4 оперуполномоченных и 10 участковых уполномоченных, в состав Балтийского городского отделения милиции – 5 оперуполномоченных и 10 участковых уполномоченных, в состав Ленинградского городского отделения милиции – 6 оперуполномоченных и 13 участковых уполномоченных, а в состав Сталинградского городского отделения милиции – 7 оперуполномоченных и 15 участковых уполномоченных. Численность отдельного взвода милиции составляла: в Московском городском отделении милиции – 41 человек, в Балтийском городском отделении милиции – 43 человека, в Ленинградском городском отделении милиции – 55 человек. В состав Сталинградского городского отделения милиции входили два отдельных взвода милиции общей численностью 75 человек (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 247–250).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 233–237.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 251–253.

поселковое отделение милиции, а в состав Приморского отдела МВД – Янтарное поселковое отделение милиции[1].

Штаты районных отделений МВД были объявлены приказами начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00132 и № 00140[2]. В основном их численность была одинаковой – от 22 до 26 человек, и зависела от количества участковых уполномоченных сельской местности. Кроме того, в составе Краснознаменского, Славского и Гурьевского районных отделений МВД была введена должность оперуполномоченного по борьбе с бандитизмом[3].

В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00135 все периферийные органы МВД были отнесены к следующим тарифным группам:

– к первой тарифной группе – Черняховский и Советский городские отделы МВД, Приморский районный отдел МВД, Балтийское и Светлогорское городские отделения МВД, а также Полесское, Озерское и Правдинское районные отделения МВД;

– ко второй тарифной группе – Гусевский городской отдел МВД, Советский и Гвардейский районные отделы МВД, а также Славское, Краснознаменское и Багратионовское районные отделения МВД;

– к третьей тарифной группе – Железнодорожное, Ладушкинское, Калининградское, Большаковское, Гурьевское и Нестеровское районные отделения МВД[4].

Следует отметить, что помимо реорганизации центральных и периферийных органов МВД руководством Управления МВД по Калининградской области в декабре 1947 г. был проведен ряд других организационно-штатных мероприятий:

– созданы Черняховский, Советский, Гвардейский, Приморский, Багратионовский, Гусевский и Большаковский автомобильные участки государственной автомобильной инспекции и объявлены их штаты (приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00133)[5];

– в целях улучшения охраны общественного порядка сформирован оперативный дивизион милиции в составе трех взводов (104 человека), подчиненный Калининградскому областному управлению милиции (приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00137)[6];

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 240–243.

[2] Приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00140 объявлял штаты вновь формируемых Большаковского, Железнодорожного и Калининградского районных отделений МВД.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 221–230, 254–257.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 239.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 231–232.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 244–245.

– создан штаб местной противовоздушной обороны города Калининграда в количестве 5 человек, содержание которого осуществлялось за счет средств местного бюджета (приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 9 декабря 1947 г. № 00144)[1];

– объявлены штаты ведомственной милиции (отдельный взвод по охране советских и партийных органов города Калининграда, отдельный взвод по охране Калининградского отделения Госбанка, а также отдельные отделения по охране учреждений Госбанка в городах Черняховск, Советск и Балтийск) и милиции регулирования уличного движения (три взвода – в Калининграде, Черняховске и Советске) (приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 17 декабря 1947 г. № 00146)[2].

Таким образом, к концу 1947 г. структура Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов была переформирована в соответствии с новым административно-территориальным делением региона. Кроме того, новые штаты, подготовленные на основе предложений руководства Управления МВД по Калининградской области, позволяли в полном объеме выполнять поставленные перед ними задачи по обеспечению общественной безопасности без проведения дальнейших организационно-штатных мероприятий.

Следует отметить, что до конца исследуемого периода значительных организационно-штатных изменений в структуре как самого Управления МВД по Калининградской области, так и его периферийных органов не происходило. Исключением стали осуществленное в мае 1948 г. переформирование отдела пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области в управление пожарной охраны, штатная численность которого составляла 41 человек[3], а также организация в июне 1949 г. Пионерского поселкового отделения милиции в составе Приморского районного отдела МВД[4].

Кроме того, в соответствии с приказом МВД СССР от 15 декабря 1948 г. № 001460 в целях усиления борьбы с побегами выселенцев, заключенных и военнопленных, а также розыска преступного элемента приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 29 декабря 1948 г. № 00164 была сформирована отдельная застава штатной численностью 30 человек. Подразделения заставы дислоцировались в городе Калининграде (оперативная группа и оперативный пост на железнодорожной станции), при Черняховском городском отделе МВД, а также при Гвардейском районном отделе МВД и Большаковском районном отделении МВД[5].

Проведенные организационно-штатные мероприятия потребовали от руководства Управления МВД по Калининградской области внимательного подхода к кадровому вопросу. Так, уже в приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00136 о формировании районных

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 275.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 279.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 96–98.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 109.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 274–275.

отделов МВД их начальникам предписывалось осуществлять расстановку личного состава по должностям с учетом «деловых и политических качеств каждого сотрудника», используя для этой цели «материалы служебного аттестования 1947 г., памятуя, что от качественной расстановки кадров будет зависеть боеспособность РО [районного отдела. – Прим. автора] МВД»[1]. К расстановке личного состава начальники районных отделов (отделений) МВД должны были привлекать своих заместителей по милиции и секретаря партийной организации, а также согласовывать ее с секретарем районного комитета ВКП(б) по кадрам.

Следует отметить, что в исследуемый период укомплектование органов МВД по Калининградской области, как и ранее, осуществлялось двумя способами: путем направления сотрудников из МВД союзных республик и управлений МВД краев и областей по разнарядкам Управления кадров МВД СССР, а также приемом на службу лиц, уволенных в запас Советской армии после демобилизации или расформирования воинских частей. Так, в четвертом квартале 1947 г. в порядке пополнения кадров в органы МВД по Калининградской области поступило 247 человек, из которых 136 человек (55,07%) прибыли по направлению Управления кадров МВД СССР, а 111 (44,93%) – приняты отделом кадров Управления МВД по Калининградской области на месте[2].

Вместе с тем, в исследуемый период продолжала существовать практика недобросовестного отбора личного состава для пополнения органов МВД Калининградской области по разнарядке Управления кадров МВД СССР. Так, в докладе о состоянии работы отдела кадров Управления МВД по Калининградской области за 1947 г. генерал-майор В. И. Демин отмечал: «Направляли кадры, непригодные для себя, – больных, ограниченно годных по состоянию здоровья, стариков по возрасту, обремененных большими семьями, нытиков, с низким уровнем развития и даже с серьезными компрометирующими материалами»[3].

В результате проведенных организационно-штатных мероприятий укомплектованность структур МВД по Калининградской области по состоянию на 1 января 1948 г. составила 76,31% (в том числе по органам МВД – 78,94%, по милиции – 73,54%)[4].

Проведенный анализ характеристики личного состава органов МВД и милиции Калининградской области (приложение 6) показал, что в своем большинстве сотрудники органов МВД являлись беспартийными (46,61%), в возрасте от 26 до 30 лет (40,78%), имеющими стаж службы в органах МВД от 2 до 5 лет (59,62%). В свою очередь большая часть сотрудников милиции также являлась беспартийными (47,93%), в возрасте от 31 года до 35 лет (33,95%), имеющими стаж службы в органах милиции от 2 до 5 лет (51,42%).

Крайне низким был уровень общего образования офицерского и начальствующего состава. Так, сотрудники органов МВД в основном имели неполное среднее образование (42,23%), а сотрудники милиции – низшее

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 240.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 15.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

образование (44,84%). Вместе с тем, число лиц, имеющих специальное образование, было различным: так, если среди сотрудников только 54 человека (15,6%) окончили школы МВД, то среди начальствующего состава милиции количество лиц, окончивших школы милиции, составляло 279 человек (59,87%).

Аналогичная картина наблюдалась и среди начальников городских и районных отделов (отделений) МВД и их заместителей. Большая часть начальников подразделений имела стаж службы на руководящей оперативной работе до 2 лет (8 из 19, или 42,1%) и неполное среднее образование (10 из 19, или 52,63%). Восемь начальников городских и районных отделов (отделений) МВД не имели специального образования, пять – окончили школы МВД, а пять – школы милиции. В свою очередь из 20 заместителей начальников периферийных органов МВД 40% (8 человек) имели стаж службы на руководящей и оперативной работе до 2 лет. Такое же количество имело стаж от 2 до 5 лет. Преобладающее большинство заместителей начальников городских и районных отделов (отделений) МВД имели низшее образование (11 из 20, или 55%), однако 16 из них окончили школы милиции[1].

Сложившаяся ситуация позволила руководству Управления МВД по Калининградской области констатировать, что «образовательная и специальная подготовка офицерских кадров и кадров начсостава милиции не может отвечать требованиям современных задач и требует систематической работы по повышению общей, политической и специальной подготовки наших кадров, особенно молодых, только что пришедших в органы МВД и милиции, кадров»[2].

В целях повышения общеобразовательного уровня кадров с начала 1948 г. как в Управлении МВД по Калининградской области, так и во всех его периферийных органах была организована внешкольная подготовка личного состава. По итогам третьего квартала 1948 г. ею было охвачено 245 человек[3].

Одновременно с этим для повышения уровня оперативно-следственной и политической подготовки личного состава милиции при Калининградском областном управлении милиции и отделениях милиции города Калининграда была организована командирская учеба, в рамках которой для начальствующего состава милиции было сформировано 5 учебных групп, а для рядового состава – 8 учебных групп, в которых проходили обучение 633 человека[4].

Кроме того, при Управлении МВД по Калининградской области была открыта вечерняя партийная школа, численность обучаемых в которой составляла 150 человек[5].

Проводимые руководством Управления МВД по Калининградской области мероприятия, направленные на укомплектование вакантных должностей, потребовали от кадровых органов усиления работы по изучению прибывающего личного состава. Следует отметить, что изучение сотрудников, прибывших по

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 175.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 47.

разнарядке Управления кадров МВД СССР, было сопряжено с некоторыми трудностями, связанными с задержкой поступления личных дел (от 3 месяцев до 1 года) и их небрежным оформлением. Так, в докладе о состоянии работы отдела кадров Управления МВД по Калининградской области за 1947 г. давалась следующая характеристика поступивших документов: «Многие из них [личных дел. – Прим. автора] не представляют почти никакой ценности для использования в целях изучения работника, так как во многих полностью отсутствовали документы, характеризующие прошлую деятельность работника»[1].

В связи с этим после прибытия новых сотрудников отделом кадров Управления МВД по Калининградской области практиковалось проведение бесед, на которые приглашались руководители соответствующих структурных подразделений, а также политработники, в ходе которых осуществлялась проверка специальных и политических знаний, а также учитывались отзывы других сотрудников, знавших прибывших по совместной работе. Вместе с тем, подобные беседы давали лишь поверхностное представление о сотруднике, в связи с чем основное внимание при изучении кадров уделялось результатам их практической работы на занимаемых должностях.

Основными формами изучения кадров в исследуемый период являлись:

– использование информации о практической деятельности личного состава, собранной в результате выездов сотрудников Управления МВД по Калининградской области и Калининградского областного управления милиции в служебные командировки в периферийные органы;

– заслушивание докладов руководителей структурных подразделений Управления МВД по Калининградской области, Калининградского областного управления милиции и периферийных органов о работе с кадрами и оперативно-служебной работе на оперативных совещаниях при начальнике Управления МВД по Калининградской области;

– изучение ориентировок, получаемых из особой инспекции и отдела контрразведки Управления МВД по Калининградской области;

– проведение личных бесед с сотрудниками в отделе кадров Управления МВД по Калининградской области;

– изучение итогов сборов офицерского и начальствующего состава, данных об успеваемости сотрудников по результатам проводимых сборов и семинаров;

– использование материалов и информации, поступающей с мест по линии партийных и советских органов;

– изучение результатов внешкольной подготовки и партийной учебы;

– использование в целях изучения кадров всех имеющихся документов как по партийной, так и ведомственной линии (отчеты, письменные доклады, заявления, публикации в периодической печати, докладные записки партийных работников и руководителей органов МВД)[2].

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 101–102.

Важное место в изучении кадров занимали результаты служебной аттестации. Результаты первой аттестации сотрудников по итогам 1947 г. были представлены на оперативном совещании при начальнике Управления МВД по Калининградской области 31 марта 1948 г. Так, из 915 человек, имеющих офицерские звания, прошли аттестацию 597 (65,24%). По результатам аттестации 529 офицеров (88,6%) соответствовали занимаемым должностям, 36 (6,03%) – планировались к выдвижению на вышестоящие должности, 25 (4,18%) – подлежали снижению в должности, а 7 офицеров (1,17%) – увольнению[1].

Проводимые мероприятия по изучению личного состава в определенной мере позволили улучшить состояние воинской и служебной дисциплины. Так, если во втором полугодии 1947 г. было предано суду военного трибунала 34 сотрудника органов МВД, то в первом полугодии 1948 г. их количество составило 26 человек (снижение на 23,53%). Одновременно с этим снизилось и число лиц, привлеченных к ответственности за совершение дисциплинарных проступков, с 83 до 79 человек (снижение на 4,82%)[2]. Как отмечалось в справке о работе особой инспекции Управления МВД по Калининградской области за первое полугодие 1948 г., «снижение преступности и нарушений дисциплины явилось следствием ряда проведенных мероприятий парторганизацией УМВД, улучшения материального положения сотрудников и очищения коллектива УМВД от лиц, случайно попавших в органы, морально разложившихся и т. д.»[3].

Следует отметить, что в четвертом квартале 1947 г. наиболее распространенными видами преступлений и дисциплинарных проступков, совершенных личным составом органов МВД по Калининградской области, являлись злоупотребление и халатное отношение к исполнению служебных обязанностей (30 случаев, или 24,59% от общего числа преступлений и дисциплинарных проступков), нарушения социалистической законности (19 случаев, или 15,57%), пьянство, хулиганство и дискредитация органов МВД (17 случаев, или 13,93%), нарушения уставов постовой и конвойной службы (11 случаев, или 9,01%), утрата оружия (8 случаев, или 6,55%).

Так, прибывший из Управления МВД по Молотовской области начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Калининградского областного управления милиции майор милиции В. В. Емельянов 1 декабря 1947 г. был арестован за подделку документов на выплату денежного вознаграждения агентуре и последующее присвоение денег. В процессе следствия выяснилось, что подобные преступления совершались им и по прежнему месту службы. Общая сумма присвоенных им денежных средств составила 24 500 рублей[4].

Начальник финансовой части Советского районного отдела МВД лейтенант П. И. Жидовко, пользуясь бесконтрольностью со стороны начальника

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 185.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 21.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.

отдела подполковника В. И. Непомилова, в период с января по ноябрь 1947 г. совершил растрату денежных средств на сумму 40 449 рублей. Военным трибуналом войск МВД Калининградской области П. И. Жидовко был осужден к 25 годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере, а также лишен офицерского звания и правительственных наград[1].

В свою очередь, в первой половине 1948 г. наиболее распространенными среди личного состава видами преступлений и дисциплинарных проступков являлись: хищения, присвоения и растраты (10 случаев, или 9,52%), разглашение государственной тайны, утрата секретных документов (9 случаев, или 8,57%), дезертирство (8 случаев, или 7,61%). Высоким продолжало оставаться число случаев пьянства, хулиганства и дискредитации органов МВД (28 случаев, или 26,66%), а также злоупотреблений и халатного отношения к выполнению служебных обязанностей (27 случаев, или 25,71%)[2].

Следует отметить, что наиболее неблагоприятное положение дел, связанное со злоупотреблениями при исполнении служебных обязанностей, а также взяточничеством и присвоением денежных средств, в первой половине 1948 г. сложилось в паспортных столах городских (районных) отделов (отделений) МВД. Так, за систематическое пьянство, злоупотребления по службе и взяточничество начальник паспортного стола Приморского районного отдела МВД младший лейтенант Н. Т. Ларионов военным трибуналом войск МВД Калининградской области был осужден на 6 лет лишения свободы, а за аналогичные преступления заместитель начальника 2-го городского отделения милиции города Калининграда капитан милиции Бобышев и начальник паспортного стола этого отделения старший лейтенант милиции Шанько – к 10 годам лишения свободы[3].

Изучением личного состава занималось и отделение контрразведки Управления МВД по Калининградской области, активно используя в своей деятельности агентурно-осведомительную сеть, которая по состоянию на 1 апреля 1948 г. включала 7 резидентур с общей численностью 27 человек[4].

Уже к началу 1948 г. по материалам, поступившим от агентурно-осведомительной сети, отделением контрразведки в органах МВД Калининградской области были взяты на оперативный учет 5 человек, которые в годы Великой Отечественной войны находились в немецком плену, 4 человека, проживавшие на территории, оккупированной немецкими войсками, а также 2 репатрианта, укрывавшиеся от прохождения фильтрации.

Так, на оперативный учет был взят, а в апреле 1948 г. арестован переводчик 1-го отделения милиции города Калининграда репатриант С. Л. Адамчук. По агентурным материалам установлено, что, проживая на оккупированной территории Западной Украины, он добровольно вступил в немецкую военизированную пожарную охрану, участвовал в сборе и угоне конского

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 187.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 186.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 20. Л. 13.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 53.

поголовья в Германию. В последующем, в 1944–1945 г., работал конвоиром в лагере для советских граждан в населенном пункте Метгетен (округ Земланд). После поступления на работу в 1-е отделение милиции города Калининграда имел широкие связи среди немецкого населения и с целью уклонения от ответственности со своей сожительницей-немкой планировал скрыться на территории Германии. С этой целью С. Л. Адамчук 16 апреля 1948 г. проник в эшелон с немцами, отправляемыми в советскую зону оккупации Германии, однако был задержан и арестован[1].

В августе 1948 г. во исполнение директивы министра внутренних дел СССР от 5 июня 1948 г. № 91 в Управлении МВД по Калининградской области было проведено расширенное совещание руководящего состава, посвященное вопросам руководства и воспитания кадров, по результатам которого подготовлено закрытое письмо начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина, направленное 4 августа 1948 г. начальникам структурных подразделений Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов, а также учреждений пенитенциарной системы. Отмечая недостатки в кадровой работе, способствующие снижению качества оперативной деятельности, письмо акцентировало внимание руководящего состава на выполнении ряда мероприятий:

– принять решительные меры по улучшению идейно-воспитательной работы с подчиненными («Воспитывать наши кадры в духе беззаветной преданности большевистской партии и Советской Родине, развивать и укреплять в них благородные чувства советского патриотизма, неустанно поднимать политическую активность всего личного состава на борьбу с проявлениями пережитков капитализма в сознании людей. Всеми мерами организационной и воспитательной работы непрерывно повышать у наших работников чувство ответственности за порученное дело, мобилизовать их на преодоление трудностей и устранение недостатков в работе»);

– уделить особое внимание воспитанию сотрудников на практической работе, вскрывать недостатки в деятельности любого работника, постоянно требовать образцового поведения на службе и в быту;

– усилить изучение деловых и политических качеств личного состава;

– в каждом подразделении из числа наиболее способных и дисциплинированных сотрудников создать резерв на выдвижение, с которым систематически проводить работу по повышению их квалификации, политического и культурного роста;

– принять строгие меры к укреплению политико-морального состояния личного состава («Каждый случай нарушения советской законности, притупления революционной бдительности, взяточничества и других действий, порочащих звание работника МВД, всесторонне расследовать, строго наказывая виновных. Глубоко изучая и анализируя характер преступлений и правонарушений, каждый начальник обязан отыскивать причины этих

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 4, 145.

позорных явлений, наметить соответствующие предупредительные меры и энергично осуществлять их. Теснее связаться с местными партийными органами и широко использовать их помощь в этой работе»);

– ввести в практику проведение специальных оперативных совещаний и собраний актива, на которых обсуждать вопросы оперативной и хозяйственной деятельности подразделений;

– поднять роль политработников и партийных организаций в воспитании сотрудников и укреплении их политико-морального состояния;

– систематически повышать специальную подготовку личного состава, обеспечить непрерывное повышение квалификации и оперативного мастерства («С этой целью, помимо текущих занятий, разбирать с офицерами материалы об опыте чекистской работы, изучать и обсуждать с ними проведенные операции, агентурные разработки, знакомить их с приемами и методами работы вражеской агентуры»)[1].

Принятые меры позволили в некоторой степени улучшить как состояние дисциплины, так и повысить уровень морально-деловых качеств сотрудников органов МВД Калининградской области. Вместе с тем, количество лиц, совершивших должностные преступления, допустивших нарушения дисциплины, не соответствовавших занимаемым должностям, продолжало оставаться на высоком уровне. Так, если из общего количества лиц, уволенных из органов внутренних дел Калининградской области во второй половине 1948 г., 44,23% являлись сотрудниками, уволенными по отрицательным мотивам, то в первой половине 1949 г. их число составило 39,87%. Наиболее частыми причинами увольнения из органов МВД являлись служебное несоответствие (88 человек, или 36,51% об общего количества сотрудников, уволенных по отрицательным мотивам в период с 1 июля 1948 г. по 30 июня 1949 г.), отрицательные результаты специальной проверки (37 человек, или 15,35%), нарушения дисциплины (36 человек, или 14,93%), а также нарушения законности (32 человека, или 13,27%). По фактам совершения должностных преступлений и морально-бытового разложения были уволены по 24 человека (9,95%)[2].

В рассматриваемый период продолжилась практика передачи структур из состава МВД СССР в МГБ СССР, обусловленная повышением роли последнего в системе государственных органов. Так, совместным приказом начальников Управлений МВД и МГБ по Калининградской области от 4 сентября 1947 г. № 0095/05 в состав МГБ СССР было передано отделение правительственной ВЧ-связи со станциями в городах Калининград и Черняховск[3].

Наиболее крупная передача структур из МВД СССР в МГБ СССР произошла после принятия постановления Совета министров СССР от 13 октября 1949 г. № 4723-1815сс и совместного приказа МВД СССР и МГБ СССР от 17 октября 1949 г. № 00968/00334, в соответствии с которым в ведение МГБ СССР передавались пограничные войска и милиция.

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 20. Л. 33–36.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 158 об., 308 об.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 48. Л. 150.

Совместным приказом начальников Управлений МВД и МГБ по Калининградской области от 10 ноября 1949 г. № 0091/0020 была утверждена инструкция о порядке сдачи и приема органов милиции, в соответствии с которой вся штатная численность личного состава передавалась в состав МГБ СССР. Кроме того, передаче подлежали вещевое имущество, мебель и инвентарь, оружие и боеприпасы в соответствии со штатной положенностью для передаваемого личного состава, автомашины и мотоциклы, а также конский состав, находившиеся в пользовании органов милиции. В служебных зданиях, передаваемых на баланс МГБ СССР, за остающимися в составе органов МВД сотрудниками закреплялась занимаемая площадь. Вся работа по передаче милиции в состав МГБ СССР должна была завершиться к 20 ноября 1949 г.[1]

В результате по состоянию на 1 декабря 1949 г. в состав Управления МГБ по Калининградской области были переданы Калининградское областное управление милиции, четыре городских отделения милиции города Калининграда, районное бюро записи актов гражданского состояния города Калининграда, оперативный дивизион милиции, Черняховский городской отдел милиции. Из состава городских (районных) отделов (отделений) МВД были выведены подразделения милиции. Общая штатная численность переданных структур составила 1546 человек[2].

По мнению автора, передача милиции в состав МГБ СССР не диктовалась объективной необходимостью, а была обусловлена лишь стремлением министра государственной безопасности генерал-полковника В. С. Абакумова сосредоточить в своих руках основные оперативные и правоохранительные структуры, выполнявшие задачи обеспечения как государственной, так и общественной безопасности. В свою очередь, МВД СССР фактически ничего не могло противопоставить этим действиям, поддержанным в том числе и руководством государства. В силу этого с начала 1950 г. Министерство внутренних дел СССР и его структуры превратилось в основном в промышленно-хозяйственное ведомство, осуществлявшее руководство оставшимися в его ведении учреждениями пенитенциарной системы.

В рассматриваемый период в составе **войск МВД СССР**, которые выполняли задачи на территории Калининградской области, также произошли некоторые изменения. Так, обеспечивавший ***охрану объектов на железных дорогах*** батальон 211-го полка, входившего в состав 14-й дивизии войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности, был выведен из состава полка и приказом МВД СССР от 24 июня 1948 г. на его базе был сформирован 536-й отдельный батальон войск МВД СССР по охране железных дорог[3]. В июле 1948 г. под охрану батальона были приняты 11 железнодорожных и два шоссейных моста, а также окружной склад военного снабжения МВД № 63 в городе Гвардейск[4].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 170–174.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 185.
[3] РГВА. Ф. 38549. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
[4] РГВА. Ф. 38438. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–27.

Начавшийся в исследуемый период процесс ликвидации лагерей военнопленных и интернированных на территории Калининградской области повлек за собой и сокращение частей ***конвойных войск***. На основании приказа МВД СССР от 3 марта 1949 г. № 00204 349-й полк конвойных войск МВД СССР был расформирован, а задачи по охране и конвоированию осужденных в начале мая 1949 г. были переданы 132-му Минскому полку конвойных войск МВД СССР, который дислоцировался в городе Вильнюс[1].

Данное обстоятельство привело к тому, что к концу 1949 г. на территории Калининградской области остались только части войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности – 536-й и 106-й отдельные батальоны, входившие в состав 14-й дивизии войск МВД СССР. Вместе с тем, в рассматриваемый период фактически начинается определенное обособление войсковых структур МВД СССР от органов МВД, что было связано, прежде всего с тем, что их небольшая численность и специфика не позволяли привлекать войсковые подразделения к выполнению оперативных задач, стоящих перед органами МВД.

Таким образом, проведенный анализ изменений структуры органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в исследуемый период позволяет констатировать, что уже в конце 1947 г. по инициативе Управления МВД по Калининградской области были проведены необходимые организационно-штатные изменения в структуре органов МВД и милиции, позволявшие выполнять поставленные перед ними задачи с учетом специфики региона. Однако имевшиеся сложности, связанные с укомплектованием структур МВД, определили необходимость особого внимания руководства Управления МВД по Калининградской области к составу кадров, прибывающих на пополнение, их моральным и деловым качествам. Принятые меры в определенной степени способствовали улучшению состояния воинской и служебной дисциплины личного состава, что положительно сказывалось на выполнении поставленных перед органами МВД задач. Вместе с тем, на процесс функционирования органов МВД на территории Калининградской области серьезным образом повлияла передача отдельных структур в ведение МГБ СССР. К началу 1950 г. в составе Управления МВД по Калининградской области не осталось подразделений, которые выполняли задачи по борьбе с уголовной и экономической преступностью, а также охране общественного порядка, а его деятельность свелась в основном к обеспечению пожарной охраны и руководству учреждениями пенитенциарной системы.

Основные направления деятельности органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в июне 1947 г. – декабре 1949 г.

Основное внимание органов МВД СССР на территории Калининградской области в период формирования и функционирования советских структур

[1] РГВА. Ф. 38088. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

государственного управления было сосредоточено на мероприятиях, направленных на пресечение деятельности бандитских формирований, а также борьбу с уголовной и экономической преступностью в условиях постоянных миграций населения, связанных как с переселением в регион жителей Советского Союза, так и выселением немецкого населения в советскую зону оккупации Германии.

В исследуемый период в рамках мероприятий по **борьбе с бандитизмом** органы МВД основное внимание уделяли состоянию агентурно-осведомительной сети, с помощью которой осуществлялось проникновение в банды, их разработка и ликвидация, а также, в ряде случаев, и предупреждение преступлений. Уже с четвертого квартала 1947 г. агентурно-осведомительная сеть стала строиться по объектовому принципу: ее сотрудники вербовались для выполнения задачи разработки конкретных бандитских групп или отдельных преступников. К 1 января 1948 г. в составе агентурно-осведомительной сети отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области состояло 310 человек, в том числе 13 резидентов, 29 агентов и 268 осведомителей[1].

Вместе с тем, на оперативном совещании руководящего состава при заместителе начальника Управления МВД по Калининградской области, проведенном 19 февраля 1948 г., был отмечен низкий уровень работы отдела по борьбе с бандитизмом по приобретению квалифицированной агентуры, а также реализации агентурных данных. Так, в Черняховском городском отделе МВД и Гурьевском районном отделении МВД не работало 90% и 50% агентуры соответственно. Заместитель начальника Управления МВД по Калининградской области полковник М. Ф. Тихомиров отметил, что основной причиной подобной ситуации являлась «недооценка агентуры». Так, раскрываемость преступлений по агентурным данным составляла всего 10%, а до 50% агентуры не имело объектов наблюдения[2].

Следует отметить, что проведенные отделом по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области мероприятия, направленные на очистку агентурно-осведомительной сети, в первом квартале 1948 г. не привели к желаемым результатам. Количество агентурных разработок продолжало расти, однако их реализация продолжала оставаться на низком уровне. Так, по состоянию на 1 января 1948 г. в разработке находилось 8 агентурных дел (14 человек), 2 дела-формуляра и 7 учетных дел на лиц, подозреваемых в бандитизме. В течение января – октября 1948 г. были заведены 9 агентурных дел (51 человек), 2 дела-формуляра и 8 учетных дел, однако реализовано с арестом подозреваемых в совершении преступлений всего 4 агентурных дела (22 человека). Кроме того, 6 агентурных дел (13 человек), дело-формуляр и 5 учетных дел сняты с учета как бесперспективные[3].

Подобное положение привело к тому, что в распоряжении начальника Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР генерал-майора

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 64.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 3, 6, 8, 11, 13, 16, 18, 20, 23.

В. С. Прошина начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору В. И. Демину от 5 марта 1949 г. № 7/1-59 было прямо указано на недостаточный уровень агентурно-осведомительной работы по пресечению бандитских проявлений:

«Из 15 агентурных разработок, состоящих на оперативном учете… на 1 октября 1948 г. в 4 квартале 1948 г. полностью реализовано только одно дело («Притонщики») с арестом 3 участников и частично – агентурные дела «Беглецы» и «Утильщики» с арестом 10 человек.

По остальным агентурным делам, в силу их необеспеченности квалифицированной агентурой и отсутствия надлежащего контакта с органами контрразведки МГБ (по разработке бандитских групп из числа военнослужащих), материалов, представляющих интерес, не добыто.

Не установлена конкретная преступная деятельность объектов агентурных дел «Гуляки», «Кочевники», «Вороные», их пособники и укрыватели активно не разрабатываются. Неглубоко изучены материалы по агентурным делам «Разбойники» и «Подруги», вследствие чего полностью состав преступных групп не выявлен. Имеющиеся возможности для приобретения внутренней агентуры по делу «Подруги» из числа женщин, связанных с притоносодержательницей Алексеевой, не использованы»[1].

В целях улучшения качества агентурно-осведомительной работы, направленной на борьбу с бандитизмом, генерал-майор В. С. Пронин предлагал:

«1. По всем нераскрытым бандпроявлениям составить конкретный план агентурно-оперативных мероприятий, направленных на их раскрытие…

2. Добиться полной ясности и получения конкретных фактов преступной работы лиц, проходящих по агентурным делам…, и в зависимости от этого решить вопрос об оперативной реализации… агентурных дел.

3. Тщательно изучить агентурные и другие материалы по агентурным разработкам… Полностью установить персональный состав разрабатываемых бандгрупп, их практическую преступную работу и пособническую базу, поставив своей целью оперативную реализацию… дел в ближайшее время.

4. Особо пораженные уголовной преступностью районы, в первую очередь Гвардейский и Краснознаменский, подвергнуть глубокому обследованию по линии борьбы с бандитизмом и оказать этим районам практическую помощь в выявлении недочетов организации и планирования агентурно-оперативной работы…

5. В целях своевременного предупреждения бандитских проявлений со стороны отдельных военнослужащих, а также раскрытия имевших место бандпроявлений установить тесный оперативный контакт с отделами контрразведки МГБ воинских соединений, дислоцируемых на территории Калининградской области»[2].

Проведенный анализ статистических данных формы № 2 «Цифровые сведения о движении лиц, разрабатываемых по агентурным делам, делам-

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 108.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 108–109.

формулярам и учетным делам» показал, что принятые отделом по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области меры не привели к достижению положительных результатов. Так, в первом полугодии 1949 г. из имевшихся на учете 16 агентурных дел (71 человек), 2 дел-формуляров и 17 учетных дел было реализовано с арестом преступников всего лишь 2 агентурных дела (29 человек) и дело-формуляр. 3 агентурных дела (14 человек), дело-формуляр и 3 учетных дела сняты с учета как бесперспективные[1].

По мнению автора, подобное положение было связано с тем, что уже к середине 1948 г. активная деятельность банд на территории Калининградской области фактически прекратилась, стала носить эпизодический характер, а сами члены бандгрупп достаточно умело скрывались среди местного населения. Именно этим можно объяснить тот факт, что в отчете Управления МВД по Калининградской области за третий квартал 1948 г. отмечалось:

«На территории Калининградской области устойчивого уголовно-бандитского подполья, организующих центров и инициаторов бандформирований не отмечено.

Имеющиеся отдельные мелкие группы преступников, нелегалы, одиночки-грабители и другой преступный элемент находятся под агентурным наблюдением органов МВД и в отношении него предприняты решительные меры репрессий.

Выявлены и взяты на оперучет и в агентурную разработку 4 притона, 2 группы грабителей, одна литовская националистическая банда и 25 чел. преступного элемента – одиночек»[2].

Вместе с тем, к концу третьего квартала 1948 г. в крупных городах, а также в приграничных с Литвой районах Калининградской области активизировались действия бандитских групп из числа военнослужащих Советской армии, а также отрядов литовских националистов. В связи с этим отделом по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области предполагалось провести следующие мероприятия:

1) направить сотрудников отдела в районы, наиболее пораженные бандитизмом (Советский и Черняховский городские отделы МВД, Нестеровское районное отделение МВД);

2) в городах Калининград, Советск и Черняховск:

– пересмотреть все агентурные и иные материалы, выделить данные на лиц, подозреваемых в бандитизме, взять их на учет и в агентурную разработку, а при наличии достаточных для ареста данных арестовать с санкции прокурора;

– весь сомнительный и подозрительный элемент, учтенный и выявленный в процессе оперативной разработки, материалов на арест которого недостаточно, удалить за пределы области в установленном порядке;

– очистить агентурно-осведомительную сеть и пополнить ее квалифицированной агентурой для разработки конкретных лиц; произвести

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 4, 6, 8, 10, 12.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 178.

правильную расстановку агентуры, добиваясь «более активного ее проникновения в уголовное подполье»;

3) сотрудникам, откомандированным в Краснознаменский и Нестеровский районы:

– подготовить и выставить на границах с Литовской ССР маршрутную и сторожевую агентуру;

– выявить лиц, проживающих на территории районов и поддерживающих связи с литовцами, взять их на оперативный учет и в разработку, обеспечив специальной агентурой;

– выполнить мероприятия по агентурному проникновению в окружение и связи бандитов;

– создать группы содействия и обеспечить их внутренней агентурой;

– силами групп содействия, лесников, колхозников, охотников и местного населения организовать разведку лесных массивов в Нестеровском и Краснознаменском районах для установления мест базирования банд[1].

В целях выполнения указанных мероприятий 4 октября 1948 г. в Краснознаменский район, где 11 сентября 1948 г. было совершено нападение литовских националистов на трактористов колхоза «Победа», были откомандированы два оперативных работника отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области с приданной группой военнослужащих 106-го отдельного батальона войск МВД по охране особо важных предприятий промышленности. Через 10 дней, после прибытия личного состава из подразделений 349-го полка конвойных войск МВД СССР, численность приданных оперативной группе военнослужащих достигла 35 человек[2]. Общее руководство действиями оперативной группы МВД в Краснознаменском районе осуществлял заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области майор А. И. Мозговой. Следует отметить, что действия оперативной группы осуществлялись в тесном взаимодействии как с Краснознаменским районным отделением МГБ, в которое также были откомандированы сотрудники Управления МГБ по Калининградской области, так и с Шакяйским уездным отделом МГБ Литовской ССР.

В рамках подготовительных мероприятий в целях исключения поддержки членов банд по согласованию с советскими и партийными органами под различными предлогами из Краснознаменского района были удалены граждане литовской национальности (прежде всего, 6 лесников, подозреваемых в связях с бандитами). Кроме того, через агентуру Шакяйского уездного отдела МГБ среди местного населения выявлялись лица, связанные с бандпособниками в Литве, для обеспечения совместных агентурных разработок и использования при агентурных комбинациях.

Для выявления мест базирования бандитов в лесах Мичуринского лесничества Краснознаменского леспромхоза под видом лесорубов в течение

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 170–170 об.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 153.

8 суток действовала группа из 6 военнослужащих войск МВД, переодетых в гражданскую одежду. Там же в течение 11 суток под видом топографов выполняла аналогичную задачу специальная группа Шакяйского уездного отдела МГБ.

В целях перекрытия путей передвижения бандитов из Литовской ССР на территорию Краснознаменского района в наиболее вероятных местах их появления, а также на переправах через реку Шешупа было выставлено 11 засад по 10–12 человек в каждой, а в 7 колхозах, граничащих с Литвой, созданы группы содействия, общей численностью 49 человек[1].

Вместе с тем, в ходе проведения 5 чекистско-войсковых операций по проверке лесных участков, в которых могли скрываться бандиты, положительных результатов достичь не удалось. Как сообщал заместитель начальника Управления МВД по Калининградской области полковник М. Ф. Тихомиров в докладной записке от 13 ноября 1948 г. первому секретарю Калининградского областного комитета ВКП(б) В. В. Щербакову, «в результате… чекистско-войсковых мероприятий в Краснознаменском районе созданы невыносимые для банды условия. Бандиты вынуждены отсиживаться и оперировать на территории Литовской ССР, где сразу попали под оперативный удар органов и войск МГБ»[2]. В результате операций, проведенных уже в Литве, органами МГБ были ликвидированы 11 бандитов, в том числе в полном составе банда «Келейвис» (6 человек), которая 11 сентября 1948 г. совершила нападение на трактористов колхоза «Победа»[3]. Однако в результате действий оперативной группы МВД в Краснознаменском районе при активном участии групп содействия стала возможной ликвидация двух бандгрупп из числа военнослужащих Советской армии. Первая из них, состоявшая из 6 военнослужащих войсковых частей 22840 и 27119, 17 октября 1948 г. совершила вооруженное нападение на семью колхозника А. А. Малютина, а вторая – под руководством военнослужащего 91-го стрелкового полка 16-й гвардейской стрелковой дивизии младшего сержанта Е. Н. Шишкина – в течение августа – сентября 1948 г. совершила несколько тяжких преступлений на территории Советского и Краснознаменского районов[4].

Следует отметить, что действия органов МВД по пресечению деятельности групп литовских националистов не привели к прекращению их проникновения на территорию Калининградской области. Уже в 1949 г. деятельность литовских бандгрупп была зарегистрирована в Гвардейском районе. Вместе с тем, к концу исследуемого периода основную роль в борьбе с бандитизмом стали играть органы МГБ, которые совместно с подразделениями 562-го отдельного батальона внутренних войск МГБ СССР могли более эффективно проводить чекистско-войсковые операции. Органы МВД, фактически не имевшие силовой поддержки в виде войсковых подразделений, могли осуществлять борьбу только с небольшими бандгруппами или бандитами-одиночками.

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 154–155.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 155.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 155.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 143, 145–147.

В рамках **противодействия уголовной и экономической преступности** основное внимание органов милиции также уделялось организации ***агентурно-осведомительной работы***. Проведенный анализ данных статистической формы № 4 «Сведения о численности и движении агентурно-осведомительной сети органов милиции» за исследуемый период (приложение 7) показал ее постоянный рост: так с 1 января 1948 г. по 1 января 1949 г. количество агентуры увеличилось на 26,07% (в том числе рост числа резидентов составил 65,43%, агентов – 112,65%, а осведомителей – 21,76%).

Значительная часть агентуры работала в интересах отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (по состоянию на 1 июля 1948 г. – 53,76%, а по состоянию на 1 января 1949 г. – 54,29%). На 1 июля 1948 г. наибольшее количество сотрудников агентурно-осведомительной сети было задействовано на обслуживании колхозов, объектов Министерства пищевой промышленности и Министерства торговли, а также действовало в среде спекулянтов.

Вместе с тем, данные формы № 4 свидетельствуют о некотором сокращении численности агентурно-осведомительного аппарата органов милиции Калининградской области, которое постепенно происходило с начала 1949 г. Так, численность агентурно-осведомительной сети, работавшей по линии отдела уголовного розыска, за период с 1 июля 1948 г. по 1 июля 1949 г. сократилась на 11,41% (с 1113 до 986 человек), а по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности – на 7,32% (с 1378 до 1277 человек). Данное снижение являлось результатом очистки агентурно-осведомительного аппарата, а также следствием недостаточного уровня работы должностных лиц органов милиции с агентурой.

Следует отметить, что именно на этом недостатке акцентировал внимание участников оперативного совещания руководящего состава Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор В. И. Демин 9 марта 1948 г.: «На сегодняшний день серьезным недостатком в нашей работе является связь с агентурой, расстановка и умение ею пользоваться… До сего времени во многих горрайотделах не организована правильная расстановка агентуры, связь с ней и прочее. Работа в основном строится на осведомителях. До сего времени агентуру принимают где попало, не организовано достаточно явочных и конспиративных квартир, а также отсутствует достаточное количество квалифицированной агентуры»[1].

Низкое качество агентуры, особенно действовавшей в интересах отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, отмечал и начальник отдела контрразведки Управления МВД по Калининградской области майор В. И. Павловский. В выступлении на совещании руководящего состава Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов 9 марта 1948 г. он отметил, что агентуру, которая работает на рынке по фактам спекуляции «все знают и прямо открыто называют их по имени и говорят, что

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 173.

такой работает в ОБХСС. Сама агентура занимается спекуляцией, связана с литовскими спекулянтами»[1].

Число агентурных дел, дел-формуляров, а также учетных дел, открытых на основании донесений агентурно-осведомительной сети, в исследуемый период постоянно росло. Наибольшее количество агентурных материалов по линии отдела уголовного розыска, находящихся в разработке, было зафиксировано по состоянию на 1 июля 1948 г. (67 агентурных дел, дело-формуляр и 704 учетных дела). В основном агентурные дела заводились по фактам убийств, а также разбоев и грабежей, а учетные дела – по фактам краж (таблица 17).

Таблица 17

Сведения о движении агентурных дел, дел-формуляров и учетных дел по линии отдела уголовного розыска в 1948–1949 гг.[2]

Виды преступлений	1.01.1948 г.			1.07.1948 г.		
	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела
По разбою и грабежам	9	–	20	8	–	24
По убийствам	30	–	4	22	–	5
По кражам	11	1	271	19	1	399
По скотокрадству	3	–	23	4	–	25
По мошенничеству	–	–	3	–	–	5
По детской преступности	–	–	–	–	–	5
По притонам	2	–	40	3	–	109
По прочим преступлениям	–	–	66	1	–	132
Всего	55	1	427	67	1	704

Виды преступлений	1.01.1949 г.			1.07.1949 г.		
	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела
По разбою и грабежам	3	–	17	3	–	13
По убийствам	30	–	7	21	–	9
По кражам	18	–	354	14	–	349
По скотокрадству	3	–	20	2	–	15
По мошенничеству	–	–	3	1	–	1
По детской преступности	–	–	4	–	–	6
По притонам	3	–	89	2	–	82
По прочим преступлениям	3	–	118	2	–	138
Всего	60	–	612	45	–	613

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 219–220.

[2] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 15; Д. 21. Л. 3, 13.

В свою очередь, наибольшее количество агентурных дел, дел-формуляров и учетных дел по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности было зафиксировано по состоянию на 1 января 1949 г. (97 агентурных дел, 56 дел-формуляров, 526 учетных дел). Большая часть агентурных дел касалась объектов Министерства торговли, а также деятельности спекулянтов, дел-формуляров – объектов Министерства торговли, а учетных дел – деятельности спекулянтов (таблица 18).

Таблица 18

Сведения о движении агентурных дел, дел-формуляров и учетных дел по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности в 1948–1949 гг.[1]

Объекты работы	1.01.1948 г.			1.07.1948 г.		
	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела
По объектам Министерства торговли	15	12	55	17	17	74
По объектам потребкооперации	2	–	13	2	–	13
По объектам Министерства пищевой промышленности	4	3	18	3	4	23
По объектам Министерства мясомолочной промышленности	7	1	10	4	1	12
По объектам Министерства рыбной промышленности	–	2	10	6	2	12
По объектам Министерства вкусовой промышленности	2	–	2	4	1	12
По объектам Министерства заготовок	8	–	14	12	1	16
По объектам Министерства сельского хозяйства (кроме колхозов)	–	–	3	1	–	2
По колхозам	3	2	12	4	3	18
По совхозам	4	2	2	2	4	7
По объектам Министерства легкой промышленности	2	2	9	4	2	7
По промкооперации и кооперациям инвалидов	–	–	–	–	–	–
По объектам Министерства связи	1	–	1	1	–	2
По объектам Министерства финансов	2	2	7	4	5	7
По объектам других министерств и ведомств	5	2	21	8	1	25
По прочим объектам	12	4	37	15	1	44
По спекуляции	14	–	219	12	7	218
По самогоноварению	–	–	–	–	–	–
Всего	85	32	433	99	49	492

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 15; Д. 21. Л. 3, 13.

Объекты работы	1.01.1949 г.			1.07.1949 г.		
	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела	агентурные дела	дела-формуляры	учетные дела
По объектам Министерства торговли	15	24	100	21	25	81
По объектам потребкооперации	2	1	13	1	1	13
По объектам Министерства пищевой промышленности	12	–	34	12	4	41
По объектам Министерства мясомолочной промышленности	1	1	14	1	–	14
По объектам Министерства рыбной промышленности	2	1	10	4	3	8
По объектам Министерства вкусовой промышленности	4	1	10	4	2	6
По объектам Министерства заготовок	7	5	16	8	4	21
По объектам Министерства сельского хозяйства (кроме колхозов)	2	–	3	3	–	–
По колхозам	5	1	18	5	3	12
По совхозам	6	3	13	5	–	17
По объектам Министерства легкой промышленности	3	2	2	3	3	2
По промкооперации и кооперациям инвалидов	4	1	1	7	2	1
По объектам Министерства связи	1	–	2			3
По объектам Министерства финансов	2	3	7	2	3	10
По объектам других министерств и ведомств	6	3	25	–	–	–
По прочим объектам	10	–	49	24	6	72
По спекуляции	15	9	212	15	10	148
По самогоноварению	–	1	6	–	2	17
Всего	97	56	526	115	68	466

Вместе с тем, как показал проведенный анализ данных статистической формы № 5 «Цифровые сведения о движении агентурных дел, дел-формуляров, учетных дел и проходящих по ним лиц в органах милиции», реализация агентурных материалов продолжала оставаться на недостаточном уровне, что также объяснялось низкой квалификацией агентуры и уровнем работы с ней сотрудников милиции. Кроме того, отставание реализации агентурных дел, дел-формуляров и учетных дел от их количественного роста, создавало, по мнению руководства Управления МВД по Калининградской области, «угрозу оседания… преступного и сомнительного элемента»[1].

Так, в период с 1 января 1948 г. по 1 июля 1949 г. по линии отдела уголовного розыска были реализованы 75 агентурных дел, объединявших 110 человек, дело-формуляр и 673 учетных дела. В наибольшей степени это относилось к агентурным

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 132.

делам, заведенным по фактам убийств (44,44% от общего количества реализованных агентурных дел), краж (28%), разбоя и грабежей (16%), а также к учетным делам, заведенным по фактам краж (61,66%), содержания притонов (11,29%), а также разбоя и грабежей (3,71%). В свою очередь, за тот же период по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности реализованы 128 агентурных дел (360 человек), 72 дела-формуляра и 455 агентурных дел. Наибольшее количество реализованных агентурных данных касалось объектов Министерства торговли (25 агентурных дел, 18 дел-формуляров и 83 учетных дела), Министерства пищевой промышленности (23 агентурных дела, 13 дел-формуляров и 43 учетных дела), а также деятельности спекулянтов (20 агентурных дел, 8 дел-формуляров и 208 учетных дел)[1].

Реализация агентурных данных чаще всего осуществлялась путем проведения оперативных мероприятий. Приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 января 1948 г. № 001 отмечал следующие недостатки, характерные для операций против преступного элемента, проводимых сотрудниками милиции:

«а) Операции часто проводятся без предварительной агентурной подготовки, а иногда и без планов.

б) Обстановка, где намечаются операции, не изучается, обязанности каждого участника операции конкретно не определяются, численность, вооружение преступников, их намерения и способность к сопротивлению не учитываются.

в) При задержании преступников или подозрительных лиц сотрудники не принимают необходимых мер предосторожности, проявляют самонадеянность, задержанных не обыскивают, правил конвоирования не соблюдают.

Все это является следствием того, что сами начальники ГО, РО [городских, районных отделов (отделений). – Прим. автора] МВД и отделений милиции разработкой планов и проведением операций не руководят, а работников, выделяемых на операции, лично не инструктируют».

В целях изжития отмеченных недостатков приказом определялись следующие обязательные мероприятия при подготовке и в ходе проведения операций:

«1. Каждую операцию, как правило, проводить только после серьезной и сжатой по времени предварительной агентурной проработки.

2. Начальникам ГО, РО МВД и отделений милиции на все операции по задержанию, арестам, обыскам, засадам и др. разрабатывать конкретные планы с учетом данных о численности и персональном составе преступников, их вооружении и способности к сопротивлению, особенностей места их пребывания, путей передвижения и лично инструктировать каждого участника операции. Оперативные группы вооружать с таким расчетом, чтобы всегда был обеспечен качественный перевес в вооружении.

Руководителем операции назначать оперативно-чекистски грамотных работников.

[1] Подсчитано автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 4, 7, 9, 12, 14, 15, 19, 21, 22, 24, 28; Д. 21. Л. 3, 5, 7, 9, 11, 13.

3. Участковых уполномоченных и милиционеров систематически инструктировать о порядке задержания преступников, их личного обыска и о правилах применения оружия.

4. Начальникам ГО, РО МВД и отделений милиции обеспечить личный контроль за каждой операцией»[1].

Изученные автором приказы начальника Управления МВД по Калининградской области за 1948–1949 гг. свидетельствуют о большом количестве удачно проведенных операций против преступников. Так, 9 марта 1948 г. оперуполномоченный 3-го городского отделения милиции города Калининграда младший лейтенант милиции Каменев получил данные о том, что ночью содержательницам притона, проживающим в бараке завода № 820, группа военнослужащих должна принести краденые вещи. В результате правильно организованной засады сотрудниками милиции были задержаны четверо военнослужащих, у которых изъяты автомат ППШ с 15 патронами, 115 м мануфактуры и 2 пальто, украденных из магазина в городе Приморск[2].

Достаточно часто в операциях по пресечению действий преступного элемента использовались члены бригад содействия милиции. Так, 6 июня 1948 г. путем взлома дверей лечебного корпуса курорта в поселке Отрадное неизвестными лицами была совершена кража медицинских инструментов, а также личных вещей врача невропатологического отделения. В целях розыска преступников участковый уполномоченный Светлогорского городского отделения МВД младший лейтенант милиции П. С. Лесных ориентировал о краже членов бригады содействия милиции Иванова и Мингалева, которые при выходе из леса задержали двух матросов, у которых изъяли похищенные вещи[3].

Кроме того, значительную помощь органам милиции в раскрытии преступлений и задержании преступников оказывала и общественность. Так, 31 января 1949 г. путем пролома кирпичной стены в магазине № 36 Приморского отделения военторга была совершена кража промышленных товаров на сумму 22 000 рублей. Розыск похищенных вещей и преступников результатов не дал. 4 февраля 1949 г. рабочий Е. А. Беднов сообщил в Приморский районный отдел МВД о том, что в одном из разрушенных домов, в который он пришел с целью ремонта, им обнаружен мешок с вещами. Осмотром было установлено, что в нем содержатся товары, похищенные из магазина № 36. Выставленная засада задержала прибывшего за вещами матроса батальона связи С. Е. Локтева, который на допросе сознался в совершении кражи[4].

Значительные результаты имели и операции, направленные на пресечение преступлений экономического характера. Так, в конце марта 1948 г. отделом по борьбе с хищениями социалистической собственности Калининградского областного управления милиции совместно с Правдинским районным отделением МВД в результате умело проведенной агентурной разработки

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 1–2.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 39.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 133.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 24. Л. 36.

и оперативных мероприятий была вскрыта группа преступников в количестве 6 человек, которые занимались хищением муки на хлебозаводе № 1 города Калининграда и через заведующего магазином военторга Костина продавали ее спекулянтам. При аресте группы изъяты 12 мешков муки общим весом 840 кг[1].

Всего же за период с 1 июля 1947 г. по 31 декабря 1948 г. в ходе операций, проведенных сотрудниками отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Калининградского областного управления МВД, у преступников были изъяты денежные средства на сумму 249 385 рублей, 15 982 кг хлеба и хлебопродуктов, 5202 кг масла и жиров, 3002 кг мяса и мясопродуктов, других продовольственных товаров на сумму 168 371 рубль и промышленных товаров на сумму 211 003 рубля. При этом значительная часть изъятых продовольственных и промышленных товаров принадлежала спекулянтам[2].

Вместе с тем, с начала 1949 г. в борьбе с уголовной и экономической преступностью стали нарастать негативные тенденции, связанные, прежде всего, со значительным падением уровня агентурно-осведомительной работы в периферийных органах МВД Калининградской области. Проведенный анализ сведений о численности агентуры, находящейся на связи в городских и районных отделах (отделениях) МВД, показал ее значительное сокращение по всем линиям работы милиции за период с 1 января по 1 июля 1949 г. Так, численность агентуры по линии отдела уголовного розыска сократилась на 20,08% (по резидентам – на 21,56%, по агентам – на 13,63%, по осведомителям – на 20,35%). Наибольшие сокращения произошли среди агентуры 1-го городского отделения милиции города Калининграда (на 65,16%), Гурьевского районного отделения МВД (на 53,7%), Советского городского отдела МВД (на 42,1%), Светлогорского городского отделения МВД (на 41,66%) и Советского районного отдела МВД (33,92%). В свою очередь, агентурно-осведомительная сеть по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности сократилась на 20,17% (по резидентам – на 5,79%, по агентам – на 29,78%, по агентам-маршрутникам – на 20%, по осведомителям – на 20,65%). В наибольшей степени сокращение агентуры затронуло все городские отделения милиции города Калининграда (в 1-м городском отделении милиции – на 43,02%, во 2-м городском отделении милиции – на 52,32%, в 3-м городском отделении милиции – на 50%, в 4-м городском отделении милиции – на 32,07%), а также Гурьевское районное отделение МВД (на 36,84%).

Сокращение численности агентурно-осведомительной сети сочеталось с низким уровнем работы с ней со стороны сотрудников милиции. Так, заместитель начальника Калининградского областного управления милиции полковник А. И. Кунгурцев в докладе на оперативном совещании руководящего состава Управления МВД по Калининградской области и областного управления милиции 4 ноября 1949 г. следующим образом характеризовал состояние агентурно-осведомительной работы в периферийных органах МВД:

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 79.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

«Нестеровское РО [районное отделение. – Прим. автора] МВД за 1949 год не завербовало ни одного осведомителя. Имеющийся агентурно-осведомительный аппарат работает без всякой загрузки, от 45 осведомителей поступило за 9 месяцев 38 донесений и те не представляют особой ценности. Явочных и конспиративных квартир в этом органе не имеется. Оперативный учет лежит без движения.

В таком органе как Черняховский ГО [городской отдел. – Прим. автора] МВД агентурная работа на низком уровне. За весь год не приобретено ни одного агента. С 21 осведомителем потеряна связь и [они] не работают с марта месяца. Из 364 намеченных явок состоялось только 193 явки. Агентура принимается где попало, даже в служебных кабинетах. Подучетный элемент разрабатывается плохо. Всего за 9 месяцев реализовано 4 агентурных дела. [В течение года] ни одного агентурного дела не заведено и не реализовано.

Неудовлетворительно также обстоит дело и в Советском Горотделе, где нет приобретенной ценной агентуры и делается упор только на работу с общим осведомлением. За 9 месяцев завербовано 9 осведомителей, а исключен за это время 31 осведомитель. Имеющиеся агентурные дела затягиваются разработкой.

В Большаковском РО [районном отделении. – Прим. автора] МВД за 9 месяцев завербован один осведомитель, работа с агентурой отсутствует и не случайно поэтому особо опасные преступления в районе не вскрываются (например, убийство гр-ки Ревякиной, убийство учительницы Ястребовой, колхозников Яковлевой и Круглова). Агентурные разработки по раскрытию этих преступлений ведутся крайне плохо… Такое состояние работы в Большаковском РО МВД привело к тому, что убийства граждан продолжаются: в ночь на 28.X.49 года был убит сторож магазина и ограблен магазин (похищено ткани на сумму 250 000 рублей)»[1].

В связи с изложенным оперативное совещание приняло следующее постановление, направленное на повышение уровня агентурно-осведомительной работы: «Перед каждым осведомителем, агентом конкретно поставить задачу выявления и разработки уголовного подполья. Добиться ареста и задержания преступного элемента не после совершения преступления, а в момент подготовки и до совершения преступления. Чтобы улучшить агентурную работу нужно организовать ее действенный контроль. Начальникам органов составить графики контрольных встреч с агентурой и строго придерживаться их. Сами начальники органов, их заместители должны работать с агентурой и давать пример в этом подчиненным, особенно обратив внимание на работу резидентов»[2].

В исследуемый период значительное внимание уделялось ***профилактической работе***, направленной на предупреждение уголовной и экономической преступности. В связи с тем, что большое количество лиц, прибывших по вербовке для работы на промышленных предприятиях области, в силу сложных материально-бытовых условий вставало на путь совершения преступлений, директивой начальника Управления МВД по Калининградской области от 11 июля 1947 г. № 20 всем начальникам городских отделений

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 55. Л. 155–156.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 55. Л. 158.

милиции города Калининграда, а также городских и районных отделов (отделений) МВД предписывалось в декадный срок провести проверку организаций, учреждений и предприятий на предмет определения количества завербованных рабочих и числа лиц, бросивших работу по причине неблагоприятных материально-бытовых условий. Активная роль в изучении причин, толкавших работников на совершение преступлений, отводилась агентурно-осведомительному аппарату:

«3. Направить агентуру, имеющую связь в среде вербованных рабочих, в общежитиях среди рабочих, среди д/л [должностных лиц. – Прим. автора], бригадмил на выявление материально-бытовых условий рабочих, на выявление конкретных лиц из вербованных, ушедших с производства и ставших безработными.

4. Все получаемые через агентуру и общественность сведения быстро перепроверять и при наличии фактов преступно-небрежного и бездушного отношения к материально-бытовым нуждам вербованных рабочих ставить эти вопросы на обсуждение горкомов и райкомов ВКП(б) в целях устранения указанных явлений…

6. Подобрать нужное количество агентуры в общежитиях и в домах, где проживают вербованные рабочие, нацелить агентуру на выявление в общежитии ушедших с производства и сознательно вставших на путь легкой наживы, спекуляции, воровства и т. д., разлагающих своим образом жизни остальных рабочих, добиваться удаления таких лиц из общежития и брать на учет и в агентурную разработку»[1].

В свою очередь, профилактическая работа по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности была направлена на повышение внимания партийных и советских органов к ситуации в сфере промышленности, сельского хозяйства и торговли с целью принятия мер, направленных на пресечение случаев краж и должностных преступлений. Так, в течение четвертого квартала 1947 г. сотрудники отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Калининградского областного управления МВД в ходе командировок в районы провели массовые проверки работы лиц, ответственных за хранение зерна. По результатам проверок от работы были отстранены 36 человек, «не внушающих доверия»[2].

Во втором квартале 1948 г. по представлениям Управления МВД по Калининградской области партийными и советскими органами был осуществлен ряд одновременных проверок объектов торговли, которые сопровождались пересмотром и заменой кадров[3]. В третьем квартале 1948 г. проверки, проведенные Калининградским областным комитетом ВКП(б), городскими и районными комитетами ВКП(б) затронули не только торговые предприятия, но и предприятия промышленности, а также кооперации инвалидов и объекты местной промышленности. По результатам проверок, прошедших на основании

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 13. Л. 31–32.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 128.

представлений Управления МВД по Калининградской области, было выявлено и отстранено от работы 58 человек[1].

Профилактические мероприятия, проводимые органами милиции, фактически сразу принесли положительные результаты. Так, если в третьем квартале 1947 г. количество предупрежденных преступлений составляло 3,3% к числу совершенных преступлений, то в третьем квартале 1948 г. оно увеличилось до 21%[2].

Объем ***следственной работы*** органов милиции в исследуемый период был достаточно высоким. Так, за период с июля 1947 г. по декабрь 1948 г. по данным статистической формы № 6 «Цифровые сведения об итогах оперативно-следственной работы милиции» были возбуждены 5434 уголовных дела, по которым привлечены к ответственности 6196 человек, в том числе по линии отдела уголовного розыска – 2899 уголовных дел (2918 человек), по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности – 2293 уголовных дела (3034 человека), по линии других отделов – 242 уголовных дела (244 человека). Кроме того, следственными органами были вновь возбуждены 56 уголовных дел из числа ранее приостановленных, 11 уголовных дел из числа ранее прекращенных, в следственные органы прибыли по подследственности 73 уголовных дела и 315 дел поступили на доследование. Таким образом в производстве в период с июля 1947 г. по декабрь 1948 г. находились 5889 уголовных дел, по которым были привлечены к уголовной ответственности 6798 человек[3].

Следует отметить, что после резкого увеличения количества уголовных дел, возбужденных как по линии уголовного розыска, так и по линии борьбы с хищениями социалистической собственности, произошедшего в середине 1947 г., число дел, находившихся в производстве следственных органов милиции пошло на снижение. В 1948 г. оно составляло в среднем в месяц 374 уголовных дела по линии отдела уголовного розыска, 272 уголовных дела по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и 26 уголовных дел по линии других отделов (таблица 19).

Таблица 19

Количество уголовных дел, находившихся в производстве следственных органов милиции Управления МВД по Калининградской области в июле 1947 г. – декабре 1948 г.[4]

Период	По линии отдела уголовного розыска	По линии ОБХСС	По линии других отделов
Июль 1947 г.	704	428	39
Август 1947 г.	676	537	52
Сентябрь 1947 г.	525	385	37

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 196.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 6, 176.

[3] Подсчитано автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

[4] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

Период	По линии отдела уголовного розыска	По линии ОБХСС	По линии других отделов
Октябрь 1947 г.	325	260	34
Ноябрь 1947 г.	301	202	37
Декабрь 1947 г.	309	207	31
Январь 1948 г.	353	240	27
Февраль 1948 г.	415	269	24
Март 1948 г.	427	249	30
Апрель 1948 г.	355	231	22
Май 1948 г.	394	260	32
Июнь 1948 г.	387	255	36
Июль 1948 г.	364	237	27
Август 1948 г.	407	271	25
Сентябрь 1948 г.	317	248	14
Октябрь 1948 г.	342	341	20
Ноябрь 1948 г.	358	351	34
Декабрь 1948 г.	372	314	30

Вместе с тем, в следственной работе продолжали сохраняться недостатки, которые были характерны и для предшествующего периода: затягивание сроков следствия, а также низкое качество его проведения, что способствовало увеличению числа уголовных дел, возвращенных на доследование. В целях пресечения указанных недостатков руководством Управления МВД по Калининградской области и Калининградского областного управления милиции в периферийные органы МВД направлялись ответственные сотрудники с целью оказания практической помощи в организации и проведении следственной работы. Кроме того, в марте 1948 г. в целях повышения качества следствия в городских отделениях милиции города Калининграда были выделены следственные группы в количестве 2–3 человек[1]. Аналогичные группы в августе 1948 г. были выделены в составе Черняховского, Советского и Гусевского городских отделов МВД[2]. Общее руководство работой указанных групп возлагалось на начальника следственного отдела Калининградского областного управления милиции подполковника милиции А. К. Кулагина.

За период с июля 1947 г. по декабрь 1948 г. было завершено следствием и направлено в судебные органы 3987 уголовных дел (67,7% от общего числа находившихся в производстве), в том числе по линии отдела уголовного розыска – 2101 уголовное дело, по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности – 1686 уголовных дел, по линии других отделов – 200 уголовных дел.

По линии отдела уголовного розыска наиболее эффективно следствие проводилось по уголовных делам, возбужденным по фактам похищения огнестрельного оружия и боеприпасов (100% завершенных следствием и переданных в судебные органы уголовных дел), нарушения паспортного режима (89,77%), мошенничества (80,8%), хулиганства (76,13%) и краж

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 22. Л. 20.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 22. Л. 31.

(51,61%). Низкой была раскрываемость уголовных дел по половым преступлениям (47,36%), абортам (45,45%), поджогам (37,5%), разбою (31,57%), а также умышленным убийствам (16,66%).

В свою очередь, по линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности следствием было завершено и передано в судебные органы 87,5% уголовных дел по фактам самогоноварения, 80,43% уголовных дел, возбужденных по фактам нарушения правил торговли, 79,67% уголовных дел по фактам должностных преступлений и 71,62% уголовных дел, возбужденных по фактам спекуляции. Вместе с тем, крайне низкой была раскрываемость уголовных дел, связанным с присвоениями и растратами (54,86%), взятками (52,17%), подделкой денежных знаков и облигаций (50%), обвешиванием и обмериванием (35,71%), а также по фактам крупных краж (26,2%)[1].

Низкий уровень раскрываемости тяжких преступлений привел к тому, что результаты деятельности следственных органов Калининградского областного управления милиции дважды (в декабре 1948 г. и в апреле 1949 г.) были отмечены Министерством внутренних дел СССР как неудовлетворительные[2]. Однако, несмотря на ряд мероприятий, проведенных Управлением МВД по Калининградской области, качество следственной работы продолжало снижаться: так, в первом квартале 1949 г. раскрываемость уголовных преступлений составила 80%, во втором квартале 1949 г. – 78,4%, а в третьем квартале 1949 г. – 75%. Наиболее низкий уровень следственной работы в сентябре 1949 г. был зафиксирован в Советском городском отделе МВД (60% раскрытых уголовных дел), Калининградском районном отделении МВД (50%), Черняховском городском отделе МВД (37%) и Гурьевском районном отделении МВД (20%)[3].

Неблагоприятная ситуация в следственной работе в сочетании с ростом уголовных преступлений привели к тому, что 2 ноября 1949 г. на заседании бюро Калининградского областного комитета ВКП(б) был заслушан отчет руководства Управления МВД по Калининградской области по этому вопросу и предложено принять все возможные меры к немедленной ликвидации роста уголовной преступности, ее систематическому снижению и резкому повышению раскрываемости преступлений. Решением Калининградского областного комитета ВКП(б) предлагалось включить в борьбу с преступностью не только органы МВД и милицию, но и судебные органы и прокуратуру, партийно-советскую общественность, направив их деятельность как на проведение профилактических мероприятий, так и на пресечение преступности[4].

Основным видом работы органов МВД по Калининградской области по **поддержанию паспортного режима** в исследуемый период являлась проверка

[1] Подсчитано автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 40. Л. 7, 9, 11, 13, 15, 17; Д. 42. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 20, 22, 24.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53. Л. 76; Д. 55. Л. 82.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 55. Л. 154.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 55. Л. 157.

домовладений, общежитий, учреждений и предприятий по вопросам соблюдения правил прописки, выписки и приема на работу граждан.

Только за первый квартал 1948 г. сотрудниками органов МВД и милиции были проверены 24 884 домовладения, 62 общежития и барака, 87 совхозов и подсобных хозяйств, 232 колхоза и 22 гостиницы. В результате проверок выявлены 2055 человек, проживающих без прописки, 1269 человек, которые прибыли на территорию области без пропусков, 176 нарушителей правил воинского учета, а также 60 человек, имевших паспортные ограничения[1].

Нарушения паспортного режима допускались не только отдельными гражданами, но и руководителями предприятий и учреждений Калининградской области. Так, весной 1948 г. по указанию начальника строительно-монтажного поезда № 132 на станции Калининград был размещен эшелон рабочих в количестве 202 человек, не имевших пропусков на право въезда в область. При проверке рабочих органами МВД были выявлены 6 человек с просроченными паспортами, 10 человек, в паспортах которых имелись различные исправления, а также 21 человек, имевший судимость[2].

В основном лица, не имевшие прописки, либо прибывшие на территорию области без пропусков, привлекались к административной ответственности. Так, за первый квартал 1948 г. в области за нарушение паспортного режима было оштрафовано 2173 человека на общую сумму 118 420 рублей[3].

Начиная с 1948 г., помимо проверок мест проживания граждан, а также предприятий и учреждений, органы МВД совместно с транспортной милицией МГБ стали осуществлять совместные проверки прибывающих в область поездов и самолетов с целью выявления нарушителей паспортного режима. Только в первом квартале 1948 г. в ходе таких проверок были задержаны 272 человека, не имевших пропусков на въезд в Калининградскую область, а также 9 человек, которые вообще не имели документов. Все лица, задержанные в ходе совместных проверок, удалялись из области в течение 24 часов[4].

Вместе с тем, принимаемые меры не могли в полном объеме пресечь поток лиц, незаконно прибывающих на территорию области. Начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор В. И. Демин в докладной записке министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову от 8 июля 1948 г. № 00427 констатировал, что «проведенные мероприятия по поддержанию паспортного режима не обеспечивают прекращения проезда лиц, не имеющих права проживания в пограничной области. Кассы железных дорог до последнего времени продолжают продажу билетов для проезда в область без пропусков органов милиции. В поездах, следуемых в область, никакой проверки документов никем не производится. Вследствие малочисленности штатной положенности аппаратов РО [районных отделов (отделений). – Прим. автора] МВД, мы не в состоянии выделить необходимое количество состава для

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 32.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 65.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 33.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 33.

проверки граждан, следуемых автомобильным и другими видами транспорта по шоссейным дорогам. Периодические проверки силами личного состава УМВД и районных аппаратов нужных результатов дать не могут»[1].

Одним из путей решения проблемы въезда граждан, не имевших права на проживание в регионе, начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор В. И. Демин считал введение в штаты Советского районного отдела МВД, Славского, Краснознаменского и Нестеровского районных отделений МВД «специальных подвижных групп», численностью 8–10 человек, на которые возлагалось выполнение задачи по проверке документов всех лиц, следующих в область с территории Литовской ССР. Кроме того, предполагалось выставление КПП общей численностью до 20 человек в городе Советске и на станции Чернышевское Нестеровского района[2].

Однако министр внутренних дел СССР генерал-полковник С. Н. Круглов в письме начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору В. И. Демину от 18 ноября 1948 г. № 4677/к отметил нецелесообразность выдвинутых предложений по следующим причинам: «Создание подвижных оперативных групп и КПП не может закрыть всех путей проникновения на территорию области нарушителей паспортного и пограничного режима и вместе с тем ослабит другие участки работы органов милиции, в том числе и работу по поддержанию паспортного режима, т. к. комплектование оперативных групп может быть произведено только за счет личного состава участковых уполномоченных и милиционеров. Эта работа должна проводиться обычными методами, принятыми в органах милиции»[3].

Серьезные изменения в исследуемый период произошли в организации **пожарной охраны**. Главным из них явилось то, что в соответствии с приказом МВД СССР от 19 марта 1948 г. № 00283 городская пожарная охрана города Калининграда с 1 апреля 1948 г. была переведена на положение военизированной пожарной охраны (ВПО). В ее состав вошли четыре отдельные и одна вспомогательная военизированные пожарные команды общей численностью 310 человек[4]. Однако уже 15 апреля 1948 г. в составе ВПО Калининградского гарнизона произошли изменения – в ее состав были включены еще две военизированные пожарные команды, сформированные на заводе № 820 Министерства судостроительной промышленности и ГРЭС № 2. Общая численность личного состава военизированных пожарных команд составила 442 человека[5].

Подготовке военизированных пожарных команд со стороны руководства управления пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области уделялось значительное внимание. Так, уже 31 мая 1948 г. в Калининграде были проведены первые пожарно-прикладные соревнования частей ВПО, в которых

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 135.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 135, 182.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 183.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 122; Д. 18. Л. 69–73.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 121; Д. 18. Л. 78–80.

приняли участие лучшие отделения от четырех военизированных пожарных команд. Соревнования показали значительное улучшение боевой готовности частей и удовлетворительное освоение личным составом противопожарного вооружения и техники. Лучшим было признано отделение 3-й военизированной пожарной команды (начальник – младший техник-лейтенант Ф. И. Григорьев).

Вместе с тем, в приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 18 июня 1948 г. № 108 были отмечены следующие недостатки в подготовке личного состава частей ВПО, выявленные в ходе соревнований: «Личный состав не натренирован для быстрого и умелого переноса пожарно-технического вооружения. Прокладка, подъем на высоту, закрепление и свертывание рукавных линий проводятся не однообразно, медленно и неумело, первые и вторые номера не натренированы для работы и маневрирования со стволом. Шоферы боевых машин неумело пользуются вакуумными аппаратами и центробежными насосами при заборе воды из открытого водоисточника. Работа с пенными стволами и пенотушение проводилось кустарно и неумело»[1].

Следует отметить, что помимо ежегодных соревнований, в практику подготовки частей ВПО вводились смотры и тактические учения личного состава с привлечением противопожарной техники. Первое тактическое учение частей ВПО Калининградского гарнизона было проведено в августе 1948 г.[2]

Осуществленная в первом квартале 1949 г. проверка частей ВПО Калининградского гарнизона показала повышение уровня боевой и политической подготовки личного состава, а также проводимой профилактической работы. Приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 21 июня 1949 г. № 162 ставил перед начальниками частей ВПО следующие задачи:

– повысить качество проведения занятий с сержантским и рядовым составом («Занятия проводить целеустремленно, приближенно к действительной обстановке, не ограничиваться только рассказом, но и обязательным практическим показом с применением приборов пожарно-технического вооружения и снаряжения, добиваясь отличного усвоения всем личным составом программы боевой подготовки»);

– организовать систематическую и качественную подготовку подразделений путем решения пожарно-тактических задач как в дневное, так и ночное время, а также учений на местности с привлечением пожарной техники[3].

Благодаря высокому уровню подготовки части ВПО успешно действовали при ликвидации сложных пожаров. Так, 9 июня 1949 г. в 15 часов на заводе «Судохладмонтаж» в городе Калининграде на корабле «Невельск», на котором проводились работы по его переоборудованию в рефрижератор, возник пожар в нижней части трюма. Огонь быстро охватил весь трюм, создавая угрозу уничтожения судна. Тушение пожара осуществлялось тремя военизированными пожарными командами под общим руководством начальника управления

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 18. Л. 149.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 180.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 25. Л. 222.

пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области подполковника Н. А. Иванова. В приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 14 июня 1949 г. № 251 следующим образом описывались действия личного состава: «Быстро и правильно были расставлены силы и технические средства пожарных команд. Через прорези, сделанные автогенными аппаратами в корпусе и переборках корабля, были введены мощные стволы в очаг пожара. Кроме того, умело были применены кислородно-изолирующие приборы. В результате этого и самоотверженной работы личного состава пожарных команд к 19 часам распространение огня было остановлено, а к 23 часам пожар был ликвидирован. Удалось сохранить от деформации корпус, шахту и коммуникации гребного винта корабля, и все помещения первой палубы горевшего трюма. Корабль был спасен, пожар в сложившихся условиях причинил незначительный ущерб»[1].

Следует отметить, что части ВПО в исследуемый период были сформированы только в городе Калининграде. В остальных городах областного подчинения, а также районных центрах продолжали существовать городские пожарные команды, новые штаты которых были введены приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 18 марта 1948 г. № 38[2]. Укомплектованность городских пожарных команд к концу первого квартала 1948 г. составила 86,6%[3].

Очередная реорганизация городских пожарных команд была проведена в начале 1949 г. В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 9 февраля 1949 г. № 21 в каждом районном центре находилась одна городская пожарная команда, численность которой зависела от размеров населенного пункта (от 12 до 32 человек). Общая численность 16 городских пожарных команд составила 260 человек[4].

Управлением пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области была проведена значительная работа по улучшению качества подготовки и материального обеспечения городских пожарных команд, что в немалой степени способствовало эффективному противодействию пожарам в области. Так, проведенная по итогам 1948 г. инспекторская проверка выявила следующие недостатки в организации и деятельности городских пожарных команд:

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 25. Л. 209.

[2] В соответствии со штатным расписанием, утвержденным приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 18 марта 1948 г. № 38 в области находилось 18 пожарных команд: две – в городе Калининграде (штатная численность каждой – 33 человека) (ликвидированы после образования частей ВПО), по одной – в городах областного подчинения и районных центрах. Штатная численность городских пожарных команд городов Черняховск и Советск составляла 36 человек, городов Зеленоградск и Светлогорск – 28 человек, городов Багратионовск, Гусев, Гвардейск, Гурьевск, Краснознаменск, Ладушкин, Нестеров, Озерск, Правдинск, Полесск, Славск и Неман – 18 человек. Общая штатная численность городских пожарных команд Калининградской области составляла 410 человек (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 18. Л. 53–58).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 112.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 25. Л. 25–30.

– отсутствие повседневного, глубокого и всестороннего изучения кадров, их политических и деловых качеств;

– отвлеченный и формальный характер проводимой политико-воспитательной работы с личным составом;

– низкое качество службы (невыполнение распорядка дня, неудовлетворительное содержание техники, отсутствие проверок боевой готовности караулов, неправильное и небрежное составление служебной документации);

– низкий уровень организации и качества боевой подготовки (теоретическая учеба не закрепляется практическими занятиями, а также отработкой нормативов);

– некачественное проведение профилактической работы[1].

Однако по результатам инспекторской проверки за 1949 г. управление пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области констатировало, что работа большинства городских пожарных команд области улучшилась, увеличилось количество, содержание и применение пожарного вооружения и техники, проведена значительная работа по обеспечению личного состава специальной одеждой, обмундированием и обувью. Лучшими по результатам инспекторской проверки стали Зеленоградская, Правдинская и Светлогорская городские пожарные команды[2].

Наряду с совершенствованием работы частей ВПО и городских пожарных команд управление пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области уделяло большое внимание проведению противопожарных профилактических мероприятий. 6 февраля 1948 г. по инициативе Управления МВД по Калининградской области Калининградский областной исполнительный комитет вынес решение № 114 «О мероприятиях по усилению пожарной охраны в сельской местности и лесах Калининградской области», а 27 февраля 1948 г. – решение № 200 «О мероприятиях по усилению пожарной охраны в городах, райцентрах, рабочих поселках и на промышленных предприятиях области»[3]. Директивой начальника Управления МВД по Калининградской области от 15 апреля 1948 г. № 7 начальникам городских и районных отделов (отделений) МВД были поставлены следующие задачи по проведению противопожарных мероприятий в весенне-летний период 1948 г.:

– силами пожарных инспекторов и личного состава пожарных команд обеспечить тщательную проверку в противопожарном отношении всех объектов промышленности, населенных пунктов, мест разработки леса и торфа с составлением актов и предписаний по результатам обследований;

– проверить боевую готовность, состояние службы, бдительность всех имеющихся в городе (районе) пожарных и пожарно-сторожевых команд;

– организовать добровольные пожарные дружины во всех колхозах;

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 25. Л. 225–226.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 26. Л. 142.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 35–36.

– проверить и потребовать привести в исправное состояние все средства пожаротушения и ведомственной связи; произвести ремонт водоемов и подъездов к ним; обеспечить своевременный контроль за выполнением этих мероприятий[1].

Проведенная управлением пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области в июне – июле 1948 г. проверка выполнения на местах этих решений показала, что большинство начальников городских и районных отделов (отделений) МВД «правильно поняли поставленные задачи по организации пожарной охраны, сумели мобилизовать общественность на охрану социалистической и личной собственности от пожаров, в результате чего противопожарное состояние городов, колхозов и совхозов, МТС и промышленных предприятий значительно улучшилось. Повысилась боеспособность промышленных пожарных команд, организованы и укреплены добровольные пожарные дружины, активизировано население в проведении противопожарных мероприятий, отремонтировано и изготовлено значительное количество пожарного инвентаря»[2].

Большое внимание уделялось и сохранности урожая в период его уборки и обмолота, а также при хранении на ссыпных пунктах, элеваторах и зернохранилищах. Директива начальника Управления МВД по Калининградской области от 2 июня 1948 г. № 10 требовала от начальников районных отделов (отделений) МВД проведения следующих мероприятий:

– организовать бригады из комсомольцев, советского и партийного актива, при помощи которых осуществить проверку противопожарного состояния всех колхозов, совхозов и МТС района;

– проверить боевую готовность добровольных пожарных дружин, наличие и исправность противопожарного инвентаря, а также потребовать от председателей колхозов, директоров совхозов и МТС обеспечить выставление дежурных лошадей и людей при пожарных депо;

– вести активную борьбу с нарушителями противопожарного режима, привлекая виновных в невыполнении требований противопожарной безопасности к административной ответственности, а виновных в возникновении пожара – к уголовной ответственности;

– усилить противопожарную агитационно-массовую работу среди населения путем проведения бесед, докладов, лекций, выступлений по радио, публикаций статей в районных газетах;

– распространить в колхозах, совхозах и МТС разработанные управлением пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области инструкции о мерах пожарной безопасности при уборке, обмолоте и хранении хлеба; потребовать от руководителей колхозов, совхозов и МТС их изучения с колхозниками, рабочими и служащими, а также размещения на видном месте на каждом молотильном току, в зерносушилках и зернохранилищах[3].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 20. Л. 18.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 18. Л. 223.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 20. Л. 23–24.

Одновременно с этим управлением пожарной охраны Управления МВД по Калининградской области проводилась активная агитационная работа с населением. Так, только в третьем квартале 1948 г. по городам и районам области были распространены 9 тыс. плакатов и лозунгов на противопожарные темы, издан в количестве 1500 экземпляров и распространен сборник материалов «О государственном пожарном надзоре по пожарной охране городов и сельской местности», разработан цикл радиопередач, а также размещено 12 заметок в районных газетах по вопросам охраны урожая от пожаров[1].

Проведенные мероприятия способствовали снижению количества пожаров и их убыточности. Так, если в третьем квартале 1947 г. на территории области произошло 62 пожара с нанесенным убытком на сумму 182 552 рубля[2], то в третьем квартале 1948 г. их число снизилось до 37 (снижение на 40,33%), а причиненные убытки составили 42 967 рублей (снижение на 76,47%)[3].

Значительное место в деятельности органов МВД в исследуемый период занимала **борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью**, которая после окончания Великой Отечественной войны приобрела в Советском Союзе значительные масштабы. Первоначально основное внимание отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области было сосредоточено на работе с немецкими детьми, которые, потеряв родителей, оказались на улице. Для их содержания в начале 1946 г. было сформировано 16 детских домов, число которых к маю 1946 г. увеличилось до 19 (5 детских домов в Кенигсберге, а 14 детских домов – в районах Кенигсбергской области)[4].

В свою очередь, беспризорные русскоязычные дети, которые прибывали в область в основном для сбора и перепродажи бесхозного имущества, направлялись в создаваемые детские дома (в возрасте до 11 лет), а также в детские приемники-распределители в городах Вильнюс, Каунас и Шауляй (в возрасте от 11 до 16 лет).

Большой наплыв беспризорных русскоязычных детей в новый регион СССР привел к тому, что начальником Управления МВД по Калининградской области 8 августа 1946 г. была издана директива № 18 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в городах и железнодорожных станциях», в которой начальникам городских и районных отделов (отделений) МВД, водного отдела милиции и линейных отделений милиции станций Калининград и Инстербург предлагалось разработать планы мероприятий «по изъятию беспризорных и безнадзорных детей в городах, с территории, прилегающей к станциям, и вагонов прибывающих поездов на всех станциях железнодорожного пути Вильнюс – Калининград», поставить вопрос перед городскими и районными управлениями по гражданским делам о выделении

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 200.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 13.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 200.
[4] Строганова Н. А. Немецкие дети-сироты на территории Калининградской области (1945–1948 гг.). С. 279.

помещений для детских комнат при отделениях милиции, подбора инспекторов для них, выделения средств для оборудования их инвентарем, мебелью и другим имуществом, привлечь к борьбе с беспризорностью работников районных отделов народного образования, педагогов, комсомольские и пионерские организации»[1].

Однако к концу 1946 г. принятые меры ожидаемых результатов не принесли. Приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 19 декабря 1946 г. № 0103 констатировал, что «многие беспризорные и безнадзорные дети беспрепятственно передвигаются по железным дорогам, бродят по базарам, улицам городов и жел. дор. станциям. Работники ГО/РО [городских и районных отделов (отделений). – Прим. автора] МВД мер к изъятию беспризорных и безнадзорных детей не принимают. Общественность и комсомольские организации слабо привлекаются к этой работе»[2].

Вместе с тем, к середине 1947 г. в Калининградской области была все же сформирована система, позволяющая эффективно решать вопросы борьбы с беспризорностью и безнадзорностью. Ее основным элементом стали детские приемники-распределители, на которые возлагались следующие задачи:

– розыск и сбор беспризорных и безнадзорных детей;

– выявление причин беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних и принятие мер к их устранению;

– определение лиц, толкающих детей на путь беспризорности и безнадзорности, и их привлечение к ответственности через органы прокуратуры и милиции;

– принятие мер к розыску родственников детей или лиц, их замещающих;

– восстановление связей детей с их семьями и создание условий для их возвращения в семьи;

– всестороннее изучение детей с целью их правильного дальнейшего устройства;

– проведение воспитательной работы и привитие детям санитарно-гигиенических и культурно-бытовых навыков;

– учет проходящего через детские приемники-распределители контингента детей[3].

Первоначально, в марте 1947 г., был сформирован детский приемник-распределитель в городе Калининграде на 100 мест, а через два месяца – в мае 1947 г. – в городе Черняховске на 60 мест[4]. К концу 1947 г. укомплектованность штатов детских приемников-распределителей составила 84%. При этом из 11 воспитателей 2 имели высшее, а 4 – среднее педагогическое образование[5].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 32–33.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 6. Л. 181.

[3] Блинова В. В. Противодействие фальсификации истории: деятельность правоохранительных органов в советский период. Чебоксары: Среда, 2002. С. 49.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 14. Л. 27–28, 72.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

Каждый детский приемник-распределитель имел собственные прачечные, амбулатории и медицинские стационары-изоляторы. Для проведения воспитательной работы организовывались специальные комнаты, обеспеченные культурно-просветительным имуществом, литературой, газетами и журналами. Детям предоставлялось трехразовое горячее питание.

Следует отметить, что во втором полугодии 1947 г. работа детских приемников-распределителей в основном была направлена на выявление беспризорных немецких детей в связи с началом процесса выселения немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии. Так, из 630 детей, поступивших в детские приемники-распределители Калининградской области в третьем квартале 1947 г., только 29 человек были русскоязычными[1]. В результате, по данным отдела по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области, только за октябрь – ноябрь 1947 г. была осуществлена организованная отправка 4760 немецких детей (в том числе 3117 из детских домов и детских приемников-распределителей) в советскую зону оккупации Германии[2].

Одновременно с этим проводились мероприятия, направленные на предупреждение беспризорности и безнадзорности среди русскоязычных детей. Проведенный анализ сведений о движении контингента по детским приемникам-распределителям Калининградской области в 1948–1949 гг. показал, что в основном беспризорными являлись дети в возрасте от 7 до 14 лет, большая часть из которых была полными сиротами. Кроме того, достаточно значительным было число детей, ушедших из семей по различным причинам, а также совершивших побеги из детских домов. Так, в первой половине 1948 г. из 1168 детей, поступивших в детские приемники-распределители Калининградской области, 865 (74,05%) являлись полными сиротами, 80 (6,84%) – ушли из своих семей по различным причинам, а 44 (3,76%) – совершили побег из детских домов[3].

В детских приемниках-распределителях дети должны были находиться не более одного месяца. После этого они либо направлялись к родителям, либо в детские дома. Кроме того, начиная с четвертого квартала 1947 г. в соответствии с решением, принятым Калининградским областным комитетом ВКП(б), подростки в возрасте 16–17 лет, не имеющие родителей и материально не обеспеченные, направлялись для обучения в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища[4]. С первой половины 1948 г. в практику было введено направление подростков для работы на предприятиях промышленности и в сельское хозяйство (приложение 8).

Следует отметить, что детские приемники-распределители, направляя подростков на обучение и на производство, фактически сразу столкнулись с проблемой неудовлетворительных бытовых условий в школах ФЗО

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 12.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 215; Д. 4. Л. 140.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

и ремесленных училищах, а также на предприятиях и в сельском хозяйстве. Проведенное во втором квартале 1948 г. отделом по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области[1] обследование выявило следующие недостатки:

«а) Необеспеченность общежитий мебелью, инвентарем, постельными принадлежностями, отсутствие уюта, антисанитария, наличие клопов и завшивленность.

б) Неорганизованность производственного обучения, недостаток оборудования и инструментов.

в) Низкий уровень воспитательной и культурно-массовой работы, неудовлетворительная работа комсомольских организаций.

г) Многочисленные случаи воровства, попрошайничества и других аморальных явлений»[2].

На основании представления Управления МВД по Калининградской области Калининградским областным исполнительным комитетом было принято развернутое решение, обязывающее организации, предприятия и учреждения, городские и районные советы депутатов трудящихся провести мероприятия по улучшению материально-бытовых условий содержания и обслуживания детей и подростков на предприятиях, в школах ФЗО и ремесленных училищах[3]. Однако руководство как промышленных предприятий, так и школ ФЗО и ремесленных училищ фактически ничего не предпринимало.

Так, на вагоностроительном заводе в городе Калининграде, где работало 282 подростка в возрасте до 17 человек, проверка, проведенная сотрудниками отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области, выявила следующее: «Жилые помещения содержатся грязно: уборка не производится, стены закопчены, покрыты плесенью, окна не застеклены, двери не отремонтированы. Электроосвещение отсутствует, водопровод и канализация не действуют, воды как сырой, так и кипяченой нет. В жилых комнатах отсутствуют столы, табуретки, тумбочки, вешалки. Постельная принадлежность грязная, большинство молодежи вовсе не имеют простыней и наволочек. В течение 2-х месяцев ни разу не была организована стирка белья и мытье в бане. 80% рабочих-подростков не имеют смены нательного белья. Имеет место поголовная завшивленность. Спецодежды нет, для работы и повседневной носки имеется один комплект верхнего обмундирования. Красных

[1] Со второго квартала 1948 г. на сотрудников детских приемников-распределителей была возложена задача совместной с отделом по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области проверки состояния материально-бытовых и санитарных условий воспитанников школ ФЗО, ремесленных училищ и детских домов. Планы-задания на проверку утверждались заместителем начальника Управления МВД по Калининградской области по милиции – начальником областного управления милиции комиссаром милиции 3 ранга С. И. Навалихиным (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 5. Л. 45).

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 168.

уголков при общежитии нет, молодые рабочие книг, газет и журналов не читают, радио не слушают. Беседы, лекции и политзанятия не проводятся. Досуг молодежи не организован. В общежитии распространены воровство и драки, ежедневно похищаются вещи, продукты питания, деньги… Питание не налажено. В столовой и кухне антисанитария. Качество приготовляемой пищи плохое, пища однообразная, не вкусная и дорогостоящая»[1].

Подобная материальная-бытовая неустроенность приводила к массовому бегству подростков из школ ФЗО, ремесленных училищ и промышленных предприятий, а также способствовала росту уголовной преступности среди молодежи. Так, в течение первого полугодия 1948 г. из школ ФЗО и ремесленных училищ Калининградской области сбежали 142 подростка, а с промышленных и сельскохозяйственных предприятий – несколько сотен человек[2]. Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в школе ФЗО № 1 при заводе № 820, где только в течение первого полугодия 1948 г. совершили побег 15 учеников, а 8 были привлечены к уголовной ответственности за совершение преступлений, а также в ремесленном училище № 4 при целлюлозно-бумажном комбинате № 2, откуда за этот же период сбежали 20 учеников и 8 – привлечены к уголовной ответственности (в том числе один – за убийство)[3].

Следует отметить, что дети, направляемые в детские дома Калининградской области, попадали в аналогичные условия. Проверки, осуществленные сотрудниками отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области и детских приемников-распределителей в первом квартале 1949 г., фактически в каждом из них выявили нарушения, связанные с недостаточным уровнем бытовых и материальных условий, а также слабой постановкой учебно-воспитательной работы, что являлось основной причиной побегов воспитанников. Так, в справке начальника отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области подполковника И. И. Колоскова о проведенных мероприятиях за первый квартал 1949 г. следующим образом описывалось состояние Озерского детского дома:

«Помещения не приспособлены, не отремонтированы, двери разбиты и не закрываются, кровати поломаны, дети спят по 2–3 человека на одной койке. Совершенно нет мебели, умывальников, бачков с водой, водопровода и уборной. Из-за отсутствия топлива в общежитиях было холодно, дети спали в верхней одежде, а для приготовления пищи собирали доски в разрушенных зданиях. Из детдома бежало 15 воспитанников, что руководством детдома было скрыто и розыск детей не производился.

Учебно-воспитательная работа поставлена слабо, пионерская организация не работала, библиотеки нет, комната для подготовки к занятиям не выделена. Среди детей распространено хулиганство… За 4 месяца в детдоме сменилось 3 директора, которые являлись случайными людьми, злоупотребляли служебным

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 134–135.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 132–133.

положением… Директор Шубин 27.12.48 г. отдан под суд. Назначенная вместо него Смирнова (ранее работавшая продавцом) появлялась среди детей в пьяном виде с посторонними мужчинами. За время работы Смирновой директором детдома расхищено и присвоено материальных ценностей на 13 тыс. рублей»[1].

По результатам проверки детских домов Управлением МВД по Калининградской области было направлено представление в областной комитет ВКП(б) и областной исполнительный комитет, решением которых заведующий областным отделом народного образования П. А. Долгачев был снят с должности. Кроме того, во втором квартале 1949 г. в целях оказания практической помощи в улучшении материально-бытовых условий и учебно-воспитательной работы в детские дома были направлены комиссии, в состав которых входили сотрудники МВД, отдела народного образования, отдела здравоохранения и областного комитета ВЛКСМ. По результатам работы комиссий решением Калининградского областного исполнительного комитета были заменены руководители Гвардейского, Зеленоградского и Калининградского № 3 детских домов[2].

Еще одним элементом системы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью являлись созданные в начале 1948 г. детские комнаты при городских отделениях милиции. К 1949 г. функционировали 7 детских комнат при четырех городских отделениях милиции в Калининграде, Черняховском городском отделении милиции, отделениях милиции Советского и Гусевского городских отделов МВД, а также детская комната транспортной милиции МГБ. В детские комнаты доставлялись несовершеннолетние лица, задержанные за нарушение общественного порядка, нищенство, бродяжничество, уличную торговлю и нарушение правил пользования транспортом. Туда же передавались и заблудившиеся дети. В детских комнатах дети могли содержаться не более 6 часов, затем они направлялись либо в детские приемники-распределители, либо передавались родителям, с которыми проводились воспитательные беседы[3].

Проведенный анализ деятельности комнат милиции в 1949 г. показал, что основную категорию задержанных составляли дети и подростки, которые не учились и не работали – 1020 человек (54,63%). Кроме того, среди задержанных значительным было количество учащихся школ (643 человека, или 34,44%), а также воспитанников детских домов (180 человек, или 9,64%). Основными причинами задержаний являлись озорство и хулиганство (547 случаев, или 29,29%), уличная торговля (382 случая, или 20,46%) и нарушение правил пользования транспортом (162, или 8,67%)[4].

Следует отметить значительную эффективность созданной на территории Калининградской области системы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Регулярные проверки бытовых условий подростков

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. Л. 294.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 6. Л. 61.

[3] Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802–2002 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Фонд «Университет», 2002. С. 337.

[4] Подсчитано автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. Л. 231–232; Д. 5. Л. 5; Д. 6. Л. 66; Д. 15. Л. 93.

в школах ФЗО, ремесленных училищах, на предприятиях и в детских домах, повышение внимания к этим вопросам со стороны Калининградского областного исполнительного комитета способствовали резкому снижению числа побегов. Предпринимаемые отделом по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области совместно с областным отделом народного образования меры, направленные на усиление контроля за школьниками, более широкий их охват внешкольной деятельностью, внимание к вопросам организации летнего отдыха детей и подростков позволили в четвертом квартале 1949 г. снизить до минимума количество детей, доставляемых в детские комнаты при отделениях милиции. Кроме того, за этот же период беспризорных детей не было зафиксировано в городах Багратионовск, Гвардейск, Гусев, Полесск и Славск, а также в Большаковском, Гурьевском, Краснознаменском, Нестеровском и Ладушкинском районах[1].

Основной задачей войск МВД, дислоцируемых на территории Калининградской области в исследуемый период, являлась **охрана объектов на железных дорогах и особо важных предприятий промышленности**, которая осуществлялась двумя батальонами, входившими в состав 14-й дивизии войск МВД СССР.

Каждый ***объект на железной дороге*** охранялся одним гарнизоном. Вокруг объекта создавалась запретная зона, допуск в которую осуществлялся только при предъявлении специальных пропусков (постоянных, временных или разовых), а также документов, удостоверяющих личность. Охрана большей части объектов обеспечивалась выставлением одного суточного поста, однако на железнодорожных мостах через реку Инструч в городе Черняховске, через реку Анграпа северо-западнее города Озерск, через реку Лава в поселке Знаменск, а также через реку Дейма восточнее города Полесск для охраны запретной зоны выставлялось два поста[2]. Помимо выставления часовых на посты у охраняемого объекта активно применялось выделение дозоров от гарнизона с целью обследования прилегающей местности и осмотра железнодорожного полотна. Кроме того, из числа местного населения, проживающего в населенных пунктах у охраняемых объектов, создавались бригады содействия.

Число нарушителей запретной зоны охраняемых объектов было достаточно большим. Так, с января по август 1949 г. на 11 объектах, охраняемых гарнизонами 536-го отдельного батальона, было задержано 735 человек (в среднем 91 человек в месяц). Наибольшее количество задержаний зарегистрировано в запретных зонах железнодорожных мостов через реку Лава в поселке Знаменск (188 человек, или 25,57%), через реку Преголя в городе Калининграде (168 человек, или 22,85%) и через реку Инструч в городе Черняховске (103 человека, или 14,01%). Вместе с тем, большая часть задержанных (729 человек, или 98,78%) отпускалась после проверки их документов органами милиции, так как являлась случайными нарушителями запретной зоны охраняемых объектов[3].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 15. Л. 89.

[2] РГВА. Ф. 38549. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

[3] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 31. Л. 12, 51; Ф. 38549. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 30, 61, 86, 90, 104.

В свою очередь, 106-й отдельный батальон осуществлял ***охрану завода № 820*** Министерства судостроительной промышленности путем выставления контрольно-пропускных пунктов, обеспечивавших как пропускной режим людей и автотранспорта на территорию объекта, так и правомерность выноса (вывоза) материальных ценностей. Кроме того, от четырех гарнизонов выставлялись посты по наружному периметру завода с целью пресечения незаконного проникновения на территорию объекта. По состоянию на 1 января 1949 г. батальоном выставлялись 54 поста (в том числе 41 суточный), из которых 25 были связаны с проверкой пропусков, а 29 обеспечивали наружную охрану объекта. Одновременно с этим практиковалось выделение дозоров от гарнизонов с целью проверки прилегающей местности, а также состояния периметра. Помощь личному составу батальона оказывали 4 бригады содействия (36 человек)[1].

Анализ задержанных личным составом гарнизонов 106-го отдельного батальона показал, что в основном ими оказывались лица, занимавшиеся выносом материальных ценностей с территории завода. Так, в период с января по май 1949 г. личным составом батальона были задержаны 69 человек, из которых 42 (60,86%) пытались пронести через КПП материальные ценности, 22 (31,88%) – нарушителями пропускного режима и 5 (7,26%) – нарушителями запретной зоны[2].

С целью борьбы с хищениями материальных ценностей с 14 июня 1949 г. по инициативе командования батальона и с согласия дирекции завода № 820 на всех КПП стал осуществляться обыск рабочих при их выходе после окончания рабочего дня. В результате только за вторую половину июня 1949 г. личным составом КПП были задержаны 209 человек, у которых изъяты более 200 различных инструментов, килограмм натриевой соды и полкилограмма наждачной бумаги[3]. 27 июня 1949 г. на КПП был задержан рабочий цеха № 99 Д. В. Васинский, который пытался вынести похищенный редуктор от газосварочного устройства. Предварительным расследованием при комендатуре завода установлено, что в тот же день он совершил хищение со склада 6 банок эмалевой краски и спрятал их на территории завода с целью последующего выноса для продажи[4].

Подобные проверки практиковались и в последующем. Так, уже в июле 1949 г. на КПП батальона были задержаны 133 человека, которые пытались вынести с завода более 80 различных инструментов и 200 г соды[5].

Следует отметить, что задержанные с составленными протоколами об изъятии материальных ценностей передавались войсковыми нарядами администрации завода для принятия необходимых дисциплинарных мер. По результатам проверок за июнь – июль 1949 г. к уголовной ответственности были привлечены 3 человека, к административной ответственности – 4 человека, а с остальными проведена разъяснительная работа[6]. Вместе с тем, попытки

[1] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–7.
[2] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 30. Л. 63, 98, 126, 176, 212.
[3] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 31. Л. 106.
[4] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 30. Л. 264.
[5] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 31. Л. 106.
[6] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 31. Л. 106 об.

выноса материальных ценностей рабочими и материально ответственными лицами не прекращались: так, в августе – сентябре 1949 г. военнослужащими 106-го отдельного батальона были задержаны 30 человек, пытавшиеся пронести через КПП различные материальные ценности[1].

Таким образом, проведенный анализ основных направлений деятельности органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в июле 1947 г. – декабре 1949 г. показал, что основное внимание руководства Управления МВД по Калининградской области уделялось мероприятиям, связанным с борьбой с бандитизмом и противодействием уголовной и экономической преступности. Несмотря на определенные успехи в проведении профилактики преступности, неудовлетворительная работа агентурно-осведомительной сети, а также следственных органов не позволили в полной мере органам МВД и милиции пресечь рост уголовных преступлений. Подобную ситуацию, по мнению автора, можно объяснить некоторой самоуспокоенностью отдельных должностных лиц периферийных органов МВД, связанной с окончанием выселения немецкого населения с территории Калининградской области. Оказавшись в условиях «отсутствия враждебного окружения» значительная часть сотрудников органов МВД и милиции фактически стала в недостаточной степени ответственно относиться к выполнению поставленных задач, тем самым способствуя произошедшему в 1949 г. кризису в постановке агентурно-осведомительной и следственной работы.

Вместе с тем, следует отметить, что в исследуемый период усиливается взаимодействие как Управления МВД по Калининградской области в целом, так и его отдельных структурных подразделений с партийными и советскими органами в отдельных направлениях деятельности. Так, благодаря активной профилактической противопожарной работе фактически были сведены до минимума последствия пожаров на территории области. Крайне продуктивным являлось взаимодействие отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области с Калининградским областным исполнительным комитетом и его структурными подразделениями, в результате которого к концу исследуемого периода на территории области фактически была ликвидирована детская беспризорность.

Изменения в структуре и функционировании пенитенциарной системы

В исследуемый период пенитенциарная система, сформированная на территории Калининградской области, претерпела существенные изменения, связанные со значительными изменениями ее структуры (учреждения, подчиненные отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области), формата деятельности (учреждения, находившиеся в ведении отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью

[1] РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 31. Л. 35, 101.

Управления МВД по Калининградской области), а также ликвидацией ее отдельных элементов (лагеря военнопленных и интернированных).

Единственным элементом пенитенциарной системы, который не претерпел никаких изменений в период с июня 1947 г. по декабрь 1949 г., являлись **тюрьмы**[1]. В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 6 декабря 1947 г. № 00131 были объявлены новые штаты трех следственных тюрем (в городах Калининград, Черняховск и Гвардейск), однако лимит их наполнения (3325 человек) остался без изменения[2].

В связи с тем, что тюрьмы с начала 1947 г. перешли в категорию следственных, численность содержащегося в них контингента не была постоянной. Заключенные доставлялись в тюрьмы на период следствия, а после вынесения приговора суда направлялись в исправительно-трудовые учреждения. При этом достаточно часто количество заключенных, убывших в колонии, значительно превышало число прибывших в тюрьмы подследственных лиц. Так, например, в течение IV квартала 1947 г. в тюрьмы области прибыло 1465, а убыло из них 2228 человек[3].

Характерной чертой тюрем Калининградской области в исследуемый период являлось их неполное наполнение. Так, по состоянию на 1 октября 1947 г. в тюрьмах содержался 2791 заключенный (83,93% от лимита), на 1 января 1948 г. – 2028 (60,99%), на 1 апреля 1948 г. – 1538 (46,25%), на 1 июня 1948 г. – 1464 (44,03%), а на 1 октября 1948 г. – 1313 заключенных (39,48% от лимита)[4].

Подобное положение позволяло создать для контингента достаточно хорошие условия содержания. Начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор В. И. Демин в докладе о работе Управления за четвертый квартал 1947 г. отмечал: «Продуктами питания заключенные обеспечены полностью. Перебоев в снабжении не было. Постельной принадлежностью, освещением, топливом обеспечены полностью. Санитарное состояние удовлетворительное. Бани, прачечные, дезкамеры работают нормально. Вшивости нет. Медицинское обслуживание проводилось нормально. Эпидемических заболеваний нет»[5].

Вместе с тем, к началу 1949 г. бытовые условия контингента изменились в худшую сторону. Начальник Тюремного управления МВД СССР полковник М. В. Кузнецов в сообщении начальнику Управления МВД по Калининградской области генерал-майору В. И. Демину от 15 августа 1949 г. № 20/1/8331 констатировал серьезные нарушения в содержании заключенных:

---

[1] В связи с тем, что значительная часть документов тюремного отдела Управления МВД по Калининградской области до сих пор не рассекречена, а отчетные документы тюрем находятся на секретном хранении, что не позволяет провести полноценный анализ, автором сделана лишь попытка осветить лишь основные стороны функционирования тюремных учреждений в исследуемый период.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 215–220.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8. Л. 19; Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 11, 162, 230.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.

«В тюрьме № 1 из-за необеспеченности железными койками около 100 заключенных размещались на полу, не видно также принятых мер к замене нар железными койками… Прогулка заключенных проводится с перебоями и сокращается по времени… Санитарное состояние тюрьмы неудовлетворительное, помещение тюремного корпуса содержится грязно, в камерах имеются клопы. Сигнализация на постах за неимением электролампочек не работает.

В тюрьме № 2… в корпусе, где содержатся заключенные хозобслуги, грязно, под матрацами хранятся личные грязные вещи заключенных. Постельное белье заключенных находится в грязном состоянии, санитарный контроль осуществляется слабо. Территория режимного двора захламлена. В прачечной и кухне нет должного порядка…

В тюрьме № 3 заключенные, осужденные на большие сроки и за особо опасные преступления, содержатся, несмотря на имеющиеся камеры, вместе с заключенными, осужденными на малые сроки. Стекла в окнах камер разбиты. На кухне недостает посуды»[1].

Важное значение в деятельности тюрем продолжала играть агентурно-осведомительная работа, проводимая среди контингента, и направленная на выявление дополнительных сведений о совершенных преступлениях, преступниках, оставшихся на свободе, а также на вскрытие замыслов заключенных совершить побеги. Вместе с тем, постановка агентурно-осведомительной работы была связана с определенными трудностями, которые были обусловлены постоянной сменой контингента тюрем. Так, в течение 1948 г. среди заключенных тюрьмы № 1 было завербовано 214 агентов, однако за тот же период из агентурной сети по причине убытия исключен 241 человек. Аналогичной была ситуация и в других тюрьмах Калининградской области[2].

Следует отметить, что в подобных условиях основные усилия тюремной администрации были направлены на создание эффективной агентурно-осведомительной сети. В связи с этим агентурный аппарат чаще всего строился по линейному принципу (по контрреволюционному элементу, по бандитам, по расхитителям социалистической собственности, тюремная противопобеговая сеть, массовая сигнальная агентура по охране и режиму заключенных)[3], что приводило к достаточно серьезным результатам. Так, только в первом квартале 1948 г. по материалам внутрикамерной агентуры новые уголовные дела были возбуждены в отношении 19 заключенных (13 бандитов-грабителей и 6 расхитителей социалистической собственности)[4].

Тюремная агентурно-осведомительная сеть активно использовалась в интересах структурных подразделений Управления МВД по Калининградской области, а также периферийных органов МВД и МГБ. Так, с 1 января по 1 августа 1948 г. тюрьмами было получено 81 задание на внутрикамерную разработку

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 76–76 об.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15. Л. 158.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15. Л. 49–53.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 38.

содержащегося контингента, в том числе от отдела по борьбе с бандитизмом – 5, от милиции – 42, от районных отделов (отделений) МВД – 20, от органов МГБ – 8, от других структур – 6. В ходе работы с донесениями агентуры заинтересованные структуры смогли успешно завершить 18 агентурных разработок (22,22%)[1].

Значительные структурные изменения произошли в **учреждениях, находившихся в ведении отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области**. Так, к июню 1947 г. на территории области находилось пять исправительно-трудовых колоний и два отдельных лагерных пункта. В период с января по апрель 1948 г. в связи с увеличением числа хозяйственных объектов, а также необходимостью вывода из ИТК и ОЛП ослабленного контингента и инвалидов, количество исправительно-трудовых колоний достигло 9. Были сформированы специальная инвалидная ИТК № 6 в городе Полесск, занимавшаяся выпуском товаров широкого потребления, а также сельским хозяйством и рыболовством, ИТК № 7 в городе Знаменск, контингент которой использовался на работах на бумажной фабрике, ИТК № 8 в городе Калининград, хозяйственным органом которой являлся швейно-бумажный комбинат Министерства Вооруженных сил, а также ИТК № 9 в городе Багратионовск, заключенные которой работали на мебельной фабрике[2]. Общая численность контингента, находившегося в ИТК и ОЛП, по состоянию на 1 апреля 1948 г. составляла 4379 человек, из которых 2268 (51,79%) принадлежали к первой и второй категориям трудоспособности[3].

В связи с низкой рентабельностью ряда исправительно-трудовых учреждений, сокращения расходов на их содержание в мае 1948 г. была осуществлена крупная реорганизация ИТК и ОЛП. В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 3 мая 1948 г. № 071 отдельный лагерный пункт № 2 (поселок Домтау Багратионовского района) как убыточное подразделение (за 1947 г. и первый квартал 1948 г. убытки составили 247 тыс. рублей) был расформирован[4]. Приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 31 мая 1948 г. № 091 ИТК № 1 переформировывалась в ОЛП № 2, ИТК № 5 – в ОЛП № 3 с усиленным режимом содержания контингента, а ИТК № 8 – в контрагентскую подкомандировку, подчиненную ОЛП № 2. ИТК № 6 и ИТК № 7 расформировывались, а их контингент передавался другим исправительно-трудовым учреждениям[5]. Таким образом, после проведенной реорганизации на территории Калининградской области осталось четыре исправительно-трудовые колонии и три отдельных лагерных пункта, численность контингента в которых по состоянию на 1 июля 1948 г. составила 4113 человек[6].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8. Л. 46–46 об.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–6.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 44.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 125.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 151.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 17. Л. 60–61.

Ряд организационных изменений в структуре исправительно-трудовых учреждений был проведен в 1949 г. Так, при управлении строительства Балтийского флота для проведения строительно-восстановительных работ в городе Балтийске (дом связи, городская больница, школа на 280 мест) приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 16 августа 1949 г. был сформирован отдельный лагерный пункт № 4 с лимитом наполнения 1000 человек[1]. В связи с тем, что заключенных отдельных лагерных пунктов № 1 и № 2 невозможно было содержать в занимаемых помещениях (помещения ОЛП № 1 подвергались подтоплению при разливах реки Преголя, а помещения ОЛП № 2 не были подготовлены к зиме из-за отсутствия отопительных приборов), приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 11 октября 1949 г. № 0167 эти учреждения были объединены в один лагерный пункт (ОЛП № 1) с дислокацией в помещениях при целлюлозно-бумажном комбинате № 2 в городе Калининграде[2]. В ноябре 1949 г. была расформирована ИТК № 9, контингент которой использовался на объектах строительного отделения хозяйственного отдела Управления МВД по Калининградской области[3].

В результате проведенных организационных мероприятий к концу исследуемого периода на территории области находились две сельскохозяйственные исправительно-трудовые колонии, а также четыре контрагентских отдельных лагерных пункта, выделявших контингент для обслуживания десяти хозяйственных органов. Общая численность заключенных, находившихся в ИТК и ОЛП по состоянию на 1 января 1950 г. составляла 6316 человек, из которых 6106 (96,67%) относились к первой и второй категориям трудоспособности (приложение 9).

Следует отметить, что если ранее контингент, осужденный судебными органами в том числе на длительные сроки заключения, оставался отбывать наказание на территории области, то уже с лета 1947 г. на основании распоряжений ГУЛАГ МВД СССР он стал направляться в другие регионы Советского Союза[4]. В целях разгрузки следственных тюрем и изъятия из ИТК и ОЛП лиц, подлежащих содержанию в лагерях МВД СССР, приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 29 июля 1948 г. № 0099 был сформирован пункт концентрации для «приема осужденных из следственных тюрем, прибывающих этапов из других областей, формируемых этапов, отправляемых за пределы области и распределения контингента по подразделениям ОИТК»[5].

В результате только за период с июля по октябрь 1948 г. из учреждений, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, было отправлено в учреждения, располагавшиеся в других регионах СССР 1950 заключенных (в том числе в Тагиллаг МВД СССР –

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 141.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 24. Л. 203.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 24. Л. 231.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 176.

350 человек, в Севкузбасслаг МВД СССР – 1000 человек, в Севжелдорлаг МВД СССР – 300 человек, в Воркутлаг МВД СССР – 300 человек)[1].

Проведенный анализ документов показал, что до середины 1948 г. производственная деятельность ИТК и ОЛП продолжала оставаться убыточной. Так, только по результатам первого полугодия 1948 г. убытки по ИТК № 4 составили 280 300 рублей, а по ИТК № 2 – 231 800 рублей[2]. Вместе с тем, по результатам девяти месяцев 1948 г. исправительно-трудовые учреждения Калининградской области достигли некоторых успехов в выполнении производственной программы, роста производительности труда и снижения себестоимости выпускаемой продукции. Так, в ОЛП № 2 сверхплановые прибыли за второй и третий кварталы 1948 г. составили 261 000 рублей, а производительность труда на одного работающего – 108,3% к плану[3].

В 1949 г. процент выполнения производственных планов, установленных ГУЛАГ МВД СССР, еще более увеличился и составил 118,1%. Наилучших результатов достигли ОЛП № 3 (122,8% к плану) и ОЛП № 2 (118,1% к плану). Выработка на отработанный человеко-день составила 17 рублей 89 копеек вместо установленных планами ГУЛАГ МВД СССР 18 рублей (99,38% к плану)[4].

Производственные показатели сельскохозяйственных ИТК были крайне низкими. Так, установленный на 1948 г. план сбора зерновых культур составлял 809,2 т, картофеля – 1638 т, овощей – 608 т, кормовых корнеплодов – 1032 т. Из-за неподготовленности колоний к посевной кампании, некачественной семенной базы, а также неблагоприятных погодных условий по итогам года было собрано 644,2 т зерновых культур (79,6% от плана), 419,5 т картофеля (25,61%), 543,8 т овощей (89,44%), 240,8 т кормовых корнеплодов (23,33%)[5]. Вместе с тем, показатели по животноводству за 1948 г. оказались весьма удовлетворительными (удой на одну корову составил 151,5%, приплод крупного рогатого скота – 125,5%, свиней – 113,5%, овец – 131,1% и лошадей – 280% к плану[6]), что было связано с разведением высокопродуктивных пород крупного рогатого скота, а также принятием в состав сельскохозяйственных ИТК подсобных хозяйств расформированного лагеря МВД № 533.

Аналогичными были результаты и в 1949 г. Собранный урожай зерновых культур составил 544 т вместо запланированных 1074 т (50,65%), картофеля – 624 т вместо 1350 т (46,22%), овощей – 383 т вместо 450 т (85,11%), кормовых корнеплодов – 546 т вместо 1246 т (43,82%). Причинами подобных низких показателей, по мнению начальника отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области подполковника Н. В. Фролова, являлись плохое качество семенного фонда, невнедрение правильного севооборота, недостаточность минеральных удобрений, износ трофейного

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Д. 6. Л. 8, 9, 11, 12.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 175.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 18. Л. 277.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 21. Л. 52.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 106 об.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 107 об.

сельскохозяйственного инвентаря, некачественная обработка посевов в прополочный период, а также неблагоприятные метеорологические условия области[1].

Как и ранее, достаточно сложной оставалась ситуация по неплатежам со стороны хозяйственных предприятий области за выделенную исправительно-трудовыми колониями и отдельными лагерными пунктами рабочую силу. Так, по состоянию на 1 января 1949 г. общая задолженность контрагентов отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области составляла 744 тыс. рублей, в том числе задолженность военно-морского строительного управления № 230 – 294 тыс. рублей, треста «Горжилкоммунстрой» – 220 тыс. рублей, треста «Калининградстрой» – 161 тыс. рублей, треста «Балтрыбстрой» – 69 тыс. рублей[2]. К 1 октября 1949 г. общая сумма задолженности увеличилась до 1064 тыс. рублей[3].

Повышение производительности труда в определенной степени было связано с некоторым улучшением бытовых условий заключенных в ИТК и ОЛП в 1948–1949 гг. по сравнению с предыдущим периодом.

Достаточно отметить, что только во второй половине 1947 г. – начале 1948 г. резко возросла смертность контингента вследствие отсутствия нормальных бытовых условий, неправильного трудового использования, несвоевременного оказания квалифицированной медицинской помощи. По данным, приведенным в приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 5 октября 1947 г. № 00110 наиболее неблагополучное положение сложилось в ОЛП № 1, где умерли 30 человек, а также в ИТК № 5, где смертность составила 19 человек[4].

Зимой 1947–1948 гг. вследствие недостаточной подготовки помещений жилых зон к зиме, отсутствия зимнего обмундирования (заключенные были обеспечены бушлатами и телогрейками на 34% от необходимого количества, ватными шароварами – на 72%, полностью отсутствовала зимняя обувь[5]) в колониях и отдельных лагерных пунктах увеличилось число инфекционных и простудных заболеваний.

Характеристика бытовых условий, созданных для контингента в ОЛП № 2, данная начальником Управления МВД по Калининградской области в приказе от 30 января 1948 г. № 012, была типичной для большинства ИТК и ОЛП: «В бараках заключенных грязно, вшивость, пища однообразна, баня работает с большими перебоями. Перевезенные по моему приказанию в ОЛП-1 ослабленные оказались завшивленными… Топливо в ОЛП не подвезено… Лагерь доведен до безобразного состояния»[6].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 57–57 об.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 109.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 59–60.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 186.

[5] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 4. С. 424.

[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 21.

Весной 1948 г. вопросы улучшения быта заключенных стали первоочередными для руководства отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области. 22 апреля 1948 г. начальником отдела подполковником Н. В. Фроловым был подписан приказ № 03 «О мероприятиях по улучшению физического состояния заключенных, содержащихся в ИТК и ОЛП», в приложении к которому был дан подробный перечень мероприятий по улучшению размещения и быта контингента, по организации питания, трудовому использованию и лечебно-профилактической работе[1]. Благодаря проведенной работе к середине 1948 г. во всех ИТК и ОЛП были созданы оздоровительные подразделения, осуществлен перевод больных заключенных и инвалидов в сельскохозяйственные исправительно-трудовые колонии, а женщин-заключенных – в отдельные зоны, исключающие контакт с мужчинами. Кроме того, в сельскохозяйственной ИТК № 3 для женщин-заключенных, имеющих грудных детей, были созданы ясли[2]. В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 16 сентября 1948 г. № 0180 ясли были переведены в отдельное помещение при ОЛП № 2, где был сформирован «Дом младенца» на 100 коек, в котором устанавливался режим, обеспечивающий своевременное кормление детей, а также трудоустройство матерей[3].

Проведенный анализ статистических сведений о смертности контингента позволяет говорить о ее некотором снижении. Так, за 11 месяцев 1949 г. в учреждениях, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, умерли 50 заключенных (в том числе 17 немцев)[4]. Одной из причин сложившегося положения стало то обстоятельство, что, несмотря на большое количество проведенных мероприятий, в некоторых ИТК и ОЛП бытовые условия контингента продолжали оставаться на низком уровне[5].

Важным направлением деятельности руководства как отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, так и руководства ИТК и ОЛП являлось проведение мероприятий, направленных на обеспечение режима содержания заключенных и предупреждения побегов. Вместе с тем, состояние учета контингента, оборудования промышленных и жилых зон, порядка вывода заключенных на работы и их охраны в течение всего исследуемого периода оставались на крайне

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–10.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 270.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 23, 43, 64, 66, 94, 110, 131, 152, 162. В указанное число включены два случая убийства, произошедших в жилых зонах ОЛП, а также два случая убийства заключенных охраной при попытке к бегству.

[5] Подробный перечень недостатков, касающихся материально-бытовых условиях контингента, содержащегося в ОЛП № 3, был отражен в приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 21 сентября 1949 г. № 0161 (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 24. Л. 194–195).

низком уровне. Все это способствовало росту негативных явлений – появлению случаев так называемого «лагерного бандитизма» и побегов заключенных.

Впервые данные о «лагерном бандитизме» встречаются в приказе начальника Управления МВД по Калининградской области от 27 апреля 1949 г. № 077: 15 апреля 1949 г. в ОЛП № 1 преступники напали на инженера производственной части заключенного Малолеткова, которому было нанесено ножевое ранение в спину, на следующий день на объекте работ того же лагерного пункта совершено нападение с целью грабежа на директора литейно-механического завода, а 18 апреля 1949 г. в жилой зоне ОЛП № 2 группой бандитов был убит заключенный С. М. Куперман. В качестве причин происшедшего начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор В. И. Демин отмечал низкое качество оперативной и воспитательной работы, «извращение мер наказания» дезорганизаторов производства, отсутствие изоляции лиц, осужденных за тяжкие преступления, поверхностные обыски заключенных со стороны надзорсостава, а также беспорядок в жилой и производственной зонах[1].

Как и ранее, побеги заключенных были связаны с недостаточным уровнем обеспечения режима охраны контингента. Следует отметить, что в рассматриваемый период увеличилось число групповых побегов, побегов из жилых и производственных зон, а также побегов с применением автотранспорта. Так, 19 декабря 1947 г. 17 заключенных, содержащихся в ИТК № 2, под руководством особо опасного преступника Горбунова совершили нападение на малочисленный конвой (2 человека) и, обезоружив его, совершили побег. В результате мер розыска было задержано только 14 человек. Три преступника с винтовкой смогли скрыться[2]. 4 декабря 1948 г. два заключенных ОЛП № 2 совершили побег с производственного объекта (строительство гостиницы «Москва») с использованием автомашины[3].

Основным средством предупреждения побегов контингента стала активная деятельность руководства ИТК и ОЛП по формированию противопобеговой агентуры среди заключенных. Уже к 1 января 1948 г. ее численность составила 289 человек, что позволило обеспечить каждую рабочую бригаду 2–3 осведомителями[4]. В последующем число лиц, работавших по предупреждению побегов, постоянно увеличивалось и к 1 июля 1948 г. составило 369 человек[5]. За период с октября 1947 г. по сентябрь 1948 г. при помощи противопобеговой агентуры было предупреждено 526 побегов (в том числе 150 групповых)[6]. Так, в июне 1948 г. в ОЛП № 3 на строительном объекте группа заключенных под руководством М. С. Демецкого, Н. И. Цветкова и В. Е. Виноградова, осужденных на 25 лет по статье 58-1 Уголовного кодекса

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 26. Л. 84.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 22.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 267.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 10.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 149.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 11, 129, 179.

РСФСР за измену Родине, оборудовала подземный ход, ведущий из подвального помещения восстанавливаемого здания под производственной зоной на кладбище, через который планировали бежать 30 человек. Побег был предотвращен благодаря данным, полученным от противопобеговой агентуры, и своевременно проведенным оперативным мероприятиям[1].

В предотвращении побегов активно использовались и рабочие хозяйственных предприятий, на которых работали заключенные. Так, 28 мая 1948 г. благодаря рабочим Знаменской бумажной фабрики Михайлову и Бабурову из производственной зоны ИТК № 7 был предотвращен побег заключенного, который скрывался в подвалах предприятия в течение трех суток[2].

Следует отметить, что, как и ранее, значительную роль в увеличении числа побегов играло неудовлетворительное состояние дивизиона военизированной охраны, который обеспечивал охрану заключенных в жилых и производственных зонах, а также осуществлял конвоирование контингента на работы. Проведенный анализ показал, что численность дивизиона на протяжении всего исследуемого периода составляла чуть более 50% от штата (так, по состоянию на 1 июля 1948 г. его укомплектованность составляла 54%[3]). Кроме того, по данным справки начальника отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области подполковника Н. В. Фролова, военизированная охрана «на 30% засорена неблагонадежным элементом, как бывшие окруженцы, бывшие в плену, проживавшие на оккупированной территории, осужденные и т. д.»[4].

В соответствии с приказом МВД СССР от 24 июня 1948 г. № 0387 отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области было дано разрешение на вербовку личного состава военизированной охраны из числа неработающего городского и сельского населения. Однако в связи с тем, что большая часть жителей области приезжала в приграничную зону либо по вербовке предприятий, либо в порядке организованного переселения колхозников в течение третьего квартала 1948 г. увеличить численность охраны удалось только на 8 человек[5].

Единственным способом увеличения численности охраны в создавшихся условиях явилось формирование самоохраны из числа заключенных. По состоянию на 15 июля 1948 г. ее численность составила 270 человек (82,82% от имеющейся численности военизированной охраны)[6].

Проводимое в течение 1948–1949 гг. сокращение количества ИТЛ и ОЛП позволило в некоторой степени обеспечить исправительно-трудовые учреждения необходимым количеством охраны. Вместе с тем, на ее качество

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 233–234.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 16. Л. 172.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 142.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 10. Л. 81.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 10. Л. 99.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 10. Л. 84.

негативным образом продолжала влиять бытовая неустроенность личного состава и его низкие профессиональные качества, что не позволяло в полной мере решить проблему предотвращения побегов заключенных.

В 1947 г. на территории Калининградской области был создан **исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) при комбинате № 9 МВД СССР**, находившийся в ведении Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) МВД СССР. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2599 на Министерство внутренних дел СССР было возложено восстановление янтарного комбината в поселке Пальмникен (Янтарный) Приморского района и его последующая эксплуатация[1]. Уже 23 декабря 1947 г. в специальном сообщении министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова И. В. Сталину были подведены промежуточные итоги восстановительных мероприятий[2], в значительной степени проведенных заключенными, содержащимися в сформированном исправительно-трудовом лагере, численность контингента которого по состоянию на 1 января 1948 г. достигла 2689 человек[3].

На начальном этапе существования комбината МВД № 9 заключенные ИТЛ помимо восстановительных работ широко использовались на добыче и производстве янтаря. Вместе с тем, в первый год существования предприятия его производственные показатели не достигли запланированного уровня. Так, в 1948 г. было добыто 127 т янтаря (84,66% от плана), 3209 кг янтарной кислоты (145,86% от плана) и выпущено 1163,6 кг янтарных изделий (96,96% от плана). Низким было и качество произведенной продукции: из 2000 изоляторов, изготовленных по заказу ГУЛГМП МВД СССР, 90% оказались бракованными[4].

Несмотря на то, что ИТЛ был подчинен ГУЛГМП МВД СССР, в нем, как и в остальных исправительно-трудовых учреждениях Калининградской области, существовали крайне неудовлетворительные условия труда и быта контингента: заключенные в полном объеме не были обеспечены бельем и постельными принадлежностями, отмечались случаи некачественного питания, вшивости среди контингента. На низком уровне находился и режим охраны: так, только в первом квартале 1948 г. из ИТЛ было совершено 20 побегов заключенных[5]. Однако решение указанных проблемных вопросов деятельности ИТЛ не входило в компетенцию Управления МВД по Калининградской области.

В находившейся в ведении отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Управления МВД по Калининградской области **Багратионовской детской трудовой колонии**[6] с июля по ноябрь 1947 г.

---

[1] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 61.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 141–144.

[3] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М. : Звенья, 1998. С. 266.

[4] Костяшова З. В. История Калининградского янтарного комбината. 1947–2007. С. 28.

[5] Костяшова З. В. Комбинат № 9 МВД СССР: неизвестные страницы истории янтарной промышленности Калининградской области. С. 148–149.

[6] С июня 1947 г. до февраля 1949 г. колония располагалась в поселке Долгоруково (бывший поселок Домтау) Багратионовского района, после чего, на основании приказа

содержалось всего 50–60 несовершеннолетних, переведенных из тюрем области[1]. Укомплектование колонии было проведено в ноябре – декабре 1947 г., когда в нее было направлено 319 подростков, ранее содержавшихся в тюрьмах Белорусской ССР.

Проведенный анализ численности контингента колонии показал, что в исследуемый период ее наполнение в основном составляло в среднем 50–60% от установленного лимита. Подростки направлялись в колонию из тюрем после окончания следствия и принятия судебного решения. Большая часть контингента отбывала наказание за преступления, предусмотренные указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», а также различные имущественные преступления. Так, из 269 человек, содержащихся в колонии по состоянию на 1 июля 1948 г., по указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. были осуждены 176 человек (65,42%), за кражи – 49 (18,21%), а за грабежи – 22 (8,17%). В основном срок лишения свободы лиц, содержащихся в колонии, составлял 5–10 лет (129 человек, или 47,95%)[2].

В связи с тем, что Багратионовская детская трудовая колония являлась контрагентской, с момента ее создания контингент использовался на работах на автомобильном заводе № 44 Прибалтийского военного округа. Вместе с тем, основным отличием от контрагентских ИТК, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, являлось то, что работа контингента на производстве была организована по принципу ремесленных училищ: обучение теории осуществлялось в школе, а практика – в специально оборудованном ученическом цехе. После прохождения обучения воспитанникам колонии присваивались квалификационные разряды.

Уже к началу 1948 г. весь контингент колонии был разбит на 9 производственных отрядов (по 30–35 человек), сведенных в два трудовых коллектива. Каждый отряд состоял из отделений по 10–12 человек. Руководство трудовыми коллективами осуществляли старшие воспитатели, отрядами – воспитатели или бригадиры из числа воспитанников, имевших высокие показатели в работе, отделениями – командиры, назначаемые из числа воспитанников колонии[3].

Первоначально процесс производственного обучения проходил с некоторыми трудностями, связанными с отсутствием установленного порядка обучения, подготовленных мастеров, а также длительными перебоями с электроэнергией. Вместе с тем, уже с марта 1948 г. для обучения

МВД СССР от 5 января 1949 г., была передислоцирована в город Багратионовск в помещение ИТК № 9, перемещенного в город Калининград (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 24. Л. 10). Емкость колонии с первого квартала 1948 г. составляла 600 человек.

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 20–20 об.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 130.

воспитанников заводом № 44 были выделены агрегатный и моторный цех, в которых организован капитальный ремонт двигателей и автомобилей «ЗИС-5» и «Студебеккер». Охват производственным обучением составлял до 80% от общего числа контингента колонии[1].

По итогам 1948 г. процент использования воспитанников на производстве составил 65% (по плану – 75%), что было связано в основном с отсутствием работы на заводе. По итогам года валовая выработка по контрагентским работам составила 377 тыс. рублей (101,61% от плана), а среднемесячный заработок работающего воспитанника составил 104 рубля[2]. Вместе с тем, с 22 ноября 1948 г. завод № 44 отказался от привлечения к работе контингента колонии в связи с расформированием.

В связи с переводом колонии в город Багратионовск был изменен производственный профиль колонии: в ее ведение был передан лесозавод, на котором ранее трудились заключенные ИТК № 9, а также деревообрабатывающие и слесарно-механические мастерские[3]. Работа воспитанников была организована по сокращенному графику (4 часа).

По итогам 1949 г. план колонии по товарной продукции был выполнен на сумму 2 005 000 рублей, что составляло 100,3% от запланированной прибыли. Всего за год воспитанниками было изготовлено 10 628 м^2 оконных переплетов, 7948 погонных метров оконных коробок, 2829 м^2 дверных полотен, 1951 улей, 1137 столов, 1315 тумбочек и 2431 табурет[4].

Вместе с тем, основной задачей производственного обучения контингента колонии являлась подготовка рабочих различных специальностей. Обучение разбивалось на два периода – теоретическое и практическое. После окончания первого периода обучения воспитанники вливались в основное производство, разбивались на звенья и бригады и переводились на сдельные работы для выполнения производственной программы. В результате производственного обучения в течение 1948 г. из числа воспитанников было подготовлено 222 специалиста, наибольшее количество из которых составили автослесари, электрики и токари[5]. В 1949 г. число подготовленных специалистов достигло 318 человек (в основном столяры и станочники)[6].

Фактически сразу после создания колонии в ней была сформирована неполная средняя школа, обучение в которой должны были проходить все воспитанники, за исключением лиц, освобожденных по состоянию здоровья, окончивших 7 классов школы, а также имевшие небольшой (от 2 до 4 месяцев) срок содержания в колонии.

Первый учебный год в школе начался в январе 1948 г. Первоначально ее посещали только ученики 1–4 классов, число которых составило 184 человека[7].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 131–132.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 11. Л. 45–49.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 15. Л. 100.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. Л. 2.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 15. Л. 100.
[7] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

В следующем учебном году количество классов увеличилось до 13, а общий охват обучением составил 96,82% контингента колонии. По результатам 1948–1949 учебного года среди обучаемых 150 человек имели хорошие и отличные оценки, а 48 человек – только отличные оценки[1]. Учителя, работавшие в школе, имели специальное педагогическое образование.

Активно развивались в колонии и внешкольные методы обучения. Так, в первом полугодии 1949 г. воспитанники посещали кружки юных биологов (14 человек), делового письма (22 человека), художественного слова (20 человек), юных поэтов и художников (82 человека), юного техника (60 человек). Кроме того, фактически все воспитанники были вовлечены в кружок художественной самодеятельности[2].

Особое внимание уделялось физическому развитию воспитанников. Так, летом 1949 г. в колонии были организованы футбольная и волейбольная команды. В течение третьего квартала 1949 г. футбольная команда провела 7 игр с командами Багратионовска и Калининграда, в результате чего заняла второе место в первой зоне области[3].

Вместе с тем, наряду с положительными результатами, в деятельности колонии присутствовали и негативные моменты, связанные в основном с недостаточным уровнем поддержания режима содержания контингента. Так, в 1948 г. из колонии совершили побег 66 человек[4]. а 28 июня 1949 г. воспитанники Катаев и Гершанин совершили убийство воспитанника Буланова[5]. В связи с происшедшим, во втором полугодии 1949 г. основное внимание руководства колонии было обращено на улучшение качества несения службы надзирательским составом и пресечение побегов.

Значительные изменения произошли в структуре **учреждений, находившихся в ведении отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области**, что было связано с постепенным сокращением численности содержащегося контингента вследствие начала процесса репатриации.

На начало исследуемого периода отдел по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области осуществлял руководство двумя учреждениями – лагерем МВД № 445, в котором содержались военнопленные, а также лагерем МВД № 533 для интернированных лиц. Приказом МВД СССР от 11 июля 1947 г. № 00725 лимитная численность лагерей для военнопленных и интернированных на территории Калининградской области была установлена в 11 100 человек. В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 31 июля 1947 г. № 0086 лагерь МВД № 455 состоял из шести лагерных отделений (в городах Неман (№ 1), Советск (№ 2), рабочем поселке Знаменск (№ 3),

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 6. Л. 78.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 6. Л. 78–79.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 15. Л. 99.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 15. Л. 98.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. Л. 312.

городах Калининград (№ 4 и № 5) и Балтийск (№ 7)), а лагерь МВД № 533 – из четырех лагерных отделений (в городах Багратионовск (№ 1) и Калининград (№ 3 и № 4), а также в поселке Ромиттен Багратионовского района (№ 2))[1].

Общая численность военнопленных и интернированных содержащихся в лагерях МВД СССР № 445 и № 533 по состоянию на 1 октября 1947 г. несколько превышала лимитную численность и составляла 11 252 человека, из которых 8092 являлись военнопленными, а 3160 – интернированными[2].

Постепенное сокращение количества учреждений, находившихся в ведении отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области, началось с 1948 г. Так, в соответствии с приказом МВД СССР от 12 января 1948 г. № 0041 был расформирован лагерь МВД № 533. Лагерные отделения № 3 и № 4 со всем контингентом передавались в состав лагеря МВД № 445. Лица, содержащиеся в лагерных отделениях № 1 и № 2, за исключением бывших военнослужащих германской армии, сотрудников полиции, нацистских военизированных организаций, а также «особо опасного» контингента, подлежали освобождению и направлялись для работы в совхозы и на промышленные предприятия Калининградской области. Оставшийся контингент лагерных отделений № 1 и № 2 также подлежал передаче в лагерь МВД № 445[3], в связи с чем приказом МВД СССР от 8 марта 1948 г. № 00244 его лимитная численность увеличивалась до 7200 человек, а количество лагерных отделений – до 11 (в городах Неман, Советск, Балтийск, Калининград (4 лагерных отделения), поселках Лесное Калининградского района, Ясное, Раздольное и Заповедное Славского района)[4].

Вместе с тем, в связи с уменьшением численности контингента[5] уже с апреля 1948 г. началось сокращение подразделений лагеря МВД № 445. Так,

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 137.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 41. Кроме указанного количества военнопленных и интернированных, находящихся в лагерях МВД, по состоянию на 1 октября 1947 г. в ведении военных баз и отдельных рабочих батальонов Прибалтийского военного округа, дислоцированных на территории Калининградской области, находились 2564 военнопленных, а в специальных госпиталях – 1091 военнопленный и 72 интернированных. Таким образом, общее число военнопленных и интернированных на территории Калининградской области по состоянию на 1 октября 1947 г. составляло 14 907 человек (из них 14 671 немец, 175 австрийцев, 27 поляков, 4 литовца, 2 латыша и 28 немцев – граждан СССР).

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 17. Всего в лагерь МВД № 445 из лагеря МВД № 533 были переведены 1276 человек (830 мужчин и 446 женщин), из которых под категории главных военных преступников и военных преступников, определенные директивой МВД СССР от 3 декабря 1946 г. № 285, подпадал 781 человек (735 мужчин и 46 женщин). Остальные интернированные, переданные в лагерь МВД № 445 и не имевшие компрометирующих материалов, в апреле 1948 г. были также освобождены и переданы в совхозы и предприятия промышленности Калининградской области (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 222–223).

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО, Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 51.

[5] По состоянию на 1 апреля 1948 г. в лагере МВД № 445, спецгоспитале № 1894, который с декабря 1947 г. вошел в подчинение отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области, а также в отдельных

в соответствии с приказами МВД СССР в апреле 1948 г. были расформированы лагерные отделения в городе Балтийск, поселках Раздольное и Заповедное Славского района, а в октябре 1948 г. – в поселке Ясное Славского района и поселке Лесное Калининградского района[1]. В середине февраля 1949 г. было ликвидировано лагерное отделение в городе Советск, а в марте 1949 г. – лагерные отделения в городах Неман и Калининград[2].

В связи с расформированием практически всех лагерных отделений на территории Калининградской области существование управления лагеря МВД № 445 было признано нецелесообразным и приказом МВД СССР от 31 марта 1949 г. № 00281 ликвидировано[3]. Единственное оставшееся лагерное отделение № 9 (поселок Маевка Черняховского района) было расформировано приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 17 сентября 1949 г. № 0079 после окончания репатриационных мероприятий[4].

Находящиеся на хранении в отделении специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области рассекреченные документы фактически не дают представления об особенностях ***трудового использования военнопленных и их бытовых условий*** в исследуемый период. Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что, начиная с четвертого квартала 1947 г. условиям содержания военнопленных в лагерных отделениях уделялось значительно больше внимания, чем в предшествующий период. Так, уже к началу 1948 г. норма полезной жилплощади на каждого военнопленного была доведена до 2 м^2. Пропускные способности бань, прачечных и дезинфекционных камер позволяли обеспечить своевременную санитарную обработку контингента. Кроме того, с четвертого квартала 1947 г. военнопленные третьей трудовой категории в основном переводились на легкие работы с длительностью рабочего дня до 4 часов. В практику было введено проведение ежедневного комиссования контингента, по результатам которого лица, имевшие признаки физического истощения, временно переводились в «комнаты отдыха»[5].

Результатом проведенных мероприятий, направленных на улучшение бытовых условий контингента, явилось увеличение вывода военнопленных на работы и, как следствие, производительности труда. Так, если в четвертом квартале 1947 г. вывод на работы составлял от 65% (в лагере МВД № 533) до

рабочих батальонах Прибалтийского военного округа находились 7515 военнопленных и 491 интернированный. К 1 июля 1948 г. в лагере МВД № 445 и спецгоспитале № 1894 содержались 4797 человек, а к 1 октября 1948 г. количество военнопленных и интернированных в учреждениях, находившихся в ведении отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области, сократилось до 3922 человек (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 33, 146, 209).

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 71, 227; Д. 16. Л. 116.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 29; Д. 24. Л. 54.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 60.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 148.

[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

76,6% (в лагере МВД № 445) от численности контингента, то в первом квартале 1948 г. по лагерю МВД № 445 он увеличился до 78%, а со второго квартала 1948 г. постоянно составлял 88–89%. При этом произошло увеличение производительности труда со 106,7% в первом квартале 1948 г. до 129,8% в третьем квартале 1948 г., что способствовало росту среднего дневного заработка военнопленного с 15 рублей 60 копеек в январе 1948 г. до 21 рубля 59 копеек в августе 1948 г.[1]

Политическая работа с военнопленными проводилась уже апробированными методами и включала в себя проведение лекций, бесед, распространение печатных материалов, выпуск стенных газет. Вместе с тем, в исследуемый период в связи с начавшейся репатриацией значительная роль уделялась формированию у военнопленных, которые возвращались на родину, положительного отношения к Советскому Союзу и проводимым им внешнеполитическим мероприятиям. Эта работа возлагалась не только на сотрудников политотдела лагерей, но и на антифашистский актив. Так, приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 24 июня 1947 г. № 0075 в управлении лагерей МВД № 445 и № 533 были введены четыре должности функционеров антифашистской работы (руководитель антифашистского актива, заместитель руководителя актива по работе среди молодежи, организатор культурно-массовой работы и инструктор кружков политического воспитания), а в каждом лагерном отделении – руководитель антифашистского актива, старший пропагандист и руководитель художественной самодеятельности. Кроме того, в составе политотдела лагерей была сформирована пропагандистская группа из числа антифашистов в количестве 5 человек. Военнопленные, включенные как в состав пропагандистской группы, так и в состав групп антифашистской работы, расконвоировались, обеспечивались питанием по полной норме лиц, занятых на производстве, а также обеспечивались ежемесячным денежным содержанием в размере 100 рублей[2].

Вместе с тем, уже с середины 1948 г. оперативным отделением лагеря МВД № 445 было зафиксировано ослабление контроля за антифашистским активом со стороны как политотдела лагерей, так и политработников лагеря. В докладной записке исполняющего обязанности заместителя начальника лагеря МВД № 445 по оперативной работе старшего лейтенанта Н. Д. Бруснева заместителю начальника отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области по оперативной работе капитану Н. П. Малыничу от 26 июля 1948 г. № 2/00809 сообщалось о фактическом отсутствии внимания со стороны политчасти лагеря за деятельностью функционеров антифашистской работы и учебой в антифашистской школе, «в результате чего идейная направленность проводимой антифашистской работы и учебы… граничит с открытыми антисоветскими выступлениями»[3].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 8–9, 33, 146, 209–210.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 119–119 об.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 130.

Подобная ситуация привела к тому, что в ряде антифашистских комитетов, особенно во второй половине 1948 г., развернулась критика политики СССР и лагерного руководства. Так, члены антифашистского комитета лагерного отделения № 4 лагеря МВД № 445 «на протяжении большого периода времени руководствовались в своей практической работе разжиганием среди военнопленных ненависти к Советскому Союзу. Используя свое легальное положение и выдавая все от имени антифашистского комитета, его члены систематически вели среди военнопленных… разлагательную работу, призванную в конечном счете на воспитание военнопленных не друзьями Советского Союза, а его врагами»[1]. В результате мероприятий, проведенных оперативным отделением лагеря МВД № 445, состав антифашистского комитета был пересмотрен, а военнопленные, которые вели антисоветскую агитацию, взяты на оперативный учет.

Особое внимание в политической работе уделялось возможности поддержания письменной связи военнопленных с родственниками, проживающими на территории Германии и некоторых европейских государств. Кроме того, корреспонденция как военнопленных, так и членов их семей служила материалом для изучения настроений контингента и жителей различных зон оккупации Германии. Всего за период с 1 февраля 1948 г. по 1 февраля 1949 г. военнопленными, находившимися в лагере № 445, спецгоспитале № 1894 и отдельных рабочих батальонах Прибалтийского военного округа, в адрес родственников было направлено 128 587 писем и открыток, а получено 125 770 почтовых отправлений[2].

В большинстве писем военнопленные интересовались вопросами жизни в Германии, высказывали демократические настроения, призывали к дружественному отношению к СССР. Касаясь вопросов пребывания в лагере, военнопленные в основном не касались проблем материально-бытового характера и работ на производстве, оценивая с положительной стороны проводимые политические мероприятия. Так, военнопленный М. Бекман в одном из писем сообщал: «Мне живется очень хорошо. Сегодня вечером опять концерт. У нас очень хорошие развлечения, хорошая музыкальная группа. Вообще русское лагерное руководство относится к нам великодушно, просто удивляешься, что русский человек может быть так великодушен после того горя, которое мы им нанесли…». В свою очередь военнопленный К. Реш отмечал: «У нас много газет из Германии, библиотека в 1200 томов и каждый вечер мы слушаем известия по радио. Каждую субботу и воскресенье – концерт и кино. Я читаю доклады и провожу занятия и повышаю, таким образом, свои знания…»[3].

Вместе с тем, в ряде случаев в письмах военнопленных встречалась и негативная информация об условиях содержания контингента. Так, военнопленный Г. Кречмар писал: «Нет из дома почты, нечего курить, никогда

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 204.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 192; Д. 4. Л. 58, 160, 251; Д. 5. Л. 21; Д. 7. Л. 109.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 193.

не бываешь сыт, нет даже мыла, зато много работы в качестве механика без оплаты…»[1]. Следует отметить, что число подобных писем было крайне незначительным, однако, по мере оттягивания сроков репатриации, подобные настроения приобретали все большее распространение среди военнопленных.

В условиях начавшейся отправки отдельных категорий военнопленных и интернированных на родину значительное внимание оперативных отделений лагерей уделялось мероприятиям, направленным на ***выявление в среде контингента военных преступников и их пособников***. Так, в распоряжении заместителя начальника отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области майора А. С. Слонецкого заместителям начальников лагерей МВД № 445 и № 533 по оперативной работе от 17 июля 1947 г. № 7/3/00962 была поставлена задача усилить агентурно-оперативную и следственную работу по выявлению и разоблачению среди военнопленных и интернированных бывших сотрудников германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также по розыску и разоблачению предателей и изменников Родины из числа сотрудничавших с противником граждан СССР. При этом, при проведении агентурно-оперативных мероприятий предлагалось «добиваться того, чтобы на каждого выявленного разведчика и карателя было собрано достаточно материала для предания его суду военного трибунала, уделив особое внимание работе по розыску агентуры противника из числа граждан СССР, выявленных по показаниям военнопленных, оставшихся на территории СССР»[2].

Выявление сотрудников немецких разведывательных и контрразведывательных органов, а также военных преступников осуществлялось в основном при помощи агентурно-осведомительной сети, численность которой по состоянию на 1 января 1948 г. составляла 268 человек, в том числе по лагерю МВД № 445 – 148 человек, по лагерю МВД № 533 – 87 человек, а по отдельным рабочим батальонам Прибалтийского военного округа – 33 человека[3].

Для выяснения обстоятельств к лицам, подозреваемым в совершении военных преступлений, подводились агенты, либо осведомители, информация которых, в ряде случаев, перепроверялась другими лицами из состава агентурно-осведомительной сети. При получении данных, свидетельствующих о преступной деятельности военнопленных, в разработку вводились новые агенты, целью которых являлось выявление их пособников, либо соучастников преступлений. На основании собранных данных оперативным отделением лагеря заводилось агентурное дело, реализация которого завершалась проведением следственных мероприятий и передачей дела в судебные органы. Так, на основании данных агента «Вельс» среди военнопленных лагеря МВД № 445 был выявлен начальник охранной полиции городов Августов и Гродно обер-лейтенант полиции и СС Э. Диц. В целях проверки полученных данных в разработку введен агент

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 194.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 153.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

«Инстер», который в ходе личного общения с подозреваемым подтвердил данные агента «Вельс». Для выявления соучастников преступной деятельности Э. Дица оперативным отделением лагеря в разработку был введен агент «Диль», при помощи которого выявлен обер-вахтмайстер полиции И. Куцина, служивший в охранной полиции города Августов под руководством Э. Дица. На основании данных агентурно-осведомительной сети оперативным отделением лагеря МВД № 445 в сентябре 1947 г. было заведено агентурное дело «Скорпионы». В ходе проведения следствия Э. Диц и И. Куцина «под тяжестью предъявленных улик вынуждены были признать, что за время работы в городе Августов они издевались над советскими гражданами, арестовали больше 300 человек коммунистов и комсомольцев, часть из них была заключена в концлагеря…, часть осуждена военно-полевым судом к лишению свободы и расстрелу. Кроме того, насильственным путем угнали в Германию больше 2000 человек советских граждан»[1].

В отдельных случаях для подтверждения действий лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений, практиковалось их опознание при помощи свидетелей. Так, в ходе реализации агентурного дела «Убийцы», заведенного в отношении военнослужащих 722-й команды тайной полевой полиции Г. Лефлера, С. Гердердауера и Г. Биаса, оперативным отделением лагеря МВД № 445 в районные отделы МВД, на территории которых в годы Великой Отечественной войны находились пункты дислокации команды, были направлены копии допросов подозреваемых и их фотографии, которые опознаны жителями Гдовского района Псковской области М. А. Андреевой, П. В. Владимировым и Н. М. Завьяловым[2]. В последующем, в целях получения признательных показаний от подозреваемых, они были этапированы в города Гдов и Сланцы, после чего на очных ставках признались в совершенных преступлениях, а по показаниям арестованного С. Гердердауера установлены 10 агентов 722-й команды тайной полевой полиции из числа жителей Сланцевского района Ленинградской области[3].

Показания военных преступников использовались и для выявления агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также пособников оккупантам из числа граждан СССР. Так, обер-ефрейтор Э. Гундт, проходивший службу в отделе 1-С 93-й пехотной дивизии в должности переводчика, по данным агентурно-осведомительной сети лагеря МВД № 445, «среди… советских военнопленных проводил фашистскую пропаганду, распространял издававшуюся на русском языке фашистскую литературу и газеты, склонял советских военнопленных к вступлению в ряды РОА [Русской освободительной армии. – Прим. автора] и отбирал желающих учиться в немецких разведывательных органах. Лично им было отобрано 40 человек для дальнейшей службы в РОА и 20 человек для направления в разведывательные школы. За период своей деятельности… дважды принимал участие в переброске

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 216.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 34.

разведывательной агентуры из числа советских военнопленных в тыл Советского Союза для выполнения шпионско-разведывательных заданий»[1]. По показаниям Э. Гундта были установлены пять граждан СССР, которые окончили разведывательные школы и остались на территории Советского Союза. Для их розыска отделом по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области направлены ориентировки в территориальные органы МГБ СССР по месту предполагаемого пребывания[2].

Следует отметить, что данных о результатах следственной работы оперативных отделений лагерей МВД, находившихся на территории Калининградской области в исследуемый период, в открытых источниках нет. По имеющимся сведениям, в четвертом квартале 1947 г. и первом квартале 1948 г. были закончены следствием и переданы судебным органам 52 следственных дела на 98 человек, 50 из которых осуждены как участники зверств и злодеяний на территории СССР к 25 годам содержания в исправительно-трудовых лагерях[3].

Таким образом, в исследуемый период совершенствование пенитенциарной системы на территории Калининградской области было направлено на увеличение рентабельности исправительно-трудовых учреждений в связи с начавшимся сокращением структур, находившихся в ведении отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области. Проведенные руководством отдела исправительно-трудовых учреждений Управления МВД по Калининградской области мероприятия, направленные на улучшение бытовых условий контингента, позволили в определенной степени достичь успешных производственных показателей к началу 1949 г. Вместе с тем, в связи с недостаточно качественным уровнем охраны в течение всего исследуемого периода продолжало оставаться на высоком уровне число побегов заключенных, на пресечение которых были направлены усилия агентурно-осведомительного аппарата.

В свою очередь, основные усилия руководства учреждений, находившихся в ведении отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области, в условиях начавшейся репатриации были сосредоточены на повышении уровня политической работы среди военнопленных, направленной на формировании у них демократических взглядов, а также на выявление среди контингента военных преступников, а также их пособников из числа граждан Советского Союза.

Выселение немецкого населения и репатриация военнопленных из лагерей МВД СССР в советскую зону оккупации Германии

Заключительными элементами интеграции бывшей германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза явились выселение немецкого

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 121.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 122–122 об.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 9, 34.

населения, а также репатриация немецких военнопленных из лагерей МВД СССР в советскую зону оккупации Германии.

Выселение немецкого населения из Калининградской области было проведено в три этапа в период с октября 1947 г. по ноябрь 1948 г. Основанием для его начала явилось постановление Совета министров СССР от 11 октября 1947 г. № 3547-1169, в соответствии с которым на МВД СССР возлагались организация и осуществление переселения в советскую зону оккупации Германии 30 тыс. немцев, «проживающих в г. Балтийске и в районах побережья Балтийского моря, а из других районов области – нетрудоспособные семьи немцев, не занятые общественно-полезным трудом, и, кроме того, немецкие дети, находящиеся в детских домах, и престарелые немцы, содержащиеся в домах инвалидов»[1].

Приказом МВД СССР от 14 октября 1947 г. № 001067 в Калининградскую область был командирован начальник Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенант Н. П. Стаханов, который совместно с руководством Калининградского областного исполнительного комитета и Управления МВД по Калининградской области должен был осуществить проведение мероприятий по выселению немцев[2]. Уже через два дня приказом начальника Управления МВД по Калининградской области № 00116 для непосредственного осуществления мероприятий по выселению была сформирована областная оперативная группа, руководителем которой назначен заместитель начальника Управления МВД по Калининградской области комиссар милиции 3 ранга С. И. Навалихин, а членами – заместитель председателя Калининградского областного исполнительного комитета И. С. Кергет и начальник 2-го отдела Управления МГБ по Калининградской области подполковник Фролов. Одновременно с этим во всех городах областного подчинения и районах области были созданы городские и районные оперативные группы под руководством начальников городских (районных) отделов (отделений) МВД, на которые возлагались следующие задачи:

«а) Составить списки немецкого населения… в 3-х экземплярах…

б) Запретить самостоятельное перемещение немцев от одного населенного пункта в другие пункты без разрешения органов милиции в городах и сельских советов в сельской местности.

Во всех случаях изменения места жительства немцев, наряду с пропиской и выпиской, вносить соответствующие изменения в экземпляре списка, оставленного в РО [районном отделе (отделении). – Прим. автора] МВД.

По получении указаний областной опергруппы о немцах, подлежащих переселению, руководствоваться специальной инструкцией»[3].

В тот же день – 16 октября 1947 г. – начальником Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенантом Н. П. Стахановым, председателем Калининградского областного исполнительного комитета В. А. Борисовым и начальником Управления МВД по Калининградской области

[1] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 355. Л. 138.

[2] Сталинские депортации. 1928–1953. С. 635.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 193.

генерал-майором В. И. Деминым была подписана «Инструкция по переселению немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии», утвержденная министром внутренних дел СССР генерал-полковником С. Н. Кругловым. Документ подробно регламентировал порядок создания городских и районных оперативных групп, а также процесс переселения немецкого населения[1].

Фактически сразу после выхода в свет приказа начальника Управления МВД по Калининградской области от 16 октября 1947 г. № 00116 во всех крупных населенных пунктах Калининградской области были развернуты места сбора, на которых должна была осуществляться концентрация немецкого населения для отправки к пунктам формирования эшелонов (Калининград и Черняховск). В целях предупреждения случаев хулиганства, грабежей и других преступлений организовывалось патрулирование территории сотрудниками милиции и членами бригад содействия[2]. Вывоз немцев от мест сбора к местам отправки эшелонов осуществлялся автотранспортом, выделенным как от районных исполнительных комитетов, так и от частей и соединений 11-й гвардейской армии[3].

На станциях Калининград, Черняховск и Багратионовск были организованы сборно-пересыльные пункты, на которые к моменту подачи эшелонов должно было направляться немецкое население[4]. Перед погрузкой в эшелоны немцы обеспечивались сухим пайком сроком на 15 суток (по нормам снабжения рабочих промышленности и связи). Стоимость пайка (80 рублей) оплачивалась самими выселяемыми. В случае отсутствия денег обеспечение немцев сухим пайком осуществлялось за счет средств Управления МВД по Калининградской области или Калининградского областного исполнительного комитета[5].

В целях охраны общественного порядка на сборных пунктах в день отправки каждого эшелона с 10 часов утра до момента его отъезда выставлялось 18 двухсменных милицейских постов и 3 оперативных поста[6].

Каждый эшелон состоял из 45–50 вагонов, в которых размещалось немецкое население, штабного и медицинского вагонов. Все вагоны, предназначенные для немцев, оборудовались нарами, печами, а также обеспечивались топливом и свечами. Для сопровождения каждого эшелона назначались начальник эшелона с двумя заместителями, а также караул в составе 12 человек, выделенный от 349-го полка конвойных войск МВД СССР, в задачу которого входила круглосуточная охрана эшелона с целью не допустить отставания выселяемых лиц, а также проникновения посторонних в вагоны[7]. Перемещение эшелона по территории СССР (до станций Багратионовск или Железнодорожный) осуществлялось при закрытых дверях, а после пересечения государственной границы двери вагонов оставались открытыми.

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–4.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 207.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.
[7] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

Медицинское обеспечение выселяемого немецкого населения в эшелонах возлагалось на 2–3 врачей и 3–4 медсестер или фельдшеров из числа немцев[1].

Первый эшелон с выселяемыми немцами (№ 97860) был отправлен из Калининграда 22 октября 1947 г. В нем находился 1951 человек, среди которых 323 мужчины, 1260 женщин и 368 детей[2]. До конца октября 1947 г. из Калининграда в советскую зону оккупации Германии было направлено четыре эшелона, а в период с 13 по 30 ноября 1947 г., – еще 9 эшелонов. Всего, по данным докладной записки начальника отдельного морского контрольно-пропускного пункта «Калининград» пограничных войск МВД Литовского округа от 4 декабря 1947 г., в октябре – ноябре 1947 г. из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии в 14 эшелонах направлено 30 283 немца, в том числе 3457 мужчин, 13 910 женщин и 12 916 детей[3]. Эта же общая цифра выселенных немцев указана министром внутренних дел СССР генерал-полковником С. Н. Кругловым в докладной записке И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берия и А. Н. Косыгину от 30 декабря 1947 г. № 6882/к[4].

Проведенный автором анализ эшелонных списков на 14 эшелонов, направленных из Калининградской области в октябре – ноябре 1947 г. в советскую зону оккупации Германии, показал, что в них было внесено 30 241 человек, что составляет крайне малую долю расхождения (0,14%) с данными пограничных органов МВД Литовского округа и докладной записки министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова от 30 декабря 1947 г. № 6882/к. Всего в эшелонные списки внесены 9141 лиц мужского (30,22%) и 19 763 лиц женского пола (65,35%)[5]. В ряде случаев (4,43%) идентифицировать половую принадлежность человека не представлялось возможным в силу неправильного написания имени выселяемого лица, либо указания только его фамилии[6].

Большую часть выселяемых немцев составили дети и подростки 1931 года рождения и младше (13 032 человека, или 43,15% об общего количества выселенных лиц), что объяснялось разгрузкой детских домов. В свою очередь среди мужского населения большинство составляли лица 1891–1895 годов рождения (479 человек, или 14,13% от количества мужчин в возрасте старше 16 лет), а среди женщин – лица 1906–1910 годов рождения (1512 человек, или 11,28% от количества женщин в возрасте старше 16 лет).

---

[1] Сталинские депортации. 1928–1953. С. 637.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 36.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 36.

[4] Вместе с тем, в докладной записке министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова от 30 декабря 1947 г. № 6882/к приведены иные данные по половозрастной структуре выселенных немцев – 3505 мужчин, 13 840 женщин, 12 938 детей (Сталинские депортации. 1928–1953. С. 637).

[5] Данные приведены с учетом пола детей и подростков 1931 года рождения и младше.

[6] Так, например, в эшелонном списке эшелона № 97906 под № 268 включен «ЭРСБЕРГЕР Сузова», под № 272 – «КУЗЕ Дулутых» (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 15. Л. 242), под № 348 – «БРУСЦЕН Арлтг», под № 358 – «ВАШКУН Фраен», под № 361 – «РЕДЖДЕ Хадитх» (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 15. Л. 243).

Большая часть немцев, отправленных в советскую зону оккупации осенью 1947 г., проживала в городе Калининграде (9087 человек, или 30,12%), а также в Приморском районе (включая города областного подчинения Балтийск и Светлогорск) (10 055 человек, или 33,23%). Из остальных районов Калининградской области наибольшее число немцев было выселено из Багратионовского (2176 человек, или 7,19%), Советского (включая город областного подчинения Советск) (1504 человек, или 4,97%) и Гвардейского (1275 человек, или 4,21%) районов. В наименьшей степени мероприятия по выселению затронули Полесский (165 человека, или 0,54%), Нестеровский (160 человек, или 0,52%), Краснознаменский (139 человек, или 0,45%) и Железнодорожный районы (6 человек, или 0,01%).

Следует отметить, что в Приморском районе выселение в наибольшей степени коснулось немцев, проживающих в таких крупных населенных пунктах как Приморск (3387 человек, или 42,5%), Янтарный (916 человек, или 11,49%), Зеленоградск (535 человек, или 6,71%), Синявино (355 человек, или 4.45%) и Пионерский (353 человека, или 4,42%). Из городов областного подчинения Балтийск и Светлогорск было выселено 339 и 1747 человек соответственно[1].

Проведенный анализ докладных записок начальников эшелонов на имя начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина показал, что процесс выселения прошел без каких-либо инцидентов. Так, «эшелоны украшались зеленью и в некоторых вагонах, в особенности в детских, распевались советские песни… Многие дети заявляли, что материальная, духовная жизнь и воспитание у русских лучше, чем в Германии»[2]. Начальник эшелона № 97865, направленного из Калининграда в советскую зону оккупации Германии 12 ноября 1947 г., подполковник С. М. Волков в докладной записке от 26 ноября 1947 г. отмечал: «Часть немецкой молодежи из числа переселенцев, следовавших в эшелоне, владевшая русским языком, высказывала свое нежелание ехать в Германию и жить там по той причине, что в Германии, как они заявляли, нельзя найти работу по своему желанию и трудно жить вследствие того, что в Германии нет базаров, где бы продавались свободно продукты питания и промышленные товары. К числу лиц, высказывавших такие настроения в пути следования относятся немцы-переселенцы, до переселения проживавшие в городе Калининграде»[3].

Следует отметить крайне низкий уровень смертности среди выселяемых немцев. Так, из 30 283 человек в пути следования умерли 33 (0,1%), большую часть которых составили старики и младенцы, болевшие дистрофией или инфекционными заболеваниями[4].

---

[1] Данные по первому этапу выселения подсчитаны автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–51, 58–110, 122–172, 184–231, 236–280; Д. 16. Л. 14–65, 73–136, 142–204, 215–268; Д. 17. Л. 15–66, 75–122, 176–223, 231–273, Д. 34. Л. 1–54.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

[4] Сталинские депортации. 1928–1953. С. 639.

Процесс выселения немецкого населения из Калининградской области осенью 1947 г. выявил ряд проблемных вопросов в его организации, о чем свидетельствовала записка по ВЧ-связи начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина начальнику Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту Н. П. Стаханову от 8 января 1948 г. Понимая, что в 1948 г. выселение затронет значительно большее количество немцев, чем осенью 1947 г., генерал-майор В. И. Демин предлагал пересмотреть некоторые вопросы, касающиеся санитарной обработки выселяемых лиц перед погрузкой в эшелоны, а также отпуска продовольствия на пунктах погрузки. Особое внимание начальник Управления МВД по Калининградской области обратил на факты переселения немецкого населения из прибалтийских республик в Калининградскую область, в связи с чем предлагалось решить вопрос и об их выселении в советскую зону оккупации Германии[1].

Второй этап выселения был санкционирован постановлением Совета министров СССР от 15 февраля 1948 г. № 333-122с, которым предписывалось в течение 1948 г. завершить выселение «всех немцев, проживающих на территории области, при этом в марте – апреле 25 000 человек и в августе – октябре всех остальных в количестве 37 300 человек»[2]. Вышедший 3 марта 1948 г. приказ начальника Управления МВД по Калининградской области № 0019, как и ранее, предписывал создать в районах оперативные группы, подчиненные областной оперативной группе, на которые возлагалась задача уточнения количества переселяемых немцев. В период с 15 марта по 8 апреля 1948 г. предполагалось отправить в советскую зону оккупации Германии 13 эшелонов, в которых должны были находиться 26 289 человек[3].

Следует отметить, что второй этап выселения в значительной степени коснулся немецкого населения, проживающего в городе Калининграде (18 419 человек, или 67,22% от общего количества выселенных немцев весной 1948 г.). Среди районов области наибольшее количество выселяемых пришлось на Гурьевский (1065 человек, или 3,88%), Озерский (1028 человек, или 3,74%), Большаковский (764 человека, или 2,78%), Советский (761 человек, или 2,77%) и Черняховский (598 человек, или 2,17%) районы. В незначительной степени выселение коснулось немецкого населения Славского (373 человека, или 1,35%), Правдинского (313 человек, или 1,14%), Железнодорожного (300 человек, или 1,09%), Приморского (77 человек, или 0,27%) и Багратионовского (4 человека, или 0,01%) районов[4].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 24–24 об.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 356. Л. 2.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 15. Л. 30–34. По данным эшелонных списков в ходе второго этапа в советскую зону оккупации Германии было выселено 27 435 немцев (ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–49, 97–206; Д. 39. Л. 1–46, 48–196; Д. 41. Л. 53–152; Д. 42. Л. 45–236).

[4] Подсчитано автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–49, 97–206; Д. 39. Л. 1–46, 48–196; Д. 41. Л. 53–152; Д. 42. Л. 45–236.

В целях выполнения постановления Совета министров СССР от 15 февраля 1948 г. № 333-122с 24 июля 1948 г. начальником Управления МВД по Калининградской области генерал-майором В. И. Деминым был утвержден план, который предусматривал проведение следующих подготовительных мероприятий, направленных на подготовку выселения всех оставшихся на территории Калининградской области немцев в советскую зону оккупации Германии в течение августа – октября 1948 г.:

– подготовка проекта письма на имя заместителя председателя Калининградского областного исполнительного комитета Г. Е. Фадеева с просьбой дать указание отделу здравоохранения приступить к проведению санитарно-эпидемиологических мероприятий среди немецкого населения;

– уточнение количества немцев, проживающих на территории области, а также больных, находящихся на излечении в лечебных заведениях;

– осуществление сбора данных из областных отделов социального обеспечения и народного образования о количестве немцев, находящихся в домах инвалидов и детских домах;

– разработка графика отправки эшелонов с немецким населением в советскую зону оккупации Германии;

– подготовка заявки в Отдел спецперевозок МВД СССР о подаче оборудованных эшелонов для перевозки немцев;

– подготовка заявки в Прибалтийский военный округ на выделение автотранспорта для доставки немецкого населения с пунктов сбора на пункты отправки;

– оборудование пункта отправки немцев на территории товарной станции Калининград;

– подготовка заявки на выделение 40 военнослужащих пограничных войск МВД Литовского округа для оказания помощи милиции в мероприятиях по охране порядка на пункте отправки немецкого населения;

– согласование с областным отделом здравоохранения списков врачей и медицинского персонала из числа немцев для сопровождения эшелонов.

Кроме того, в связи с планируемым выселением немцев из ряда уездов Литвы предполагалось подготовить письмо на имя министра внутренних дел Литовской ССР об организованной доставке немцев на сборные пункты, расположенные на территории Калининградской области[1].

Одновременно с этим, в целях пресечения проникновения в эшелоны с отправляемым немецким населением советских граждан, а также немцев, совершивших побеги из ИТК и лагерей военнопленных, приказ начальника Управления МВД по Калининградской области от 10 августа 1948 г. № 00103 предусматривал:

«4. Агентурно-оперативное обслуживание погрузочного пункта по переселению немцев в целях выявления лиц, пытающихся нелегально выехать за границу, возложить на начальника ОКР [отдела контрразведки. – Прим. автора] …

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 18. Л. 116–117.

5. Начальникам ОИТК [отдела исправительно-трудовых колоний. – Прим. автора] и ОПВИ [отдела по делам военнопленных и интернированных. – Прим. автора] УМВД для выявления и задержания бежавших военнопленных-немцев и осужденных их колоний и тюрем выделять на период отправки немцев по одному оперработнику для работы на погрузочной площадке»[1].

Третий этап выселения начался 10 августа 1948 г. К 17 октября 1948 г. в советскую зону оккупации Германии были направлены 20 эшелонов, а в течение ноября – декабря 1948 г. – еще 3 небольших эшелона с немецким населением. Главной особенностью выселения, осуществленного осенью 1948 г. явилось то, что оно в основном коснулось немцев, проживающих на территории районов Калининградской области. Наибольшее количество выселяемых лиц пришлось на Полесский (4581 человек, или 11,55% от общего количества немецкого населения, отправленного в советскую зону оккупации Германии осенью 1948 г.), Гурьевский (3832 человека, или 9,05%), Гвардейский (3071 человек, или 7,25%), Черняховский (3005 человек, или 7,09%) и Славский (2797 человек, или 6,6%) районы. В наименьшей степени выселением были затронуты Багратионовский (1452 человека, или 3,42%), Железнодорожный (776 человек, или 1,83%), Нестеровский (705 человек, или 1,66%), Калининградский (578 человек, или 1,36%) и Озерский (97 человек, или 0,22%) районы. Кроме того, в нескольких эшелонах были вывезены немцы, проживающие на территории Литовской ССР (1312 человек, или 3,09%), а также 6 человек из Белорусской ССР[2].

30 ноября 1948 г. министр внутренних дел СССР генерал-полковник С. Н. Круглов направил И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берия докладную записку № 4592/к, в которой подвел итоги переселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии. Акцентируя внимание на проведенных мероприятиях (организация областной и районных оперативных групп, работа погрузочных площадок, обеспечение немецкого населения медицинской помощью, а также продовольственными и промышленными товарами), генерал-полковник С. Н. Круглов указал, что в течение 1947–1948 гг. из Калининградской области было переселено 102 125 немцев, в том числе мужчин – 17 521, женщин – 50 982 и детей – 33 622 человека[3].

Вместе с тем, подсчет количества людей, указанных в эшелонных списках, позволяет констатировать, что цифра, представленная министром внутренних дел СССР генерал-полковником С. Н. Кругловым, по мнению автора, в некоторой степени является завышенной. Так, общее число немцев, указанных в 50 эшелонных списках за период 1947–1948 гг., составляет 100 021 человек, из которых 31 805 составляли лица мужского пола, 65 471 – лица женского пола

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 15. Л. 180.

[2] Подсчитано автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–48, 52–102, 106–145, 150–190, 194–234, 238–281; Д. 8. Л. 4–46, 50–89, 93–140, 145–195, 198–236, 242–288; Д. 9. Л. 4–49, 54–89, 93–134, 137–185, 189–227, 235–273; Д. 10. Л. 44–52, 56–94, 98–139, 143–146, 148–152.

[3] Сталинские депортации. 1928–1953. С. 639.

и 2745 человек, пол которых оказалось невозможно определить[1]. Таким образом, разница между количеством выселенного немецкого населения в эшелонных списках и докладной записке генерал-полковника С. Н. Круглова составляет 2104 человека, или почти 2%.

Следует отметить, что, несмотря на официальное окончание выселения немецкого населения с территории Калининградской области, в исследуемый период продолжились мероприятия по выявлению и дополнительной отправке оставшихся немцев в советскую зону оккупации Германии. Так, в соответствии с приказом МВД СССР от 28 сентября 1949 г. № 00600 12 ноября 1949 г. был отправлен эшелон № 97390, в котором находились 1402 немца, из которых 735 человек проживали на территории Калининградской области, а 667 человек – в Клайпедской области Литовской ССР[2].

Таким образом, проведенный анализ эшелонных списков показал, что в исследуемый период в 51 эшелоне в советскую зону оккупации Германии с территории Калининградской области и прилегающих районов Литовской ССР были выселены 101 423 человека. Наибольшее количество выселенных немцев проживало в городе Калининград (30 041 человек, или 29,65% от общего количества немецкого населения, отправленного в советскую зону оккупации Германии), Приморском (10 756 человек, или 10,6%), Гурьевском (5892 человека, или 5,81%), Полесском (5240 человек, или 5,17%) и Славском (4720 человек, или 4,65%) районах. Незначительным являлось число немцев, выселенных из Краснознаменского (2121 человек, или 2,09%), Озерского (1452 человека, или 1,43%), Нестеровского (1311 человек, или 1,29%), Калининградского (1134 человека, или 1,12%) и Железнодорожного (1082 человека, или 1,07%) районов (таблица 20).

Таблица 20

Места проживания немецкого населения Калининградской области, отправленного в советскую зону оккупации Германии в 1947–1949 г.[3]

Место проживания	Лица мужского пола	Лица женского пола	Лица, пол которых не указан, либо невозможно установить	Всего	% от общего количества
Города областного подчинения					
г. Калининград	8778	20 507	756	30 041	29,65%

[1] Данные приведены с учетом пола детей и подростков 1931 года рождения и младше.

[2] Сталинские депортации. 1928–1953. С. 639: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–51.

[3] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–48, 52–102, 106–145, 150–190, 194–234, 238–281; Д. 8. Л. 4–46, 50–89, 93–140, 145–195, 198–236, 242–288; Д. 9. Л. 4–49, 54–89, 93–134, 137–185, 189–227, 235–273; Д. 10. Л. 44–52, 56–94, 98–139, 143–146, 148–152; Д. 12. Л. 1–51; Д. 15. Л. 8–51, 58–110, 122–172, 184–231, 236–280; Д. 16. Л. 14–65, 73–136, 142–204, 215–268; Д. 17. Л. 15–66, 75–122, 176–223, 231–273, Д. 34. Л. 1–54; Д. 38. Л. 1–49, 97–206; Д. 39. Л. 1–46, 48–196; Д. 41. Л. 53–152; Д. 42. Л. 45–236.

Место проживания	Лица мужского пола	Лица женского пола	Лица, пол которых не указан, либо невозможно установить	Всего	% от общего количества
г. Балтийск	121	212	7	340	0,33%
г. Гусев	161	269	20	450	0,44%
г. Неман	295	566	18	879	0,87%
г. Светлогорск	526	1299	67	1892	1,86%
г. Советск	1179	2306	243	3728	3,67%
г. Черняховск	339	779	61	1179	1,16%
Районы					
Багратионовский район	1133	2339	160	3632	3,58%
Большаковский район	956	1974	43	2973	2,93%
Гвардейский район	1702	3257	97	5056	4,98%
Гурьевский район	1954	3816	122	5892	5,81%
Гусевский район	810	1452	51	2313	2,28%
Железнодорожный район	307	716	59	1082	1,07%
Калининградский район	345	755	34	1134	1,12%
Краснознаменский район	724	1364	33	2121	2,09%
Ладушкинский район	1039	1929	63	3031	2,99%
Нестеровский район	460	822	29	1311	1,29%
Озерский район	512	892	48	1452	1,43%
Полесский район	1856	3308	76	5240	5,17%
Правдинский район	890	1622	103	2615	2,58%
Приморский район	3476	6999	281	10 756	10,6%
Славский район	1560	2977	183	4720	4,65%
Советский район	1236	2327	64	3627	3,58%
Черняховский район	1236	2381	99	3716	3,66%
районы Литовской ССР	660	1262	57	1979	1,95%
районы Белорусской ССР	3	3	–	6	0,01%
без указания места жительства	70	175	13	258	0,25%
Всего	**32 328**	**66 308**	**2787**	**101 423**	**100%**

В свою очередь, анализ половозрастного состава немецкого населения (таблица 21) позволяет констатировать, что более трети выселенных лиц составили дети и подростки 1931 года рождения и младше (37 369 человек, или 36,87%), при этом численность лиц мужского и женского пола являлась фактически одинаковой (соотношение 1:1,06)[1]. Соотношение же лиц мужского и женского пола 1930 года рождения и старше показывает преобладание женщин (соотношение 1:3,2). При этом наименьший разрыв в соотношении численности наблюдался среди лиц 1876–1880 годов рождения (соотношение 1:1,26), а наибольший – среди лиц 1921–1925 годов рождения (соотношение 1:11,28).

[1] Без учета лиц, пол которых по эшелонным спискам не удалось определить.

Таблица 21

Половозрастной состав немецкого населения Калининградской области, отправленного в советскую зону оккупации Германии в 1947–1949 г.[1]

Год рождения	Лица мужского пола	Лица женского пола	Лица, пол которых не указан, либо невозможно установить	Всего	% от общего количества
До 1871 г.	94	181	10	285	0,28%
1871–1875 гг.	312	465	23	800	0,79%
1876–1880 гг.	872	1104	34	2010	1,98%
1881–1885 гг.	1720	2484	73	4277	4,22%
1886–1890 гг.	1869	3624	75	5568	5,49%
1891–1895 гг.	2095	4659	75	6829	6,73%
1896–1900 гг.	1587	5040	68	6695	6,6%
1901–1905 гг.	1053	5543	60	6656	6,56%
1906–1910 гг.	890	5781	98	6769	6,67%
1911–1915 гг.	639	5100	78	5817	5,73%
1916–1920 гг.	451	3916	69	4436	4,37%
1921–1925 гг.	437	4929	94	5460	5,38%
1926–1930 гг.	2939	5085	196	8220	8,1%
1931–1935 гг.	6761	6988	610	14 359	14,16%
1936–1940 гг.	6993	7449	693	15 135	14,95%
1941–1945 гг.	3134	3357	462	6953	6,85%
1946–1949 гг.	412	461	49	922	0,91%
без указания даты рождения	70	142	20	232	0,23%
Всего	**32 328**	**66 308**	**2787**	**101 423**	**100%**

Следует отметить, что розыск и отправка немецкого населения из Калининградской области в Германию продолжились и после окончания исследуемого периода. Так, в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 10 января 1951 г. задача по переселению немцев, оставшихся на территории Калининградской области, была возложена на МГБ СССР. При этом сосредоточение выселяемых лиц (3537 человек) осуществлялось на территории Литовской ССР, откуда они направлялись в Германскую Демократическую Республику[2]. По данным Ю. В. Костяшова, последняя группа немцев, проживающих на территории Калининградской области (193 человека), была отправлена в мае 1951 г.[3]

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–48, 52–102, 106–145, 150–190, 194–234, 238–281; Д. 8. Л. 4–46, 50–89, 93–140, 145–195, 198–236, 242–288; Д. 9. Л. 4–49, 54–89, 93–134, 137–185, 189–227, 235–273; Д. 10. Л. 44–52, 56–94, 98–139, 143–146, 148–152; Д. 12. Л. 1–51; Д. 15. Л. 8–51, 58–110, 122–172, 184–231, 236–280; Д. 16. Л. 14–65, 73–136, 142–204, 215–268; Д. 17. Л. 15–66, 75–122, 176–223, 231–273, Д. 34. Л. 1–54; Д. 38. Л. 1–49, 97–206; Д. 39. Л. 1–46, 48–196; Д. 41. Л. 53–152; Д. 42. Л. 45–236.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 357. Л. 1.

[3] Костяшов Ю. В. Депортация немцев из Калининградской области после войны. С. 66.

Процесс **репатриации военнопленных из лагерей МВД** начался в 1946 г. и проводился на основании постановлений Совета министров СССР и изданных во их исполнение приказов МВД СССР. Первое постановление Совета министров СССР, касающееся вопросов репатриации, вышло 18 июня 1946 г. и предусматривало отправку на родину больных и нетрудоспособных военнопленных. В соответствии с приказом уполномоченного МВД – МГБ СССР по Калининградской области от 6 июля 1946 г. № 0052 освобождению из лагерей МВД № 445 и № 533 подлежали «инвалиды, старики, длительно нетрудоспособные и транспортабельные больные – военнопленные рядового и унтер-офицерского состава, а также младшие офицеры всех национальностей до капитана включительно»[1].

Приказ определял перечень мероприятий по отбору и отправке контингента, подлежащего репатриации, который оставался практически неизменным до 1949 г.:

– формирование комиссий для отбора лиц, отправляемых на родину (по одному представителю от отдела по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области, от управления, а также оперативного и санитарного отделения лагеря);

– направление сведений в Главное управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР о фактическом количестве отобранного для отправки контингента и количестве подвижного состава, необходимого для их перевозки в советскую зону оккупации Германии;

– определение места расположения пункта концентрации военнопленных и его оборудование.

В состав каждого эшелона назначался начальник эшелона, его заместитель, офицеры от оперативного и учетного отделений, а также от отделения снабжения того лагеря, из которого осуществлялась репатриация. Отправляемый в советскую зону оккупации Германии контингент обеспечивался продовольствием сроком на путь следования и 10 дней содержания в лагере прибытия. Каждый эшелон оборудовался кухнями и снабжался необходимой посудой для приготовления и приема пищи, а также запасами питьевой воды. Для оказания медицинской помощи военнопленным в пути следования в состав эшелона выделялись один фельдшер и два санинструктора. Охрана эшелона обеспечивалась конвоем, выделенным от 349-го полка конвойных войск МВД СССР. Передача военнопленных в советской зоне оккупации Германии (лагерь МВД № 69, город Франкфурт-на-Одере) осуществлялась по именным спискам[2].

В ходе проведения репатриации большое внимание уделялось проведению оперативных мероприятий, направленных на пресечение поступления в Германию информации о положении в лагерях военнопленных. Так, распоряжением исполняющего обязанности начальника Управления МВД по Калининградской области полковника М. Ф. Тихомирова заместителям начальников лагерей МВД № 445 и № 533 по оперативной работе от 30 июня

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 109.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 109–111.

1947 г. № 7/3/00883 предписывалось проводить тщательную проверку отправляемых на родину военнопленных с целью пресечения провоза ими различных писем, заметок и записей: «Силами опытных оперативных работников организуйте проверку военнопленных, подготовляемых к отправке на родину. Для этого, не поднимая шумихи, под видом санобработки провести поголовные обыски с тщательной проверкой одежды, протезов, личных вещей и т. п. с целью изъятия переписки, различных заметок, записей адресов и. т. д. Одновременно через агентуру и путем опроса антифашистов выявить лиц, получивших провокационные задания и под благовидным предлогом задержать их отправку»[1].

Имеющиеся архивные документы не позволяют в полной мере оценить масштаб проведенных репатриационных мероприятий. Отчетные документы Управления МВД по Калининградской области позволяют установить, что в четвертом квартале 1947 г. на родину были отправлены 1680 военнопленных, а в первом квартале 1948 г. – еще 2000 человек[2]. Вместе с тем, темпы репатриации к середине 1948 г. стали сокращаться, что было обусловлено, прежде всего, невозможностью быстрой замены контингента военнопленных на обслуживаемых промышленных предприятиях на вольнонаемных рабочих. Фактически после августа 1948 г. репатриация военнопленных из лагеря МВД № 445 была приостановлена. Единственный в третьем квартале 1948 г. эшелон с репатриированными военнопленными, в котором находился 901 человек, был отправлен в советскую зону оккупации Германии 4 августа 1948 г.[3]

29 сентября 1948 г. в газете для немецких военнопленных «Nachrichten» вышла статья начальника политического отдела Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР генерал-майора Е. И. Борисоглебского «Национализм и интернационализм», которую большая часть военнопленных лагеря МВД № 445 сочла «подготовкой к продлению сроков пребывания военнопленных в СССР»[4]. Фактически сразу, по данным агентуры оперативного отделения лагеря МВД № 445, среди военнопленных стало возникать недовольство, в ряде случаев переходящее в прямую критику действий советского правительства. Так, военнопленный В. Дизинг заявил: «Красная пропаганда тем и отличается, что русские много обещают, но мало выполняют. Неосвобождением военнопленных из плена усиливается ненависть военнопленных к Советскому Союзу и антифашистский комитет не сможет этого преодолеть». В свою очередь, военнопленный К. Комич в беседе с другими военнопленными отметил: «Россия всегда проповедовала интернационализм, но ее внутренняя политика ничем не отличается от политики национал-

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 278.

[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 8, 33.

[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 190.

[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 210. В соответствии с решением Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, принятым в марте 1947 г. и опубликованным в газете «Правда» 24 апреля 1947 г., предполагалось в течение 1948 г. завершить отправку на родину всех лиц, находящихся в лагерях военнопленных и интернированных (См.: Кузьминых А. Л. Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.). С. 127).

социалистской Германии. Во всяком случае, несдержание срока [репатриации] принесет разочарование ее внешней политикой. В настоящее время и антифашисты озадачены мыслью – освободит ли Россия вообще когда-нибудь пленных. Примером может быть последний эшелон, который был очень и очень маленький»[1].

Следует отметить, что задержка репатриации нашла свое отражение и в почтовых отправлениях военнопленных. Так, военнопленный М. Шульке в открытке, отправленной отцу в город Хемниц 17 ноября 1948 г., писал: «Здесь, во всяком случае, дела неважные. Если советское правительство не сдержит свое слово и не репатриирует нас домой до 31.12.48 г., то будет большое разочарование…»[2]. Наличие в письмах негативной информации, связанной с задержкой репатриации, вызвало значительное увеличение числа конфискованных и взятых на учет писем и открыток военнопленных. Так, если за период с февраля по июнь 1948 г. цензорской частью лагеря МВД № 445 были изъяты 223 почтовых отправления, то за период с октября 1948 г. по февраль 1949 г. их число увеличилось до 841 (рост более чем в 3,5 раза)[3].

В условиях распространения негативных настроений среди военнопленных, связанных с задержкой репатриации, в соответствии с распоряжением МВД СССР от 19 ноября 1948 г. заместителем начальника Управления МВД по Калининградской области полковником М. Ф. Тихомировым было проведено совещание с участием руководящего состава отдела по делам военнопленных и интернированных, политотдела лагерей, управления лагеря МВД № 445 и командования 349-го полка конвойных войск МВД СССР, на котором были разработаны мероприятия, направленные на усиление политической и оперативной работы среди военнопленных, их режима и охраны[4].

Уже к середине декабря 1948 г. оперативным отделением лагеря МВД № 445 был проведен ряд мероприятий, направленных на предупреждение побегов военнопленных:

– пересмотрен список расконвоированных военнопленных (по результатам законвоировано 13 военнопленных, «не внушающих доверия, вследствие их связей с реакционно настроенными военнопленными»);

– для более глубокого изучения настроений военнопленных завербовано в агентурно-осведомительную сеть 3 человека, подготовлено к вербовке 6 человек;

– имеющаяся в производственных бригадах агентура проинструктирована на выявление лиц, склонных к побегам, а также военнопленных, занимающихся активной пропагандистской антисоветской деятельностью среди контингента[5].

---

[1] ОСФ ИЦ УМВЛ КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 218, 219.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 192; Д. 4. Л. 58; Д. 5. Л. 21; Д. 7. Л. 109.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 268.

Вместе с тем, неопределенность сроков окончания репатриации привела к тому, что заместитель начальника лагеря МВД № 445 по оперативной работе майор Т. Ф. Мещанинов в спецсообщении заместителю начальника Управления МВД по Калининградской области полковнику М. Ф. Тихомирову от 23 декабря 1948 г. № 2/001562 был вынужден отметить, что «репатриационный психоз не только возрастает, но и переходит к открытым призывам к совершению вражеских актов по отношению [к] Советскому Союзу»[1].

В основном военнопленные в беседах между собой высказывали идеи саботажа работы на производстве после 1 января 1949 г. Так, военнопленный Г. Гайнс заявил: «Если я 1 января 1949 г. буду еще в русском плену, то мы не должны больше работать. Пусть они не собирают своих собраний, все равно мы им верить не будем и делать для русских тоже ничего не будем»[2]. В ряде случаев военнопленные выражали надежду на возможное вооруженное противостояние между Советским Союзом и странами Запада, которое, по их мнению, приведет к поражению СССР. Так, военнопленный Ф. Понтелес в одной из бесед отметил: «Я ненавижу русских и если бы я имел возможность, то я уничтожил бы русских. Возможно, еще представится случай отомстить русским. Я верю, что скоро будет война западных сил с Советским Союзом и я желаю, чтобы Советский Союз потерпел уничтожающее поражение»[3]. В офицерской среде получили широкое распространение слухи о возможном уничтожении немецких офицеров. Так, военнопленный У. Галлер заявил: «Нам, офицерам, домой не возвратиться. Об этом надо сообщить нашим женам, так как русские замышляют новую Катынь»[4].

Достаточно активно в среде военнопленных обсуждались возможности побега из лагерей. Так, военнопленные Г. Козевский, Г. Красовский и Г. Фрибель, обсуждая план побега, в беседе с осведомителем оперативного отделения лагеря МВД № 445 заявили: «Мы после 31 декабря в лагере не останемся и попытаемся убежать с фабрики при первых туманах»[5]. Кроме того, оперативному отделению лагеря МВД № 445 стало известно о том, что военнопленные, работающие на складе МВД № 63 в городе Гвардейске, «имеют гражданскую одежду, намерение достать оружие и… в полном составе совершить побег на территорию Литовской ССР и влиться в бандитские формирования»[6].

Следует отметить крайне слабую работу политотдела лагерей Управления МВД по Калининградской области и политчасти лагеря МВД № 445 по вопросам разъяснения военнопленным причины задержки сроков репатриации. Заместитель начальника лагеря МВД № 445 по оперативной работе майор Т. Ф. Мещанинов в спецсообщении от 23 декабря 1948 г. № 2/001562 отмечал: «Политчасть, инструктора антифашистской работы слабо еще развернули

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 100.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 269.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 269.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 293.

политическую работу среди контингента… по рассеиванию настроений военнопленных о репатриации в 1948 году. Вся работа в основном передоверена антифашистским комитетам, которые не имеют достаточно ясных указаний по руководству и проведению политической работы в данный период, когда основная масса контингента свое отношение к Советскому Союзу ставила в зависимость от срока репатриации»[1].

В свою очередь, агентурные данные свидетельствовали о росте антисоветских настроений и среди антифашистского актива. Так, член антифашистского комитета лагерного отделения № 4 К. Фабиан заявил: «Русские не выполнят дату репатриации. Я долгое время был активным антифашистом. Я не могу больше симпатизировать такому народу, который не выполняет своих обещаний»[2]. На собрании антифашистского комитета в лагерном отделении № 8 военнопленный Э. Архнер выступил со следующим заявлением: «Так как нам много обещали и о репатриации писали в газетах и если репатриация не будет осуществлена в 1948 году, то каждый военнопленный должен будет изменить свое мнение по отношению к Советскому Союзу»[3].

4 января 1949 г. в газете «Правда» было опубликовано сообщение ТАСС, в котором было заявлено, что репатриация немецких военнопленных из лагерей, расположенных на территории Советского Союза, будет завершена в течение 1949 г.[4] Это в некоторой степени изменило настроения отдельных военнопленных. Так, военнопленный Г. Пфайфер заявил: «Относительно вопроса нашей репатриации я теперь совершенно спокоен. Я твердо убежден, что Советский Союз приложит все усилия, чтобы как можно быстрее репатриировать остатки военнопленных…»[5]. Однако большая часть военнопленных, по данным агентурно-осведомительной сети потеряла интерес к окружающему и замкнулась в себе. Одновременно с этим наблюдалось и снижение посещаемости проводимых политических мероприятий вследствие падения интереса к ним со стороны военнопленных. В одной из бесед военнопленный К. Кольбек отметил, что «антифашисты могут больше не проводить никаких мероприятий. Я все равно ходить туда не буду и другим не советую»[6].

Вместе с тем, в спецсообщении от 2 февраля 1949 г. № 7/00106, направленном заместителю начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР генерал-лейтенанту А. З. Кобулову, заместитель начальника Управления МВД по Калининградской области полковник М. Ф. Тихомиров отмечал: «Репатриационный психоз среди военнопленных… в результате усиленной разъяснительной работы в основном закончился. Вопрос о репатриации на родину стал редко обсуждаться среди

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 101.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 270.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.
[4] Правда. 1949. 4 января. № 4 (11111). С. 2.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 70.
[6] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 74.

военнопленных, количество антисоветских и провокационных высказываний резко сократилось. За отчетный период [с 14 по 30 января 1949 г. – Прим. автора] не было ни одного случая антисоветских или других отрицательных высказываний реакционных элементов открыто перед массой военнопленных, как имело место до 31 декабря 1948 г.»[1]. Кроме того, по мнению заместителя начальника лагеря МВД № 445 по оперативной работе майора Т. Ф. Мещанинова, улучшению настроений контингента способствовало улучшение питания, а также получение писем от бывших военнопленных, убывших по репатриации на родину[2].

Репатриационные мероприятия были возобновлены после выхода приказа МВД СССР от 23 февраля 1949 г. № 00176 «О репатриации немецких военнопленных». В соответствии с приказом начальника Управления МВД по Калининградской области от 3 марта 1949 г. № 0017 24 и 25 марта 1949 г. 2588 военнопленных из лагеря МВД № 445 были направлены по репатриации в советскую зону оккупации Германии[3]. Кроме того, весь подучетный элемент, находившийся в лагере МВД № 445, 15 марта 1949 г. был передан в лагеря, находившиеся в подчинении отдела по делам военнопленных и интернированных МВД Литовской ССР[4]. При этом агентурные данные свидетельствовали о том, что многие из лиц, находившихся на оперативном учете, выражали свое неприятие причин задержки репатриации. Так, военнопленный Г. Вихман заявил: «Приходится только удивляться, с какой поразительной тупостью русские судят о преступниках. Я, рядовой член СА, и у них числюсь неблагонадежным, тогда как любой член НСДАП сделал больше для фашизма, чем мы – рядовые члены СА. Русские уже освободили ортсгруппенляйтеров НСДАП [руководитель партийной организации НСДАП в небольшом населенном пункте или городского района в крупном городе Германии в период с 1933 г. по 1945 г. – Прим. автора], а нас держат. Где же справедливость?»[5].

В лагерном отделении № 9 и 357-м отдельном рабочем батальоне, оставшихся на территории Калининградской области после репатриации основной массы военнопленных и ликвидации лагеря МВД № 445, в конце апреля 1949 г. агентурой вновь было зафиксировано резкое ухудшение настроений контингента. Так, старший антифашист 357-го отдельного рабочего батальона Г. Ворм следующим образом характеризовал настроения военнопленных: «Когда был отправлен последний транспорт с военнопленными из Георгенбурга [немецкое название поселка Маевка Черняховского района, в котором дислоцировалось управление лагеря МВД № 445. – Прим. автора] в Германию, настроение военнопленных в батальоне было приподнятое. В лагере распространились слухи о том, что военнопленные нашего батальона также поедут домой. Но 18 апреля было объявлено, что мы, вероятно, будем

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 86.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 88.
[3] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 218, 222.
[4] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 23. Л. 36.
[5] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 232.

отправлены на родину только в 3-м квартале с. г., не раньше сентября – октября. В связи с этим состояние и настроение военнопленных значительно ухудшилось. Многие стали высказывать опасение, что советское правительство в конце года вновь найдет какой-либо предлог для отсрочки репатриации, несмотря на сделанное официальное заявление…»[1]. Агентурно-осведомительная сеть также фиксировала увеличение среди контингента как антисоветских высказываний, так и намерений совершить побег.

Вместе с тем, на некоторое улучшение настроений военнопленных, положительно повлияли почтовые отправления, полученные из Германии, улучшение питания, а также выплата в середине июня 1949 г. денежного вознаграждения.

Процесс репатриации контингента, находившегося в лагерном отделении № 9 и 357-м отдельном рабочем батальоне, был завершен 23 августа 1949 г., когда 563 человека, за исключением отстраненного от репатриации М. Кишотта, проходившего службу в войсках СС, были автотранспортом доставлены в город Советск, откуда в тот же день убыл последний эшелон с военнопленными, находившимися на территории Калининградской области, в советскую зону оккупации Германии[2].

Таким образом, в результате проведенных мероприятий по выселению немецкого населения и репатриации немецких военнопленных из лагерей МВД на территории Калининградской области осталось незначительное количество немцев, что позволяет с полным основанием говорить о полном изменении национального состава региона.

Проведенное в три этапа выселение немецкого населения с территории Калининградской области свидетельствует о том, что при его планировании учитывались разнообразные условия: так, в первую очередь были выселены жители прибрежных районов области, наиболее развитых в экономическом отношении и, как следствие, занятых русскоязычным населением, а также воспитанники детских домов и лица, содержащиеся в домах престарелых. Весной 1948 г. выселение в основном затронуло жителей Калининграда, а осенью 1948 г., после окончания сельскохозяйственных работ, все оставшееся на территории области немецкое население.

Кроме того, следует отметить, значительные отличия выселения немцев из Калининградской области от аналогичных процессов в Польше и Чехословакии. Так, немецкое население Калининградской области, хотя и предупрежденное о выселении за один день, имело возможность взять с собой часть имущества, обеспечивалось питанием и медицинским обслуживанием в пути следования и по прибытии в советскую зону оккупации Германии после некоторых формальных процедур передавалось местной администрации.

В свою очередь, процесс репатриации военнопленных из лагерей МВД, расположенных на территории Калининградской области, фактически не имел отличий от аналогичных мероприятий в других республиках и областях

[1] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 259–260.
[2] ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 347.

Советского Союза. Вместе с тем, следует отметить крайне низкий уровень политической работы с военнопленными в рассматриваемый период, который способствовал резкой смене настроений среди контингента в связи с задержкой срока репатриации в конце 1948 г. Правильно организованная агентурно-осведомительная работа, направленная на выявление лиц, проводивших антисоветскую агитацию, а также готовившихся совершить побег, усиление режима содержания и охраны контингента, определенное улучшение питания позволили в определенной степени снизить напряженную обстановку в лагерных отделениях, возникшую в конце 1948 г. – начале 1949 г., и завершить процесс репатриации к осени 1949 г.

* * *

Анализ деятельности органов и войск МВД СССР на территории Калининградской области в период создания и функционирования советских органов государственного управления позволяет сделать следующие выводы:

1. Процесс формирования советских органов государственного управления на территории Калининградской области, который закончился в начале 1948 г. созданием выборных представительных органов государственной власти в СССР – советов депутатов трудящихся всех уровней, не явился завершением процесса интеграции территории бывшей германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза. Не были решены еще как минимум две серьезные проблемы: наличие на территории области немецкого населения, а также интеграция промышленности и сельского хозяйства Калининградской области в общегосударственную экономическую систему, на что были направлены практические меры, принятые по результатам комиссии заместителя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, и указанные в нескольких постановлениях Совета министров СССР от 21 июля 1947 г.

Окончание интеграции территории Восточной Пруссии в состав Советского Союза произошло лишь к началу 1950 г., когда были завершены процессы выселения немецкого населения, а также окончена репатриация военнопленных из лагерей МВД, дислоцированных на территории Калининградской области. Одновременно с этим в основном была завершена и интеграция промышленности и сельского хозяйства. Калининградская область стала полноценным регионом Советского Союза.

2. На развитие криминогенной обстановки на территории Калининградской области в исследуемый период продолжали оказывать влияние миграционные процессы, связанные с переселением колхозников в сельские районы, а также вербовкой рабочих на промышленные предприятия. Недостаточное внимание к материально-бытовым нуждам переселенцев порождало не только процесс обратничества (возвращение к местам прежнего жительства), но и втягивание некоторых из них в преступную среду. Кроме того, наличие до конца 1948 г. на территории Калининградской области немецкого населения, которое достаточно редко заявляло в органы милиции о совершении в отношении них преступных посягательств, способствовало ухудшению

криминогенной обстановки. Именно эти обстоятельства способствовали тому, что преобладающим видом преступлений на территории области в исследуемый период продолжали оставаться имущественные преступления.

3. Процесс организационно-штатных изменений Управления МВД и его периферийных органов в основном был завершен к концу 1947 г. Благодаря новым штатам в области были сформированы структуры МВД, которые в полном объеме могли решать поставленные перед ними задачи. Вместе с тем, как и ранее, серьезное влияние на деятельность органов МВД в исследуемый период оказывало кадровое обеспечение. Несмотря на предпринимаемые руководством МВД СССР и Управлением МВД по Калининградской области меры, образовательный уровень, а в некоторых случаях и моральные качества сотрудников, которые поступали на комплектование органов МВД области, были крайне невысокими. В связи с этим была разработана система, направленная на повышение как общеобразовательного, так и специального уровня сотрудников, а также оценки результативности их деятельности.

4. В исследуемый период все в большей степени стала проявляться тенденция обособления войсковых структур МВД, дислоцируемых на территории Калининградской области, от органов МВД и милиции, связанная с сокращением численности воинских частей и подразделений. Оставшиеся на территории области два батальона войск МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности уже не могли без ущерба для службы выделять личный состав для оперативных мероприятий, которые проводились органами МВД. В силу этого внимание войсковых структур в основном было сосредоточено на выполнении оперативно-служебных задач, связанных с обеспечением безопасности объектов на железных дорогах и завода № 820, а выделение личного состава в интересах Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов стало носить исключительный характер.

5. Особое внимание в деятельности органов МВД на территории Калининградской области в исследуемый период уделялось борьбе с бандитизмом, а также уголовной и экономической преступностью. Несмотря на значительное количество успешно проведенных операций и профилактическую работу, достичь снижения уровня преступности к концу 1949 г. органам МВД фактически не удалось, что было связано со значительными недостатками в организации и проведении агентурно-осведомительной и следственной работы, особенно на уровне периферийных органов.

6. Несомненным успехом органов МВД Калининградской области является установление тесного контакта с советскими и партийными органами, направленного на проведение профилактических мероприятий в отношении пожарной охраны и борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Благодаря эффективному реагированию Калининградского областного исполнительного комитета, Калининградского областного комитета ВКП(б) на представления Управления МВД по Калининградской области по этим вопросам к концу исследуемого периода была развернута активная работа по

предотвращению пожаров и минимизации производимого ими ущерба, профилактике детской беспризорности и безнадзорности, что позволило к концу 1949 г. фактически искоренить это явление.

7. Совершенствование элементов пенитенциарной системы на территории Калининградской области было направлено на увеличение рентабельности исправительно-трудовых учреждений в условиях сокращения лагерей военнопленных и интернированных в связи с начавшейся репатриацией. В целях достижения установленных плановых показателей хозяйственной деятельности основное внимание руководства пенитенциарных структур было направлено на улучшение бытовых условий содержания контингента, а также пресечение побегов заключенных. В свою очередь, в условиях начавшейся репатриации основные усилия оперативных отделений лагерей военнопленных и интернированных направлялись на выявление военных преступников из числа лиц, находившихся в лагерях.

8. Проведенные в 1947–1949 гг. выселение немецкого населения с территории Калининградской области и репатриация военнопленных из лагерей МВД в советскую зону оккупации Германии были заключительными мероприятиями, направленными на интеграцию территории германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза, в результате которых произошло полное изменение национальной структуры нового региона. Основную роль в их осуществлении играли органы МВД, которые, несмотря на длительность процессов выселения и репатриации смогли обеспечить их проведение без каких-либо инцидентов, способных оказать влияние на оперативную обстановку в Калининградской области. Этому способствовали тщательный подход к подготовке и проведению мероприятий, а также учет и искоренение недостатков, сопровождавших процессы выселения немецкого населения и репатриации немецких военнопленных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ранняя история Калининградской области представляет собой яркий пример быстрой и эффективной интеграции новых территорий в состав Советского Союза. В течение нескольких лет на территории северной части германской провинции Восточная Пруссия был проведен комплекс мероприятий, направленный на переформатирование социально-политической системы, встраивание в общегосударственную экономическую систему СССР промышленности и сельского хозяйства, а также полную смену национального состава. Важное место в осуществлении интеграции региона сыграли органы и войска НКВД/МВД СССР, на которые было возложено выполнение задач по обеспечению общественной безопасности на территории региона.

Проведенный в исследовании комплексный анализ деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Процесс интеграции северной части германской провинции Восточная Пруссия в недостаточной степени рассмотрен как в отечественной, так и зарубежной историографии. В имеющихся исследованиях в основном рассматривается трансформация системы управления, экономические и культурные преобразования на территории Калининградской области. Значительное внимание уделяется и демографическим процессам, связанным с переселением в регион граждан Советского Союза, а также выселением немецкого населения в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг. Особое место в работах отечественных и зарубежных историков занимают вопросы истории повседневности, связанные с изучением жизни и быта различных категорий населения области.

Вместе с тем, вне интереса исследователей, несмотря на значительный массив источниковой базы, остается проблема деятельности правоохранительных структур на территории Восточной Пруссии и Калининградской области. Ее отдельные аспекты рассматриваются лишь в контексте процесса выселения немецкого населения в советскую зону оккупации Германии.

Причиной этого является то обстоятельство, что фактически весь массив источников по данной проблеме сосредоточен в ведомственном архиве – отделении специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий отдела оперативно-розыскной и архивной информации информационного центра Управления МВД России по Калининградской области. Трудности, связанные с доступом к ведомственным архивным фондам, и значительное количество информации ограниченного пользования являлись важным фактором, объясняющим отсутствие до настоящего времени комплексного исследования, посвященного деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период.

2. Интеграционный процесс северной части германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза в исследуемый период, исходя из существующей классификации трансформации структур государственного управления, можно подразделить на три этапа:

1) октябрь 1944 г. – март 1946 г. – этап руководства провинцией органами военной администрации – военными комендатурами под руководством первоначально отделов по руководству военными комендатурами при военных советах фронтов, а затем Временного гражданского управления при военном совете Особого военного округа;

2) апрель 1946 г. – май 1947 г. – этап руководства областью чрезвычайными органами управления – Управлением по гражданским делам Кенигсбергской (Калининградской) области и его периферийными структурами (городскими и районными управлениями по гражданским делам);

3) с мая 1947 г. – этап формирования и функционирования советских органов государственного управления – исполнительного комитета Калининградского областного совета депутатов трудящихся, городских и районных исполнительных комитетов.

На каждом из этапов интеграции на территории Восточной Пруссии и Калининградской области сохранялась сложная оперативная обстановка, которая значительным образом влияла как на состав и структуру правоохранительных органов на территории региона, так и на объем выполняемых ими задач. Определяющими особенностями оперативной обстановки, характерными для каждого этапа интеграции, явились преобладание немецкого населения над русскоязычным, а также постоянные миграции населения, сопровождаемые недостаточным вниманием со стороны органов управления к социальным, материальным и бытовым проблемам переселенцев, что вело к ухудшению криминогенной ситуации.

Рассматривая особенности преступности на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период, целесообразно выделить следующие из них:

1) формирование преступных групп из числа советских граждан, прибывших в область по вербовке, либо в качестве переселенцев, которые считали себя «временными людьми» и вследствие этого шли на совершение преступлений;

2) большое количество преступлений, совершаемых военнослужащими воинских частей, расквартированных на территории Калининградской области, что было обусловлено недостаточным контролем за личным составом и возможностью доступа к оружию;

3) преобладание преступлений имущественного характера, что было обусловлено недостаточным уровнем материального и бытового обеспечения населения области в исследуемый период;

4) совершение преступлений в отношении немецкого населения, что было обусловлено тем обстоятельством, что потерпевшие достаточно редко заявляли в органы милиции о преступных посягательствах.

Следует отметить, что наибольший уровень преступности на территории региона был зафиксирован летом 1946 г. – в период, когда осуществлялась передача функций от военных к гражданским органам управления. Причиной этого являлось недостаточное внимание органов военной администрации к вопросам борьбы с уголовной преступностью и охраны общественного порядка и невозможностью существующих структур НКВД/МВД СССР решить эти вопросы в силу отсутствия сил и средств.

В последующем, при передаче функций управления государственным структурам и в процессе формирования и функционирования советских органов государственного управления, выполнение указанных задач было в полном объеме возложено на сформированные Управление МВД по Калининградской области и его периферийные органы, что в целом позволило стабилизировать криминогенную обстановку и, в ряде случаев, успешно бороться с уголовной преступностью.

3. Процесс организационного строительства органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. можно охарактеризовать как постоянный поиск оптимальной модели руководства и функционирования правоохранительных структур в зависимости от оперативной обстановки и объема выполняемых задач, продолжавшийся в течение всего исследуемого периода.

Так, в период руководства провинцией органами военной администрации выполнение задач по обеспечению общественной безопасности на территории региона осуществлялось аппаратом уполномоченного НКВД/МВД СССР по Восточной Пруссии, в состав которого входили представители органов внутренних дел, а также органов государственной безопасности, что объяснялось необходимостью организации борьбы с диверсионно-террористическим подпольем противника. Создание Кенигсбергской области в составе РСФСР стало важным мотивом для формирования полноценного территориального органа – Управления МВД – и его периферийных органов, организационная структура которых была фактически идентичной для всех административно-территориальных единиц РСФСР.

Вместе с тем, региональные особенности и изменения административно-территориального деления Калининградской области послужили причиной постоянной трансформации организационной структуры Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов. Кроме того, существенное значение для функционирования органов внутренних дел на территории региона представляла передача отдельных структур органам МГБ СССР, что было обусловлено усилением роли этого ведомства в структуре государственных органов. Серьезной проблемой для органов МВД стала передача милиции в состав МГБ СССР в октябре–ноябре 1949 г., что не диктовалось объективной необходимостью. В связи с этим к концу исследуемого периода Управление МВД по Калининградской области осуществляло лишь руководство учреждениями пенитенциарной системы и фактически прекратило выполнять задачи, связанные с обеспечением общественной безопасности.

В течение всего процесса интеграции региона в состав СССР наблюдалось сокращение численности войсковых структур, входивших в состав НКВД/МВД СССР, действовавших на территории Восточной Пруссии и Калининградской области. Это было связано, в первую очередь, с окончанием боевых действий, когда войска НКВД СССР перестали выполнять задачи по охране тыла действующей армии, а также последующим сокращением объема задач, выполняемых на территории области войсками МВД СССР по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности, а также конвойными войсками МВД СССР. Так, если в мае 1945 г. в состав всех видов войск НКВД СССР, действовавших на территории Восточной Пруссии, входили шесть пограничных полков, три стрелковых полка, три отдельные маневренные группы и два отдельных конвойных батальона, то к концу 1949 г. на территории Калининградской области остались всего лишь два отдельных батальона, которые выполняли задачи по охране объектов на железных дорогах и завода № 820.

4. В зависимости от этапов интеграции региона в состав СССР определялись и приоритетные направления деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области.

Так, если в период руководства провинцией органами военной администрации приоритетным направлением деятельности структур НКВД/МВД СССР являлось пресечение деятельности диверсионно-террористических формирований противника и выявление враждебного элемента в среде населения, оставшегося на территории Восточной Пруссии, то в последующем основное внимание органов МВД СССР было сосредоточено на борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка. Кроме того, после начала непосредственной интеграции региона в состав Советского Союза стало возможным решать вопросы, связанные с обеспечением пожарной безопасности, противодействием детской беспризорности и безнадзорности, а также другим задачам, возложенным на органы и войска МВД СССР.

Вместе с тем, в условиях интеграции региона в состав Советского Союза на органы МВД Калининградской области были возложены и специфические задачи:

– охрана мест выгрузки и расселения переселенцев, прибывающих в регион из различных республик СССР, изучение их настроений, разрешение проблем материального и бытового характера;

– проверочно-фильтрационная работа с репатриантами, которые не имели возможности выехать к местам своего прежнего проживания и осели на территории Калининградской области;

– организация прописки и документирования населения, проживающего в области, в связи с отнесением ее территории к запретной зоне, осуществление мероприятий, направленных на проверку паспортного режима и выявления лиц, незаконно проникших в область;

– осуществление мероприятий, связанных с выселением немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии.

Следует отметить высокую эффективность мероприятий, проводимых органами НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии

и Калининградской области. В большей степени это относится к этапу руководства провинцией органами военного управления, когда действия оперативных секторов и оперативных групп НКВД СССР в тесном взаимодействии с войсковыми структурами позволили в короткое время пресечь деятельность диверсионно-террористических формирований противника, агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов.

Вместе с тем, противодействие уголовной преступности (в первую очередь – бандитизму) на этапе функционирования чрезвычайных органов управления на территории Калининградской области носило характер «ситуативного реагирования», что объясняется процессом формирования Управления МВД по Калининградской области и его периферийных органов, кадровыми проблемами, сокращением количества войсковых формирований, привлекаемых к выполнению этой задачи. В последующем, несмотря на расширение профилактических мероприятий, добиться существенного снижения уровня уголовной преступности не удалось вследствие недостатков в организации агентурно-оперативной и следственной работы.

Следует отметить максимально эффективную работу органов МВД Калининградской области, направленную на обеспечение пожарной безопасности и борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. Основой для успешной деятельности органов МВД по этим направлениям являлся тесный контакт с советскими и партийными органами, направленный на проведение совместных профилактических мероприятий. Главным результатом явилось снижение количества пожаров на территории региона и минимизация произведенного ущерба, а также фактически полная ликвидация детской беспризорности и безнадзорности к концу исследуемого периода.

5. Определенной трансформации в течение исследуемого периода подверглись и структуры пенитенциарной системы, функционирующей на территории Калининградской области.

Первоначально сформированные тюрьмы и лагеря являлись местом концентрации враждебного элемента, в которых осуществлялись фильтрационные мероприятия. Вместе с тем, уже к середине 1946 г. на территории области была сформирована и начала функционировать пенитенциарная система, характерная для всех административно-территориальных единиц Советского Союза, включающая в себя: тюрьмы, предназначенные для ведения следственной работы и содержания осужденных лиц, исправительно-трудовые колонии, детские трудовые колонии, а также лагеря военнопленных и интернированных. Главной задачей всех элементов пенитенциарной системы становится использование контингента в интересах хозяйственного отдела Управления МВД по Калининградской области и различных предприятий региона.

В свою очередь, в условиях начавшегося с 1948 г. процесса сокращения лагерей военнопленных и интернированных, основное внимание руководства Управления МВД по Калининградской области уделялось рентабельности исправительно-трудовых колоний и достижению установленных плановых показателей. В силу этого важным направлением деятельности руководства отдела исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской

области и начальников лагерей явилось улучшение условий содержания контингента.

6. Приоритетным направлением деятельности в осуществлении интеграции северной части Восточной Пруссии, возложенным на органы МВД Калининградской области, явился процесс выселения немецкого населения в советскую зону оккупации Германии, осуществленный в три этапа в 1947–1948 гг. Главным результатом этой деятельности стало полное изменение национального состава Калининградской области. Следует отметить, что, несмотря на определенную критику методов выселения со стороны некоторых отечественных и большинства зарубежных исследователей, данное мероприятие представляется единственно целесообразным в сложившихся условиях. Закрытость области вследствие ее пограничного положения, увеличение численности населения, которое проживало на ее территории, вследствие переселения русскоязычного населения из других республик СССР, неуменьшающийся уровень преступности в отношении немецкого населения стали основными причинами его выселения в советскую зону оккупации Германии.

Следует отметить определенную плановость выселения. Так, на первом этапе, осуществленном осенью 1947 г., выселение в основном затронуло жителей районов, располагавшихся на побережье Балтийского моря, а также нетрудоспособные категории немцев (лица, содержащиеся в домах престарелых и детских домах). Основной задачей второго этапа стало выселение немецкого населения, проживавшего в крупных городах области (Калининград, Советск, Черняховск). На третьем этапе выселению подвергались немцы, проживавшие в сельских районах области. Подобную плановость переселения можно объяснить не только количественными показателями выселения, но также и имевшейся необходимостью использования немцев, проживающих в сельских районах Калининградской области, на сельскохозяйственных работах.

Главным отличием выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии от аналогичных процессов в Польше и Чехословакии является высокий уровень его организации. Так, в достаточно сжатые сроки Управление МВД по Калининградской области и его периферийные органы смогли организовать учет немецкого населения на подконтрольной территории, осуществить надзор за его возможным перемещением, а также обеспечить выселяемых продуктами питания и медицинской помощью, что позволило избежать различных эксцессов в пути следования.

7. Исследование позволило определить **принципы**, которые лежали в основе деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период:

– принцип целесообразности организационной структуры органов и войск НКВД/МВД СССР и объема выполняемых задач особенностям оперативной обстановки, складывающейся на территории региона;

– принцип приоритетности, который позволял определять основные задачи органов и войск НКВД/МВД СССР на каждом этапе интеграции северной части Восточной Пруссии в состав Советского Союза;

– принцип единоначалия, при котором командиры (начальники) наделялись всей полнотой власти по отношению к подчиненным и несли полную ответственность за все стороны деятельности вверенных им подразделений;

– принцип централизации управления, который заключался в осуществлении руководства деятельностью органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области одним органом управления – Народным комиссариатом (Министерством) внутренних дел СССР через аппарат уполномоченного НКВД/МВД СССР по Восточной Пруссии и Управление МВД по Калининградской области;

– принцип взаимодействия, выражавшийся в согласованных действиях сил и средств, привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач, в интересах их успешного выполнения.

Вместе с тем, такие принципы, характерные для деятельности современных органов внутренних дел, как «законность», «беспристрастность», «соблюдение прав и свобод граждан» фактически отсутствовали в деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период в силу особенностей оперативной обстановки в регионе. Так, например, при выполнении задач по борьбе с диверсионно-террористическими группами противника и выявлению агентуры германских разведывательных и контрразведывательных органов фильтрационным мероприятиям, осуществляемым сотрудниками оперативных секторов и оперативных групп НКВД СССР, а также разведывательными отделениями полков и батальонов воинских частей войск НКВД СССР, подвергались все задержанные лица, которые вызывали подозрение в причастности к подрывной деятельности, независимо от пола и возраста. Как правило, следствие по таким делам осуществлялось в ускоренном порядке, после чего к виновным применялись различные меры наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления. Однако следует отметить, что подобная практика в основном осуществлялась в период руководства провинцией органов военной администрации, что объяснялось обстановкой военного времени, а также тем, что территория северной части Восточной Пруссии формально не входила в состав Советского Союза и представляла собой часть враждебного государства.

8. Проведенное исследование позволило выявить **закономерности**, характерные для деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период. К ним относятся:

– зависимость состояния оперативной обстановки от факторов интеграционного процесса, осуществляемого органами государственного управления;

– зависимость организационного построения правоохранительных органов на интегрируемой территории от ее административно-территориального деления и особенностей оперативной обстановки;

– расширение применяемых форм и способов действий в зависимости от оперативной обстановки в районе выполнения оперативно-служебных и служебно-боевых задач;

– зависимость эффективного функционирования правоохранительных структур на интегрируемой территории от состояния кадрового потенциала, направляемого на их укомплектование.

9. Исследование показало, что под влиянием объективных и субъективных факторов, а также в связи с реализацией вышеназванных принципов для деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период были характерны следующие **тенденции**:

а) Тенденция совершенствования организационного построения структур НКВД/МВД СССР, направленная на оперативное реагирование на изменения оперативной обстановки и выполнение поставленных перед ними задач. Так, в период выполнения задач на территории Восточной Пруссии в январе 1945 г. – марте 1946 г. наиболее целесообразной была признана уже апробированная на территории Прибалтийских республик система подчинения структур, выполняющих задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности, единому органу управления – аппарату уполномоченного НКВД СССР и его периферийным органам в виде оперативных секторов и оперативных групп с подчинением им воинских подразделений из состава войск НКВД СССР.

В последующем, при создании Управления МВД по Калининградской области в рамках организационно-штатных мероприятий постоянно учитывались изменения административно-территориального устройства и особенности обслуживаемых районов. Так, например, в зависимости от оперативной обстановки в некоторых районных отделах (отделениях) МВД Калининградской области в штат были введены группы по борьбе с бандитизмом, в то время как в других периферийных органах МВД их не было.

б) Тенденция постоянного увеличения оперативно-служебных задач, возлагаемых на органы и войска НКВД/МВД СССР. Данная тенденция наиболее полно проявилась в период функционирования на территории Калининградской области чрезвычайных органов управления. Так, если в первой половине 1946 г. на структуры НКВД/МВД СССР в основном были возложены задачи по выявлению диверсионно-террористического подполья, а выполнение задач по борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка носило эпизодический характер, то уже со второй половины 1946 г. на формируемые структуры МВД на территории Калининградской области, помимо приоритетной задачи борьбы с преступностью, были возложены задачи по документации и прописке населения, обеспечению паспортного режима, пожарной безопасности, борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, а также руководство формируемыми структурами пенитенциарной системы. В 1947–1948 гг. именно на Управление МВД по Калининградской области и его периферийные органы была возложена задача обеспечения выселения немецкого населения в советскую зону оккупации Германии.

в) Тенденция постоянного совершенствования организационных и тактических форм и способов действий при выполнении оперативно-служебных задач. Указанная тенденция существовала в деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР при выполнении задач на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в течение всего исследуемого периода. Так, при проведении операции по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента в мае – июне 1945 г. использовались уже апробированные ранее способы: возложение руководства действиями органов и войск НКВД СССР на оперативный штаб, переформирование структуры и состава оперативных секторов и входивших в их состав оперативных групп, использование различных войсковых нарядов при проведении чекистско-войсковых операций и оперативных мероприятий.

В последующем органы МВД Калининградской области в ходе борьбы с преступностью осуществляли совершенствование организационных форм и методов деятельности осуществляли по следующим направлениям: создание разветвленной агентурно-осведомительной сети, ориентированной на предупреждение преступлений, повышение качества расследования преступлений и усиление профилактических мероприятий путем усиления административного надзора и контроля, а также привлечения общественности к выполнению задач по охране общественного порядка.

г) Тенденция постепенного обособления войсковых структур МВД, дислоцируемых на территории Калининградской области, от органов МВД и милиции, проявления которой впервые обозначились после передачи внутренних войск в состав Министерства государственной безопасности СССР в начале 1947 г. Воинские подразделения, которые осуществляли на территории области задачи по охране железных дорог и важных государственных объектов не могли без ущерба для службы выделять личный состав с целью проведения оперативных мероприятий. В силу этого органы МВД стали постепенно отказываться от привлечения войсковых структур и пытались выполнять поставленные задачи исключительно своими силами.

* * *

Проведенный автором анализ деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. в силу объективных причин не является полным. Причина подобного заключается в особенностях источниковой базы, значительная часть которой продолжает оставаться на закрытом хранении. Вместе с тем, попытка рассмотреть деятельность правоохранительных структур в период интеграции Восточной Пруссии в состав Советского Союза позволяет существенно дополнить имеющиеся представления о некоторых процессах, происходивших в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации.

Ф. Р-9401. Министерство внутренних дел СССР.

Оп. 1сч. Д. 785.

Оп. 2. Д. 94, 95, 96, 139, 147, 169, 200, 201, 235, 236.

Оп. 8. Д. 134.

Оп. 12. Д. 178, 228, 229, 230 (т. 2, 3), 231 (т. 3), 350 (т. 3).

Ф. Р-9415. Главное управление милиции Министерства внутренних дел СССР.

Оп. 3. Д. 1395.

Ф. Р-9479. 4-й спецотдел Министерства внутренних дел СССР.

Оп. 1. Д. 304, 308, 309, 311.

2. Российский государственный архив новейшей истории.

Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС.

Оп. 61. Д. 353, 354, 355, 356.

3. Российский государственный архив социально-политической истории.

Ф. 17. Центральный комитет КПСС.

Оп. 117. Д. 656.

Оп. 122. Д. 142, 143, 144, 203.

Оп. 125. Д. 421, 515.

Оп. 163. Д. 1500.

Ф. 644. Государственный комитет обороны.

Оп. 2. Д. 364, 394, 425, 450, 480.

4. Российский государственный архив.

Ф. 396п. Отдел НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных при начальнике тыла 1-го Прибалтийского фронта.

Оп. 1. Д. 21, 23, 25, 26.

Оп. 2. Д. 20, 21, 22, 23.

Ф. 32890. 108-й стрелковый полк НКВД/МВД СССР – 562-й отдельный батальон внутренних войск МВД – МГБ СССР – 1-я отдельная стрелковая рота внутренних войск МГБ СССР.

Оп. 1. Д. 82, 88, 89, 90, 105, 106, 116, 117.

Ф. 32898. 104-я отдельная маневренная группа.

Оп. 1. Д. 5.

Ф. 32901. Управление войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Прибалтийского фронта.

Оп. 1. Д. 62, 68, 70, 73, 74, 76, 79, 81, 82, 84, 86, 94, 97, 104, 105, 106, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 120, 121, 122.

Ф. 32904. Управление войск НКВД СССР по охране тыла 2-го Белорусского фронта.

Оп. 1. Д. 107, 121, 122.

Ф. 32922. 332-й пограничный полк.

Оп. 1. Д. 2, 4.

Ф. 32924. Управление войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта.

Оп. 1. Д. 93, 98, 99, 100, 103, 105, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 125, 127, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 252, 254, 255, 257, 260, 272, 277, 319, 417, 418, 420, 423, 430, 431, 443.

Ф. 32935. 132-й Минский пограничный полк.

Оп. 1. Д. 38, 48, 51, 52, 53, 57, 58, 59, 95, 106.

Ф. 32936. 86-й Кенигсбергский пограничный полк.

Оп. 1. Д. 48, 50.

Ф. 32945. 102-я отдельная маневренная группа.

Оп. 1. Д. 11, 12.

Ф. 32947. 13-й Виленский пограничный полк.

Оп. 1. Д. 14, 17, 18, 19, 30, 31, 32, 33, 34, 39, 40, 72, 73, 100.

Ф. 38052. 37-я дивизия конвойных войск НКВД/МВД СССР.

Оп. 1. Д. 59, 60.

Ф. 38056. 46-я дивизия конвойных войск НКВД СССР.

Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 15, 16, 17, 20.

Ф. 38088. 135-й отдельный батальон конвойных войск НКВД/МВД СССР – 349-й полк конвойных войск МВД СССР.

Оп. 1. Д. 23, 30, 37, 47, 48, 61.

Ф. 38286. Управление 14-й дивизии войск НКВД СССР по охране железных дорог – Управление 14-й дивизии войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог.

Оп. 1. Д. 4, 7, 8, 9, 10, 17, 18, 19, 20, 30, 31.

Ф. 38377. 82-й полк войск НКВД/МВД СССР по охране железных дорог.

Оп. 1. Д. 56, 58.

Ф. 38438. 211-й полк войск НКВД/МВД СССР по охране железных дорог.

Оп. 1. Д. 1, 4.

Ф. 38549. 536-й отдельный батальон войск МВД СССР по охране железных дорог.

Оп. 1. Д. 1, 2, 15, 17.

Ф. 38652. Секретариат заместителя народного комиссара внутренних дел СССР по войскам.

Оп. 1. Д. 40.

Ф. 38680. 57-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 68, 69, 75, 76, 77, 79.

Ф. 38686. 63-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД/МВД СССР.

Оп. 1. Д. 19, 20, 21, 22, 23, 24, 33, 34, 37, 41, 42.

Ф. 38816. 331-й пограничный полк.

Оп. 1. Д. 36, 37, 40.

Ф. 38752. 33-й пограничный полк.

Оп. 1. Д. 14, 15, 22, 23, 24.

5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Ф. 235. Полевое управление 1-го Прибалтийского фронта.

Оп. 2086. Д. 372, 407, 409, 417.

Ф. 241. Полевое управление 3-го Белорусского фронта.

Оп. 2593. Д. 700, 737, 772, 773, 789, 817, 861, 987.

Оп. 2595. Д. 360, 724а.

Оп. 2618. Д. 24.

Оп. 2632. Д. 28.

Оп. 2656. Д. 136, 137, 182, 207.

Ф. 358. Полевое управление 11-й гвардейской армии.

Оп. 5926. Д. 23.

6. Отделение специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий отдела оперативно-розыскной и архивной информации информационного центра Управления МВД России по Калининградской области.

Ф. 5. Лагеря военнопленных и интернированных № 445 и 533.

Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 23.

Ф. 6. Отдел по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области (оперативное отделение).

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

Ф. 26. Тюремный отдел Управления МВД по Калининградской области.

Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19.

Ф. 33. Управление по работе с личным составом Управления МВД России по Калининградской области.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 24.

Ф. 34. Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей Управления МВД России по Калининградской области.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 15.

Оп. 2. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 15.

Ф. 40. Калининградская детская трудовая колония УВД Калининградского облисполкома.

Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 7, 12, 15, 16, 17, 19.

Ф. 45. Информационный центр УВД Калининградской области.

Оп. 1. Д. 9, 10, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 40, 41, 42, 43, 44, 44а.

Ф. 47. Отдел по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 42, 43, 44, 46.

Ф. 48. Отдел делопроизводства и режима Управления МВД по Калининградской области.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55.

Оп. 3. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28.

Ф. 56. Коллекция документов Управления исполнения наказаний УВД Калининградской области.

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21.

Оп. 2. Д. 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11.

Оп. 3. Д. 5, 11, 21, 23.

2. Опубликованные источники

7. Административно-хозяйственная деятельность советских военных властей в Кенигсберге в апреле – мае 1945 г. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 149–184.

8. Аппарат НКВД – МВД в Германии. 1945–1953: Сб. документов / науч. ред. и сост. Н. В. Петров и Я. Фойтцик. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. 544 с.

9. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950: Сб. документов и статей / под ред. С. В. Мироненко. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 376 с.

10. В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / сост. В. Н. Маслов. Калининград: ИП Мишуткиной И. В., 2004. 400 с.

11. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Душенькин, В. В. Боброва, Т. Ф. Каряева и др. М. : Юридическая литература, 1975. 728 с.

12. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская. М.: Логос, 2000. 1120 с.

13. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, К. К. Миронова, Л. А. Пылова и др. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. 1111 с.

14. Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940–1950-е годы): Документы, факты, комментарии / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Готика, 2001. 302 с.

15. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю. В. Костяшова. Калининград: Калининградская книга, 2018. 364 с.

16. Два приказа НКВД/МВД по бывшей Восточной Пруссии (1945–1947 гг.) / публ. Ю. В. Костяшова // Балтийский альманах. Вып. 2. Калининград: без изд., 2002. С. 6–9.

17. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 8 т. Т. VIII. Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. / отв. ред. И. А. Хренов. М.: Наука, 1974. 680 с.

18. Из документов архива УВД Калининградской области / публ. Е. Б. Тихоновой // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Вып. 1. Калининград: ГП «КГТ», 1998. С. 79–89.

19. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / сост. И. В. Безбородова, В. М. Хрусталев. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 624 с.

20. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 824 с.

21. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / сост. В. Н, Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», изд. «Материк», 2007. 656 с.

22. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», изд. «Материк», 2006. 640 с.

23. Кенигсберг – Калининград. Из фондов ЦХИДНИКО / публ. Н. Г. Макарьевой // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 204–226.

24. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. V. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.) / рук. группы авторов-составителей В. П. Ямпольский. М.: Кучково поле, 2007. 896 с.

25. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. VI: Победа (1 января – 9 мая 1945 г.) / рук. группы авторов-составителей В. П. Ямпольский. М.: Кучково поле, 2014. 560 с.

26. Отчет политотдела управления по гражданским делам Калининградской области / публ. В. Н. Маслова и В. А. Грицаенко // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2013. С. 158–200.

27. Охраняя тыл действующей армии. (Документы и материалы об участии внутренних войск в охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / сост. В. Ф. Некрасов, В. Д. Кривец, С. М. Штутман. М.: Главное управление внутренних войск МВД СССР, 1985. 168 с.

28. Переселенческие колхозы в 1946–1953 годах: повестки дня / публ. Ю. В. Костяшова // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2013. С. 248–256.

29. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. документов / сост. А. И. Чугунов, Т. Ф. Каряева, Е. В. Сахарова и др. М.: Наука, 1968. 708 с.

30. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: с 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г. М.: Военное издательство, 1975. 598 с.

31. Приказы военного коменданта города и крепости Кенигсберг за 1945 г. (Из фондов Государственного архива Калининградской области) / сост. В. Н. Маслов // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: без изд., 2003. С. 58–124.

32. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: Сб. документов в 2 т. / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров. Т. 1: 1944–1946. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 877 с.

33. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов в 5 т. / сост. К. У. Черненко и М. С. Смиртюков. Т. 3. 1941–1952. М.: Политиздат, 1968. 751 с.

34. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР / авт.-сост. В. Н. Вартанов. М.: Терра, 1996. 557 с.

35. Самая западная: Сб. документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области. / сост. В. М. Арнаутович и др. Вып. 1. 1946–1952 гг. Калининград: Книжное издательство, 1980. 197 с.

36. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. 464 с.

37. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 500 с.

38. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 г. № 1–35, 37–40. Отдел первый. М.: без изд., 1931. 494 с.

39. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 511 с.

40. Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: Международный фонд «Демократия», изд. «Материк», 2007. 904 с.

41. Тегеран. Ялта. Потсдам: сб. документов / сост. Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский. М.: Международные отношения, 1971. 416 с.

42. Уголовный кодекс РСФСФ редакции 1926 года. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.

43. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / Hrsg. A. Eisfeld und V. Herdt. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. 555 S.

3. Монографии

44. Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. 499 с. ISBN 5-94201-223-7.

45. Алексеев М. А. Первые в логове врага. М.: Военное издательство, 1969. 96 с.

46. Арзамаскин Ю. Н. Тайны советской репатриации. М.: Вече, 2015. 352 с. ISBN 978-5-4444-2762-0.

47. Беда А. М. Советская политическая культура через призму МВД: от «московского патриотизма» к идее «Большого Отечества» (1946–1958 гг.). М.: изд. объединения «Мосгорархив», 2002. 268 с. ISBN 5-7228-0102X.

48. Белова Н. А. Уголовно-исполнительная система и ее роль в реализации репрессивной политики Советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Вологда: изд. Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2014. 220 с. ISBN 978-5-94991-292-8.

49. Безбородова И. В. Военнопленные Второй мировой войны: генералы вермахта в плену. М.: изд. Российского государственного гуманитарного университета, 1998. 206 с. ISBN 7-7281-0206-9.

50. Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 463 с. ISBN 5-7784-0042-X.

51. Биленко С. В. На бессменном посту (из истории советской милиции). М.: Знание, 1969. 48 с.

52. Блинова, В. В. Противодействие фальсификации истории: деятельность правоохранительных органов в советский период. Чебоксары: Среда, 2002. 164 с. ISBN 978-5-907561-87-8.

53. Бубличенко В. Н. Создание и развитие детских закрытых учреждений НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.). Ухта: изд. Ухтинского государственного технического университета, 2010. 165 с. ISBN 978-5-88179-609-9.

54. Бурдс Д. Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М. – Нью-Йорк: «Современная история», 2006. 296 с. ISBN 978-0-9789937-0-2.

55. Бычков В.Ф. Закона и порядка верный щит: Очерки истории советской милиции Мордовии. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1982. 151 с.

56. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания / гл. ред. Н. М. Раманичев. М.: Наука, 1998. 544 с.

57. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 3. Освобождение / гл. ред. Б. Н. Петров. М.: Наука, 1999. 510 с.

58. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны

в Европе. Война с Японией / В. П. Зимонин, Н. Ф. Азясский, В. А. Афанасьев и др. М.: Кучково поле, 2013. 864 с. ISBN 978-5-9950-0311-3.

59. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / А. В. Опалев, В. С. Антонов, В. С. Ашарин и др. М.: Кучково поле, 2013. 864 с. ISBN 978-5-9950-0340-3.

60. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны / А. В. Усиков, Н. Ф. Азясский, С. Н. Аптрейкин и др. М.: Кучково поле, 2015. 864 с. ISBN 978-5-9950-0531-5.

61. Великая Отечественная война (1941–1945 гг.): Краткий исторический очерк / П. А. Жилин, В. Е. Быстров, Г. А. Колтунов и др. М.: Политиздат, 1973. 542 с.

62. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов, А. А. Климов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2011. 496 с.

63. Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк / А. П. Поздняков, А. И. Алексенцев, В. Ш. Амерханов и др. М.: изд. ДОСААФ СССР, 1982. 496 с.

64. Войска НКВД в Великой Отечественной войне: в 3 т. Т. 3. Войска НКВД в третий период Великой Отечественной войны и в советско-японской войне (1944–1945) / С. В. Бунин, Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 416 с. ISBN 978-5-9906458-3-1.

65. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков и др. Калининград: Книжное издательство, 1996. 538 с. ISBN 5-85500-462-7.

66. Восточно-Прусская операция Красной Армии 1945 года / Е. А. Шиловский, Н. А. Таленский, А. В. Васильев. М.: Военное издательство, 1946. 51 с.

67. Всеволодов В. А. Ступайте с миром: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). М.: без изд., 2010. 386 с. ISBN 5-85167-002-9.

68. Гаузе Ф. Кенигсберг в Пруссии. История одного немецкого города. Реклингхаузен: изд. Биттер, 1994. 316 с. ISBN 3-7903-530-8.

69. Гвоздкова Л. И. Принудительный труд: Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.): в 2 т. Т. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 287 с. ISBN 5-202-00059-6.

70. Глински Г., Верстер П. Кенигсберг. Conigsberg – Königsberg – Калининград: Прошлое и современность. Berlin/Bonn: Westkreuz-Verlag, 1996. 180 с. ISBN 3-929592-24-X.

71. Гольчиков С. А. Поле боя – Пруссия. Калининград: без изд., 2005. 152 с.

72. Гонюхов С. О., Горобцов В. И. МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка. М.: Рейтаръ, 2002. 236 с. ISBN 5-8067-0074-7.

73. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. 302 с. ISBN 5-8243-0199-9.

74. Действительно народная… / Л. Н. Александров, С. В. Асаулова, С. В. Биленко и др. М.: Юридическая литература, 1977. 397 с.

75. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории / А. Скилягин, В. Лесов, Ю. Пименов и др. Л.: Лениздат, 1967. 367 с.

76. Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: «Вердикт-1М», 1999. 448 с. ISBN 5-87143-013-9.

77. Долголюк А. А., Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950-е гг.). М.: Кучково поле, 2016. 541 с. ISBN 978-5-9950-0641-1.

78. Еропкин М. И. Развитие органов милиции Советского государства. М.: изд. Высшей школы МООП СССР, 1967. 87 с.

79. Зданович А. А. Смерш. Главный козырь Сталина. М.: Концептуал, 2019. 396 с. ISBN 978-5-907172-15-9.

80. Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952. М.: Блок-Принт, 2023. 384 с. ISBN 978-5-6049779-2-7.

81. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: изд. Института российской истории РАН, 1996. 265 с. ISBN 5-201-00595-0.

82. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 229 с. ISBN 5-8243-0069-0.

83. Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с. ISBN 5-02-035045-1.

84. Исаков В. М. Труд осужденных в исправительно-трудовых учреждениях Советского государства (1917–1990 гг.). М.: изд. Юридического института МВД, 2000. 217 с.

85. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.) / К. Н. Маслов, Ю. Ф. Кашлев, В. М. Селезнев и др. М.: Граница, 2008. 712 с. ISBN 5-98759-009-4.

86. Исторический опыт участия органов и войск НКВД – МГБ – МВД СССР в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (1939–1960 гг.) / В. П. Баранов, А. С. Беркутов, И. Л. Кардаш и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2019. 120 с.

87. История Великой Отечественной войны 1941–1945: в 6 т. Т. 4. Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения Европы от фашистского ига (1944 год) / М. М. Минасян, М. Л. Альтговзен, В. Н. Андрианов и др. М.: Военное издательство, 1962. 739 с.

88. История Великой Отечественной войны 1941–1945: в 6 т. Т. 5. Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение

империалистической Японии / С. И. Рощин, И. П. Барбашин, А. В. Басов и др. М.: Военное издательство, 1963. 660 с.

89. История внутренних войск: в 5 т. Т. 3 (1941–1945 гг.) / В. Ю. Новожилов, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. 496 с.

90. История внутренних войск: в 5 т. Т. 4, ч. 1 (1945–1966 гг.) / В. Ю. Новожилов, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. 272 с.

91. История войск правопорядка. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации / Ю. П. Кислый, А. А. Климов, И. Т. Козлов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 272 с.

92. История войск правопорядка России : от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: в 5 т. Т. 3. Войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945) / Ю. А. Марценюк, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2021. 480 с. ISBN 978-5-6045287-1-6.

93. История войск правопорядка России: от внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: в 5 т. Т. 4. Войска НКВД – МГБ – МООП – МВД СССР (1945–1991) / Ю. А. Марценюк, В. П. Баранов, А. С. Беркутов и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2021. 440 с. ISBN 978-5-6045287-2-3.

94. История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии / М. И. Семиряга, И. И. Шинкарев, Л. С. Аветян и др. М.: Военное издательство, 1978. 569 с.

95. История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии / И. И. Шеховцов, Ю. Г. Перечнев, Н. Ф. Азясский и др. М.: Военное издательство, 1979. 542 с.

96. История выборов в Калининградской области (1946–2006) / В. Н. Маслов, В. П. Зюбанов, Б. И. Комарцев и др. Калининград: Страж Балтики, 2007. 200 с.

97. История ГАИ / М. Б. Афанасьев, Л. А. Кочетов, Б. В. Росинский и др. М.: Гуманитарий, 1996. 301 с.

98. История советской милиции: в 2 т. Т. 2. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.) / С. М. Крылов, А. П. Косицын, С. В. Биленко и др. М.: изд. Московской академии МВД России, 1977. 338 с.

99. История строительства внутренних войск (1917–1945 гг.): краткий очерк / В. Д. Кривец, В. Ф. Холоден, С. М. Штутман. М.: Главное управление внутренних войск МВД СССР, 1978. 334 с.

100. Исупов В. С. На этапе становления: история Калининградской областной партийной организации в период создания и укрепления, 1946–1953. Калининград: Книжное издательство, 1986. 219 с.

101. Калинин Е. В. Эта нелегкая служба: очерки из истории сахалинской милиции. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство (Сахалинское отделение), 1984. 80 с.

102. Калининградская милиция: Очерки, воспоминания, документы. 1946–2001 гг. / авт.-сост. В. А. Чепрасов. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2001. 348 с. ISBN 5-7406-0487-7.

103. Калининградская область / К. Ф. Щекин и др. – Калининград: Книжное издательство, 1978. 183 с.

104. Калининградская область. Очерки становления и развития / К. Ф. Щекин и др. Калининград: Книжное издательство, 1988. 280 с.

105. Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956. М.: изд. Российского государственного гуманитарного университета, 2002. 303 с. ISBN 5-7281-0424-X.

106. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг.: в 2 ч. Ч. 1–2. Нижний Тагил: изд. Нижнетагильского государственного педагогического университета, 1996. 248 с., 231 с. ISBN 5-7186-0246-8.

107. Кнопп Г. «Дети» Гитлера. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 285 с. ISBN 5-244-24809-5.

108. Колганова Э. М, Колганов И. П. Самая западная: Краткий очерк о Калининградской области. Калининград: Книжное издательство, 1959. 62 с.

109. Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: изд. Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. 318 с. ISBN 5-87590-018-0.

110. Костяшов Ю., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 2003. 162 с. ISBN 5-88874-338-7.

111. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с. ISBN 978-5-8243-1963-7.

112. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с. ISBN 978-5-98777-028-3.

113. Костяшова З. В. История Калининградского янтарного комбината. 1947–2007. Калининград: Бизнес-контакт, 2007. 126 с. ISBN 978-5-9900474-7-1.

114. Кретинин Г. В. Битва за Кенигсберг. Восточно-Прусская кампания 1944–1945 гг. М.: Яуза-каталог, 2022. 224 с. ISBN 978-5-00155-551-3.

115. Кузьминых А. Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 590 с. ISBN 978-5-8243-2192-0.

116. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с. ISBN 978-5-93061-105-2.

117. Кузьминых А. Л. Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР. – Вологда: изд. ВИПЭ ФСИН России, 2013. 180 с. ISBN 978-5-94991-233-1.

118. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с. ISBN 5-466-00098-1.

119. Метельский Г. В. Янтарный берег. М.: Мысль, 1969. 202 с.

120. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк / Е. И. Белов, А. В. Борисов, В. К. Виноградов и др. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004. 648 с. ISBN 8129-0077-9.

121. Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802–2002 гг.) / под ред. В. П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; фонд «Университет», 2002. 607 с. ISBN 5-93598-057-6.

122. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: изд. Сыктывкарского государственного университета, 1997. 189 с. ISBN 5-88584-017-2.

123. На рубежах янтарного края: Сб. статей и докум. материалов по истории органов государственной безопасности Калининградской области 1945–2011 гг. М.: Граница, 2011. 228 с. ISBN 978-5-98759-073-7.

124. Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. М.: Военное издательство, 1983. 368 с.

125. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : в 4 т. Т. 4. Операции Советских Вооруженных Сил в период завершающих побед Советского Союза над фашистской Германией (январь – май 1945 г.). Операции Советских Вооруженных Сил по разгрому Квантунской армии Японии (август 1945 г.). М.: Военное издательство, 1959. 872 с.

126. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / В. Ф. Некрасов, А. В. Борисов, М. Г. Детков и др. М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. 464 с. ISBN 5-850024-040-3.

127. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: в 2 т. Т. 2. Органы и войска НКВД СССР во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны и советско-японской войне (1942–1945) / Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов, В. И. Ивашкин и др. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2020. 456 с. ISBN 978-5-9907783-7-5.

128. Отечественные органы внутренних дел: история и современность / под ред. Р. С. Мулукаева. М. : Академия управления МВД России, 2000. 210 с.

129. Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004. 536 с. ISBN 5-7406-0502-4.

130. Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД – МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 351 с. ISBN 978-5-8243-1541-7.

131. Пихоя Р. Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991. М.: изд. РАГС, 1998. 734 с. ISBN 5-7729-0025-0.

132. Полян П. М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с. ISBN 5-94282-007-4.

133. Полиция и милиция России: страницы истории / А. В. Борисов, А. Н. Дугин, А. Я. Мальгин и др. М.: Наука, 1995. 316 с. ISBN 5-02-012249-1.

134. Попов Г. Г. Красный шторм зимой 1945 г. Восточно-Прусская наступательная операция. М.: Вече, 2020. 320 с. ISBN 978-5-4484-2371-0.

135. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар: изд. Краснодарского юридического института, 1998. 166 с.

136. Ростовцев М. И. В краю янтаря и сланца. М. : Просвещение, 1965. 207 с.

137. Сечкин Г.П. Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993. 464 с.

138. Сечкин Г. П. Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях. М.: Военное издательство, 1976. 584 с.

139. Скилягин А. Т. Советская милиция в период строительства развитого социализма: 1945–1958. Л.: Нева, 1976. 142 с.

140. Служим Отчизне / А. П. Поздняков, В. В. Адоринский, Е. И. Белов и др. – М.: Военное издательство, 1968. 414 с.

141. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: изд. Уральской государственной юридической академии, 1997. 364 с. ISBN 5-7845-0024-4.

142. Советская милиция: история и современность. 1917–1987 / А. П. Косицын, Р. С. Мулукаев, С. В. Биленко и др. М.: Юридическая литература, 1987. 335 с.

143. «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области / под ред. И. О. Дементьева. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2022. 235 с. ISBN 978-5-9971-0715-4.

144. Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург: изд. Екатеринбургского гуманитарного университета, 2006. 500 с. ISBN 5-7741-0063-4.

145. Тельпуховский Б. С. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткий очерк. М.: Политиздат, 1959. 578 с.

146. Упоров И. В. Пенитенциарная политика в России в XVIII–XX вв. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 608 с. ISBN 5-94201-340-3.

147. Упоров И. В. Социально-правовые аспекты уголовно-исполнительной политики советского государства в 1930–1960 гг. Краснодар: изд. Краснодарского юридического института, 2003. 142 с. ISBN 5-9266-0081-2.

148. Филатов А. В., Пацерина В. Н. Население Северо-восточной Пруссии после Второй мировой войны. Правовой анализ. Ч. 1. Переселение или изгнание? Правовые предпосылки и последствия. Калининград: без изд., 2001. 224 с.

149. Щеглов А. М. Щит и меч Янтарного края. Калининград: без изд., 2021. 300 с.

150. Якимов С. А. Битва за Восточную Пруссию. 1944–1945 гг. Калининград: Аксиос, 2019. 664 с. ISBN 978-5-91726-163-8.

151. Якимов С. А. Хроника штурма Пиллау. Калининград: ИП Мишуткина И. В., 2007. 304 с. ISBN 978-5-98787-032-7.

152. Als die Deutschen weg waren. Was nach der Vetreibung geschah: Ostpreußen. Schlesien, Sudetenland / mit Beitr. von A. von Arburg [et al.]. Berlin: Rowohlt, 2005. 310 S. ISBN 3-87134-505-9.

153. Biddiscombe P. Werwolf! The History of the National Socialist Guerilla Movement, 1944–1946. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 1998. 456 p. ISBN 0-8020-0862-3.

154. Brodersen P. Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 2008. 367 S.

155. Buttar P. Battleground Prussia. The Assault on Germany's Eastern Front 1944–1945. Osprey Publishing, 2010. 482 p. ISBN 978-1-84908-190-0.

156. Clark C. Preußen: Aufstieg und Niedergang. 1600–1947. München: Deutsche Verlag-Anstalt, 2007. 896 S. ISBN 978-3-421-05392-3.

157. Clark P. B. The Death of East Prussia: War and Revenge in Germany's Easternmost Province. Andover Press, 2013. 610 p. ISBN 978-1-481935-75-3.

158. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 10. Der Zusammenbruch des Deutschen Reiches 1945. Hbd. 1: Die militärische Niederwerfung der Wehrmacht / mit Beitr. von H. Boog [et al.]. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2008. 947 S. ISBN 978-3-421-06237-6.

159. Dieckert K., Grossman H. Der Kampf um Ostpreussen. Ein authentischer Dokumentarbericht. München: Gräfe und Unzer Verlag, 1965. 227 S.

160. Eaton N. German Blood, Slavic Soil: How Nazi Königsberg Became Soviet Kaliningrad. Ithaca – London: Cornell University Press, 2023. 360 p.

161. Freeman J. From German Königsberg to Soviet Kaliningrad. London – New York: Routledge, 2021. 158 p. ISBN 978-0-367-40897-8.

162. Frobarth V. Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion, 1945–1990: Mit einer analytischen Betrachtung des Kaliningrader Gebiet in der Politik Russlands, 1991–2000. Berlin: Berlin Verlag (Spitz), 2001. 297 S. ISBN 3-8305-0226-5.

163. Gusovius P. Der Landkreis Samland: Ein Heimatbuch der ehemaligen Landkreise Königsberg und Fischhausen. Würzburg: Holzner-Verlag, 1966. 764 S.

164. Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946–1970. München: Oldenbourg, 2000. 166 S. ISBN 3-486-64580-3.

165. Just B. Hitler's Last Levy in East Prussia: Volkssturm Einsatz Bataillon Goldap (25/235). 1944–45. Soilhull: Helion & Company, 2015. 72 p. ISBN 978-1-909982-72-7.

166. Kibelka R. Ostpreußens Schicksalsjahre. Berlin: Aufbau-Verlag, 2001. 358 S. ISBN 3-351-02505-X.

167. Luschnat G. Die Lage der Deutschen in Königsberger Gebiet. Frankfurt a/M.: Lang, 1996. 213 S. ISBN 3-631-49596-X.

168. Mammach K. Der Volkssturm: Das letzte Aufgebot 1944/45. Köln: Pahl-Rugenstein, 1981. 215 S. ISBN 3-7609-0642-7.

169. Pölking H. Ostpreussen: Biographie einer Provinz. Berlin: BeBra Verlag, 2013. 950 S. ISBN 978-3-8393-0114-2.

170. Rutsch H.-D. Die letzten Deutschen: Schicksale aus Schlesien und Ostpreußen. Berlin: Rowolth Berlin Verlag, 2012. 371 S. ISBN 978-3-644-11231-5.

171. Schön H. Im Heimatland in Feindeshand: Schicksale ostpreußischer Frauen unter Russen und Polen 1945–1948. Eine ostdeutsche Tragödie. Kiel: Arndt, 1998. 288 S. ISBN 3-88741-198-6.

172. Schön H. Tragödie Ostpreußen 1944–1948: Als die Rote Armee das Land besetzte. Kiel: Arndt, 1999. 384 S. ISBN 3-88741-022-X.

173. Wörster P. Das nördliche Ostpreussen nach 1945: politisches und kulturelles Leben // Dokumentation Ostmitteleuropa. Wissenschaftlicher Dienst für Ostmitteleuropa. Vol. 5. Heft 1–2. Marburg an der Lahn: Johann-Gottfried-Herder-Institut, 1979. 96 S.

174. Wörster P. Das nördliche Ostpreussen nach 1945: Verwaltung, Bevölkerung, Wirtschaft // Dokumentation Ostmitteleuropa. Wissenschaftlicher Dienst für Ostmitteleuropa. Vol. 4. Heft 1. Marburg an der Lahn: Johann-Gottfried-Herder-Institut, 1978. 72 S.

4. Статьи

175. Алексеев М. Начало боев в Восточной Пруссии // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 119–122.

176. Атрохова М. Б. История образования Полесского района // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: без изд., 2003. С. 194–202.

177. Баранова Е. В. Потребление продуктов питания в Калининградской области в 1940–1980-х годах // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 19. Калининград: Смартбукс, 2022. С. 159–169.

178. Баранова Е. В., Манкевич Д. В., Маслов В. Н., Стальмакова А. В. Историография послевоенного заселения Калининградской области в контексте советских общегосударственных миграций // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 133–151.

179. Баранова Е. В., Маслов В. Н. Проблемы послевоенной крестьянской миграции в актах о прибытии переселенческих эшелонов в Калининградскую область // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 190. С. 200–211.

180. Баранова Е. В., Маслов В. Н. Штрихи к демографическому портрету сельских переселенцев в Калининградскую область в 1946 году // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений. Материалы IV международной научно-практической конференции. Калининград, 21–23 октября 2020 г. Т. 4, ч. 1. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2020. С. 311–320.

181. Беркутов А. С. Некоторые особенности развития органов БХСС в 1940–1960-е годы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 70–72.

182. Беркутов А. С. Охрана общественного порядка наружной службой милиции в СССР в первые послевоенные годы (1945–1949) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Общественные науки». 2022. № 1 (846). С. 74–82.

183. Беркутов А. С. Роль агентуры в деятельности органов милиции в послевоенные годы // Академический вестник внутренних войск МВД России. 2009. № 1. С. 67–69.

184. Богданов С. В. Спекуляция в СССР (1945–1953 гг.): причины, масштабы, особенности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-2 (64). С. 16–21.

185. Боер В. М., Маркитан А. В. Правовые проблемы фильтрации (специальной государственной проверки) советских репатриантов в послевоенные годы (1945–1946 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2 (34). С. 19–26.

186. Бродерзен П. «Позови меня тихо по имени…». Кампания переименований в Калининградской области в 1946–1950 гг. в контексте калининградско-московских отношений послевоенного времени // Балтийский регион в истории России и Европы / под ред. В. И. Гальцова. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2005. С. 201–210.

187. Буйда Ю. «Немцы отрицательно влияют на освоение советской области» // Коммерсантъ – Власть. 2002. № 31. С. 60–64.

188. Буйда Ю. Патент на депортацию. На преступления немецкого фашизма Сталин ответил преступлением против немецкого народа // Новое время. 2000. № 11. С. 34–36.

189. Верстер П. Мой путь от Кенигсберга к Калининграду. Автобиографические заметки // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время. Материалы международной научной конференции. Калининград, 10–11 октября 2003 г. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 2004. С. 209–220.

190. Гальцов В., Сергеев В. Проблема трансформации Восточной Пруссии в Калининградскую область в документальных публикациях и научных исследованиях // Antrojo pasaulinio karo Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės ižvalgos (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, XVIII). Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidzkla, 2009. P. 71–86.

191. Гордеев И. А. Калининградская область в 1945–1946 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 171–174.

192. Дементьев И. О. Современная зарубежная историография об исторической политике в советском Калининграде // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 12. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2015. С. 233–250.

193. Дементьев И. О. «Чужая земля с высоты птичьего полета». История Калининградской области в магистерских диссертациях западных авторов начала XXI века // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 327–340.

194. Долотова А. Ю. Периодическая печать Калининградской области на этапе становления (1946–1950 годы) // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 7. Советизация Калининградской области. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 36–49.

195. Ефремов Л. А. Деятельность управления по гражданским делам Приморского района // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 6. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 2004. С. 153–164.

196. Ефремов Л. А. Замландский (Приморский) район накануне прибытия переселенцев (краткая историческая справка по материалам ГАКО) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: без изд., 2003. С. 125–135.

197. Жданович Л. Н. Санитарно-эпидемиологическая ситуация в Калининградской области в первые послевоенные годы // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 9. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2011. С. 171–181.

198. Карпенко А. М. Советизация Калининградской области в западной академической литературе // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 7. Советизация Калининградской области. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 94–100.

199. Клемешева М. А. Возникновение и становление таможни Калининградской области в первые послевоенные годы. (По материалам архива Калининградской таможни) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 289–297.

200. Клемешева М. А. Органы советской власти на территории Калининградской области в первые послевоенные годы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 6. С. 79–84.

201. Козлов В. А. Деятельность уполномоченных и оперативных групп НКВД СССР в Германии в 1945–1946 гг. // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950: Сб. документов и статей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 311–330.

202. Колганова Э. М. Заселение Калининградской области // Ученые записки Калининградского государственного педагогического института. Вып. 8. Калининград: изд. Калининградского государственного педагогического института, 1962. С. 154–175.

203. Колганова Э. М. Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии: сб. статей. Калининград: изд. Калининградского университета, 1974. С. 36–64.

204. Костяшов Ю. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 186–188.

205. Костяшов Ю. Глазами советских переселенцев // Карта. Российский независимый исторический и правозащитный журнал. 2005. № 41–42. С. 65–93.

206. Костяшов Ю. В. Депортация немцев из Калининградской области после войны // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. научных статей. Новосибирск: Наука, 2012. С. 56–67.

207. Костяшов Ю. В. «Желающих переселиться мало…». Об организации переселения колхозников из Воронежской в Калининградскую область в послевоенные годы // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 6. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 2004. С. 61–68.

208. Костяшов Ю. В. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 105–114.

209. Костяшов Ю. В. Личные подсобные хозяйства: Из истории повседневности калининградских переселенческих колхозов (1946–1953 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 70–77.

210. Костяшов Ю. В. Миграционные процессы в Калининградской области, Клайпедском крае, Вармии и Мазурах в 1945–1950 годах: сравнительный анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2022. № 1. С. 19–30.

211. Костяшов Ю. В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы / под ред. В. И. Гальцова. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2005. С. 211–219.

212. Костяшов Ю. В. О ликвидации последствий войны в Калининграде // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 18, Калининград: Смартбукс, 2021. С. 108–115.

213. Костяшов Ю. В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без. изд., 2001. С. 227–236.

214. Костяшов Ю. В. Сталин и Калининградская область: попытка исторической реконструкции // Antrojo pasaulinio karo Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės ižvalgos (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, XVIII). Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidzkla, 2009. P. 57–70.

215. Костяшова З. В. Из истории становления янтарной промышленности в Калининградской области (1945–1953 гг.) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: без изд., 2003. С. 185–193.

216. Костяшова З. В. Комбинат № 9 МВД СССР: неизвестные страницы истории янтарной промышленности Калининградской области // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 19. Калининград: Смартбукс, 2022. С. 141–158.

217. Кретинин Г. В. Битва за Восточную Пруссию в 1944–1945 годах в отечественной историографии // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 138–157.

218. Кретинин Г. В. Военные комендатуры Кенигсбергского особого военного округа в 1945–1946 годах // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 12. С. 55–62.

219. Кретинин Г. В. Военные комендатуры 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии (октябрь 1944 – май 1945 года) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 12. С. 67–75.

220. Кретинин Г. В. История Восточной Пруссии и Калининградской области – состояние и перспективы научных исследований // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 1. Калининград: ГП «КГТ», 1998. С. 19–22.

221. Кретинин Г. В. К вопросу о создании системы советского государственного управления на территории Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 82–87.

222. Кретинин Г. В. Массовые выселения и «изгнания» немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1949 гг.: актуальные подходы и современное состояние дискуссий // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. научных статей. Новосибирск: Наука, 2012. С. 45–56.

223. Кретинин Г. В. О численности немецких войск и гражданского населения Кенигсберга во время его штурма 6–9 апреля 1945 г. // Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития: сб. статей / под ред. В. Н. Маслова. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 50–66.

224. Кретинин Г. В. Откуда есть и когда пошла земля Калининградская // Время музея: сб. статей. Вып. 4. Калининград: Страж Балтики, 2018. С. 9–28.

225. Кретинин Г. В. Продовольственная проблема нового советского региона в 1945–1946 гг. // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 116–121.

226. Кретинин Г. В. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население (октябрь 1944 – 9 мая 1945 года) // Кретинин Г. В. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории. Калининград: Аксиос, 2018. С. 323–335.

227. Кретинин Г. В. Создание школьной сети в Калининградской (Кенигсбергской) области в 1945–1947 годах // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 1 (30).

228. Кривошеев В. В. Социологические аспекты криминализации советского общества в 1940-е годы: специфика Калининградской области // Псковский регионологический журнал. 2019 № 4 (40). С. 48–56.

229. Кузьминых А. Л. Организация переписки военнопленных и интернированных в СССР (1939–1956 гг.) // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2 (85). С. 87–90.

230. Кузьминых А. Л. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 146–211.

231. Лаврик В. Ф., Масляный Н. В. Роль пограничных войск в охране тыла действующей армии в ходе Восточно-Прусской операции 1945 года // Роль

ОВД и войск НКВД СССР в Восточно-Прусской операции. Обеспечение законности в послевоенной жизни в Калининградской области: Материалы международной научно-практической конференции 9 апреля 2010 г. Калининград: изд. Калининградского юридического института МВД России, 2010. С. 56–58.

232. Лопатин М. М., Стальмакова (Саенко) А. В. Заселение Калининградской области: к вопросу о половозрастном составе семей первых переселенцев // Историческая информатика. 2022. № 3 (41). С. 81–92.

233. Макогонова В. В. Газета «Калининградский комсомолец» о проблемах развития региональной культуры (конец 1940-х – начало 1950-х годов) // Время музея: сб. статей. Вып. 2. Калининград: Страж Балтики, 2018. С. 389–405.

234. Макогонова В. В. О развертывании сети культурно-просветительных учреждений в Калининградской области (1946–1947 годы) // Время музея: сб. статей. Вып. 4. Калининград: Страж Балтики, 2021. С. 115–127.

235. Манкевич Д., Манкевич М. Некоторые демографические аспекты гражданского населения Восточной Пруссии / Калининградской области (апрель 1945 – 1947 гг.) // Antrojo pasaulinio karo Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės ižvalgos (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, XVIII). Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidzkla, 2009. P. 189–206.

236. Манкевич Д. В. Демографическое «эхо» войны: региональный аспект // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 7. Советизация Калининградской области. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 21–36.

237. Манкевич Д. В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 9. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2011. С. 149–157.

238. Манкевич Д. В. Миграции населения СССР в первые послевоенные годы и заселение Калининградской области (1945–1950 гг.) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сб. научных статей. Вып. 3. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2008. С. 54–68.

239. Манкевич Д. В. «Немецкий контингент» Кенигсбергской области в 1945 – первой половине 1946 года: штрихи к портрету // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 5. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2009. С. 43–55.

240. Манкевич Д. В. О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 10. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 233–246.

241. Манкевич Д. В. Смертность населения Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 153–158.

242. Манюк Е. С. Отношение переселенцев к городской среде в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда): социально-политический аспект // Время музея: сб. статей. Вып. 2. Калининград: Страж Балтики, 2018. С. 376–388.

243. Маркин Д. Г. Немцы Калининграда: опыт взаимоотношения с местными властями (1945–1948 гг.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2009. № 4. С. 68–71.

244. Маркин Д. Г. Подготовка в 1947–1948 годах постановлений Совета Министров СССР о переселении немцев из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 13. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2016. С. 87–97.

245. Маркин Д. Г. Проблема выезда немецкого населения из Калининградской области накануне переселения 1947–1948 годов // Балтийские исследования: сб. науч. тр. Вып. 7. Советизация Калининградской области. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2013. С. 7–20.

246. Маслов В. Н. Из истории становления Калининградской области: Первое совещание при Кенигсбергском областном управлении по гражданским делам 26–27 июня 1946 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 83–96.

247. Маслов В. Н. «Нам дали кирпичный дом»: жилищные условия поселенцев в Калининградских селах в послевоенные годы (по материалам интервью) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 18. Калининград: Смартбукс, 2021. С. 54–78.

248. Маслов В. Н. О некоторых аспектах политики советских властей по отношению к немецкому населению в Кенигсберге/Калининграде и области в 1945–1947 годах // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права. Материалы международной научной конференции. Витебск, 3–4 октября 2019 г. Витебск: изд. Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, 2019. С. 185–187.

249. Маслов В. Н. Переименование городов районного подчинения Калининградской области в 1946–1947 годах // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Вып. 12. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2015. С. 139–151.

250. Маслов В. Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 58–69.

251. Маслов В. Н. Подготовка в 1946 году постановления Совета министров СССР о заселении сельских районов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 134–140.

252. Маслов В. Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь – ноябрь

1946 года) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 16. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2019. С. 84–123.

253. Маслов В. Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 11. Калининград: изд. Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2014. С. 99–109.

254. Маслов В. Н. Хозяйственная деятельность военной комендатуры Хайнрихсвальдского района Особого военного округа в 1945 – начале 1946 года // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 8. Калининград: изд. Российского государственного университета им. И. Канта, 2008. С. 111–117.

255. Маттес Э. «Останутся ли они россиянами?» Мысли историка на актуальную тему // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2005. С. 227–245.

256. Маттес Э. Проблема образования Калининградской области в немецкой историографии: обзор // Балтийский альманах. Вып. 6. Калининград: без изд., 2006. С. 40–45.

257. Маттес Э. Судьбы людей и краеведение: биографические источники в изучении новейшей истории // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 4. Калининград: изд. Калининградского государственного университета, 2004. С. 103–118.

258. Николаев А. В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67–78.

259. Новик Ю. Е. Малоизвестная страница войны – войска НКВД в боях за Кенигсберг // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 18–19 февраля 2015 года. Часть 2. СПб.: изд. Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, 2015. С. 50–53.

260. Пархоменко И. С. Бытовые условия жизни немецкого населения на территории Калининградской области в первые послевоенные годы // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 6. С. 103–110.

261. Полх П. П. Колхозы и МТС Калининградской области в послевоенные годы: поиск оптимальной модели взаимоотношений // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 8. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2008. С. 139–149.

262. Полх П. П. Обком партии в системе органов, руководивших сельским хозяйством в послевоенное двадцатилетие (на материалах Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 12. С. 52–61.

263. Полх П. П. Организация и учреждения, осуществлявшие планирование сельскохозяйственного производства на районном уровне в 1946–1965 гг. (на материалах Калининградской области) // Вестник Оренбургского

государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 160–170.

264. Полх П. П. Отмена карточной системы снабжения населения в Калининградской области в 1947–1948 годах // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 17. Калининград: Смартбукс, 2020. С. 98–110.

265. Попова А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 62–70.

266. Поссекель Р. Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950: Сб. документов и статей. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 288–310.

267. Реут Е. В. Социальное явление «несуны» на заводе № 820 в первые послевоенные годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 77–83.

268. Ржевцев Ю. П. Хроника создания, становления и строительства правоохранительных структур современной Калининградской области // Роль ОВД и войск НКВД СССР в Восточно-Прусской операции. Обеспечение законности в послевоенной жизни в Калининградской области: Материалы международной научно-практической конференции 9 апреля 2010 г. Калининград: изд. Калининградского юридического института МВД России, 2010. С. 14–34.

269. Рубашкин В. В. Особенности взаимодействия партийных и советских органов в Калининградской области в послевоенный период // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 19–25.

270. Рубашкин В. В. От военно-гражданских к конституционным органам советского государственного управления в Калининградской области (1944–1948 гг.) // Современное право. 2018. № 1. С. 141–144.

271. Рубашкин В. В. Создание системы советского государственного управления на территории Калининградской области (апрель – июнь 1945 года) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 46–52.

272. Рубашкин В. В. Становление советской власти в самой западной области РСФСР в 1947–1948 годах // Современное право. 2018. № 2. С. 145–148.

273. Сидоров С. Г. Организация охраны военнопленных и борьба с побегами в лагерях НКВД – МВД СССР в 1941–1956 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 4 (34). С. 100–106.

274. Сидоров С. Г. Особенности проведения репатриации иностранных военнопленных из СССР в 1945–1946 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2012. № 1 (21). С. 67–75.

275. Строганова Н. А. Немецкие дети-сироты на территории Калининградской области (1945–1948 гг.) // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 3. Калининград: без изд., 2001. С. 278–288.

276. Строганова Н. А. Neue Zeit – газета для немецкого населения Калининградской области // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 6. С. 52–56.

277. Сюбарева И. Ф. Обучение немецких детей на территории Калининградской области в 1946–1947 учебном году // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 169–170.

278. Сюбарева И. Ф. Становление и развитие Калининградской области в послевоенный период // История государства и права. 2016. № 4. С. 3–6.

279. Федорова О. Г., Кретинин Г. В. О послевоенном восстановлении Калининградской области: к вопросу о конфликте властей // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 64–70.

280. Филев М. В. О мотивации труда колхозников Калининградской области в последние годы сталинизма (1946–1956) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 72–82.

281. Финогентова О. Е., Рубашкин В. В. Правовые основы присоединения территории Калининградской области к СССР // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 80–83.

282. Финогентова О. Е., Рубашкин В. В. Развитие системы органов милиции на территории Калининградской области в послевоенные годы // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. СПб.: изд. Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. С. 1016–1019.

283. Фуксон Л. М. Создание сети школьных учреждений в Калининградской области в 1946–1947 гг. // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 145–149.

284. Хоппе Б. Борьба против вражеского прошлого: Кенигсберг/Калининград как место памяти в послевоенном СССР // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 237–268.

285. Хоппе Б. Кенигсберг/Калининград в XX в. – фокус современной европейской истории // Балтийский регион в истории России и Европы / под ред. В. И. Гальцова. Калининград: изд. РГУ им. И. Канта, 2005. С. 190–200.

286. Чухин И. Интернированные. Из Восточной Пруссии – в Карелию. Из истории 517-го лагеря НКВД СССР для интернированных немецких женщин // Карта. Российский независимый исторический и правозащитный журнал. 2005. № 41–42. С. 94–100.

287. Шендерюк М. Г. Социальный портрет переселенца // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Вып. 1. Калининград: ГП «КГТ», 1998. С. 180–184.

288. Шитько В. В., Дорошенко Е. В. Участие войск НКВД СССР в штурме Кенигсберга // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 18–19 февраля 2015 года.

Часть 2. СПб.: изд. Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, 2015. С. 133–140.

289. Щеглов А. Дважды взятый Кенигсберг // Полиция России. 2021. № 2. С. 50–52.

290. Якимов С. А. Деятельность частей НКВД по охране тыла 3 Белорусского фронта / С. А. Якимов // Роль ОВД и войск НКВД СССР в Восточно-Прусской операции. Обеспечение законности в послевоенной жизни в Калининградской области: Материалы международной научно-практической конференции 9 апреля 2010 г. Калининград: изд. Калининградского юридического института МВД России, 2010. С. 50–55.

5. Мемуары

291. Вик М. Закат Кенигсберга. Свидетельство немецкого еврея. Калининград: «Пикторика Паблишинг», 2017. 304 с. ISBN 978-5-9906819-5-8.

292. Горбатов А. В. Годы и войны. Записки командарма. 1941–1945/ М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 575 с. ISBN 978-5-9524-3726-5.

293. Lehndorff H. v. Ostpreußisches Tagebuch. Aufzeichnungen eines Arztes aus den Jahren 1945–1947. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1967. 288 S.

294. Linck H. Königsberg, 1945–1948. Im Feuer geprüft. Leer: Rautenberg & Möckel, 1952. 194 S.

6. Справочные издания

295. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 6. Лагеря для военнопленных НКВД – МВД СССР. 1939–1956: Справочник / сост. М. М. Загорулько. Волгоград: Искатель, 2013. 768 с. – ISBN 978-5-9233-1042-9.

296. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. 352 с. ISBN 5-89511-004-5.

297. Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник / под. ред. А. Н. Яковлева; авт.-сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 768 с. ISBN 5-85646-109-6.

298. МВД России. Энциклопедия / гл. ред. В. Ф. Некрасов. М.: Объединенная редакция МВД России, издательский дом «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 624 с. ISBN 5-224-03722-0.

299. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. 600 с. ISBN 5-7870-0022-6.

7. Диссертационные исследования

300. Бескоровайный А. П. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в послевоенном СССР (1945–1953 гг.): дисс. … к. и. н. Краснодар, 2008. 207 с.

301. Бодерко Л. Н. Милиция Западной Сибири в 1930–1956 годах (на материалах Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей): дисс. … к. и. н. Тюмень, 1999. 247 с.

302. Будашевский Г. В. Деятельность исправительно-трудовых учреждений Ленинградской области в послевоенный период (середина 1940-х – середина 1950-х гг.): дисс. … к. и. н. СПб., 2016. 263 с.

303. Васильев А. М. Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.): дисс. … д. и. н. М., 2009. 361 с.

304. Васильев Д. М. Экономическое и культурное освоение Калининградской области (середина 1940-х – середина 1950-х гг.): архивоведческое исследование: дисс. … к. и. н. М., 2012. 238 с.

305. Вафин М. О. Становление и развитие органов по охране социалистической собственности (ОБХСС) на Дальнем Востоке СССР (1930-е – 1950-е гг.): дисс. … к. и. н. Хабаровск, 2023. 258 с.

306. Герман Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.): дисс. … к. ю. н. Ростов н/Д., 1999. 217 с.

307. Говоров И. В. Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг. (по материалам Ленинграда и Ленинградской области): дисс. … д. и. н. СПб., 2004. 712 с.

308. Гончаров В. В. История Восточной Пруссии и Калининградской области в отечественной и зарубежной историографии XX – начала XXI века: дисс. … к. и. н. М., 2009. 211 с.

309. Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.) (историко-правовой аспект): дисс. … к. ю. н. М., 2002. 157 с.

310. Иванов Н. В. Милиция Чувашии: институционализация и основные формы правоохранительной деятельности (1917–1991 гг.): дисс. … д. и. н. Казань, 2022. 475 с.

311. Ильягуева А. А. Правовой статус заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР (1929–1956 гг.): дисс. … к. ю. н. Владимир, 2008. 170 с.

312. Калмыков В. В. Милиция Южного Урала в период послевоенного восстановления народного хозяйства: дисс. … к. и. н. Челябинск, 2009. 207 с.

313. Ким И. П. Развитие территорий, присоединенных к СССР после второй мировой войны (Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова). 1945 – первая половина 1949 гг.: дисс. … к. и. н. Южно-Сахалинск, 2010. 255 с.

314. Конасов В. Б. Политика советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): дисс. … д. и. н. М., 1998. 506 с.

315. Манкевич Д. В. Население Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг.: формирование и демографические процессы: дисс… к. и. н. Калининград, 2020. 217 с.

316. Маслов Е. А. Религиозно-политическая жизнь в Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х годах: дисс. … к. и. н. Калининград, 2004. 313 с.

317. Медведев С.А. Немецкие военнопленные в СССР в 1941–1956 гг. и формирование образа Советского Союза: дисс. … к. и. н. Воронеж, 2009. 199 с.

318. Полунин Е. С. Вынужденные миграции немецкого населения из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в 1944–1948 гг.: дисс. … к. и. н. Воронеж, 2014. 276 с.

319. Портной Н. Б. Труд заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР: организация и правовое регулирование: дисс. … к. ю. н. Владимир, 2008. 174 с.

320. Резников А. А. Структура и кадровая политика органов внутренних дел СССР в 1945–1953 гг.: дисс. … к. и. н. М., 2012. 178 с.

321. Рубашкин В. В. Формирование системы государственного управления на территории Калининградской области: 1946 – 1950-е гг.: дисс. … к. ю. н. Калининград, 2018. 187 с.

322. Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.: дисс. … д. и. н. Волгоград, 2001. 428 с.

323. Таймасов Р. Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве. 1917–1958 гг. (историко-правовое исследование): дисс. … к. ю. н. Чебоксары, 2011. 200 с.

324. Терещенко В. В. Деятельность советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991 гг.): дисс. … д. и. н. М., 2015. 427 с.

325. Федин С. А. Деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 годах (на материалах Нижнего Поволжья): дисс. … к. и. н. Астрахань, 2007. 263 с.

326. Филев М. В. Повседневная жизнь переселенческого колхоза: опыт микроисторического исследования: дисс. … к. и. н. Калининград, 2023. 221 с.

327. Цыплин В. Г. Деятельность войск НКВД по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны: дисс. … к. и. н. Саратов, 2000. 273 с.

328. Чекулаев С. Ю. Режим содержания заключенных в ИТЛ и ИТК: организационные и правовые основы (1929–1956 гг.): дисс. … к. ю. н. Владимир, 2010. 177 с.

329. Чибурова Е. А. Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: дисс. … к. и. н. Барнаул, 2010. 198 с.

8. Интернет-ресурсы

330. Адерихин А. Как в Калининградской области голосовали 70 лет назад // Клопс – новости Калининград: [сайт]. URL: https://special.klops.ru/vibori-1947?ysclid=m6h0qc1986637075581 (дата обращения 21.08.2024).

331. Адерихин А. «Организовал спекуляцию в лице своей жены». С кем и как 70 лет назад боролась калининградская милиция // Клопс – новости

Калининград: [сайт]. URL: https://special.klops.ru/organizoval_ spekulyaciu (дата обращения 20.08.2024).

332. В апреле 1945 года солдаты и офицеры войск НКВД приняли участие в штурме города и крепости Кенигсберг // Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации: [сайт]. URL: https://rosguard.gov.ru/news/article/v-aprele-1945-goda-soldaty-i-oficery-vojsk-nkvd-prinyali-uchastie-v-shturme-kreposti-i-goroda-kenigsberg (дата обращения 13.06.2024).

333. История УМВД России по Калининградской области // Управление МВД России по Калининградской области: [сайт]. URL: https://39.мвд.рф/umvd/история/история-умвд-россии-по-калининградской-области (дата обращения 12.08.2024).

334. Лебедев А. Малоизвестная страница войны – Войска НКВД в боях за Кенигсберг // Военное обозрение: [сайт]. URL: https://topwar.ru/18537-maloizvestnaya-stranica-voyny-voyska-nkvd-v-boyah-za-kenigsberg.html?ysclid= lxcrhtrodi217693530 (дата обращения: 13.06.2024).

335. Ржевцев Ю. Воинские формирования НКВД СССР в боях за столицу Восточной Пруссии // Анграпа.ru. Книга памяти: [сайт]. URL: https://forum.angrapa.ru/viewtopic.php?f=85&t=219&sid=c2650ec5255fd68b0959e4cf7d21b5ae (дата обращения: 13.06.2024).

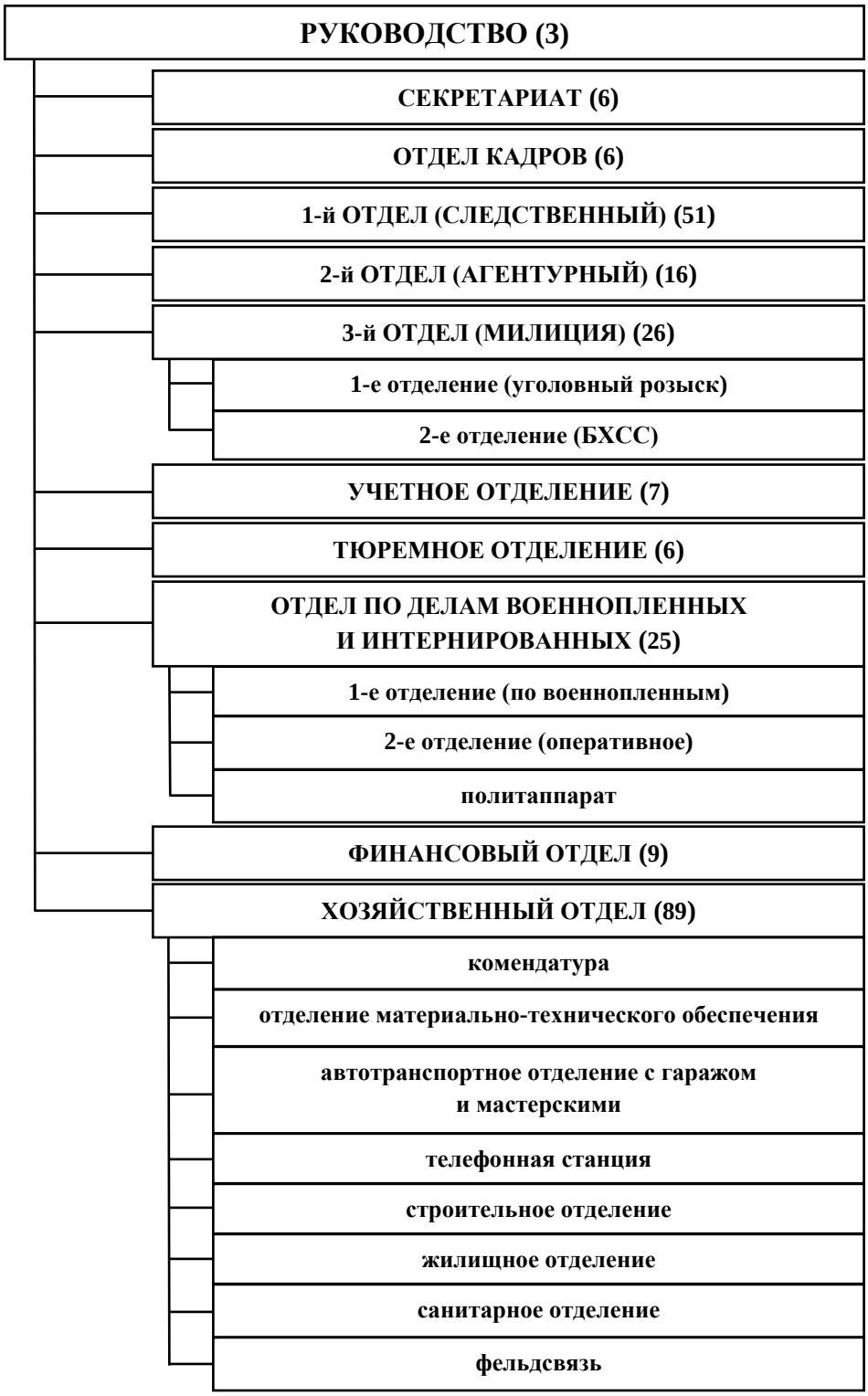
336. Участие НКВД в штурме крепости Кенигсберг // Российское информационное агентство «Победа РФ»: [сайт]. URL: https://pobedarf.ru/2023/04/06/uchastie-nkvd-v-shturme-kreposti-kenigsberg/ ?ysclid=lxcs0fcglm914130551 (дата обращения: 13.06.2024).

337. Электронный архив газеты «Калининградская правда» за 1946–1990 гг. // Архив газет Калининградской области: [сайт]. URL: https://kaliningradka.kantiana.ru/pravda/ (дата обращения 30.11.2024).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Штат аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии (утвержден приказом НКВД – НКГБ СССР от 4 января 1946 г. № 004/002)[1]

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 44–53.

Приложение 2

Штат периферийных органов аппарата уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии (утвержден приказом НКВД – НКГБ СССР от 4 января 1946 г. № 004/002)[1]

КЕНИГСБЕРГСКИЙ ОПЕРАТИВНЫЙ СЕКТОР (78)	
Руководство (20)	
1-я оперативная группа (6)	2-я оперативная группа (6)
3-я оперативная группа (6)	4-я оперативная группа (6)
5-я оперативная группа (6)	6-я оперативная группа (6)
7-я оперативная группа (6)	8-я оперативная группа (6)
1-я районная оперативная группа (10)	

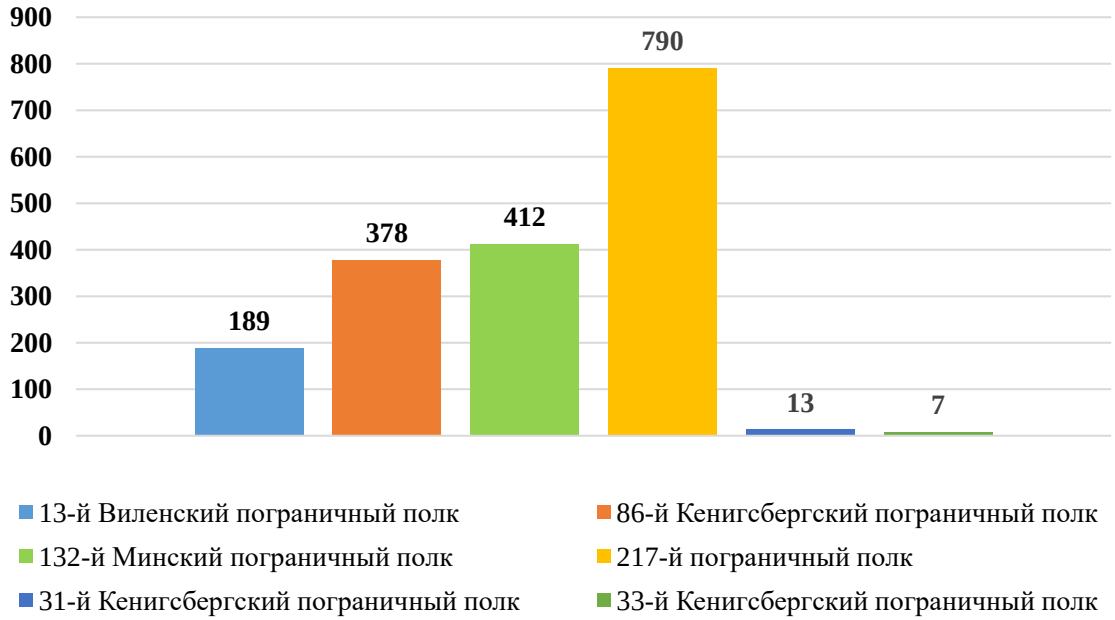
ЗЕМЛАНДСКИЙ ОПЕРАТИВНЫЙ СЕКТОР (151)
Руководство (13)
оперативная группа г. Раушен (6)
Инстербургская оперативная группа (16)
Тильзитская оперативная группа (17)
Тапиауская районная оперативная группа (9)
Лабиауская районная оперативная группа (10)
Хайлигенбайльская районная оперативная группа (9)
Фридландская районная оперативная группа (7)
Гумбинненская районная оперативная группа (11)
Шталлупененская районная оперативная группа (9)
Даркеменская районная оперативная группа (7)
Хайнрихсвальдская районная оперативная группа (9)
Пилькалленская районная оперативная группа (7)
Кройцбургская районная оперативная группа (7)
Гердауенская районная оперативная группа (7)
Рагнитская районная оперативная группа (7)

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 9. Л. 63–73.

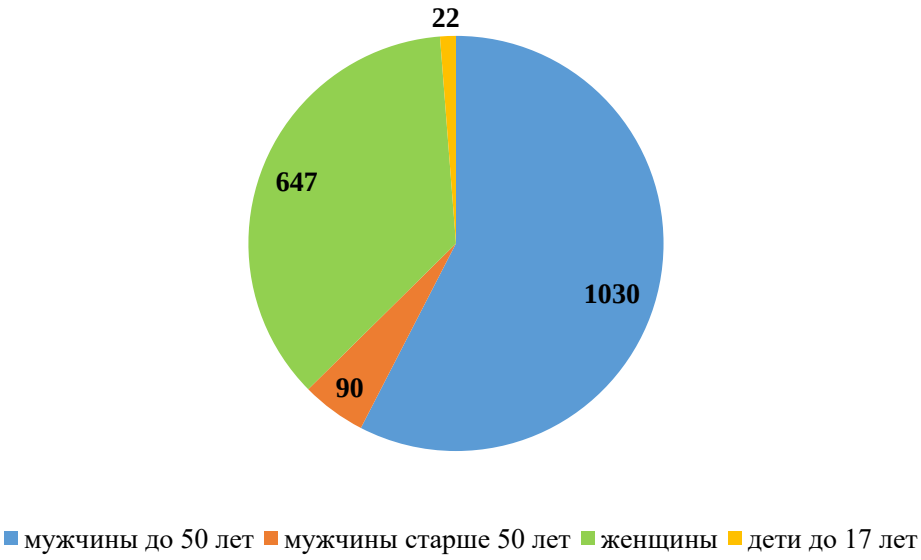
Приложение 3

Результаты оперативно-служебной деятельности войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в ходе операции по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента (май – июнь 1945 г.)[1]

а) Количество граждан СССР, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г.

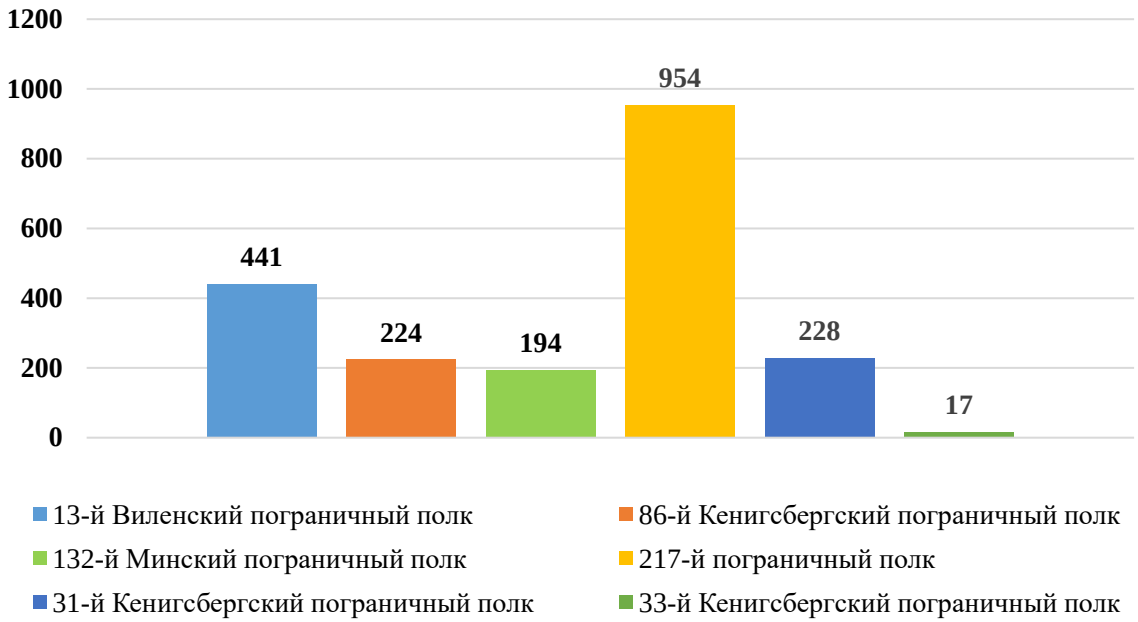

б) Половозрастной состав граждан СССР, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г.

[1] Составлено автором по: РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 175. Л. 2 об., 3, 8, 63, 75 об., 76, 80, 116.

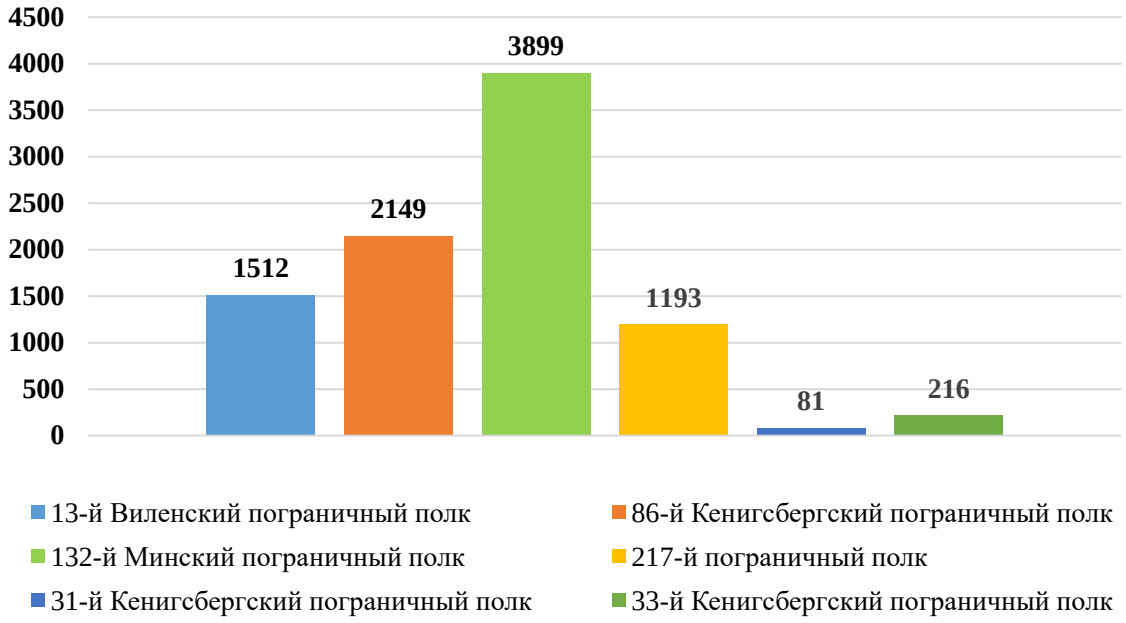
в) Количество граждан иностранных государств, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г.

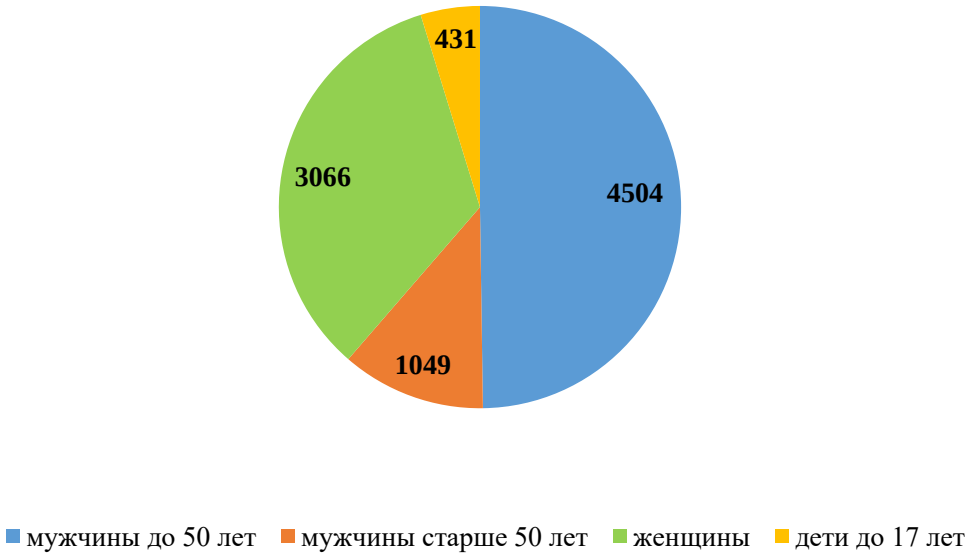
г) Национальный состав граждан иностранных государств, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г.

Национальность	13 пп	86 пп	132 пп	217 пп	31 пп	33 пп	Всего
Поляки	369	197	181	834	228	17	1826
Французы	16	11	5	87	–	–	119
Итальянцы	–	10	4	33	–	–	47
Чехи	56	1	–	–	–	–	57
Бельгийцы	–	4	–	–	–	–	4
Голландцы	–	–	2	–	–	–	2
Румыны	–	–	2	–	–	–	2
Австрийцы	–	1	–	–	–	–	1
Всего	441	224	194	954	228	17	2058

д) Количество гражданских немцев, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г.

е) Половозрастной состав гражданских немцев, задержанных служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г.

ж) Категории лиц, разоблаченных разведывательными отделениями батальонов и полков войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г.

Категории	13 пп	86 пп	132 пп	217 пп	31 пп	33 пп	Всего
Агенты-диверсанты	138	129	8	38	4	–	317
Агенты-террористы	3	59	21	1	–	–	84
Агенты-разведчики	1	9	3	3	–	–	16
Агенты контрразведки	6	15	42	40	–	–	103
Полицейские и каратели	16	49	2	2	1	–	70
Фольксштурмовцы	63	13	7	17	2	–	102
Руководители нацистских организаций	8	16	–	–	1	–	25
Активные члены нацистских организаций	34	34	128	83	15	–	294
Руководители административных учреждений	1	3	–	–	–	–	4
Сотрудники административных учреждений	1	–	–	6	–	–	7
Солдаты и офицеры немецкой армии	172	281	69	8	19	2	551
Всего	443	608	280	198	42	2	1573

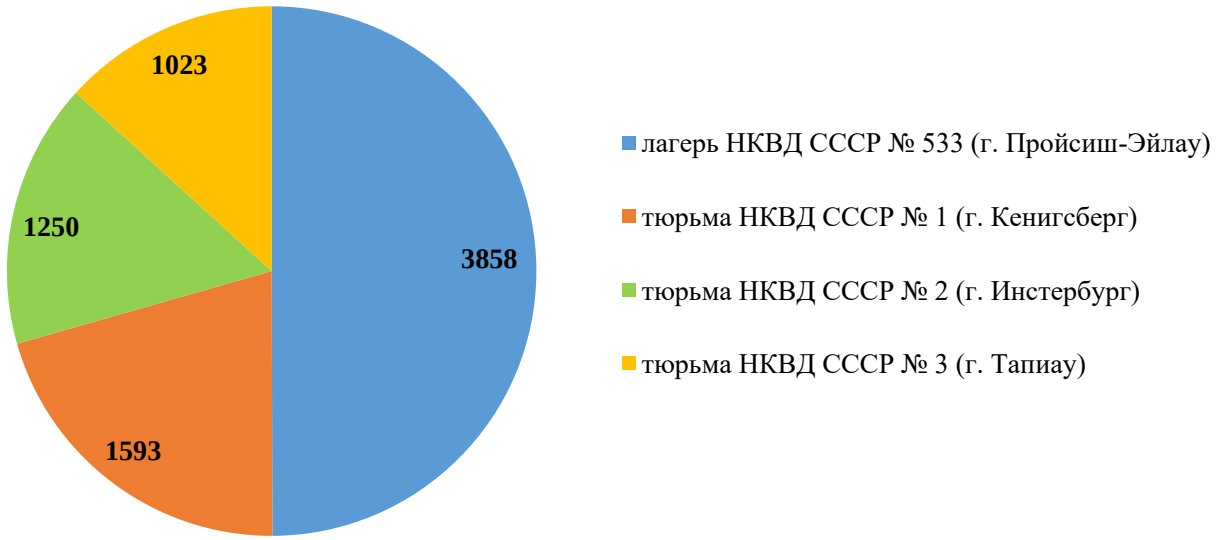
Служебными нарядами войск НКВД СССР по охране тыла 3-го Белорусского фронта в мае – июне 1945 г. обнаружено и изъято у задержанных:

минометов – 4;
станковых пулеметов – 6;
ручных пулеметов – 59;
автоматов – 94;
винтовок – 1334;
пистолетов – 45;
гранат – 46;
патронов разных – 28 300;
мин – 8;
взрывчатых веществ – 27 кг.

Приложение 4

Характеристика лиц, содержащихся в местах заключения на территории Восточной Пруссии по состоянию на 15 ноября 1945 г.[1]

а) Распределение контингента по местам заключения

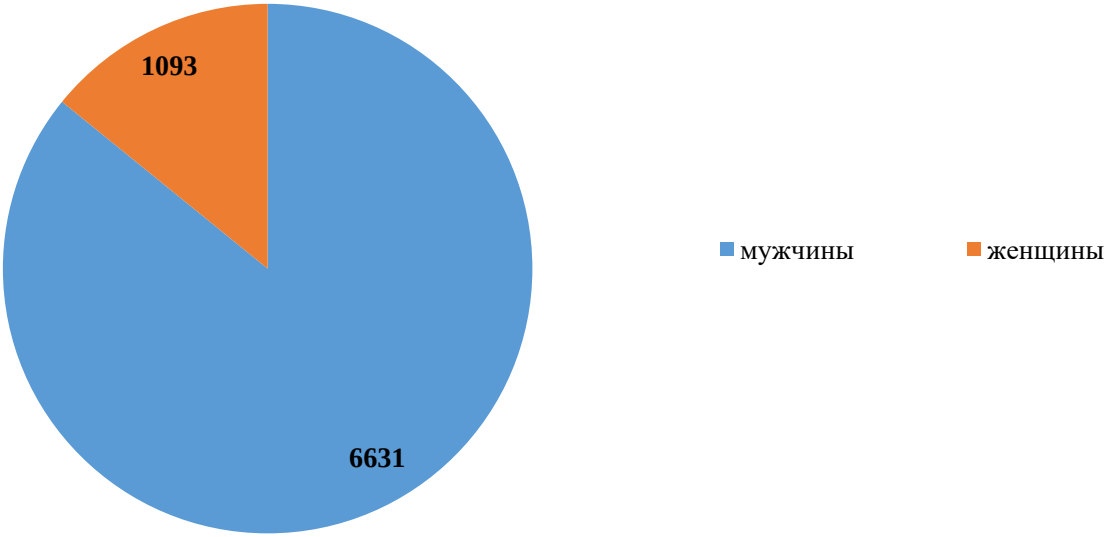

б) Национальный состав контингента

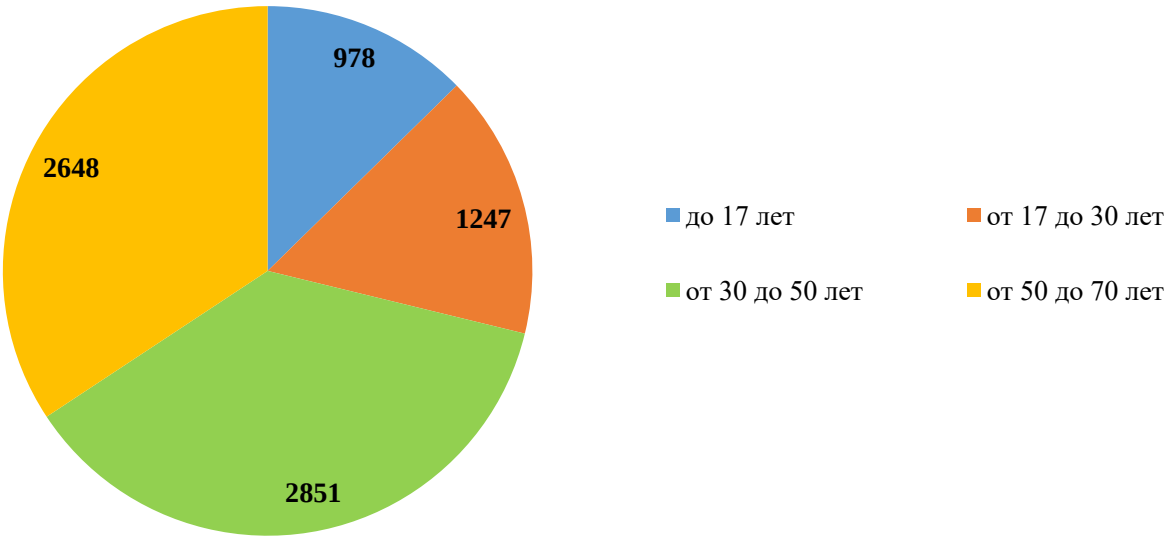

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

в) Распределение контингента по полу

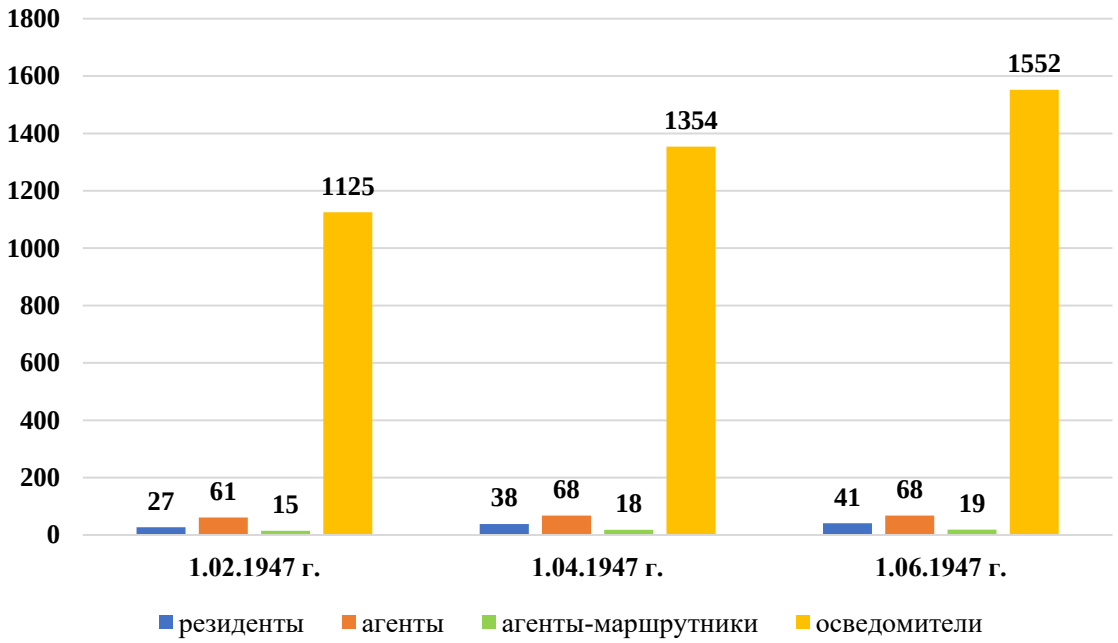
г) Распределение контингента по возрасту

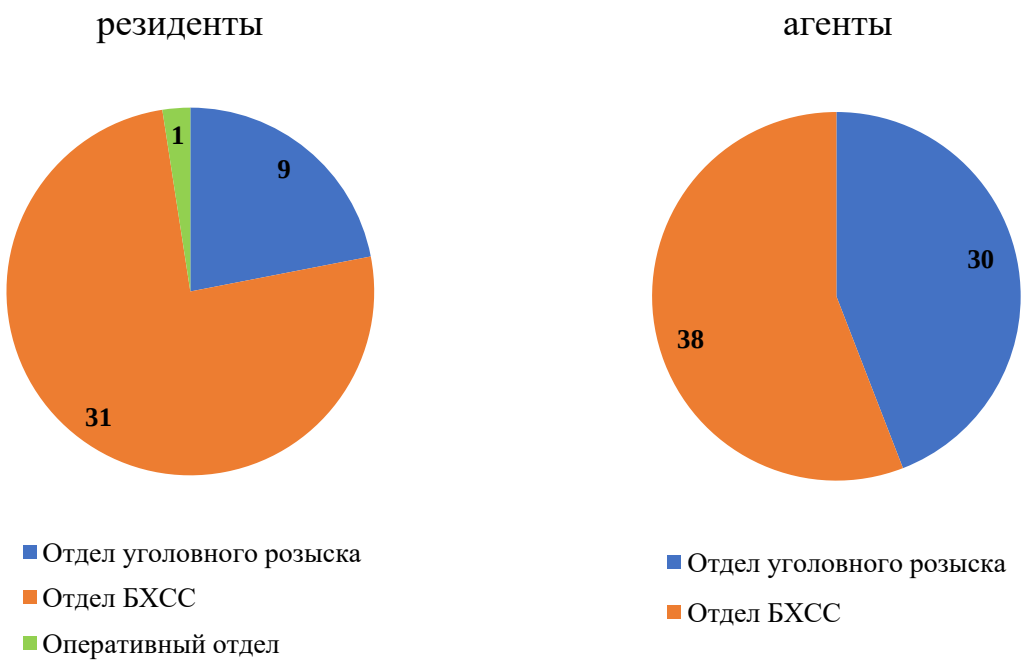
Приложение 5

Сведения о численности агентурно-осведомительной сети милиции Управления МВД по Калининградской области в феврале – июне 1947 г.[1]

а) Численность агентурно-осведомительной сети

б) Распределение агентурно-осведомительной сети по линиям работы по состоянию на 1 июня 1947 г.

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 12, 20.

агенты-маршрутники

осведомители

в) Распределение агентурно-оперативной сети по объектам работы[1]

Объекты работы	Резиденты	Агенты	Агенты-маршрутники	Осведомители	Всего
По линии отдела уголовного розыска					
По грабителям	1 / –	7 / 9	1 / 2	53 / 70	62 / 81
По дезертирам	1 / –	3 / –	– / –	22 / 15	26 / 15
По ворам	5 / 9	18 / 15	2 / 2	367 / 508	392 / 534
По скотокрадам	– / –	1 / 1	– / –	7 / 34	8 / 35
По мошенникам	– / –	1 / 1	– / –	5 / 8	6 / 9
По половым преступлениям и притонам разврата	– / –	6 / 2	– / –	62 / 66	68 / 68
По абортам	– / –	1 / 2	1 /	6 / 11	8 / 13
По детской преступности	– / –	– / –	– / –	– / 1	– / 1
Итого	7 / 9	37 / 30	4 / 4	522 / 715	570 / 758
По линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности					
По спекуляции	3 / 4	10 / 13	– / 1	148 / 203	161 / 221
По государственной торговле	2 / 3	5 / 6	2 / 2	27 / 48	36 / 59
По потребительской кооперации	1 / 1	– / 1	1 / 1	1 / 1	3 / 4
По объектам общественного питания (в системе государственной торговли и потребительской кооперации)	– / 1	– / –	– / –	28 / 50	28 / 51
По объектам карточной системы	– / –	– / 1	– / 1	4 / 3	4 / 5
По отделам рабочего снабжения	– / 1	1 / 1	2 / 2	43 / 53	46 / 57

[1] В числителе указаны данные по состоянию на 1 февраля 1947 г., в знаменателе – по состоянию на 1 июня 1947 г.

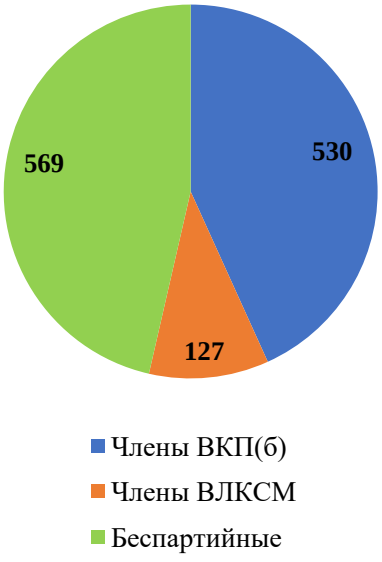
Объекты работы	Резиденты	Агенты	Агенты-маршрутники	Осведомители	Всего
По предприятиям пищевой промышленности	1 / 2	– / 1	– / 1	84 / 115	85 / 119
По системе Заготзерна и мельниц	3 / 4	2 / 3	1 / 1	28 / 37	34 / 45
По совхозам, колхозам и МТС	1 / 4	– / –	– / –	90 / 147	91 / 151
По промышленным предприятиям	3 / 3	4 / –	– / –	60 / 74	67 / 77
По промышленной кооперации и кооперациям инвалидов	– / –	– / –	– / –	– / 2	– / 2
По объектам связи	– / –	– / –	– / –	– / 1	– / 1
По объектам финансов	1 / 1		2 / 3	6 / 18	9 / 22
По прочим объектам	4 / 7	2 / 12	3 / 3	51 / 50	60 / 72
Итого	19 / 31	24 / 38	11 / 15	570 / 802	624 / 886
По линии оперативного отдела					
По типографиям	– / –	– / –	– / –	1 / 2	1 / 2
По ядам	– / –	– / –	– / –	1 / 1	1 / 1
По оружию	1 / 1	– / –	– / –	27 / 29	28 / 30
По прочим объектам	– / –	– / –	– / –	4 / 3	4 / 3
Итого	1 / 1	– / –	– / –	33 / 35	34 / 36
Всего	**27 / 41**	**61 / 68**	**15 / 19**	**1125 / 1552**	**1228/ 1680**

Приложение 6

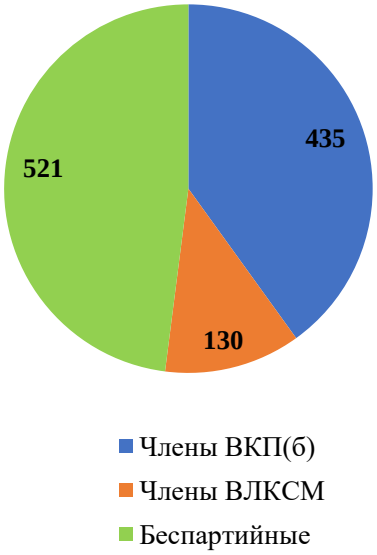
Характеристика личного состава органов МВД и милиции Калининградской области по состоянию на 1 января 1948 г.[1]

а) Распределение личного состава по партийности

органы МВД

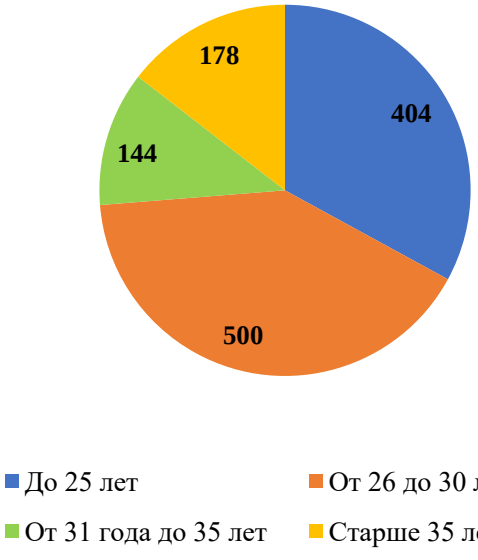

органы милиции

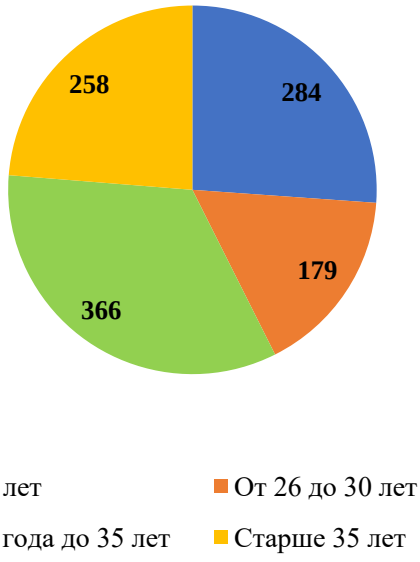

б) Распределение личного состава по возрасту

органы МВД

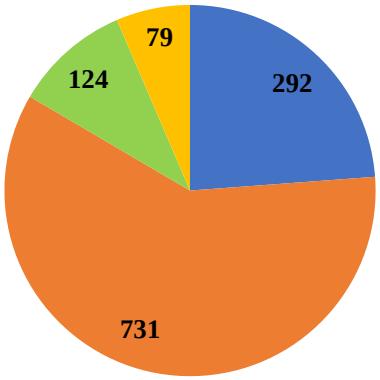
органы милиции

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9.

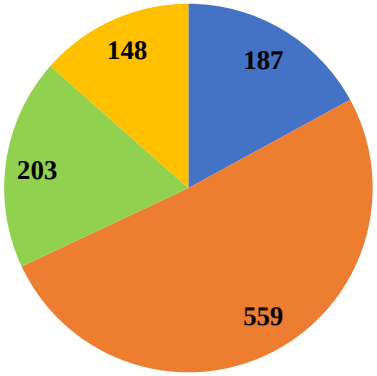
в) Распределение личного состава по стажу службы в органах МВД и милиции

органы МВД

До 1 года
От 2 до 5 лет
От 5 до 10 лет
Более 10 лет

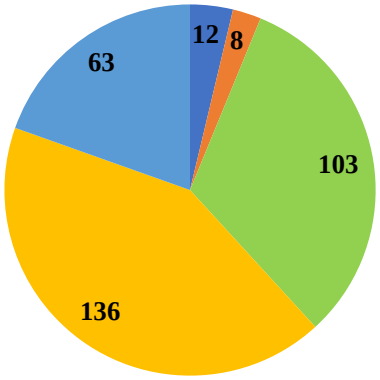
органы милиции

До 1 года
От 2 до 5 лет
От 5 до 10 лет
Более 10 лет

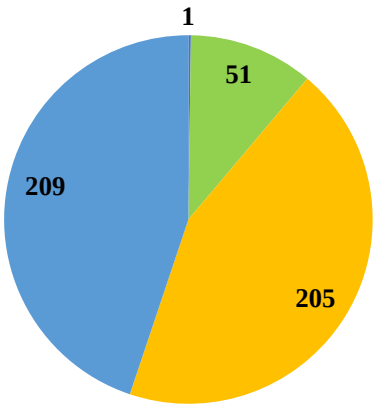
г) Распределение личного состава по уровню образования (для офицерского и начальствующего состава)

органы МВД

Высшее образование
Неполное высшее образование
Среднее образование
Неполное среднее образование
Низшее образование

органы милиции

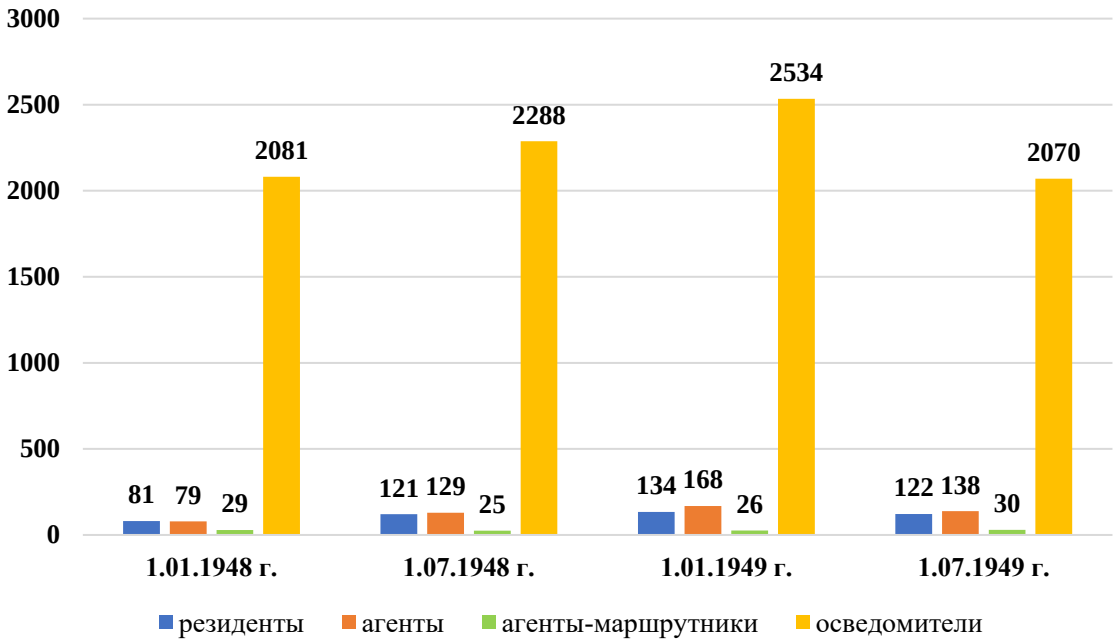

Высшее образование
Неполное высшее образование
Среднее образование
Неполное среднее образование
Низшее образование

Приложение 7

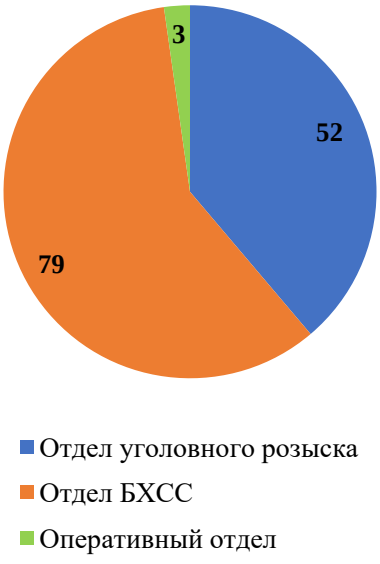
Сведения о численности агентурно-осведомительной сети милиции Управления МВД по Калининградской области в декабре 1947 г.– июне 1949 г.[1]

а) Численность агентурно-осведомительной сети

б) Распределение агентурно-осведомительной сети по линиям работы по состоянию на 1 января 1949 г.

резиденты

агенты

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 49; Д. 19. Л. 12, 24; Д. 20. Л. 21.

агенты-маршрутники

осведомители

в) Распределение агентурно-оперативной сети по объектам работы[1]

Объекты работы	Резиденты	Агенты	Агенты-маршрутники	Осведомители	Всего
По линии отдела уголовного розыска					
По разбою и грабежам	4 / 1	15 / 12	2 / 2	68 / 40	89 / 55
По убийствам	– / –	9 / 10	– / –	4 / 4	13 / 14
По кражам	33 / 30	35 / 41	1 / 4	700 / 582	769 / 657
По скотокрадству	– / 1	1 / 1	– / –	44 / 39	45 / 41
По мошенничеству	– / –	1 / –	– / –	17 / 10	18 / 10
По половым преступлениям	1 / 1	2 / 1	– / –	64 / 60	67 / 62
По абортам	– / –	2 / 2	– /	24 / 25	26 / 27
По хулиганству	– / –	– / –	– / –	1 / 3	1 / 3
По детской преступности	– / –	5 / 12	– / –	19 / 27	24 / 39
По притонам	– / –	– / –	– / –	9 / –	9 / –
По прочим преступлениям	6 / 9	1 / –	– / –	18 / 69	25 / 78
По дезертирам	– /	– / –	– / –	14 / –	14 / –
По розыску	– /	– / –	– / –	13 / –	13 / –
Итого	44 / 42	71 / 79	3 / 6	995 / 859	1113 / 986
По линии отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности					
По объектам Министерства торговли	7 / 4	14 / 16	3 / 2	160 / 116	184 / 138
По объектам потребительской кооперации	1 / 1	3 / 2	1 / 2	5 / 6	10 / 11
По объектам Министерства пищевой промышленности	4 / 4	5 / 3	1 / 1	213 / 158	223 / 166

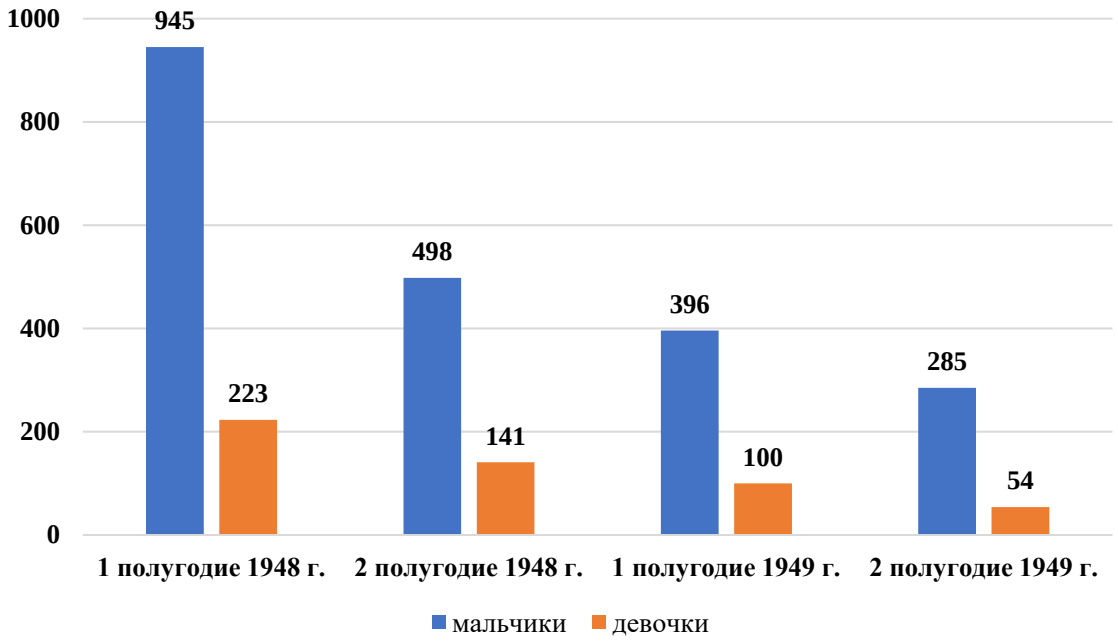
[1] В числителе указаны данные по состоянию на 1 июля 1948 г., в знаменателе – по состоянию на 1 июля 1949 г.

Объекты работы	Резиденты	Агенты	Агенты-маршрутники	Осведомители	Всего
По объектам Министерства мясомолочной промышленности	– / –	– / –	1 / –	6 / 10	7 / 10
По объектам Министерства рыболовной промышленности	– / –	– / –	– / –	9 / 13	9 / 13
По объектам Министерства вкусовой промышленности	– / –	2 / 2	– / –	2 / 3	4 / 5
По объектам Министерства заготовок	6 / 7	2 / –	– / –	9 / 18	17 / 25
По объектам Министерства сельского хозяйства (без колхозов)	– / 1	– / –	1 / 1	8 / 13	9 / 15
По колхозам	15 / 20	3 / 2	– / 1	275 / 272	293 / 295
По совхозам	3 / 9	1 / 2	– / –	22 / 27	26 / 38
По объектам Министерства текстильной промышленности	– / –	– / –	– / –	3 / 1	3 / 1
По объектам Министерства легкой промышленности	– / –	– / –	– / –	3 / –	3 / –
По объектам промышленной кооперации и кооперациям инвалидов	– / –	– / 4	1 / 1	8 / 21	9 / 26
По объектам Министерства связи	– / 2	– / –	1 / –	9 / 4	10 / 6
По объектам Министерства финансов	1 / 2	– / –	3 / 3	25 / 22	29 / 27
По объектам Министерства социального обеспечения	– / –	– / –	– / –	– / 2	– / 2
По объектам других министерств и ведомств	14 / –	5 / –	2 / –	170 / –	191 / –
По объектам Главного управления шоссейных дорог МВД СССР	– / –	– / –	– / –	4 / 2	4 / 2
По объектам Министерства местной промышленности	– / –	– / 3	– / –	– / 42	– / 45
По прочим объектам	17 / 22	8 / 10	6 / 6	66 / 167	97 / 205
По спекуляции	6 / 4	15 / 13	– / –	229 / 159	250 / 176
По валютчикам	– / –	– / –	– / –	– / 3	– / 3
По фальшивомонетчикам	– / –	– / –	– / –	– / 7	– / 7
По самогоноварению	– /	– / 1	– / –	– / 60	– / 61
Итого	74 / 76	58 / 58	20 / 17	1226 / 1126	1378 / 1277
По линии оперативного отдела					
По полиграфическим предприятиям	– / –	– / –	– / 2	4 / 7	4 / 9
По ядам	– / –	– / –	– / –	1 / 3	1 / 3
По оружию	3 / 3	– / –	2 / 5	54 / 54	59 / 62
По прочим объектам	– / 1	– / 1	– / –	8 / 21	8 / 23
Итого	3 / 4	– / 1	2 / 7	67 / 85	72 / 97
Всего	**77 / 122**	**129 / 138**	**25 / 30**	**2288 / 2070**	**2563/ 2360**

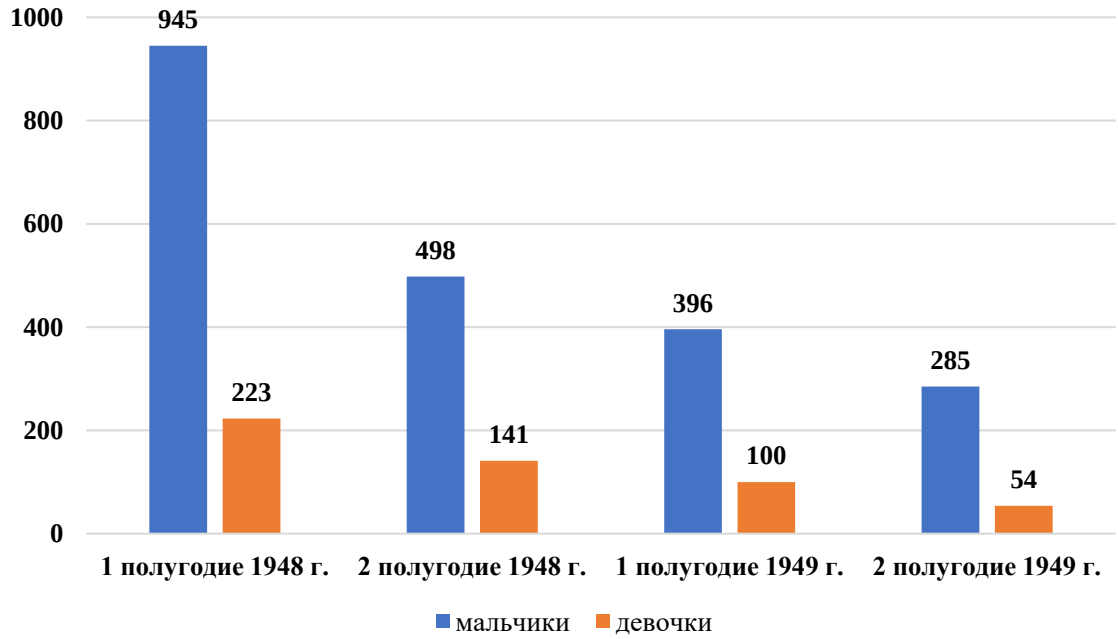
Приложение 8

Характеристика контингента детских приемников-распределителей Калининградской области в 1948–1949 гг.[1]

а) Количество детей, поступивших в детские приемники-распределители

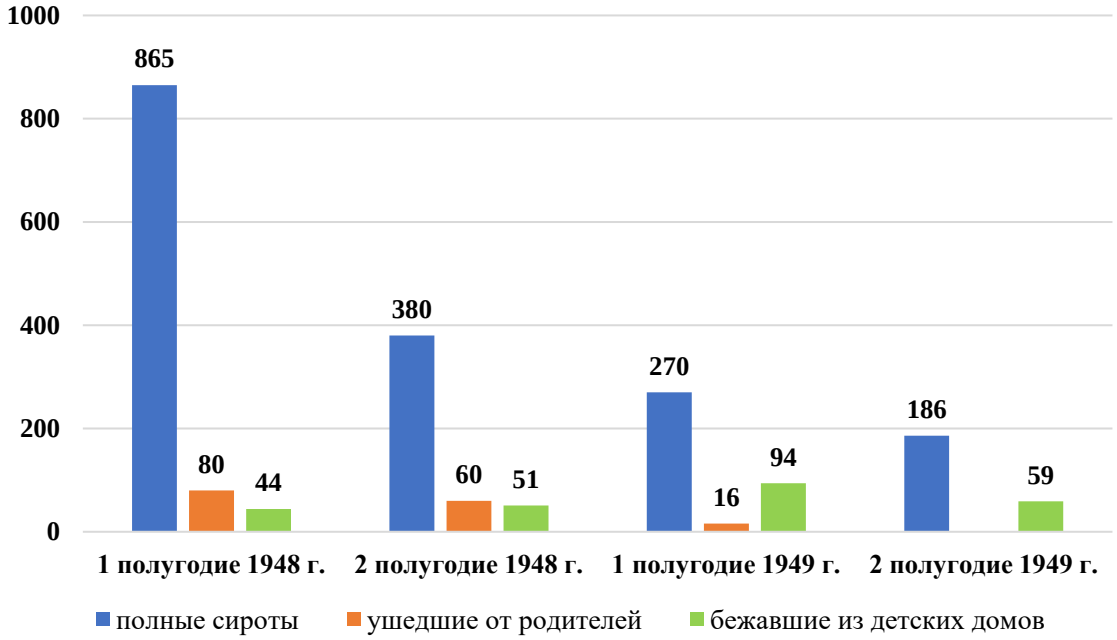

б) Возраст детей, поступивших в детские приемники-распределители

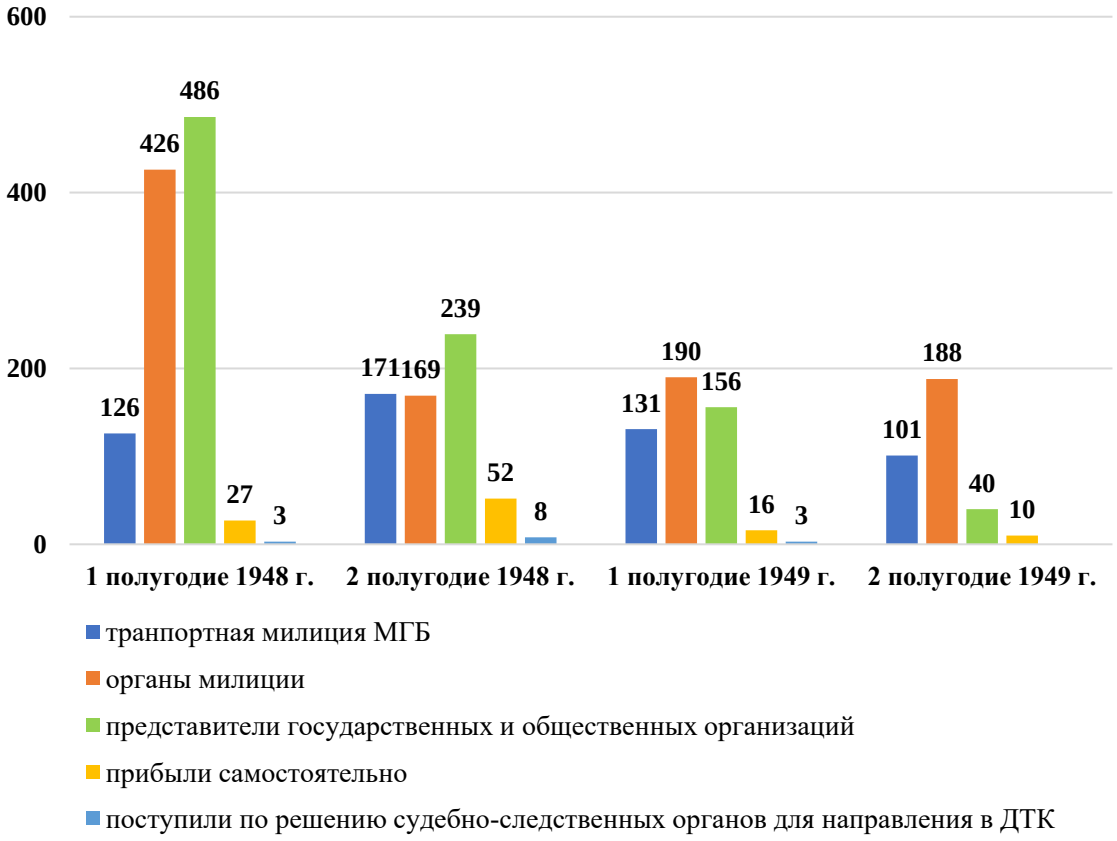

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 215–216; Д. 4. Л. 140–141; Д. 5. Л. 40–41; Оп. 2. Д. 4. Л. 87–88, 298–299; Д. 5. Л. 7–8; Д. 6. Л. 70–71.

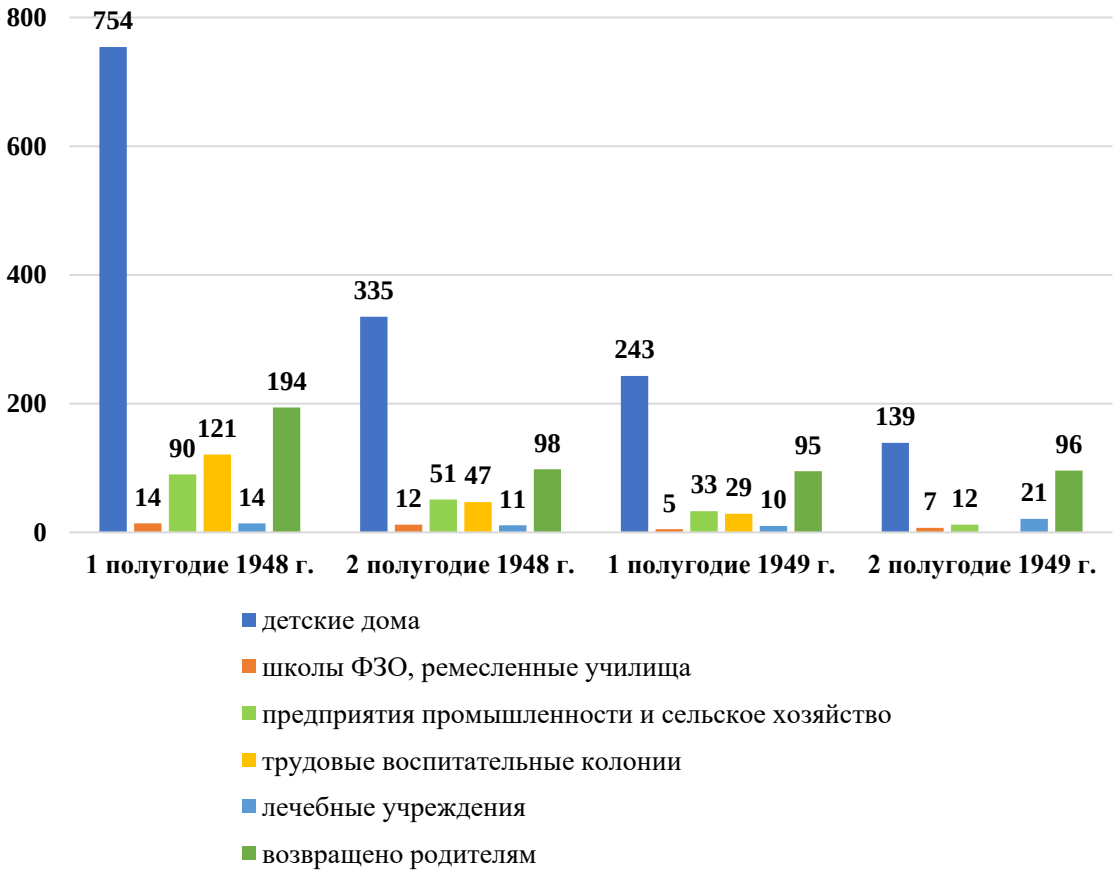
в) Характеристика детей, поступивших в детские приемники-распределители

г) Органы, доставившие детей в детские приемники распределители

д) Места, в которые направлены дети из детских приемников-распределителей

Приложение 9

Характеристика контингента в учреждениях, подчиненных отделу исправительно-трудовых колоний Управления МВД по Калининградской области, по состоянию на 1 января 1950 г.[1]

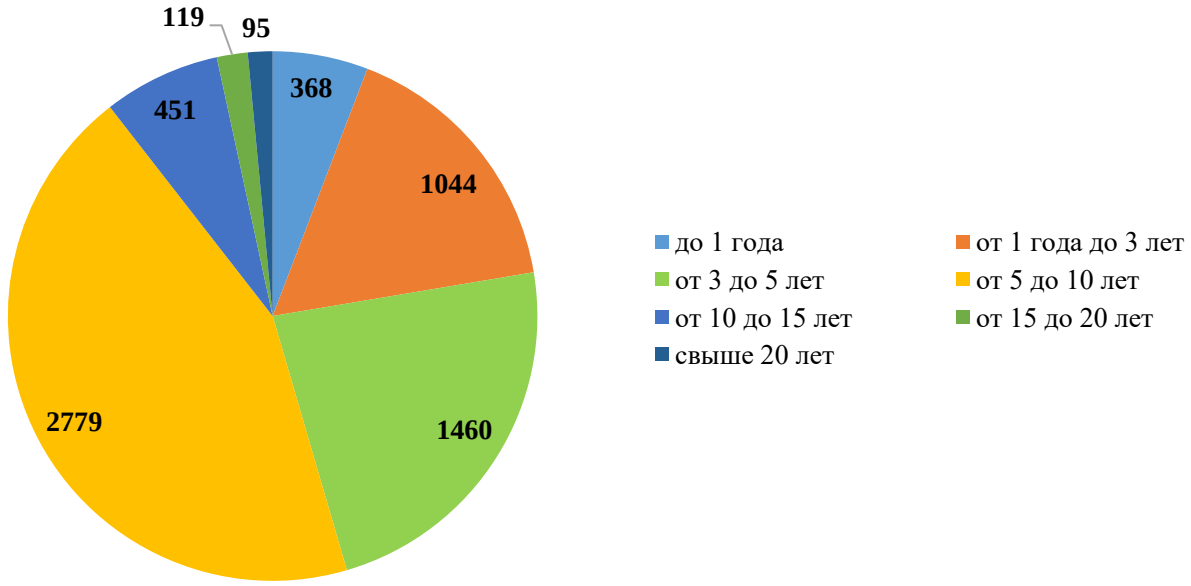
а) Распределение контингента по видам совершенных преступлений

№ п/п	Вид преступления	Количество заключенных
1.	Измена Родине (ст. 58-1 «а» и «б» УК РСФСР)	78
2.	Шпионаж (ст. 58-1 «а» и «б», 58-6, 193-24 УК РСФСР)	2
3.	Террор (ст. 58-8 УК РСФСР)	3
4.	Контрреволюционный саботаж (побеги из мест заключения) (ст. 58-14 УК РСФСР)	17
5.	Антисоветская агитация (ст. 58-10, 59-7 УК РСФСР)	75
6.	Члены семей изменников Родине (ст. 58-1 «в», 58-12 УК РСФСР)	2
7.	Расхищение социалистической собственности (закон от 7 августа 1932 г.)	81
8.	Осужденные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»	940
9.	Осужденные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»	2216
10.	Спекуляция (ст. 107 УК РСФСР)	193
11.	Бандитизм и вооруженное ограбление (ст. 59-3, 167 УК РСФСР)	61
12.	Умышленные убийства (ст. 136, 137, 138 УК РСФСР)	56
13.	Нелегальный переход границы (ст. 59-10, 84 УК РСФСР)	21
14.	Скотокрадство (ст. 166 УК РСФСР)	48
15.	Воры-рецидивисты (ст. 162 «в» УК РСФСР)	15
16.	Имущественные преступления (ст. 162–178 УК РСФСР)	236
17.	Хулиганство (ст. 74 УК РСФСР и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г.)	477
18.	Нарушение закона о паспортизации (ст. 192 «а» УК РСФСР)	77
19.	Побег из мест ссылки и высылки (ст. 82 УК РСФСР)	13
20.	Укрывательство выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения или пособничество (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.)	2
21.	Дезертирство (ст. 193-7 УК РСФСР)	113
22.	Членовредительство (ст. 193-12 УК РСФСР)	17
23.	Мародерство (ст. 193-27 УК РСФСР)	12
24.	Остальные воинские преступления (ст. 193 УК РСФСР)	265
25.	Незаконное хранение оружия (ст. 182 УК РСФСР)	91
26.	Должностные и хозяйственные преступления (ст. 59-3 «в», 109–121, 128–135, 193-17 УК РСФСР)	606
27.	По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.	119

[1] Составлено автором по: ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 6–7.

№ п/п	Вид преступления	Количество заключенных
28.	По Указам Президиума Верховного Совета СССР (кроме перечисленных выше)	118
29.	Прочие преступления	362
	ИТОГО	**6316**

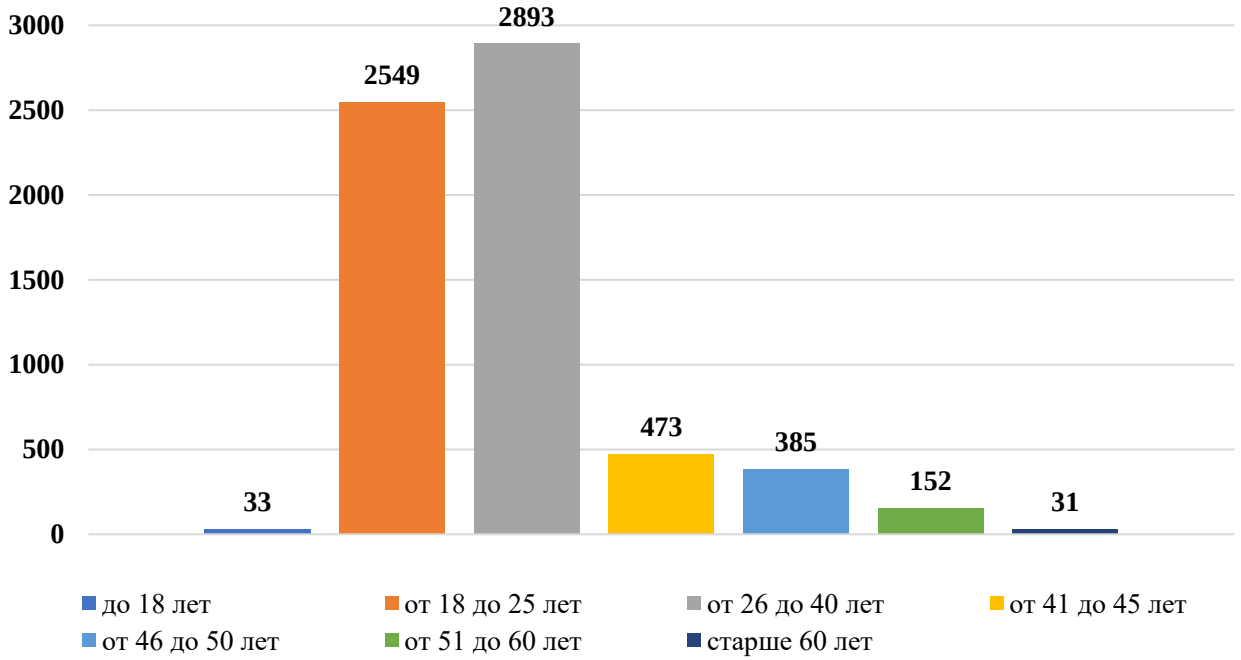
б) Распределение контингента по срокам заключения

в) Распределение контингента по полу

г) Распределение контингента по возрасту

д) Распределение контингента по национальностям

Национальность	Количество заключенных
НАЦИОНАЛЬНОСТИ СССР	
Русские	4481
Украинцы	655
Белорусы	398
Азербайджанцы	2
Грузины	13
Армяне	9
Туркмены	5
Узбеки	21
Казахи	6
Киргизы	1
Финны и карелы	5
Молдаване	12
Литовцы	74
Латыши	35
Эстонцы	8
Татары	46
Башкиры	2
Евреи	57
Прочие	62
НАЦИОНАЛЬНОСТИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ	
Немцы	401
Поляки	18
Греки	2
Прочие	3